

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (51) 2023

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (51) 2023

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (51) 2023

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 4 (51) 2023

Anton Buzanov, Ilya Egorov, Vasily Molchanov. Diphthongs and Kildin Saami vowel system.....	7
Sergei V. Kovylin. “Materials for studying the language of the Vasyugan aborigines (Ostyaks) of the Narym Krai” (1889) by St. Macarius (Nevsky): peculiarities of the monument, verbal morphology, preverbs	27
Marina V. Kutsaeva. From the old diaspora to the new one: on Bashkir Maris’ language and culture maintenance (results of a sociolinguistic survey in the Moscow region Mari diaspora)	54
Ivan A. Stenin. Antipassive markers in Tundra Nenets.....	80
Denis M. Tokmashev, Valeria M. Lemskaya, Alfiya A. Khakimova, Natalya V. Subbotina. Articulatory parameters of dorsal stop /k/ in the Turkic languages of Southern Siberia according to ultrasound data (based on Teleut and Siberian Tatar dialectal material)	106
Anna Yu. Urmanchieva. Classes of verbal stems (derived and non-derived) in Samoyed languages.....	120

DISCUSSION

Valei K. Kelmakov. Discussion note to the article by Maria P. Bezenova “Primer book for Votyak children of the Sarapul district’: morphological features” (Ural-Altai Studies. 2023, 1 (48). P. 7—21)	146
Style sheet	156

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (51) 2023

А. О. Бузанов, И. М. Егоров, В. В. Молчанов. Дифтонги и система гласных в кильдинском саамском.....	7
С. В. Ковылин. «Материалы для изучения языка васюганских инородцев (остяков) Нарымского края» за 1889 г. св. Макария (Невского): особенности памятника, глагольная морфология, превербы.....	27
М. В. Куцаева. Из старой диаспоры в новую: к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев (на материале социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона).....	54
И. А. Стенин. Антипассивные показатели в тундровом ненецком языке	80
Д. М. Токмашев, В. М. Лемская, А. А. Хакимова, Н. В. Субботина. Артикуляционные параметры дорсального смычного /к/ в тюркских языках Южной Сибири по данным ультразвукового исследования (на материале телеутского языка и диалектов татар Сибири)	106
А. Ю. Урманчиева. Ауслатуы глагольных основ (производных и непроизводных) в самодийских языках.....	120

ДИСКУССИЯ

В. К. Кельмаков. Дискуссионная заметка к статье М. П. Безеновой «“Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда”: морфологические особенности» (Урало-алтайские исследования. 2023, 1 (48). С. 7—21)	146
Требования к оформлению статей.....	156

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

Н. А. Кошелюк

(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Гамбургский университет)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Natalia Koshelyuk

(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (University of Hamburg), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Diphthongs and Kildin Saami vowel system

Anton Buzanov, Institute of Linguistics RAS, National Research University
“Higher School of Economics” (Moscow); anton.buzanov.00@gmail.com

Ilya Egorov, School for Advanced Studies in the Humanities RANEPА (Moscow); i.m.jegorow@gmail.com

Vasily Molchanov, National Research University

“Higher School of Economics” (Moscow); vasilymolchanoff@gmail.com

The aim of this paper is to present a revision of the phonological system of Kildin Saami. This revision is based on the results of a computational analysis of the Kildin vowel inventory. Specifically, a number of segments that have been variously described by different scholars as either diphthongs or monophthongs have been examined using two automatic methods: trajectory length and changepoint detection. These methods were tested on the material of Estonian and Lithuanian before the examination of the Kildin data. The data analyzed in this research was collected during fieldwork in the city of Murmansk, the rural locality of Lujaavv’r (Lovozero), and the urban locality of Verkhnetulomsky in the Murmansk Oblast of Russia in 2021 and 2022. Computational analysis revealed that the segments analyzed by some scholars as diphthongs /ie/ and /ea/ are monophthongs /e:/ and /a:/ occurring after palatal and palatalized consonants. The low back vowels analyzed sometimes as diphthongs /oa/ and /oa:/ are monophthongs /ɔ/ and /ɔ:/. The first component of /ua/ is acoustically closer to /o(:)/ than to /u(:)/. The phonetic quality of /ue/ remains to be defined. It is proposed to analyze this phoneme as having three allophones in free variation, diphthong [ʊə] (or even [ɔə]) and monophthongs [ø:] and [ə:]. /i/ and /i:/ were shown to be in contrastive distribution only word-initially if Russian loanwords are taken into consideration, so /i/ should be considered a marginal phoneme. /i/-final diphthongs and triphthongs are proposed not to be postulated and analyzed instead as combinations of vowels with /j/ or /j:/. The vowel inventory thus comprises two diphthongs and thirteen monophthongs.

Keywords: phonology, instrumental phonetics, vowels, diphthongs, Kildin Saami

ДИФТОНГИ И СИСТЕМА ГЛАСНЫХ В КИЛЬДИНСКОМ СААМСКОМ

Бузанов Антон Олегович, Институт языкознания РАН, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва); anton.buzanov.00@gmail.com

Егоров Илья Михайлович, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва); i.m.jegorow@gmail.com

Молчанов Василий Владимирович, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва); vasilymolchanoff@gmail.com

Цель настоящей статьи — предложить пересмотр фонологической системы кильдинского саамского языка на основе результатов компьютерного анализа гласных. Инструментальному анализу подверглись сегменты, которые разными исследователями описывались то как дифтонги, то как монофтонги. Акустические данные обрабатывались с применением двух компьютерных методов: trajectory length и changepoint detection. Перед применением этих методов к материалу кильдинского саамского они были протестированы на литовских и эстонских данных. Материалы были собраны в экспедициях в городе Мурманске, селе Ловозере и поселке Верхнетулумском в Мурманской области в 2021 и 2022 гг. Проведенный анализ показал, что сегменты, иногда рассматриваемые ранее как дифтонги /ie/ и /ea/, являются на самом деле монофтонгами /e:/ и /a:/ перед палатализованными согласными. Гласные среднего ряда нижнего подъема, которые в некоторых описаниях считались дифтонгами /oa/ и /oa:/, в действительности являются монофтонгами /ɔ/ и /ɔ:/. Первый компонент дифтонга /ua/ акустически ближе к /o(:)/, чем к /u(:)/. Фонетический коррелят /ue/ не был однозначно установлен. Эта фонема имеет три свободно варьирующихся аллофона: дифтонг [ʊə] (или даже [ɔə]) и монофтонги [ø:] и [ə:]. Анализ распределения /i/ и /i:/ показывает дополнительную дистрибуцию только при учете русских заимствований. Фонему /i/ следует считать маргинальной. /i/-конечные дифтонги и трифтонги предлагается не постулировать и рассматривать как сочетание гласного с /j/ или /j:/. Таким образом, вокалический инвентарь кильдинского саамского включает два дифтонга и 13 монофтонгов.

Ключевые слова: фонология, инструментальная фонетика, гласные, дифтонги, кильдинский саамский

1. Introduction

Kildin Saami is described as a language with a large number of phonemes. It occupies the fourth top position by the number of items in inventory in the current version of the PHOIBLE database [Moran, McCloy 2019]. Despite such a big phoneme inventory, this language currently remains beyond the attention of phoneticians, phonologists, and typologists. Previously the Kildin Saami phonology was an object of consideration in [Kert, Matusevich 1962; Itkonen 1971; Bjarnson 1976; Kostina 2006]. Among these works, only Donald Bjarnson's [1976] master thesis is consistently based on the modern understanding of phonology. A single recent paper specifically dedicated to phonological issues is [Kuzmenkov, Rießler 2012]. It deals with one peculiar feature of the Kildin Saami consonants. The results of this paper lead to the reduction of the inventory, namely, a transformation of a trinary opposition between “soft” vs “semi-soft” vs “hard” dental stops to a binary opposition between palatalized vs non-palatalized ones. Further revision of the Kildin Saami phonological inventory is undertaken in [Rießler 2022].

The present study deals with several issues in the Kildin Saami vocalism related to the interpretation of diphthongs. The Saami languages are known for a big number of diphthongs. Since the Great Saami Vowel Shift [Aikio 2012: 70], when a range of Pre-Proto-Saami vowels yielded diphthongs, most Saami languages demonstrate phonemes of this type in vowel inventories. The Proto-Saami system included four diphthongs (*ie, *ea, *uo, *oa) and five monophthongs (*i, *e, *ā, *u, *o). Most of the modern Saami languages have rebuilt that system by enlarging (South Saami, North Saami, Inari Saami, Skolt Saami, Akkala Saami) or reducing (Pite Saami) the number of diphthongs. The number of diphthongs varies from one in Pite Saami [Wilbur 2014] to thirty in the Veahčat subdialect of Eastern Inland North Saami [Aikio, Ylikoski 2022: 149]. One of the ways of increasing the number of diphthongs was the introduction of quantitative opposition for example in Inari and North Saami. Many qualitative changes occurred in different Saami languages as well, but they maintain a peculiar feature of the Proto-Saami system: almost all diphthongs attested in the Saami languages are opening. Diphthongs are often a subject of variation for example in South Saami [Ylikoski 2022: 116; Kowalik 2023: 78] or between the North Saami dialects. The number of diphthongs also strongly depends on phonological solutions as shown in [Koponen et al. 2022] for Skolt Saami, cf. also [Korhonen et al. 1973: 13–16; Feist 2010: 74–80].

In the present paper, we will explore several issues in the Kildin Saami vocalism considering diphthongs. In the next section, an overview of previous descriptions will be provided and the number of questions will be formulated. Some of these problems, namely, the quantity opposition in diphthongs (Section 2.1), the existence of *i*-final diphthongs (Section 2.2), and the opposition between /i/ and /i̯/ (Section 2.3), will be solved immediately in the process of discussion. The question about the opposition of /i/ and /i̯/ does not regard diphthongs, however, we will address it to make the revision of the vowel system complete. The above-named problems only require reinterpretation from the standpoint of classical phonology. Some other questions will be only briefly formulated in Sections 2.4–2.7. These questions are as follows: the monophthongal or diphthongal nature of palatalizing /ja:/ and /je:/ a.k.a. front opening diphthongs (Section 2.4) and the low back vowels /ɒ/ and /ɒ:/ a.k.a. diphthongs /oa/ and /oa:/ (Section 2.5), the monophthongization of /ue/ (Section 2.6), the exact phonetic quality of /ua/ (Section 2.7). They all require detailed investigation using the methods of instrumental phonetics and the application of special statistical algorithms for data processing that we discuss in Section 3. The main part of the paper (Sections 4–7) provides the results of the investigation into these three issues. In the final section, we summarize the results of the revision of the Kildin Saami vowel system undertaken here.

2. Previous research and problem statement

Previous studies posited from three to eight diphthongs, some also included triphthongs. The vowel inventories proposed in the earlier descriptions are summarized in Table 1. Below we will discuss the most obvious minor problems that can be solved without a special phonetic study and require only consistent application of the principles of phonology. The main part of the present paper will be dedicated to more complicated issues requiring a more detailed acoustic investigation.

The most non-trivial correspondences between these seven transcription systems will become clear in the next subsections (2.1–2.7). Table 2 provides correspondences between transcription/orthography of major Kildin Saami dictionaries.

Table 1. The Kildin Saami vowel inventory according to the major phonological description of this language and grammar sketches

[Itkonen 1971: 87]					
i ī	ɨ	u ū	ie ie	ue ue	
	e ē	o ō			
	ɑ	ɑ̃ [ã]	ěǎ eǎ	õǎ oa	
		ɑ̄ ā			
		ɑ̄̃ ā̃			
[Kert 1971: 64—70]					
i ī	ɨ̄	u ū	ue ua	ɨ̄i	uei
ɛ		o		ei oi	
	ɑ̄ ā	ɑ̄̃ ā̃		ai ǎi	
[Bjarnson 1976: 14]					
i ī	ɨ	u ū	ie		ue
e ē		o ō	eǎ		ua
	ɑ̄ ā	ɑ̄̃ ā̃			
[Kuruch et al. 1985: 531]					
и й	ы б̄	у ȳ		yə	
э ɛ̄		o ȳ		ya	
	ɑ̄ ā			oa	
[Kostina 2006: 47]					
i i:	i i:	u u:	ue ua	ii	uei
e e:		o o:		ei oi	
	ɑ̄ a:			ai ǎi	
[Wilbur 2007: 15]					
i i:	i i:	u u:		ue ue:	
e e:		o o:		ua ua:	
	ɑ̄ a:	ɑ̄ a:		oa oa:	
[Riebler 2022: 221]					
i i:	i	u u:	ie		ue
ɛ ɛ:		o o:	ea		ua
ɑ̄ a:		ɒ ɒ:			

Table 2. Major correspondences between the signs for vowels in the first syllables in the main dictionaries

[Genetz 1891]	[Itkonen 1958]	[Kuruch et al. 1985; Kert 1986; Sammallahti, Khvorostukhina 1991; Antonova 2014]
a	ɑ̄	a
ā	ɑ̄ ā ɑ̄̃ ɑ̄̄	ā
ea	eǎ eǎ̃	ǎ
ø	ɛ̄	ɛ̄
o	ɛ̄ ɛ̄̃ ɛ̄̄	ɛ̄
ie	ie ɨie	ē
ī	ɨ̄ j̄ ī ī̃	ɨ̄
ı	ɨ̄ ɨ̄̃	ы
o	o ȳ	o
ō	ō ȳ̄	ō
u	u	y
ū	ū ȳ̄	ȳ̄
o	o ȳ̄ ȳ̄̃	oa
ɑ̄	ɑ̄ ā ɑ̄̃	oā ¹
uø	uə ɨə ɨ̄ə ɨ̄̃ə	yə
oa	ɨ̄ɑ̄ ɨ̄̃ɑ̄ ɨ̄̄ɑ̄	ya

¹ Kuruch et al. [1985] use this symbol only in the case of homographs to distinguish the lexemes with the short and long counterparts.

2.1. Quantitative opposition

Erkki Itkonen [1971: 87] postulates 14 monophthongs and 8 diphthongs combined in pairs with opposition in quantity. The quantitative opposition for diphthongs does not seem to be phonological. Although Itkonen [ibid.: 96] cites some minimal pairs, they could be easily reinterpreted in terms of consonant gradation:

- (1) *kǎllaj* ‘clock.GEN.PL’ vs *viellaj* ‘fix.PASS.PST.3SG’
 (2) *tǎŋga* ‘money.DIM.NOM.PL’ vs *teŋga* ‘money.DAT.SG’
 (3) *čǎŋrva* ‘horn.DIM.NOM.PL’ vs *čoarva* ‘horn.DAT.SG’

All the forms with short diphthongs represent a weak grade whereas forms with long diphthongs represent a strong grade (see [Bakró-Nagy 2022] on the phenomenon of consonant gradation in the Uralic languages). Exactly the same picture can be observed in Joshua Wilbur’s [2007: 45, 48] data:

- (4) *vüejv* ‘head.GEN.SG’ vs *vüejjv* ‘head.NOM.SG’

Wilbur’s transcription reflects the difference in the length of consonants as well. He provides measurements that reveal that in the weak grade, both the vowel and the immediately following consonant are shorter than in the strong grade: *ue* (weak) — 94 ms; *ue* (strong) — 147 ms; *j* (weak) — 99 ms; *j* (strong) — 192 ms; *v* (weak) — 102 ms; *v* (strong) — 92 ms [ibid.]. Earlier works marked both lengths of diphthongs and the following consonants using an extremely detailed narrow phonetic transcription, e.g. [Itkonen 1916; Itkonen, Europaeus 1931; Itkonen 1958]. Since the length of diphthongs is convinced by the grade and the grade in turn determined mostly by the length of consonants, it seems unnecessary to introduce quantitative opposition into the system of diphthongs on the phonological level.

2.2. *i*-final diphthongs

Georgiy Kert [1971: 69—70] postulated a range of *i*-final diphthongs and one *i*-final triphthong. Earlier this approach was applied by László Szabó [1967: 16]. It is a clear misinterpretation of the palatal glide which should be treated as a consonant being a subject of gradation. Kert himself noted it but still applied a somewhat inconsistent solution. He claims that these diphthongs occur only before a consonant in the first syllable of the non-inflecting part of speech. According to Kert, *j* changes to *i* and becomes a part of a diphthong in this position. Kert combines morphophonological and phonetic factors. The palatal approximant indeed can be realized as a non-syllabic vowel [j̥], which is hardly distinguishable from what is expected in the second part of an *i*-final diphthong. However, this segment is considered a consonant when it should be a subject of consonant gradation and as a part of another vocalic phoneme otherwise.

There are some further inconsistencies in Kert’s analysis. His approach should lead to postulating a triphthong *uai* alongside *uei*, however, he does not do so. Moreover, it remains unclear why he does not treat *v* (realized as [v̥] before consonants) in the same way.

Another strong argument against such treatment of *j* is that it can be a subject of morphological alternations in laryngeal features (voiced/voiceless). A causative suffix added to the verb *ujjte* ‘to go away’ cannot be seen in the surface representation *per se* but realized in the devoicing of *j*:

- (5) *ujjte* ‘to go away’ vs *ujj̥te* ‘to take away’ < *ujjt-t-e* ‘go_away-CAUS-INF’

In all the later works on Kildin Saami except [Kostina 2006], Kert’s *i*-final diphthongs were rejected without any discussion. However, Kert was followed by some other Russian researchers in their descriptions of East Saami languages, namely, Sergei Tereshkin [2002] and Pekka Zaikov [1987]. Zaikov postulates also the range of *u*-final diphthongs being more consequent than Kert. All the arguments against the *i*-final diphthongs in Kildin Saami remain true for Akkala and Ter Saami as well.

2.3. Note on high mid vowels

All previous descriptions of Kildin Saami phonology include at least one high mid phoneme /i/, some of them postulate a quantitative opposition as well. Kert was the first one who proposed the quantitative opposition for high mid vowels, and the inclusion of this phoneme into phoneme inventory in the later studies [Kuruch et al. 1985; Kostina 2006; Wilbur 2007] is based on the uncritical treatment of his description. The opposition introduced in Kert’s work is supported by a single ghost example:

- (6) *p̥j̥ss* ‘gun.NOM.SG’ vs *p̥j̥ss̥* ‘gun.NOM.PL’

Neither our field data nor the data from dictionaries [Itkonen 1958: 358; Kuruch et al. 1985: 278; Antonova 2014: 240] confirm this example. This word belongs to the groups of stems with the earlier geminate *ss in the consonant center. Such stems do not show consonant gradation and forms of NOM.SG and NOM.PL (together with GEN.SG and ACC.SG) are homonymic in the substantive paradigm (7).

(7) *piss* ‘gun.NOM.SG’ & *piss* ‘gun.NOM.PL’

Since there is no other evidence for the distinction between /i/ and /i:/, we believe that this opposition is not descriptively adequate. However, there is another even more serious problem with the tentative phonemes /i/ and /i/. Evidence in favor of this opposition is scanty. These segments are mostly in complementary distribution in the word-internal position. [i] occurs after the palatal consonants /j/, /ɲ/, and /č/ whereas [i̯] elsewhere. [i̯] is impossible after palatalized consonants as well as the short [i]. A contrast can be observed in the word-initial position due to *i* occurring in the Russian loans and *i̯* in inherited items. Such a distribution is observed in the dictionaries [Kuruch et al. 1985; Antonova 2014] We have failed to elicit a single inherited word or an old borrowing with the initial [i̯], so our field studies confirm the data from the dictionaries. Given these facts, we will keep /i/ in the vowel inventory but mark its marginal status. Possibly, there are (or were) idiolects that could give solid evidence in favor of opposition /i/ vs /i̯/ in word-onset, otherwise [i̯] should be regarded as an allophone of /i/.

2.4. Diphthongs *ie* and *ea*

One can speak about two descriptive traditions regarding the front opening diphthongs. One goes back to the first descriptions made by Halász [1881] and Genetz [1891], where these diphthongs were posited. Toivo Itkonen [1958] as well as Erki Itkonen [1971] and then Bjarnson [1976] and Rießler [2022] followed this approach. Another descriptive tradition starts with Kert [1971] followed by other Russian researchers [Kuruch et al. 1985; Kostina 2006], Szabó [1967; 1968], and Wilbur [2007], who treat these segments as long monophthongs /e:/ and /a:/ after palatalized consonants. It is difficult to say whether we are dealing here just with different research traditions or with dialectal, chronological, or idiolectal variants. The descriptions showing diphthongs *ie* and *ea* focus primarily on the western Kildin Saami varieties spoken in Killt sijt and Shongui. However, Bjarnson and Rießler worked with speakers from the central Kildin Saami varieties (Lujaavv’r and Koardõgk sijjt), whose speech could indeed demonstrate that diphthongs underwent monophthongization in less archaic dialects.

A significant coarticulation effect is expected for the vowels after palatalized consonants. It can be perceptually similar to diphthongs, especially for speakers of languages with phonological diphthongs and without phonological palatalization. We will apply several statistical methods to our acoustic data on these segments to make a firm conclusion about their diphthongal or monophthongal nature.

2.5. Low back vowels and diphthongs

As can be seen from Tables 1 and 2, the existing sources differ in their interpretation of the low back vowels. The only researcher who does not mention these phonemes in the vowel inventory is Kostina [2006]. She makes an explicit claim that *â* is an allophone of *a* (positions are not specified), but then she uses it in slash marks as if it were a separate phoneme.

Other researchers mostly treat the segments in question as monophthongs and posit the opposition in quantity /ɒ/ vs /ɒ:/. In Cyrillic orthography, the digraph <oa> is used to denote the low back vowel. Since there is no suitable sign in the Cyrillic alphabet, the decision to use a digraph seems good. However, the question arises whether it is only a graphical convention or such spelling indeed reflects a diphthongal nature. We will explore this issue in Section 5 using the same tool as for the exploration into the front diphthongs a.k.a. palatalizing /ja:/ and /je:/.

Kuruch [1985: 531] does not include <oā> in the table showing the vowel inventory in her grammar sketch. However, she sporadically uses the sign <oā> to distinguish lexemes homographic otherwise:

(8) *лоагк* ‘count’ vs *лоāгк* ‘ceiling’

So, the quantity opposition is not reflected in the Kuruch’s orthography in most cases. On the other hand, the orthography used in Antonova’s dictionary [2014] consistently distinguishes the quantity of the back low phonemes with signs <oa> vs <oā>.

Older sources demonstrate the picture deviating from the newer ones. T. Itkonen [1958] and Genetz’s [1891] dictionaries reflect a special low back phoneme in place of Antonova’s <oā>. Similarly, E. Itkonen [1971] notes

a low back vowel here. In place of Antonova's short vowel, T. Itkonen and Genetz have the medium back vowel /o/. However, E. Itkonen [1971: 87] posits a medium-low vowel /â/ here, distinct from both medium-high /o/ and low /a/. Both /â/ and /a/ have long counterparts, according to E. Itkonen, however, he doubts the phonological nature of /a:/. It's difficult to say whether we are dealing here with dialectal variation, or just with different transcriptions. Similarly, Wilbur [2007: 15] posits four segments in place of two segments in other descriptions. He has diphthongs /oâ/ and /oâ:/ alongside monophthongs /a/ and /a:/. However, they do not correspond regularly to either long or short segments of the other sources.

2.6. *ua* or *oa*

In the sources based on earlier recordings [Genetz 1891; Itkonen, Europaeus 1931; Itkonen 1958; Itkonen 1971], the diphthong *oa* is posited in place of *ua* of later sources [Szabó 1967; 1968; Kert 1971; Kuruch et al. 1985; Antonova 2014; Rießler 2022]. It remains not entirely clear whether we are dealing here with dialectal differences, diachronic change, or just with the different notation. The components of diphthongs often deviate from the vowels they are labeled in a phonological transcription. We attempt to shed some light on the exact quality of the first component of this diphthong using acoustic analysis.

2.7. Monophthongization of *ue*

The last problem requiring an acoustic analysis is the monophthongization of the diphthong *ue* > *e(:)*. Surprisingly, the previous phonological descriptions do not mention that the diphthong *ue* undergoes monophthongization in some positions. In the transcriptions of previously published texts, this phenomenon is observed only in the comitative plural marker *-guejm*, inchoative marker *-škuedd-* and in some postpositions. It can be explained by the fact that diphthongs are normally limited to the first syllables. All the items where the monophthongization was previously observed represent the results of recent grammaticalization (see [Kuokkala 2019] on the inchoative markers).

Our observations on the recently collected field material show that the monophthongization takes place in the first syllables as well. In the scope of the present paper, we aim to set the positions of monophthongization. Our hypothesis is that the monophthongization is triggered by a velar or a labial consonant immediately preceding the diphthong. It is important to note that we consider here only the monophthong involving delabialization of the first component of the diphthong. The shift *ue* > *uu* occurring in some forms of the inchoative marker *-škuedd-* is an outcome of a regular morphophonological alternation.

3. Data and methods

The data for the present paper were collected during several field trips to Lujaavv'r (or Lovozero; Lovozer-sky District, Murmansk Oblast, Russian Federation) and to Murmansk 2020—2023. Lujaavv'r currently remains the single settlement where a community of Kildin Saami speakers is still preserved; these speakers represent four dialects which are mixed to some extent. The diphthongs are a matter of dialectal differentiation. The relevant dialectal features will be discussed below. It seems impossible to eliminate dialectal variation from the data since it would cause a significant reduction of material.

3.1. Questionnaires and data collection

The use of diachronically oriented questionnaires seems to be a proper way to bring in order somewhat chaotic data of the dictionary sources often suffering from inaccurate transcription. The use of such questionnaires implies that we explore the phonetic quality of the reflexes of the particular Proto-Saami phonemes. It allows us to avoid the selection of one dictionary source (and, hence, a dialect) as the most reliable or representative one. The diachronic approach also seems more justifiable than analyzing deviations from a standard variant when exploring dialectal variation. The existence of a consensus reconstruction ([Korhonen 1981], see for some later minor revision [Sammallahti 1998; Aikio 2012; Koponen 2022; Zhivlov 2023]) together with the standard etymological dictionary [Lehtiranta 1989] and Älgu etymological database fully allows the use of this approach to the Kildin Saami material.

When composing the questionnaires, we also take into account the phonological context. That is especially crucial for the exploration into monophthongization of *ue* since we believe it depends on the specific context. The list of stimuli can be found in Appendix A.

The phonetic material was recorded in conditions as close to the studio as it was possible during the field-work. Both Russian stimuli and stimuli written in standard Kildin Saami were used to elicit the data. Speakers were asked to respite each word three times with pauses without any context. Our recordings reflect careful but not overarticulated speech.

3.2. Annotation of acoustic data

The collected data were annotated and analyzed using Praat software [Boersma, Weenink 2021]. The annotation and analysis were performed as follows:

- 1) First, the data were imported into the program;
- 2) Second, a three-layer text grid was created using the ‘Annotate’ function, the layers being: 1) sound symbol; 2) word in the official orthography of the language (with romanization when needed); 3) English translation (with glosses when needed);
- 3) Third, the pronunciation of each relevant word, as well as every vowel sound that was of interest, was appropriately demarcated;
- 4) Fourth, the formant values were exported using the FastTrack Praat plugin [Barreda 2021].

For /ue/, we made an additional layer in the text grid. Upon listening to the realizations, we noticed perceptual differences, so we decided to mark how we perceived this phoneme in each sample. We classified the perception of /ue/ into different categories, such as /ue/, /e/, /o/, or using other labels when appropriate.

3.3. Statistical processing of the acoustic data

For our task of detecting diphthongs in Kildin Saami, we propose using a metric that has been tested in previous research, namely formant trajectory length [Jacewicz et al. 2011; Asu et al. 2012] and a new algorithm which, to our knowledge, has never been applied to a problem like ours: changepoint detection.

Trajectory length is the distance between the starting point of a sound and its ending point, assuming that F1 and F2 are axes. [Asu et al. 2012] proposed a formula that to some extent moderates the effect of coarticulation. They suggested cutting off the first and last fifths of the sound to eliminate the distortion that can appear at the edges of the sound due to the influence of neighboring segments. We made use of this formula (9) as well.

$$(9) \sqrt{(F1_{0.2} - F1_{0.8})^2 + (F2_{0.2} - F2_{0.8})^2}$$

While trajectory length has been shown to be useful for identifying differences between groups of sounds, it cannot be used as a classifier directly. The numbers obtained through this method cannot tell whether a particular sound is a diphthong or a monophthong because a threshold must be set by a researcher, i.e. there is an additional task of deciding which trajectory length is large enough for one’s purposes.

We propose that a reliable threshold for trajectory length can be obtained by using balanced data. In balanced data, each tentative diphthong should be matched with a corresponding monophthong, and the overall number of diphthongs and monophthongs should be similar (though not necessarily exactly equal). Using this kind of a dataset, one can compute the trajectory length for all segments and then calculate the mean values. The threshold value for classification can be set as the mean of these means. If the number of diphthongs is equal to the number of monophthongs, it is possible to use the median value.

Another method used for the automatic recognition of diphthongs is changepoint detection. Changepoint detection is the process of identifying points in a time series where the underlying statistical properties of the data change abruptly. Unlike with trajectory length, a researcher does not need to come up with a threshold when working with changepoint detection.

In this study, we used the `ruptures` package for Python [Truong et al. 2020] to detect changepoints in our data. We chose to use the Pelt algorithm, a popular method for offline changepoint detection. To analyze diphthongs, we used the RBF (radial basis function) model that clusters data by searching for representative centroids. The RBF model is well-suited for identifying the two distinct targets of a diphthong. If two or more centroids were found, we considered the sound to resemble a diphthong.

To determine the accuracy of these metrics, we decided to test them in languages that undoubtedly have monophthong versus diphthong opposition. We chose Standard Estonian (we recorded samples from one male and one female speaker) and Standard Lithuanian (two female speakers). Here are the results in summary.

The performance of trajectory length was impressive. The balanced accuracy of this metric in identifying sounds as monophthongs or diphthongs for Estonian (male) was 0.91; 0.89 for Estonian (female); 0.87 for Lithuanian. The changepoint classifier demonstrated a successful ability to identify most real diphthongs as

diphthongs, as well as most real monophthongs as monophthongs too, and its balanced accuracy is as follows: 0.76 for Estonian (male); 0.81 for Estonian (female); 0.68 for Lithuanian. We thus conclude that these metrics are suitable for applying to our problem.

4. Palatalization or opening diphthongs

4.1. Origin of /ie/ and /ea/ a.k.a. /ɛ:/ and /ɛ̃:/

The phonemes in question originate from the Proto-Saami diphthongs **ie* and **eä* in the first syllable before **ō* and **ā* of the second syllable, from **ie* before **u*, and from **eä* before **ē*, **ę*, and **i*.

- (10) PSaa. **pierkō* > KSaa. *pʲe:r:k ~ pier:k* ‘food’²
 (11) PSaa. **pierkō-sen* > KSaa. *pier:ku > pʲe:r:ke ~ pier:ke* ‘food.DAT.SG’
 (12) PSaa. **kiemnē-sen* > **kiem:nu* > KSaa. *kʲe:m:na ~ kiem:na* ‘pot.DAT.SG’
 (13) PSaa. **seäjpē* > KSaa. *sʲe:j:p ~ siej:p* ‘tail’
 (14) PSaa. **meäre* > KSaa. *mʲe:r: ~ mier:* ‘sea’
 (15) PSaa. **meäre-sen* > **meäri* > KSaa. *mʲe:rʲ:e ~ mierʲ:e* ‘sea.DAT.SG’
 (16) PSaa. **peältō* > KSaa. *pʲa:l:t ~ peal:t* ‘lawn’
 (17) PSaa. **seäjpē-sen* > **seäj:pā* > KSaa. *sʲa:j:pa ~ seaj:pa* ‘tail.DAT.SG’

There was no opposition between **ie* and **jie* in the onset according to Lehtiranta’s dictionary, whereas the roots with **eä* and **jeä* in the onset were opposed in Proto-Saami. However, modern Kildin Saami lost this distinction due to the appearance of a prosthetic *j*.

- (18) PSaa. **eärttē* > KSaa. *je:rʲ:t* ‘side’, ISaa. *ertti* ‘side’
 (19) PSaa. **jeäkē-* > KSaa. *je:gi:e* ‘to endure’, ISaa. *jeehid* ‘to be hermetic’

T. Itkonen’s dictionary [1958] still reflects this opposition. A superscript *j* is used there for the prosthetic phoneme *jieřʲtʲ* ‘side’ and a regular *j* for the reflexes of the Proto-Saami **j jieçke^δ* ‘to endure’. It is not clear whether this opposition in T. Itkonen’s transcription reflects some phonetic reality or just etymology.

4.2. Results of acoustic analysis

To answer whether the phonemes in question are diphthongs or monophthongs, we compared them to undoubted corresponding monophthongs /a:/ and /e:/. We masked tentative diphthongs as real diphthongs and evaluated changepoint and trajectory length classifiers’ performance. If the performance was satisfactory, we concluded that the distinction between diphthongs and monophthongs holds. Otherwise, we concluded that there were no phonetic reasons to posit diphthongs.

For /i/- and /e/-initial diphthongs, we identified changepoints only for the first formant since we expect a greater change in closeness than in frontedness. Overall, the number of tentative diphthongs we examined is 120, and the number of monophthongs is 149. The results are presented in Table 3 and Figures 1 and 2³.

Both classifiers attempt to classify all Kildin Saami vowels primarily as monophthongs regardless of whether they are marked as diphthongs or as monophthongs.

The results are also visualized with violin charts (Figure 2). The x-axis of these plots represents different segment types, while the y-axis represents the value of the statistics used (in this case, the number of changepoints or formant trajectory length). The width of the area within each plot provides information about the distribution of statistical values within the sample. As a general rule, a wider area around a specific value indicates a higher frequency of cases associated with that particular value. Neither tentative /ea/ nor /ie/ show a dramatic difference compared to the monophthongs. They are indeed skewed towards the upper parts of the violins, however, this is not enough to declare them diphthongs since this behavior follows from the fact that these sounds appear after palatalized consonants. In most cases, the number of changepoints and formant trajectory length overlap with the ones found in monophthongs.

² Here and in the further examples, we list two variants of phonological interpretations (or variants of pronunciations) divided by tilda.

³ The temperature scale on the right side of confusion matrices represents the proportion of values by column. In essence, each value in the matrix is color-coded based on its relative proportion within its respective column. For instance, a value 105 appears nearly white, indicating that it comprises approximately 70% of the total count within its column (105 out of the sum of 105 and 44). This way is the best visualization for a balanced accuracy score.

Table 3. Balanced accuracy for Kildin Saami /ie:/ and /ia:/

Method	Balanced accuracy
changeoint	0.54
trajectory length	0.57

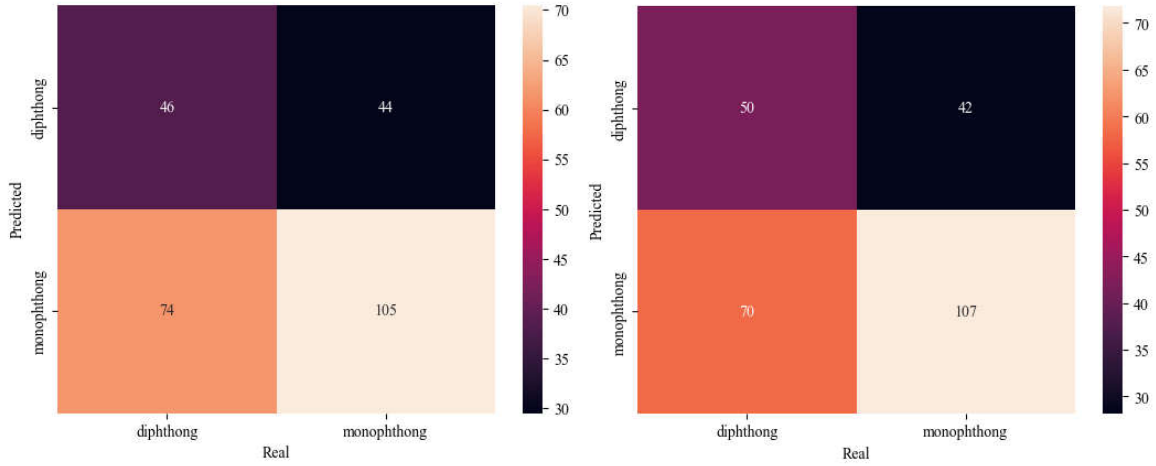

Figure 1. Confusion matrices for Kildin Saami /ie:/ and /ia:/: changeoint (left) and trajectory length (right)

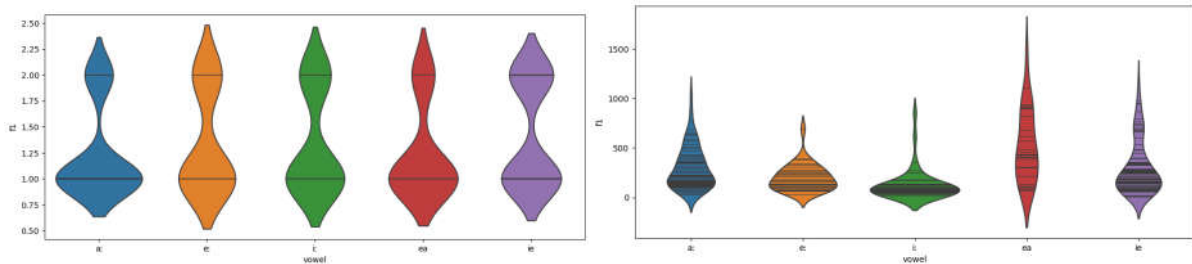

Figure 2. Violin charts for Kildin Saami /ie:/ and /ia:/: changeoint (left) and trajectory length (right)

To gather further evidence, we extended our analysis to include the data from the Muotka dialect of Skolt Saami. Despite previous descriptions of Skolt Saami as a language with diphthongs and the absence of the alternative interpretation treating them as monophthongs after palatalized consonants, we hypothesized that the Muotka dialect would exhibit similarities with Kildin Saami in this regard.

Therefore, we applied our methods to the Muotka dialect with the expectation of obtaining comparable results to Kildin Saami, supporting the notion of monophthongs after palatalized consonants rather than distinct diphthongs. We investigated the following diphthongs: /iö/, /eä/, /ie/ that correspond to IPA /iø/, /eæ/, and /ie/. The roadmap was the same. We masked these segments as diphthongs and compared them to the corresponding monophthongs: /õ(:)/, /â(:)/, /e(:)/. The number of diphthongs was equal to 47, and the number of monophthongs was equal to 82. The results are presented in Table 4 and Figure 3.

Contrary to our expectations, the variety of Skolt Saami we researched proved to have /i/- and /e/-initial diphthongs. The confusion matrices for Skolt Saami data show that both classifiers were able to identify most of the diphthongs and monophthongs correctly, indicating that there are acoustic differences that allow for the distinction between these two types of sounds in the language.

Table 4. Balanced accuracy for Skolt Saami

Method	Balanced accuracy
changeoint	0.78
trajectory length	0.75

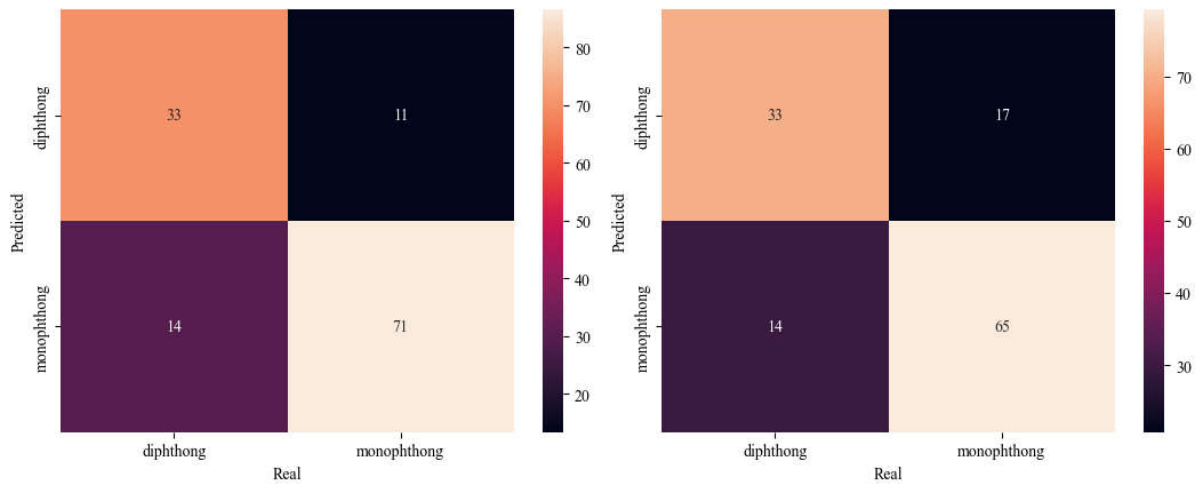

Figure 3. Confusion matrices for Skolt Saami: changepoint (left) and trajectory length (right)

5. Low back vowel or diphthong

5.1. Origin of the low back vowels

The low back vowels originate from two Proto-Saami vowels of the first syllable. Proto-Saami **ā* yields a long low back vowel when before **e* or contracted vowels **i* and **u* in the second syllable. Proto-Saami **o* yields a short low back vowel before **ō*, **ē*, and contracted **u* and **ā*.

- (20) PSaa. **ñārke* > KSaa. *ɲv:r:k ~ ɲoa:r:k* ‘cape’
 (21) PSaa. **ñārke-sen* > *ñār:ki* > KSaa. *ɲv:r:i:kie ~ ɲoa:r:i:kie* ‘cape.DAT.SG’
 (22) PSaa. **tālō-sen* > **tāl:u* > KSaa. *tv:l:e ~ toa:l:e* ‘bear.DAT.SG’
 (23) PSaa. **olkō* > KSaa. *vl:k ~ oal:k* ‘outside’
 (24) PSaa. **kopē* > KSaa. *kɔb:i ~ koab:i* ‘pit’
 (25) PSaa. **olkō-sen* > **ol:ku* > KSaa. *vl:ke ~ oal:ke* ‘outside.DAT.SG’
 (26) PSaa. **kopē-sen* > **kop:ā* > KSaa. *kɔb:a ~ koab:a* ‘pit.DAT.SG’

Both reflexes of Proto-Saami **ā* and **o* are subject to dialectal variation in these positions. As already noted by Sammalhti [1998: 34], the alternation of the reflexes of **ā* triggered by the contracted vowels is absent in the Aarsjogk dialect. The data on the Aarsjogk dialect are scanty and do not allow us to verify this claim. T. Itkonen’s [1958] materials based first of all on the Killt sōjtt dialect do not show the low back vowel in the place of the Proto-Saami **o*. Most examples demonstrate *o*, i.e. the same reflex as in the position before **e* (in the weak grade) and **i* of the second syllable. Itkonen uses the symbol *ɑ* only in rare examples. This variation can be caused either by the dialectal heterogeneity of his material or by the inaccuracy of transcription. The difference in the reflexes of **o* and **ā* is not purely quantitative but qualitative in the Shongui dialect, according to E. Itkonen’s [1971] phonological description.

5.2. Results of acoustic analysis

Two questions arise regarding the acoustic nature of /ɔ/~oɑ/. The first question revolves around the presence of a length distinction, investigating whether two distinct segments, short and long, can be identified as /ɔ/~oɑ/ and /ɔ:/~oɑ:/ respectively. The second question explores the possibility of either of these segments being classified as a diphthong, aiming to determine whether /ɔ/~oɑ/ or /ɔ:/~oɑ:/ exhibits acoustic characteristics typical of diphthongs.

To address the first question, we conducted a comparison of the lengths of /ɔ/ and /oɑ/. To carry out this analysis, we performed a two-sample one-sided t-test, assuming that /ɔ/ would have a lesser length than /oɑ/. We are aware of the problems associated with comparing absolute lengths; however, since both segments were recorded from the same speakers, using non-normalized lengths could potentially yield relevant results. Nevertheless, we consider the conclusions drawn from this analysis to be preliminary.

Sample sizes are 112 and 86 for /ɒ/~/oa/ and /ɒ:/~/oa:/ respectively. The t-test results indicated a significant difference in the average values between the two samples, namely /ɒ/~/oa/ and /ɒ:/~/oa:/ (p-value is less than 0.05), suggesting the existence of a short-long distinction within these segments.

The subsequent question employs a similar methodology to the analysis of /i/- and /e/-initial diphthongs. Given that changepoint has been demonstrated as a valid metric, we rely on its results for examination. For /ɒ/~/oa/, we explored both first and second formants, and the findings are presented in Table 5, with /ua/ serving as a baseline for a diphthong and with /a:/ serving as a baseline for a monophthong.

Table 5. Proportions of cases when the number of changepoints is > 1 for /ɒ/~/oa/, /ɒ:/~/oa:/, /a:/, and /ua/ for two speakers

Segment	Speaker	F1	F2
/ɒ/~/oa/	1	0.277	0.532
	2	0.140	0.360
/ɒ:/~/oa:/	1	0.364	0.364
	2	0.058	0.286
a:	1	0.286	0.333
	2	0.188	0.313
ua	1	0.429	0.667
	2	0.222	0.361

It is evident that two speakers differ in the way they articulate vowels. The first speaker clearly articulates diphthongs such as /ua/, while the second speaker mostly does not articulate even /ua/ as a proper diphthong. However, based on the results of the changepoint analysis, we suggest interpreting both segments, /ɒ/~/oa/ and /ɒ:/~/oa:/, as monophthongs. Nevertheless, it should be considered that /ɒ/~/oa/ has more diphthong-like realizations than /ɒ:/~/oa:/.

Table 6. Average trajectory lengths for /ɒ/~/oa/, /ɒ:/~/oa:/, /a:/ and /ua/

Segment	Speaker	Trajectory length
/ɒ/~/oa/	1	396.5
	2	335.9
/ɒ:/~/oa:/	1	371.3
	2	281.5
a:	1	273.2
	2	373.8
ua	1	714.9
	2	404.1

The results of the trajectory length analysis are displayed in Table 6, following a similar organizational structure to Table 5. These findings further support the interpretation that the segments under investigation, /ɒ/~/oa/ and /ɒ:/~/oa:/, are much more akin to monophthongs than diphthongs, as well as the idea that the second speaker does not articulate diphthongs as proper diphthongs at all.

To ensure a more robust validation of our observations, we conducted further analysis using the same classifiers as before. However, this time, we ran the classifiers twice: once with /ɒ/~/oa/ and /ɒ:/~/oa:/ included in the list of monophthongs, and once with them excluded from it. We focused on investigating the second formant, as evident from Table 6, where any potential changes appear to be present in this formant. We used the data from the first speaker exclusively. The results of these experiments are illustrated in Figures 4 and 5, respectively.

The results from the classifiers indicate that including /ɒ/~/oa/ and /ɒ:/~/oa:/ in the list of monophthongs leads to higher accuracy of classification even than we look at the second formant which is often under the influence of coarticulation. Considering the efficiency of these methods in identifying diphthongs, we draw the conclusion that both short /ɒ/~/oa/ and long /ɒ:/~/oa:/ should be interpreted as monophthongs. The evidence gathered from these experiments strongly supports the notion that neither of these segments demonstrates characteristics indicative of diphthongs, reinforcing their classification as monophthongs.

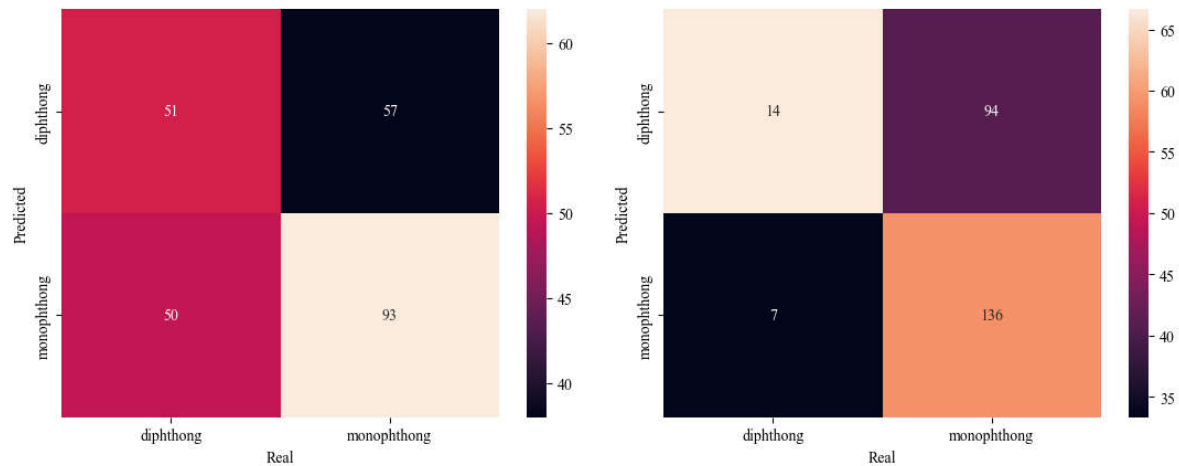

Figure 4. Changepoint analysis: /v/~ /oa/ and /v:~/ /oa: / as diphthongs (balanced accuracy = 0.56) vs /v/~ /oa/ and /v:~/ /oa: / as monophthongs (balanced accuracy = 0.63)

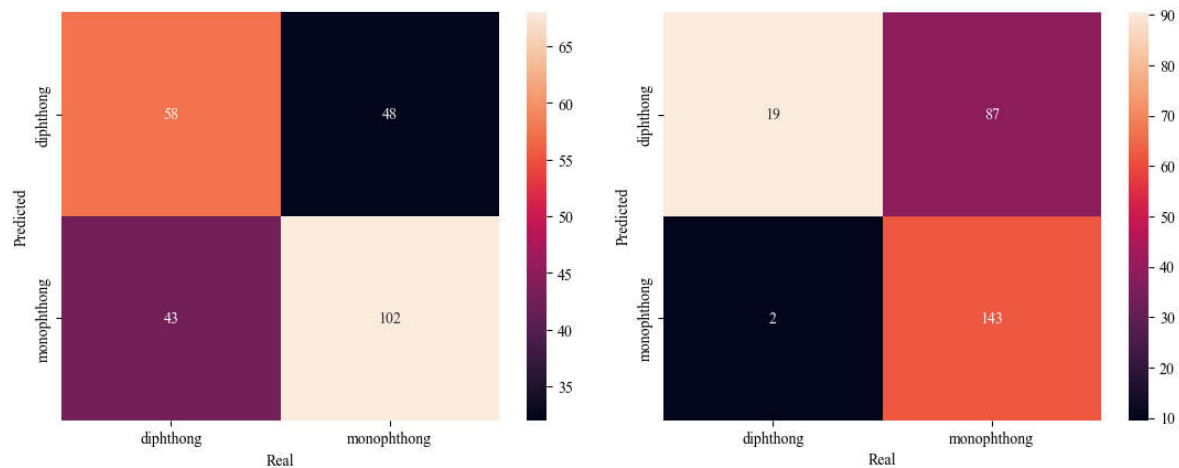

Figure 5. Trajectory length analysis: /v/~ /oa/ and /v:~/ /oa: / as diphthongs (balanced accuracy = 0.63) vs /v/~ /oa/ and /v:~/ /oa: / as monophthongs (balanced accuracy = 0.76)

6. Quality of /ua/ a.k.a. /oa/

6.1. Origin of /ua/ a.k.a. /oa/

The diphthong /ua/ (or /oa/ as it is reflected in the sources based on the earlier recordings) originates only from two sources, namely, Proto-Saami **oa* of the first syllable before **ō* and a contracted **ā* in the second syllable.

(27) PSaa. **poalō* > KSaa. *pual*: ‘button’

(28) PSaa. **voańčē-sen* > **voańčā* > KSaa. *vuaŋ.ča* ‘meat.DAT.SG’

The distribution *ua* is broader in the Aarsjogk dialect since it corresponds also to *ue* of the other dialects there, see Section 7.1 on the origin of *ue*.

6.2. Results of acoustic analysis

The question under investigation is as follows: In the diphthong /ua/, is the first segment (represented here by /u/) acoustically more similar to the corresponding realizations of /o/ or to those of /u/? To answer this question, we conducted a comparison of the realizations of these segments for two native speakers. We aimed to determine the acoustic similarity between the first segment of /ua/ and the corresponding realizations of /o/ and /u/⁴.

⁴ In this section, we treat long and short vowels as vowels of the same quality, i.e. we do not distinguish here between long and short vowels, since distinguishing between them would not change the overall results.

To minimize artifacts arising from coarticulation, we implemented a preprocessing step by excluding the first and last fifths of all segments. For the /ua/ segment, we specifically extracted only the first third of the sound. This decision was made based on the observation that the formant changes in /ua/ begin very early, and the first third of the segment is considered the most appropriate section, taking into account both its length and acoustic quality.

We extracted N specific anchor points from each realization, where N represents the number of values present in the shortest sound across the sample. For instance, if the shortest sound had 10 identified values, we extracted every tenth value from a sound with 100 identified values. This approach allowed us to standardize the sample sizes and remove extreme values resulting from imperfect formant value identification mechanisms.

Subsequently, we calculated the averages of all anchor points. The results are summarized in Figure 6, where the lines connect the mean values, and the filling represents the standard deviation. For the second formants, we omitted the filling in the figures since our primary interest lies in the first formants, and the standard deviation for second formant values is extensive, making the visualization difficult to perceive.

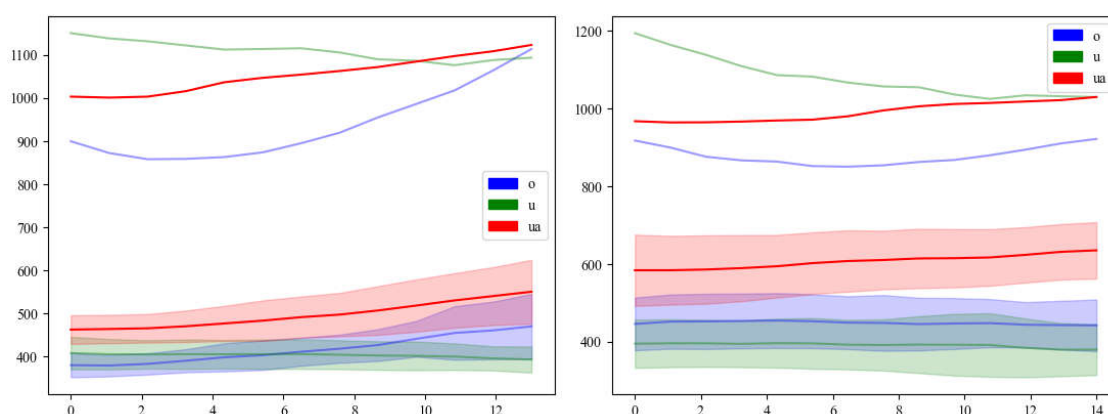

Figure 6. Mean formant values of /o/, /u/, and the first part of /ua/ by two speakers

The results presented in Figure 6 indicate a substantial distinction in the first formant between the first part of /ua/ and both /o/ and /u/. Specifically, the first formant of the initial part of /ua/ is higher, suggesting that the vowel itself is more open compared to both /o/ and /u/. Consequently, this implies that the first part of /ua/ exhibits more similarity to /o/ than to /u/ in terms of the first formant.

7. Monophthongization of /ue/

7.1. Origin of /ue/

The diphthong *ue* originates from Proto-Saami **uo* before **ō* of the second syllable and before the contracted vowels **u* and **ā* and from **oa* before the **ē* of the second syllable.

(29) PSaa. **vuorō* > KSaa. *vuer:* ~ *ve:r:* ‘(one) time’

(30) PSaa. **vuorō-sen* > **vuor:u* > KSaa. *vuer:e* ~ *ve:r:e* ‘(one) time.DAT.SG’

(31) PSaa. **kuolē-sen* > **kuol:ā* > KSaa. *kuel:a* ‘fish.DAT.SG’

(32) PSaa. **voañčē* > KSaa. *vueŋ:č* ~ *ve:j:č* ‘meat’

In the Aarsjogk dialect, the diphthong *ua* corresponds to *ue* of the other Kildin Saami dialects. The results provided below are relevant for the Lujaavv’r, Koardōg sijjt, and Chuudz’jaavv’r dialects.

7.2. Results of acoustic analysis

For the segment /ue/, we conducted an independent annotation process using an additional tier called “perception”. In this tier, we marked what sound each realization of /ue/ perceptually resembled. Our hypothesis was that /ue/ undergoes monophthongization in specific positions, and our objective was to identify these positions using acoustic analysis.

When comparing automatic diphthong identification with manual annotation, we found some variation in the results. The changepoint algorithm identified 257 diphthongs and 104 monophthongs in the sample, while manual annotation yielded a total of 191 /ue/ realizations and 170 monophthongs. While the results are compa-

rable, they are not identical, indicating some discrepancies between the automatic and manual identification of diphthongs and monophthongs. These differences may be due to different unaccounted factors involved in the identification process.

The results of both manual and automatic annotation demonstrate a strong correlation. Out of 191 segments that were defined as perceived /ue/ based on manual annotations, 156 were also identified as having more than one changepoint in either formant through automatic analysis. Likewise, out of 257 segments that were automatically identified as having more than one changepoint in either formant, 156 of them were also perceived as /ue/ during the manual annotation process.

We consider the results of manual annotation to be more reliable than those of automatic annotation. The results of manual annotation are summarized in Tables 7 and 8, which include data from one of our speakers specifically examined for this question. This speaker was selected since the monophthongal realization of /ue/ prevails in their speech. The data consist of mean formant values and their corresponding standard deviations for each mean.

We divided the monophthongized realizations of /ue/ into two groups based on their perceptual quality: those similar to [ə:] and those similar to [ø:]. Additionally, we provided data separately for the realizations of /ue/ as well as for /u:/~ /u/, /o:/~ /o/, and /e:/~ /e/.

Table 7. Means F2 and F1 for /ue/, /u:/~ /u/, /o:/~ /o/, and /e:/~ /e/ after non-palatalized consonants

	/ue/ > [ə:]	/ue/ > [ø:]	/u:/, /u/	/o:/, /o/	/e:/ > [ə:], /e/ > [ə]
F2 mean	1872,85	1067,611	861,09	879,92	1832,73
F1 mean	406,72	408,92	421,47	452,66	449,02

Table 8. Means for /ue/, /u:/~ /u/, /o:/~ /o/, and /e:/~ /e/ after palatal(ized) consonants

	^ʲ ue/ > [ə:]	^ʲ ue/ > [ø:]	^ʲ u:/, ^ʲ u/	^ʲ o:/, ^ʲ o/	^ʲ e:/ > [ə:], ^ʲ e/ > [ə]
F2 mean	2283,93	1279,68	1313,35	980,21	2236,87
F1 mean	376,60	362,11	362,18	426,62	403,79

One can see that the unrounded monophthongal realization of /ue/ almost fully coincides with the realization of /e:/~ /e/ both after plain and palatalized consonants although it is somewhat closer. The rounded variant deviates both from /u:/~ /u/ and /o:/~ /o/ being fronted after plain consonants. The variant occurring after palatalized consonants is identical with realizations of ^ʲu:/~ /^ʲu/. These results should be treated as preliminary. The monophthongization of /ue/ requires further investigation involving more data from more speakers.

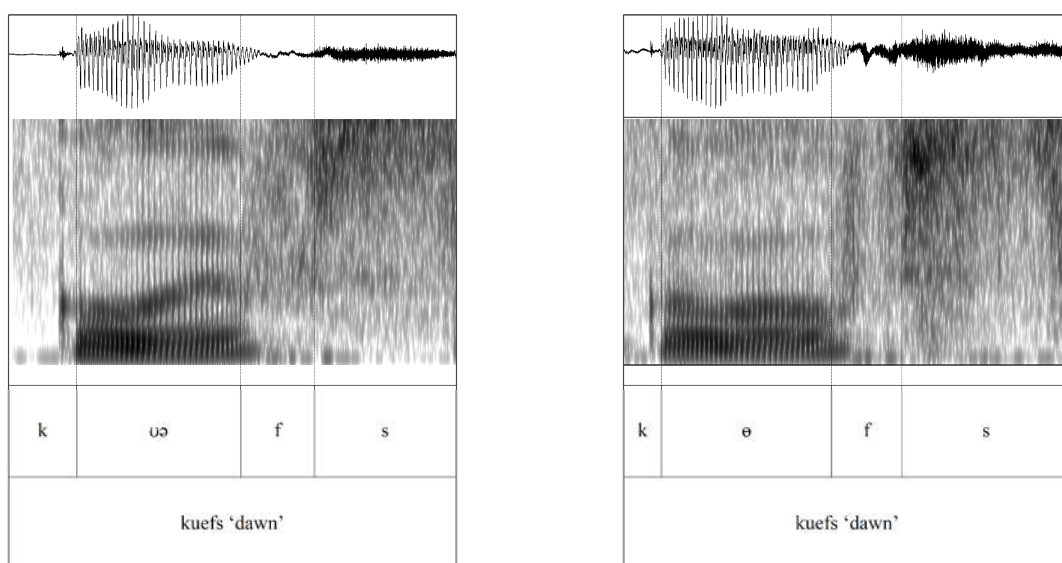

Figure 7. Waveform and spectrogram of two pronunciations of the word *kuefs* 'dawn' produced by one speaker

From our analysis of the patterns of monophthongization, we did not discover any consistent rule or tendency. A crucial observation is that /ue/ can be realized as either a diphthong or a monophthong in the same word produced by the same speaker (Figure 7). The initial hypothesis we made is not supported by the findings. However, the factors responsible for monophthongization remain uncertain, and we acknowledge that further research is required to explore this phenomenon more in depth. As such, we leave this aspect for future investigations.

8. Discussion and conclusions

Some of the problems with the Kildin Saami vowel system can be solved by consistent application of the basic principles of phonological analysis. The simple analysis of the distribution of the long and short diphthongs (Section 2.1) indicates that they are distributed complementary, and, hence, there is no reason to postulate a phonological opposition in quantity, contrary to [Itkonen 1971] and [Wilbur 2007]. Similarly, the analysis of the distribution of *i* and *ĩ* (Section 2.3) points to the lack of phonological opposition in the inherited vocabulary. This opposition is forming now due to the newer loans from Russian that show the initial /i/ in contrast to inherited words with the initial /ĩ/. It still has a marginal status that was not emphasized in the previous works. The tentative quantitative opposition of /i/ and /ĩ:/ finds no support in the data, so we agree with the conclusions recently reached by Rießler [2022]. Some additional morphophonological considerations help to prove the lack of *i*-final diphthongs as well as triphthongs. From the phonological point of view, palatal consonants /j/ and /j:/ is a more proper analysis for the segment in question (Section 2.2), contrary [Szabó 1967; Kert 1971; Kostina 2006].

Other problems required more detailed acoustic analysis. To address these challenges, we utilized an established metric, trajectory length, and also incorporated another effective method, changepoint detection, which has demonstrated success in identifying diphthongs. However, it is important to acknowledge that these tools might not provide a conclusive answer to all questions, and additional manual analysis is often necessary. Despite this, they can offer valuable insights into the overall trends.

Application of trajectory length and changepoint detection methods strongly support a non-diphthongal nature of /e:/ and /a:/ after palatal and palatalized consonants (Section 4). One can speak about two allophones of the phonemes /e:/ and /e/. They are represented by the mid front vowels [e:] and [e] after palatal and palatalized (only [e:]) phonemes and by mid central vowels [ə:] and [ə] after non-palatalized phonemes. The results of our investigation confirm Kert's [1971] view of these segments.

The same computational procedures reveal that the phonemes corresponding to the orthographic <oa> and <oā> are monophthongs, i.e. low back vowels /ɔ:/ and /ɔ/ (Section 5). Thus, our study confirms the findings of the earlier phonetic investigations. The notation <oa> and <oā> should be seen as a purely orthographic convention.

Acoustic analysis of /ua/ reveals that the first part of the diphthong is more open than both /u(:)/ and /o(:)/ (Section 6). This result supports E. Itkonen's [1971] interpretation of this diphthong as *oa* and contradicts other authors who prefer to transcribe it as *ua*. A real phonetic realization of the two components of a diphthong almost never fully coincides with cardinal vowels. Thus, our results are not unexpected. The choice of notation in the broad phonological transcription is just a matter of convention: /oa/ stays somewhat closer to phonetic reality but /ua/ is supported by a long research tradition and orthography.

The heterogeneous phonetic realization of /ue/ is revealed in both manual and automatic analysis (Section 7). It shows diphthongal pronunciations [ʊə] (or even [ɔə]) alongside monophthongs [ə] and [ə]. There is a considerable inter- and intra-speaker variation in our data. We failed to establish any complementary distribution. Thus, we have to postulate a free variation here. Possibly, we are dealing with an ongoing process of monophthongization which fits into the major trend to reduce the number of diphthongs in Kildin Saami. We hypothesize that the process began relatively recently since there is almost no evidence for monophthongization of /ue/ in the previous descriptions.

Table 9. Vowel system of Kildin Saami according to the present study

Monophthongs		Diphthongs	
/i:/ (/i/)	/ĩ/	/u/ /u:/	/ue/
/e:/ /e/		/o/ /o:/	/oa/
	/a/ /a:/	/ɔ/ /ɔ:/	

Our view of the Kildin Saami vowel inventory is summarized in Table 9. It includes 15 segments: two diphthongs and 13 monophthongs, one of which has a marginal status. The interpretation of the subsystem of monophthongs as a rectangular space with only front and back rows is theoretically possible if one rejects the opposition /i/ vs /ĩ/. However, phonetically /a/ and /a:/ are clearly low central vowels, cf [Rießler 2022: 221].

It is important to note that our conclusions are based on the material limited to speech of contemporary speakers originating from Lujavv'r, Koardõgk sijjt, and Chuudz'jaavv'r (only a little data from Aarsjogk are available). At least some discrepancies with the results of earlier studies can be explained by the fact that they reflect features of another dialect [Itkonen, Europaeus 1931; Itkonen 1958; Itkonen 1971; Lehtiranta 1985], or diachronic stratum [Szabó 1967; 1968; Kert 1971; Bjarnson 1976; Wilbur 2007; Riebler 2022]. The lack of diphthongs in the place of *ie* and *ea* as well as the monophthongization of *ue* can be either an older dialectal feature or a very recent innovation. Any verification of T. Itkonen and E. Itkonen's transcriptions (also those published by Lehtiranta [1985]) is impossible since they represent currently extinct dialects of Killt sijjt, Teriberka, and Shongui.

In this paper, the vocalism of Kildin Saami has been thoroughly investigated through the application of two methods of acoustic analysis that demonstrated accuracy in interpreting phonetic data. By employing various techniques, ranging from Praat and automatic formant extraction to changepoint detection, we were able to verify some of the claims made in previous studies on the phonology and phonetics of Kildin Saami. Importantly, these methods can be applied to data from other languages.

As a result of our research, we have achieved a comprehensive understanding of the vowel system, supported by robust evidence, opening the way for future research and offering possibilities for further exploration. Our findings contribute valuable insights to the field of Saami linguistics and offer opportunities for wider application in linguistic studies.

Abbreviations

Languages

ISaa. — Inari Saami

KSaa. — Kildin Saami

PSaa. — Proto-Saami

Glosses

3 — 3rd person

CAUS — causative

COM — comitative

DAT — dative

DIM — diminutive

GEN — genitive

INF — infinitive

LOC — locative

NOM — nominative

NPST — non-past

PASS — passive

PST — past

PL — plural

SG — singular

Acknowledgments

We are grateful to all the language consultants who took part in this research: Nina Eliseevna Afanas'eva, Antonina Mikhailovna Antonova, Zinaida Anisimovna Fomenkova, Domna Maksimovna Khomiuk, Olga Gavrilovna Paul', Anna Mikhailovna Sapel'nikova, Nina Semenovna Sharshina (Kildin Saami); Zoya Mikhailovna Nosova (Skolt Saami); Vello Niinoja, Lijsa Markovskaja (Estonian); and two Lithuanian consultants who wished to remain anonymous. We also thank Matvei Kurzukov who collected materials for us in Vilnius.

References

- Aikio 2012 — *A. Aikio*. An essay on Saami ethnolinguistic prehistory. In: A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 266). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 63—117.
- Aikio, Ylikoski 2022 — *A. Aikio, J. Ylikoski*. North Saami. In: M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 147—177.
- Antonova 2014 — *S. Antonova*. *Sām'-rūšš sänn'nehk'*. Murmansk: Lema, 2014. {*S. Antonova*. Saami-Russian dictionary. Murmansk: Lema, 2014.}
- Asu et al. 2012 — *E. L. Asu, P. Lippus, E. Niit, H. Türk*. The acoustic characteristics of monophthongs and diphthongs in the Kihnu variety of Estonian. In: *Linguistica Uralica*. 2012, 48 (3). P. 161—170.
- Bakró-Nagy 2022 — *M. Bakró-Nagy*. Consonant gradation. In: M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). The Oxford guide to the Uralic languages. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 859—867.
- Barreda 2021 — *S. Barreda*. Fast Track: fast (nearly) automatic formant-tracking using Praat. In: *Linguistics Vanguard*. 2021, 7 (1). 20200051.

- Bjarnson 1976 — *D. E. Bjarnson*. A phonemic transcription of Lovozero (Kildin) Lappish. Bloomington: Indiana University MA thesis. 1976.
- Boersma, Weenink 2021 — *P. Boersma, D. Weenink*. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. <http://www.praat.org/>. 2021.
- Feist 2010 — *T. Feist*. A grammar of Skolt Saami. University of Manchester PhD thesis. 2010.
- Genetz 1891 — *A. Genetz*. Kuollan lapin murteiden sanakirja ynnä kielennäytteitä (Bidrag till Kännedom Af Finlands Natur Ock Folk 50). Helsinki: Finska Litteratur-Sällskapets tryckeri, 1891.
- Halász 1881 — *I. Halász*. Orosz-lapp nyelvtani vázlat. Nyelvtudományi közlemények. 1881, (17). P. 1—45.
- Itkonen 1971 — *E. Itkonen*. Ehdotus kildininlapin Šongujn murteen fonemaattiseksi transkriptioksi. In: Lapin murteiden fonologiaa (Castrenianumin Toimitteita 1). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971. P. 87—110.
- Itkonen 1916 — *T. I. Itkonen*. Venäjänlapin konsonanttien astevaihtelu koltan, kildin ja turjan murteiden mukaan (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia XXXIX). Helsinki: Societe finno-ougrienne, 1916.
- Itkonen 1958 — *T. I. Itkonen*. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV). 2 vols. 2nd ed. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958.
- Itkonen, Europaeus 1931 — *T. I. Itkonen, D. E. D. Europaeus*. Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia LX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1931.
- Jacewicz et al. 2011 — *E. Jacewicz, R. A. Fox, J. Salmons*. Vowel change across three age groups of speakers in three regional varieties of American English. In: Journal of Phonetics. 2011, 39 (4). P. 683—693.
- Kert 1971 — *G. M. Kert*. Saamskij jazyk (kil'dinskij dialekt): fonetika, morfologija, sintaksis. Leningrad: Nauka, 1971. {G. M. Kert. Saami language (Kildin dialect): phonetics, morphology, syntax. Leningrad: Nauka, 1971.}
- Kert 1986 — *G. M. Kert*. Saamsko-russkij, russko saamskij slovar'. Leningrad: Prosveshchenie, 1986. {G. M. Kert. Saami-Russian, Russian-Saami dictionary. Leningrad: Prosveshchenie, 1986.}
- Kert, Matusевич 1962 — *G. M. Kert, M. I. Matusевич*. K voprosu o sostave soglasnyh fonem v voroninskom govore kil'dinskogo dialekta saamskogo jazyka. In: Finno-ugorskaja filologija. (Uchenye Zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A. A. Zhdanova; № 314, vyp. 63). Leningrad: Leningradskij Gosudarstvennyj Universitet imeni A. A. Zhdanova, 1962. P. 19—37. {G. M. Kert, M. I. Matusевич. On the issue of the inventory of consonant phonemes in the Voronie dialect of the Kildin macrodialect of the Saami language. In: Finno-Ugric philology (Scientific Notes of the Leningrad Order of Lenin State University Named after A. A. Zhdanov. No. 314, issue 63). Leningrad: Leningradskij Gosudarstvennyj Universitet imeni A. A. Zhdanova, 1962. P. 19—37.}
- Koponen 2022 — *E. Koponen*. Saami: general introduction. In: M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 103—112.
- Koponen et al. 2022 — *E. Koponen, M. Miestamo, M. Juutinen*. Skolt Saami. In: M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford University Press, 2022. P. 196—218.
- Korhonen 1981 — *M. Korhonen*. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981. {M. Korhonen. Introduction to the history of the Saami languages. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981.}
- Korhonen et al. 1973 — *M. Korhonen, J. Mosnikoff, P. Sammallahti*. Koltansaamen opas (Castrenianumin Toimitteita 4). Helsinki, 1973.
- Kostina 2006 — *G. V. Kostina*. Vokalicheskaja sistema kildinskogo dialekta saamskogo jazyka v svete russko-saamskoj interferencii. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyj Universitet, dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk 2006. {G. V. Kostina. Vowel system of Kildin Saami in the light of Russian-Saami interference. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University PhD thesis. 2006.}
- Kowalik 2023 — *R. Kowalik*. Towards a grammar of spoken South Saami. Stockholm: Stockholm University PhD thesis. 2023.
- Kuokkala 2019 — *J. Kuokkala*. Saami -(š)goahti inchoatives: their variation, history, and suggested cognates in Veps and Mordvin. In: Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2019, 97. P. 153—181.
- Kuruch et al. 1985 — *R. D. Kuruch, N. E. Afanasieva, E. I. Mechkina, A. A. Antonova, B. A. Glukhov, L. D. Yakovlev*. Saamsko-russkij slovar'. Moskva: Russkij jazyk, 1985. {R. D. Kuruch, N. E. Afanasieva, E. I. Mechkina, A. A. Antonova, B. A. Glukhov, L. D. Yakovlev. Saami-Russian dictionary. Moscow: Russkij jazyk, 1985.}
- Kuzmenko, Rießler 2012 — *Y. K. Kuzmenko, M. Rießler*. K voprosu o tverdyh, mjagkih i polumjagkih soglasnyh v kol'skom saamskom. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2012, 8 (1). P. 21—42. {Y. K. Kuzmenko, M. Rießler. On “hard”, “soft” and “half-soft” consonants in Kola Saami. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2012, 8 (1). P. 21—42.}
- Lehtiranta 1985 — *J. Lehtiranta* (ed.). Kildinlappische Sprachproben (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 191). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985.
- Lehtiranta 1989 — *J. Lehtiranta*. Yhteissaamelainen sanasto (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 200). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.
- Moran, McCloy 2019 — *S. Moran, D. McCloy* (eds.). PHOIBLE 2.0. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History, <http://phoible.org> 2019.

Rießler 2022 — *M. Rießler*. Kildin Saami. In: M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford University Press, 2022. P. 219–239.

Sammallahti 1998 — *P. Sammallahti*. *The Saami Languages: An Introduction*. Kárášjohka: Davvi Girji, 1998.

Sammallahti, Khvorostukhina 1991 — *P. Sammallahti, A. Khvorostukhina*. *Unna sámii-sám' sām'-sámii sátnegirjjáš*. Ohcejohka: Girjegiisá Oy, 1991. {*P. Sammallahti, A. Khvorostukhina*. *Small (North) Saami — (Kildin) Saami dictionary*. Ohcejohka: Girjegiisá Oy, 1991.}

Szabó 1967 — *L. Szabó*. *Kolalappische Volksdichtung (Texte aus der Dialekten in Kildin und Ter) (Abhandlungen Der Akademie Der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse 68)*. Vol. 3. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967.

Szabó 1968 — *L. Szabó*. *Kolalappische Volksdichtung (Texte aus der Dialekten in Kildin und Ter). Zweiter Teil nebst grammatischen Aufzeichnungen (Abhandlungen Der Akademie Der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse 72)*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968.

Tereshkin 2002 — *S. N. Tereshkin*. *Jokan'gskij dialekt saamskogo jazyka*. Sankt-Peterburg: Rossiiskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet imeni A. I. Gerzena, dissertacija na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk, 2002. {*S. N. Tereshkin*. *Yokanga dialect of the Saami language*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia PhD thesis, 2002.}

Truong et al. 2020 — *C. Truong, L. Oudre, N. Vayatis*. Selective review of offline change point detection methods. In: *Signal Processing*. 2020, 167. 107299.

Wilbur 2007 — *J. Wilbur*. *Syllable Structures and Stress Patterns in Kildin Saami*. Leipzig: Leipzig University MA thesis, 2007.

Wilbur 2014 — *J. Wilbur*. *A grammar of Pite Saami (Studies in Diversity Linguistics 5)*. Berlin: Language science press, 2014.

Ylikoski 2022 — *J. Ylikoski*. South Saami. In: M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford guide to the Uralic languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 113–129.

Zaikov 1987 — *P. M. Zaikov*. *Babinskij dialekt saamskogo jazyka*. Petrozavodsk: Karelija, 1987. {*P. M. Zaikov*. *Akkala dialect of the Saami language*. Petrozavodsk: Karelija, 1987.}

Zhivlov 2023 — *M. A. Zhivlov*. *Reconstruction of Proto-Uralic*. In: D. M. Abondolo, R.-L. Valijärvi (eds.). *The Uralic languages (Routledge Language Family)*. 2nd ed. Abingdon; Oxon; New York, NY: Routledge, 2023. P. 117–175.

Appendix A: list of stimuli

je:

<i>ce:ŋ:kie</i>	‘to say’	<i>le:k</i>	‘chair back.NOM.PL’	<i>te:m'e</i>	‘even’
<i>je:kxel:e</i>	‘to disturb’	<i>le:f:</i>	‘barn’	<i>te:d:</i>	‘know.NPST.3SG’
<i>je:l:e</i>	‘to live’	<i>le:ŋ:k'esit'</i>	‘strap.LOC.SG’	<i>ve:k'</i>	‘assistant.NOM.PL’
<i>je:n:e</i>	‘many’	<i>le:ŋ:ki</i>	‘strap’	<i>ve:r:c</i>	‘bag’
<i>je:r'i:t'</i>	‘side’	<i>pe:l:ki</i>	‘hunger’	<i>ve:h'ki</i>	‘assistant’
<i>je:h'k</i>	‘stranger’	<i>pe:l:ki</i>	‘thumb’	<i>ve:l:ki</i>	‘debt’
<i>le:j:p</i>	‘bread’	<i>se:l:ke</i>	‘to butt’	<i>ve:r:e</i>	‘to hew’

e: e

<i>e:l:esj</i>	‘high’	<i>me:n:e</i>	‘to go’	<i>se:r:v</i>	‘moose’
<i>el'keti</i>	‘begin.PST.2PL’	<i>le:s:t</i>	‘leaf’	<i>se:j:p</i>	‘(long) tail’
<i>e:x:t</i>	‘one’	<i>ne:d:</i>	‘handle’	<i>se:s:an</i>	‘(my) paternal aunt’
<i>e:l:esj</i>	‘tall’	<i>pe:ks</i>	‘lip’	<i>še:r:</i>	‘noise’
<i>jenta</i>	‘tomorrow’	<i>pe:l:e</i>	‘to fear’	<i>ter'iven'</i>	‘pitch.COM.SG’
<i>ke:že</i>	‘to ask’	<i>pe:r:t</i>	‘house’	<i>ve:r:</i>	‘blood’
<i>kepše</i>	‘to be ill’	<i>pe:v:l</i>	‘cloud’	<i>ve:ž</i>	‘snow’

i:

<i>i:n:</i>	‘voice’	<i>li:f:te</i>	‘to go out’	<i>pi:ŋ:k</i>	‘wind’
<i>ki:b:</i>	‘soot’	<i>li:x:te</i>	‘to go out’	<i>ri:s'e</i>	‘to make a row’
<i>ki:če</i>	‘look.PST.3SG’	<i>pi:žan</i>	‘short tail’	<i>ti:d'e</i>	‘to know’
<i>ki:h'če</i>	‘to look’	<i>pi:ras</i>	‘family’	<i>ti:n</i>	‘your (PL)’
<i>ki:je</i>	‘trace.ACC.SG’	<i>pi:ŋ'keŋč</i>	‘wind.DIM’	<i>ši:g</i>	‘good’

i:

<i>kid:</i>	‘spring’	<i>pij</i>	‘put.NPST.3SG’	<i>pir:</i>	‘around’
<i>kiž'e</i>	‘to wilt’	<i>pije</i>	‘to put’	<i>pirs</i>	‘around’

<i>pis:</i>	‘rifle’	<i>ridi:</i>	‘road (next to a mountain)’	<i>šil:e</i>	‘to catch’
<i>pij:e</i>	‘to cherish’	<i>sijp</i>	‘swing.ACC.SG’	<i>šiš:enʹ</i>	‘leather’
<i>rib:</i>	‘dust’	<i>sij:p</i>	‘swing’	<i>igl:</i>	‘year’
<i>rib:exʹ</i>	‘handkerchief’	<i>šil</i>	‘catching’	<i>ij:</i>	‘night’
<i>rid:</i>	‘rib cage’	<i>šil:muš</i>	‘catch’	<i>il:</i>	‘coal’
				<i>iš:te</i>	‘to sit’
ja:					
<i>ča:j:</i>	‘tea’	<i>č'a:ʹ:k</i>	‘say.NPST.3SG’	<i>ʹa:j:paj</i>	‘full of bread’
<i>č'al:mʹ</i>	‘eye’	<i>ja:l</i>	‘life’	<i>ʹa:ŋ:ka</i>	‘strap.DAT.SG’
<i>ča:r:</i>	‘tundra’	<i>ʹa:j:</i>	‘be.NPST.3SG’	<i>ʹa:ŋka</i>	‘money.DIM’
a: a					
<i>abi:rʹ</i>	‘rain’	<i>ka:tʹe</i>	‘close.PST.3SG’	<i>pa:r:k</i>	‘bark’
<i>a:gʹ:</i>	‘century’	<i>kaʰcʹe</i>	‘to catch’	<i>ra:ŋʹ:</i>	‘injury’
<i>a:ka</i>	‘woman.DIM’	<i>la:k</i>	‘(meat) jelly.ACC.SG’	<i>raŋʹ:tʹ</i>	‘chest’
<i>a:kʹ</i>	‘woman.NOM.PL’	<i>la:ʰk</i>	‘(meat) jelly’	<i>saj:</i>	‘place’
<i>alʹ:kʹ</i>	‘son’	<i>la:v:ke</i>	‘to bathe’	<i>sarʹ:</i>	‘blueberry’
<i>a:j:t</i>	‘barn’	<i>ma:d:</i>	‘worm’	<i>sa:r:ne</i>	‘to speak’
<i>a:ʰkʹ</i>	‘woman’	<i>ma:j:t</i>	‘milk’	<i>ta:l:</i>	‘bear’
<i>a:n:e</i>	‘to ask’	<i>ma:n:</i>	‘moon’	<i>tarʹ:vʹ</i>	‘resin’
<i>až</i>	‘father’	<i>ma:j:k</i>	‘big whitefish’	<i>ta:x:tʹ</i>	‘bone’
<i>ažʹa</i>	‘father.DIM’	<i>pa:l:</i>	‘ball’	<i>ta:ʰte</i>	‘to want’
<i>jax:ta</i>	‘yesterday’	<i>pa:n:a</i>	‘tooth.DIM’	<i>pa:l:</i>	‘ball’
<i>ka:s:v</i>	‘face’	<i>pa:nʹ:</i>	‘tooth’	<i>va:r:</i>	‘forest’
o: o					
<i>co:v:ne</i>	‘to awaken’	<i>o:ze</i>	‘to search’	<i>čo:g:</i>	‘sharp’
<i>ko:l:m</i>	‘three’	<i>po:n:c</i>	‘feather’	<i>čo:l:kje</i>	‘to spit’
<i>ko:r:e</i>	‘to tie’	<i>po:r:k</i>	‘blizzard’	<i>čo:l:ke</i>	‘to spit’
<i>ko:t:k</i>	‘ant’	<i>to:l:</i>	‘fire’	<i>jo:g:</i>	‘river’
<i>olkes</i>	‘outside’	<i>o:l:k</i>	‘crossbar’	<i>jo:r:e</i>	‘to fall’
<i>o:d:</i>	‘new’	<i>o:m:p</i>	‘full’	<i>jo:ŋ:</i>	‘cowberry’
ua					
<i>kuaj:ve</i>	‘to dig’	<i>puar</i>	‘horsefly’	<i>vuaj:pe</i>	‘to fight’
<i>kuaskan</i>	‘(my) maternal aunt’	<i>puaz</i>	‘reindeer.ACC.SG’	<i>vuag:e</i>	‘to trot’
<i>kuar:e</i>	‘to sew’	<i>tuar:</i>	‘fight’	<i>ŋual:e</i>	‘to lick’
<i>pual:</i>	‘button’	<i>tuar:e</i>	‘to fight’	<i>ŋuam:e</i>	‘to crawl’
u: u					
<i>kud:</i>	‘six’	<i>su:l:olma</i>	‘thief’	<i>čuj:v</i>	‘clay’
<i>kun:</i>	‘cinder’	<i>ucʹ:</i>	‘small’	<i>ču:l:t</i>	‘stump’
<i>ku:c:</i>	‘rotten’	<i>uk:s</i>	‘door’	<i>ču:zxe</i>	‘to hurt’
<i>pu:lʹ:e</i>	‘to burn’	<i>ul:</i>	‘wool’	<i>ču:žʹ:e</i>	‘to hurt (of body parts)’
<i>sug:e</i>	‘thick’	<i>jug:e</i>	‘drink’	<i>čux:č</i>	‘capercaillie’
				<i>ŋux:č</i>	‘swan’
ue					
<i>cuemp</i>	‘frog’	<i>lued:</i>	‘foam’	<i>ruenn</i>	‘green’
<i>kuefs</i>	‘dawn’	<i>luen:</i>	‘garbage’	<i>ruep:t</i>	‘against’
<i>kuedʹ:</i>	‘traditional Saami lodging’	<i>lueval</i>	‘shavings’	<i>suel</i>	‘island’
<i>kuem</i>	‘ruminant stomach con- tents’	<i>mʹi:ne guejke</i>	‘for us’	<i>suemʹ:pʹ</i>	‘cane’
<i>kuen</i>	‘along’	<i>mʹi:ne vuejke</i>	‘for us’	<i>šuej:</i>	‘swamp’
<i>kuer:k</i>	‘shallow’	<i>mued:eguejm</i>	‘maternal aunt.COM.PL’	<i>si:reguejm</i>	‘game.COM.PL’
<i>kuēšʹ:</i>	‘pelt’	<i>nvʹiteguejm</i>	‘beast.COM.PL’	<i>si:re guejke</i>	‘for games’
<i>ku:sʹeguejm</i>	‘guest.COM.PL’	<i>nuerʹ:j:</i>	‘seal’	<i>ti:ne guejke</i>	‘for you’
<i>kuēv:le</i>	‘to turn out on the front side’	<i>pa:rne guejke</i>	‘for children’	<i>to:n guejke</i>	‘for thee’
<i>la:mʹpeguejm</i>	‘swamp.COM.PL’	<i>pa:leguejm</i>	‘ball.COM.PL’	<i>tueg:a</i>	‘behind’
<i>lvnʹteguejm</i>	‘bird.COM.PL’	<i>pu:zeguejm</i>	‘bird.COM.PL’	<i>tuelʹ:</i>	‘table’
		<i>puerʹesʹ:</i>	‘old (of humans)’	<i>va:rʹeguejm</i>	‘forest.COM.PL’
		<i>puerxe</i>	‘to caress’	<i>vuej:</i>	‘creek’
		<i>ri:mʹneguejm</i>	‘fox.COM.PL’	<i>vuemʹ:</i>	‘old (of things)’

<i>vuepenʲ</i>	‘daughter-in-law.COM.SG’	<i>čuelʲ:</i>	‘gut’	<i>ju:di:</i>	‘saucer’
<i>vuer:</i>	‘time (event)’	<i>čueŋ:če</i>	‘to stay’	<i>juedeŋč</i>	‘saucer.DIM’
<i>vues:kan</i>	‘perch’	<i>čuev:e</i>	‘to yearn’	<i>juev</i>	‘calm’
<i>čuej</i>	‘strip’	<i>čuez</i>	‘reindeer herd’	<i>juesʲ:</i>	‘bad thing’
<i>čuekas</i>	‘road’	<i>čuez</i>	‘hurt.NPST.3SG’		
п: п					
<i>kp:bbkeŋč</i>	‘newlywed wife.DIM’	<i>lvɡi:</i>	‘ten’	<i>švg:e</i>	‘to blow (of wind)’
<i>kp:b:e</i>	‘newlywed wife.DAT.SG’	<i>lvnʲt</i>	‘bird.ACC.SG’	<i>vl:k</i>	‘street’
<i>kp:v:ne</i>	‘to find’	<i>v:s:e</i>	‘to pitch a tent’	<i>vs:ke</i>	‘to believe’
<i>kpbi:</i>	‘pit’	<i>pv:ʰk</i>	‘order.NPST.3SG’	<i>vr:e</i>	‘to sit’
<i>kpʰče</i>	‘to call’	<i>pvni:</i>	‘bottom (of a body of water)’	<i>vr:ʲ:de</i>	‘to cherish’
<i>kpʲ:</i>	‘gold’	<i>pv:s:e</i>	‘to blow (of a person)’	<i>čvj:</i>	‘tea’
<i>kpni:te</i>	‘to kill’	<i>sv:g:</i>	‘news’	<i>čv:ʰpʲesʲ</i>	‘black’
<i>kpšʲ:kʲ</i>	‘dryness’	<i>sv:j:vʲ</i>	‘South’	<i>čvg:e</i>	‘comb.DAT.SG’
<i>kpžʲ</i>	‘soot’	<i>sv:vʲ:j</i>	‘South’	<i>pv:r:k</i>	‘cape’
<i>lv:f:k</i>	‘bag’	<i>svrʲ:mʲ</i>	‘death.ACC.SG’	<i>čv:g:e</i>	‘to fit’
<i>lv:g:</i>	‘ceiling’	<i>svrʲ:mʲ</i>	‘death’	<i>jvdʲ:e</i>	‘to go’
<i>lv:nʲ:t</i>	‘bird’	<i>vp:ʰc</i>	‘mitten’	<i>jvrkse</i>	‘to turn inside out’
<i>lv:ntexʲ</i>	‘(ripe) cloudberry’	<i>švg:</i>	‘blow.NPST.3SG’		

**«Материалы для изучения языка васюганских инородцев (остяков)
Нарымского края» за 1889 г. св. Макария (Невского):
особенности памятника, глагольная морфология, превербы**

Ковылин Сергей Васильевич,
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва),
Томский государственный педагогический университет (Томск); kovylin.ser@yandex.ru

В работе обсуждаются особенности памятника восточно-хантыйской письменности на васюганском диалекте «Материалы для изучения языка васюганских инородцев (остяков) Нарымского края» и смежных материалов, обнаруженных в очерках к памятнику. Данные были записаны св. Макарием (Невским) в ходе его зимних поездок по реке Васюган в 1889 г. Цель настоящего исследования — обнаружение особенностей материалов памятника при помощи их сравнения с известными данными по васюганскому диалекту в диахронии и сопоставлении с материалами из ваховского диалекта, а также описание и анализ глагольной морфологии и превербов идиома. Все примеры представлены как в оригинальной графике без изменений, так и в нормированном варианте с морфемной разбивкой и опорой на параллели из опубликованных грамматик и словарей по восточным диалектам хантыйского языка. В исследовании приводятся информация о деталях записи и содержании материалов, некоторые общие лингвистические, графические и лексические особенности, а также анализируются комментарии св. Макария (Невского), значимые для понимания данных в целом. Кроме того, рассматривается система глагольных категорий, которая включает совершаемость, залог наклонение, время, число, лицо. Дополнительно представлены вербализаторы и нефинитные формы глагола, включающие в себя инфинитив, причастие и деепричастие. В конце работы дается описание зафиксированных в памятнике превербов с глаголами, которые они модифицируют.

Ключевые слова: васюганский диалект, хантыйский язык, глагольная морфология, превербы, св. Макарий (Невский)

**“MATERIALS FOR STUDYING THE LANGUAGE OF THE VASYUGAN ABORIGINES (OSTYAKS)
OF THE NARYM KRAI” (1889) BY ST. MACARIUS (NEVSKY):
PECULIARITIES OF THE MONUMENT, VERBAL MORPHOLOGY, PREVERBS**

Sergei V. Kovylin,
Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow),
Tomsk State Pedagogical University (Tomsk); kovylin.ser@yandex.ru

The paper presents a discussion of peculiarities of the Eastern Khanty written monument in the Vasyugan dialect “Materials for studying the language of the Vasyugan aborigines (Ostyaks) of the Narym Krai” and related materials found in the essays of the monument. The data were recorded by St. Macarius (Nevsky) during his winter trips along the Vasyugan River in 1889. The objectives of the study are to discover the features of the materials of the monument by comparing them with the known data on the Vasyugan dialect in diachrony and comparing them with the materials from the Vakh dialect, description and analysis of verbal morphology and preverbs of the idiom. All examples are presented both in the original graphics without changes and in a normalized version with morphemic parsing of lexemes and reliance on parallels presented in grammars and dictionaries published on the Eastern dialects of the Khanty language. The study provides information about the details of the record and the content of the discussed materials, some general linguistic, graphical and lexical features and also the comments provided by St. Macarius (Nevsky) which are significant for understanding the data. Further, the system of verbal categories is discussed which includes realization of action, voice, mood, tense, number and person. Additionally, verbalizers and non-finite forms of the verb are presented which include infinitive, participle and gerund. At the end of the work, there is a discussion of the preverbs found in the monument with the verbs that they modify.

Keywords: Vasyugan dialect, Khanty language, verbal morphology, preverbs, St. Macarius (Nevsky)

Работа выполнена при поддержке гранта № 20-18-00403 («Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных»). Глоссированный материал памятника доступен на платформе ИСП РАН «Lingvodoc» по ссылке: <http://lingvodoc.ru/dictionary/2488/8764/perspective/2488/8767/edit> (дата обращения: 09.12.2023).

1. Введение

Данное исследование содержит анализ особенностей одного из первых памятников хантыйской письменности XIX в. на васюганском диалекте «Материалы для изучения языка васюганских инородцев (остяков) Нарымского края» за 1889 г. св. Макария (Невского) [ТЕВ 1890, № 13]. Памятник приводится в виде приложения к этнографическому очерку «Инородцы Нарымского края. Из путевых заметок Начальника Алтайской миссии» [ТЕВ 1890, № 8, 9]. В очерке дополнительно содержатся значимые сведения по васюганскому диалекту в виде небольшого текста, молитвы и хантыйской лексики, которые обсуждаются нами вместе с основными материалами (далее — материалы памятника).

Цель настоящего исследования — обнаружение особенностей материалов памятника при помощи их сравнения с известными данными по васюганскому диалекту в диахронии и сопоставлении с материалами из ваховского диалекта, а также описание и анализ глагольной морфологии и превербов идиома.

При описании основное внимание уделялось грамматикам [Терешкин 1961; Gulya 1966; Honti 1986; Filchenko 2010] и словарям [Steinitz 1966—1993; Терешкин 1981; Могутаев 1996], содержащим сведения по крайним восточным диалектам хантыйского языка. Для анализа селькупской составляющей памятника использовался «Селькупско-русский диалектный словарь» [Быконя и др. 2005]. Представленные в работе реконструкции-параллели приводятся с опорой на перечисленные материалы.

К неоднозначным местам даются комментарии в тексте либо в виде подстрочных сносок. Вспомогательные языковые данные, записанные латиницей и кириллицей в разных источниках, систематизированы в единую финно-угорскую транскрипцию на латинице.

подача примеров осуществляется следующим образом.

Если пример оформлен в виде предложения, то в нем выделяются четыре строки:

1. Текст памятника без морфемной разбивки.
2. Нормированный вариант с морфемной разбивкой.
3. Глоссирование.
4. Перевод. Если перевод необходимо уточнить, то в скобках приводится его дословный перевод.

Если пример представлен отдельной словоформой или рядом словоформ в строчку, то: 1) изначально приводится оригинал без морфемной разбивки, выделенный полужирным шрифтом; 2) далее — нормированный вариант с морфемной разбивкой, если она требуется; 3) глоссирование; 4) перевод; 5) дословный перевод, если перевод отсутствует либо его необходимо уточнить. В ряде случаев позиция 1 может отсутствовать, если форма совпадает с нормированным вариантом или если ее не нужно разделять на морфемы в рамках анализа.

Работа состоит из введения (раздел 1), общих сведений о записи и структуре памятника (раздел 2), описания некоторых общих лингвистических, графических и лексических особенностей (разделы 3, 5, 6), отдельных комментариев св. Макария (Невского) (раздел 4), обсуждения глагольной морфологии (раздел 7) и превербов (раздел 8), а также заключения (раздел 9). В Приложении 1 приведены примеры двух отсканированных страниц из рассматриваемого памятника.

2. О памятнике

Материалы были записаны св. Макарием (Невским) в ходе его зимних поездок по р. Васюган до некоего населенного пункта, находящегося в 444 верстах от г. Нарыма, а также по р. Тым до населенного пункта в 108 верстах от г. Нарыма [ТЕВ 1890, № 8: 20]. В статье Е. Р. Фендель представлены общие заметки по очерку (см. [Фендель 2014: 103—105]), однако в данной работе необходимо более подробно прокомментировать ряд деталей, относящихся к языку и местам проживания васюганских инородцев.

Св. Макарий (Невский) четко разделяет васюганских остяков (васюганских хантов) и тымских самоедов (тымских селькупов) по языку. Повествование касается одновременно обеих групп, тем не менее порой бывает неясно, о ком конкретно идет речь, т. к. происходит постоянное переключение в обсуждении с одного народа на другой, а некоторые элементы их быта, по его заметкам, идентичны. В очерках представлены элементы хантыйской и селькупской лексики, иногда без дополнительных комментариев со стороны автора, к какому языку они принадлежат. В самом памятнике письменности тоже содержится небольшое количество селькупской лексики.

Переводчиком, сопровождавшим членов миссии, был нарымский мещанин Л. П. Шушков, который рассказал и перевел «Сказку о тридцати разбойниках», а также, предположительно, другие материалы вместе с местными васюганскими хантами [ТЕВ 1890, № 9: 27; № 13: 19, 20]. Он же помогал осуществлять коммуникацию между членами миссии и местными хантами, не знающими русского языка, перево-

дя миссионерские речи св. Макария (Невского) [там же]. Предание о сотворении земли было записано со слов Данило Максимова из юрт Варгананжиных¹ [ТЕВ 1890, № 9: 16].

Языковые материалы общим объемом 1450 словоформ распределены между несколькими частями очерков.

«Материалы для изучения языка васюганских инородцев (остяков) Нарымского края» за 1889 г. имеют следующую структуру:

- 1) Счет у остяков васюганских.
- 2) Склонения².
- 3) Местоимения.
- 4) Примеры склонения имен.
- 5) Склонение местоимений.
- 6) Примеры склонения имен с притяжательными приставками³.
- 7) Прилагательные.
- 8) Глаголы (а также примеры спряжения).
- 9) Предлоги⁴.
- 10) Союзы.
- 11) Наречия.
- 12) Междометия.
- 13) Отрицательные частицы.
- 14) Опыт перевода молитв на наречие васюганских остяков.
- 15) Символ веры.
- 16) Фразы для катехизации.
- 17) Название членов семьи.
- 18) Снасти.
- 19) Шаманство.
- 20) Сказка о тридцати разбойниках.

Отдельно рассматриваются хантыйское предание о сотворении земли, краткая молитва, а также лексика, включающая самоназвания, счет и христианские праздники на хантыйском языке [ТЕВ 1890, № 8: 22, 25–26; № 9: 16, 17].

3. Особенности материалов

Обсуждаемые языковые материалы вызывают определенные сложности при их интерпретации. Далее приведены некоторые наиболее значимые замечания и комментарии, позволяющие лучше понять логику записей. Стоит отметить, что, несмотря на большое количество мест, требующих дополнительного объяснения, почти все удалось расшифровать.

1) Наблюдаются явления, которые можно проинтерпретировать либо как графические особенности памятника, нуждающиеся в дальнейшем обсуждении, либо как неточности записи, восстанавливаемые при помощи реконструкции, например: *ясильгли-* вместо имеющего параллель в словаре вас. *jäsəŋlil-* ‘говорить’ [Герешкин 1981: 66] (см. (1)), *кои-вуль* ‘хотеть-PRS.3SG’ вместо подходящего по контексту *кои-вунь* ‘хотеть-PRS.2SG’ (см. таблицу 1 в разделе 7.3.1.2, а также пример (2) ниже).

(1) *Тахтан Торма ясильглигас...*

Тахтан Торм-а ясильгли-гас...

гагара Бог-ILL говорить-PST3.3SG

‘Гагара Богу сказала...’ (досл. ‘Гагара Богу говорила...’).

(2) *Мугули верта коивуль?*

Мугули вер-та кои-вунь?

что делать-INF хотеть-PRS.2SG

‘Что делать хочешь?’ (см. этот же пример как (90)).

¹ Отмечаются две юрты Варгананджины (сельк. ‘Большое брюхо’) в Нарымском крае — на р. Тым и на р. Васюган [Тучкова 2014: 152, 155–156]. Скорее всего, здесь упоминается второе поселение — Варгананджины Зимние, или по-другому Телех-пугол (хант. ‘Зимняя деревня’), находящиеся на левом берегу р. Васюган ниже устья рч. Варгананжинки [там же].

² Термин «склонение» в данном случае используется по отношению к склонению имен существительных.

³ Термин «приставка» используется по отношению к посессивным суффиксам.

⁴ Термин «предлог» используется для обозначения послелогов.

2) Некоторые лексемы не обнаруживаются в словарях (были проанализированы труды В. Штейница [Steinitz 1966—1993], Н. И. Терешкина [1981], М. К. Могутова [1996]) или могут быть переведены только условно, например: *иль вах-* — вниз ?воскреснуть 'воскреснуть' (см. (3)), *иш-* 'есть' (см. (4)), *жерала* 'больно', *личь* 'хвост' и др.

(3) *Кольлан* **ильвахтана** *илин-новтана*
Колы-лан *иль вах-т-ил-на* *илин - новта-на*
 мертвый-POSS.2PL/PL вниз ?воскреснуть-PRS.PTCP-3PL-LOC впереди век-LOC
лилинка *лягиллем.*
лили-н-ка *лягил-л-ем.*
 жизнь-ADJZ-ADVZ ждать-PRS-?1SG.sub|1SG/SG
 'Мертвых воскресение, будущее время жизни дарование ожидаю' (досл. 'Мертвые ваши когда воскреснут в будущем веке живо ожидаю').

(4) *Нега молвеллитахъ, иштыхъ.*
Нега молвелл-итахъ, иш-тыхъ.
 мясо варить-IMP.2PL.sub ?есть-IMP.2PL.sub
 'Мясо варите, ешьте' (см. этот же пример как (19)).

3) В ряде случаев отмечается недословный перевод или его отсутствие, например: фрагмент *инкъ тыгаганъ* в оригинале представлен как 'вода была', однако его стоит переводить как 'вода появилась, получилась', см.:

(5) *Алынтеля инкъ тыгаганъ.*
Алынтеля инкъ тыг-аганъ.
 сначала вода получить- PST.3SG
 'Сначала вода была' (досл. 'Сначала вода появилась').

Также приведем пример отсутствия перевода в дословном комментарии св. Макария (Невского), где говорится о повелительном наклонении: «Если окончанию *та* предшествуют слоги *ил*, *ыл* (*ымылта*, *өгильта*), то это окончание с предшествующими слогами изменяется в одно *ла*: *ымылта* — *ымла*, *өгильта* — *өгля*». Из графической репрезентации понятно, что речь идет о лексемах: *ымыл-та* — сесть-INF 'сесть'; *ымл-а* — сесть-IMP.2SG 'сядь'; и *өгиль-та* — верить-INF 'верить'; *өгль-я* — верить-IMP.2SG 'верь'.

4) Необходимо выделить нечеткость графики как гласных, так и согласных (см. раздел 5).

5) Из-за проблем с графикой возможно большое количество альтернативных трактовок явлений: например, глагольный суффикс *-ем* с переходными глаголами может быть проанализирован не только как 1SG.sub (> *-ät/-ät*), но и как 1SG/SG (> *-im/-im*); суффикс *-ын* — как 2SG.sub (> *-än/-än*) и 2SG/SG (> *-in/-in*). Это объясняется тем, что в записях не обнаруживается систематического использования гласных для различия спряжения глаголов, а переходные глаголы могут маркироваться и субъектным, и объектным спряжением. Также особую сложность в этом отношении составляют причастные формы (см. раздел 7.4.2).

6) В материалах отсутствуют конструкции, где агенс выражается именем в локативном падеже, а глагол может принимать особую словоизменительную морфологию условно называемого «пассивного» залога (см. работы Н. И. Терешкина [1961: 88], А. Ю. Фильченко [Filchenko 2010: 266, 267]).

7) Наблюдаются интересные грамматические явления, не описанные либо частично описанные в общих грамматиках, например: падеж вокатив *-а*, глагольный маркер *-ым* '?1DU'.

8) Отмечается значительное количество лексики из русского и селькупского языков (см. раздел 6).

4. Комментарии св. Макария (Невского)

В тексте приводятся дополнительные комментарии св. Макария (Невского), объясняющие особенности памятника. Далее обсуждаются только некоторые из них, помогающие лучше разобраться в специфике материала.

1) Так, отмечается, что формы личных местоимений в винительном и дательном падежах совпадают, например *мана*: *ман-а* — 1SG-ACC 'меня' и *мана*: *ман-а* — 1SG-ILL 'мне' [ТЕВ 1890, № 13: 3, 5], см. также примеры (6) и (7). Однако, по данным грамматик [Терешкин 1961: 63; Filchenko 2010: 124], эти формы различаются: *män-t/män-ät/män-ä*⁵ — 1SG-ACC 'меня' и *män-ä* — 1SG-ILL 'мне'.

⁵ Согласный *t* может выпадать на конце слов в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка.

(6) *Минъ нума велысманъ!*
Минъ нум-а велы-с-манъ!
 1DU 2SG-ACC убить-PST2-?1DU/SG|DU.sub
 ‘Мы тебя убили!’

(7) *Мана им вера.*
Ман-а им вер-а.
 1SG-ILL хорошее сделать-IMP.2SG.sub
 ‘Сделай мне милость’ (досл. ‘Мне хорошее сделай’).

2) Св. Макарий (Невский) приводит примеры существительных в дательном падеже, оканчивающиеся на *-а*, и утверждает, что иногда они совпадают с существительными в винительном падеже — суффикс *-а* [ТЕВ 1890, № 13: 3, 4]. Также ранее он пишет, что существительные в аккузативе не имеют окончаний [там же: 2]. По сути, верно второе утверждение, а первое может объясняться иллативным управлением глаголов, что может переводиться на русский язык аккузативом, например: *тахтан Торма нырыныгас*: *тахтан Торм-а нырыны-гас*⁶ — гагара бог-ILL спросить-PST3.3SG ‘гагара у Бога спросила’.

3) В тексте рядом с парадигмами существительных дается следующий комментарий: «Мы должны оговориться, что примеры склонения множественного числа в косвенных падежах мы представили по аналогии с тюркским языком, а не из действительности; посему эти склонения требуют проверки» [там же: 4]. Хотя все формы на странице с комментарием являются правильными, возможно, св. Макарий (Невский) представил по аналогии и другие парадигмы.

4) При объяснении нефинитных форм глагола прослеживается несогласованность, связанная с формальным неразличением показателя *-ман*. Так, деепричастная форма *-ман*, имеющая параллель *-min/-tɨn* в васюганском диалекте, смешивается в объяснении с причастной формой *-ман* — скорее всего, причастием прошедшего времени в форме *-м-ан* с соответствующей параллелью *-m-an/-m-än* ‘PST.PTCP-2SG’, например: *минман искас*: *мин-ман ис-кас* — идти-CVB плакать-PST3.3SG ‘идя, плакал’; *татыман кассы*: *таты-м-ан касы* — сотворить-PST.PTCP-2SG человек ‘сотворенный ты человек’.

5) Также представлены объяснения форм «присоединяющихся» к инфинитиву (например, *верта* ‘делать’) ‘суффикса творительного падежа’ *-нна* (в поясняющих примерах дополнительно встречается форма *-на*), *-мна*, служащих для выражения цели и условия. Здесь явно речь идет о причастных формах настоящего времени и, вероятно, других нефинитных формах (см. раздел 7.4), где эти суффиксы потенциально разлагаются на маркеры падежей и лично-числовые маркеры, однако их анализ в существенном количестве затруднен недостатком контекста или возможными неточностями фиксации форм. В следующем примере показатель *-анн-а* можно соотнести с имеющими параллели в васюганском диалекте формами *-анн-а > -än-ä* — *јаг јунк-ох тугу винтанна*: *јаг јунк-ох тугу ви-нт-ан-а* — люди дьявол-ABL.PROL прочь взять-PRS.PTCP-2SG-ILL ‘Людей дьявола от прочь взять чтобы’ (досл. ‘Чтобы ты прочь взял людей от дьявола’). Наблюдается периодическое смешение представленных показателей в материалах — лишние или недостающие графические элементы (буквы), допускаются вариации в толковании, например: *-ам-ан-а > -ан-а*: *оголлем... кулы тiа-манна*: *огол-л-ем... кулы тiа-м-ан-а* — верить-PRS-?1SG.sub|1SG/SG — все держать-PRS.PTCP-2SG-ILL ‘верую... вседержашему’. Также возможно деепричастное толкование данного суффикса в представленных для объяснения формы примерах: *-ман > -тiп*: *крещенье вулман ясиглем*: *крещенье вул-ман ясиг-л-л-ем* — крещение быть-CVB старинный.рассказ-VBLZ-PRS-?1SG.sub|1SG/SG ‘крещение быти исповедую’ (досл. ‘крещение будучи говорю’).

6) Св. Макарий (Невский) делает отсылки к некоему тюркскому языку для сравнения с хантыйским, скорее всего, к южно-алтайскому, т. к. он являлся членом Алтайской духовной миссии и занимался этим языком.

5. Некоторые особенности графики

Основой графики служит дореволюционный русский алфавит с добавлением таких букв, как *ä, j, ö, ü*. Слова помечаются ударением, однако его использование не систематично.

В графике памятника не учитываются особенности, связанные с долготой и краткостью, а также с гармонией гласных (хотя косвенно на это обращается внимание), свойственной васюганскому диалекту. Как следствие, выявлена большая вариативность в использовании гласных. Кроме того, в кириллической графике не предусмотрено способа отображения редуцированных на письме, поэтому очень часто

⁶ Скорее всего, это опечатка от *piräyse* ‘спросить’ [Терешкин 1981: 366].

наблюдается варьирование в слабых позициях, т. к. на письме передаются те видоизменения, которые происходят с редуцированием в речи. Приведем несколько примеров, демонстрирующих отсутствие фиксации долготы/краткости, гармонии и наличия вариативности гласных: *амыс-/ымыс-/амас-* ‘сидеть’ (> *ámasta*)⁷ [Терешкин 1981: 15], *ви-/вѝ-/ве-/вы-* ‘братъ, взять’ (> *wátá*) [там же: 533], *огиль-/огол-/огил-/ögöl-/ögиль-* ‘верить’ (> *öyältä*) [там же: 331], *торам/торум/торм/торамъ/тором/торым* ‘бог, небо, свет’ (> *tórəm*) [там же: 471]. Более подробно анализ гласных памятника хантыйской письменности при сопоставлении его с другими источниками по васюганскому и ваховскому диалектам хантыйского языка представлен в работе [Норманская 2022].

Использование согласных четче отображает реальную графическую структуру. Тем не менее также встречаются случаи их неустойчивого употребления. Приведем наиболее значимые примеры, демонстрирующие вариативность написания некоторых согласных. Так, *η* может передаваться буквами *н, м, з, х, в*: *нән/нан/нин/нинь* ‘вы (многие)’ (> *nəŋ*) [Терешкин 1981: 295], *нум/нумь* ‘ты’ (> *niŋ*) [там же: 294], *ясигл-/јасхыль-* ‘говорить’ (> *jäsŋältä*) [там же: 65], *молвелл-* ‘варить’ (> *molŋil-*) [там же: 261]; согласный *у* — буквами *х, з, к*: *-ох, -ог* ‘ABL.PROL’ (> *-оу/-öү*), *тактань* ‘гагара’ (> *täytan*) [там же: 459]; согласный *w* — буквой *з*: *логас* ‘амбар’ (*läwas*) [там же: 202]; согласный *ј* — разными буквами, в том числе выражающими сочетания двух звуков: *јүг/игу/юг* ‘он/а’ (> *jüŋ*) [там же: 219], *ясигл-/јасхыль-* ‘говорить’ (> *jäsŋältä*) [там же: 65]; буква *l* — *л, ль* в одинаковых фонетических окружениях: *огил-вель* — верить-PRS.3SG ‘он верит’, *вер-вуль* — делать-PRS.3SG ‘он делает’ (> *-wəl*).

Кроме того, любое слово, заканчивающееся на закрытый слог, согласно правилам русской орфографии XIX в. требующее буквы *ь* в подобной позиции, свободно пишется как с этим знаком, так и без него, например: *месь/мес* ‘корова’ (> *mes*) [там же: 254], *Христось/Христос* ‘Христос’, *ягь/јаг* ‘люди’ (> *jaŋ*) [там же: 61].

6. Некоторые особенности лексики

В памятнике встречаются русские и селькупские лексемы. Всего зафиксировано 44 русских (в частности, адаптированных грамматически), которые, предположительно, восполняют лексические лакуны языка, и 25 селькупских лексем. Селькупские лексемы обнаруживаются только в разделах «Название членов семьи», где они составляют 18 из 19 лексем, сосредоточенных в словарной части, и «Снасти» — 7 из 14 лексем. Скорее всего, при записи св. Макарий (Невский) воспринимал данную лексику как хантыйскую. Как уже сообщалось ранее, селькупская лексика также встречается в самом этнографическом очерке вместе с хантыйской. У нас отсутствует достаточная социологическая информация о респондентах, можно сказать только, что данные записывались в местах, где проживают и васюганские селькупы, и васюганские ханты, — в низовьях р. Васюган и прибрежной территории, в том числе, возможно, от информантов, владеющих одновременно двумя коренными языками. В подтверждение последнего предположения можно привести пример из памятника: для перевода слова ‘сын’ даны две лексемы — сельк. *и* ‘сын’ и хант. *пог* ‘сын’. Далее следует список лексем.

Представленные через посредство русского языка лексемы: *аминь* ‘аминь’; *апостольскій* ‘апостольский’; *аршинь* ‘аршин’; *атаман* ‘атаман’; *и* ‘и’; *крещенье* ‘крещение’; *Ливещенье* ‘Благовещенье’; *миленькай* ‘миленький’; *пророк* ‘пророк’; *пудь* ‘пуд’; *святой* ‘святой’; *соборный* ‘соборный’; *церкв-е* — церковь-ILL ‘церкви’; *шот* ‘счет’; *сута-хь* — суд-ADVZ ‘судимо’.

Селькупские лексемы: *ас* ‘отец’; *аут* ‘мать’; *ачжи* ‘старший брат’; *вергуноль чур* ‘кружок на палке при ходьбе на лыжах’; *и* ‘сын’; *иван-ау* ‘муж зовет жену по первенцу — Иван-мать’; *иван-езь* ‘жена зовет мужа по первенцу — Иван-отец’; *илчжа* ‘дядя по отцу и по матери’; *илчжал ара* ‘тесть’; *ја кошъ* ‘клепцы-капкан’; *канджъ* ‘нарта’; *качжам* ‘?деверь’; *кыба конык* ‘шурин, свояченица’; *лада* ‘ловушка на колонков и белок’; *мыда* ‘младший брат’; *не* ‘дочь’; *нимба* ‘бабушка’; *ниньга* ‘младшая сестра’; *няня* ‘младшая сестра’; *пальчжа* ‘теща’; *таишь* ‘лыжи с подбивкой из кожи лосиных ног’; *толджъ* ‘лыжи голые’; *чур* ‘палка при ходьбе на лыжах’.

7. Глагол

В данном разделе представлена система глагольных категорий хантыйского языка, которая включает совершаемость, залог, наклонение, время, число, лицо. Мы будем рассматривать категории совершаемости и залога отдельно от наклонения, времени, числа и лица, т. к. обсуждение первых связано с анализом семантики основ глагола, в то время как последние соотносятся со словоизменением. Также кратко упо-

⁷ Ударения расставлены автором статьи на основе данных из личных полевых материалов.

мянем перевод глаголов в памятнике, связанный с их видовыми или акциональными характеристиками. Эта тема требует дальнейшего рассмотрения. Дополнительно обсуждаются вербализаторы и нефинитные формы глагола (инфинитив, причастие и деепричастие).

7.1. Категории глагола 1: совершаемость, залог⁸

Мы не будем подробно останавливаться на выделении категории вида, т. к. ее существование в хантыйском языке не очевидно⁹, или выделении акциональных классов глаголов, т. к. для их анализа недостаточно данных памятника, однако перед рассмотрением категорий совершаемости и залога необходимо кратко упомянуть некоторые значимые для перевода моменты. Так, в материалах памятника можно выделить глаголы, которые переводятся на русский как совершенным, так и несовершенным видом, в зависимости от их синтаксического окружения, контекста и семантических особенностей, например *вер-* ‘делать, сделать’. Нетерминативные глаголы, такие как *вул-* ‘жить, быть, существовать’, *тия-* ‘иметь, держать, носить’, переводятся только несовершенным видом. Деривационные маркеры совершаемости также могут вносить изменения в перевод глаголов на русский (см. раздел 7.1.2).

Перевод на русский язык несовершенным видом глагола: *вер-* ‘делать’

- (8) *Тулыла минсыть мигивь верта.*
Тулыла мин-с-ыть мигивь вер-та.
 потом идти-PST2-3PL.sub колотушка делать-INF
 ‘Потом пошли колотушки делать’ (досл. ‘Потом пошли колотушку делать’).

Перевод на русский язык совершенным видом глагола: *вер-* ‘сделать’

- (9) *Атамань тулыла титы и верась.*
Атамань тулыла титы и вера-сь.
 атаман потом так и сделать-PST2.3SG
 ‘Атаман потом так и сделал’.

Перевод на русский язык несовершенным видом глагола: *вул-* ‘жить, быть, существовать’

- (10) *Тулыла ба юнгъ-тактан ил минысь и моча тат улавул.*
Тулыла=ба юнгъ тактан ил мины-сь и моча тат ула-вул.
 потом=EMPH дьявол гагара вниз пойти-PST2.3SG и доньне там жить-PRS.3SG
 ‘После этого дьявол гагара вниз сошел и доньне там живет’.

Перевод на русский язык несовершенным видом глагола: *номахсиль-* ‘задумываться’

- (11) *Иг жегонама игатыи; жакаслань номахсильвель.*
Иг жего-нам-а игатыија-кас-лань, ном-ахс-иль-вель-ть.
 3PL 3PL-REFL-ILL посмотреть-PST3-?3PL/PL помнить-INTR/REFL-HAB-PRS.3SG-3PL.sub
 ‘Они на себя посмотрели, думают’ (досл. ‘Они на себя посмотрели, задумываются’) (см. этот же пример как (100)).

Перевод на русский язык совершенным видом глагола: *куругты-* ‘ободрать’

- (12) *Сугуль тугу куругтыхь.*
Суг-уль тугу куру-гты-х-и.
 кожа-POSS.3SG/SG прочь обдирать-CMPL-EP-IMP.2SG/SG
 ‘Кожу прочь сними (собств. облуня)’ (досл. ‘Кожу (коров) прочь сними’).

7.1.1. Совершаемость

Суффиксы совершаемости участвуют в глагольном словообразовании и детализируют аспектуальные характеристики действия. Всего нами выделено три суффикса совершаемости: хабиуалис *-ил*, фреквентатив *-гал* указывают на несовершенство; суффикс завершеного способа действия *-ихт* выражает совершенство.

⁸ Приведены только те глаголы, которые удалось расшифровать и разобрать на составляющие их элементы (реконструируемые глаголы под вопросом не рассматривались).

⁹ Несмотря на это, по замечаниям И. А. Николаевой и А. Д. Каксина, в северных диалектах хантыйского языка, например в обдорском и казымском [Николаева 1995: 149–153; Каксин 2010: 114, 115], глаголы могут быть отнесены к общему (нейтральному) или стативному виду (обозначающему результат или состояние).

7.1.1.1. Хабитуалис (НАВ)

Суффикс *-ил* (*-иль, -елл, -ыль, -ль*) (> *-il/-il*) выражает многократность, длительность, хабитуальность действия [Терешкин 1961: 79; Filchenko 2010: 228], присоединяется к переходным и непереходным основам. В словаре В. Штейница и у Я. Гуя обозначается как фреквентатив [Gulya 1966: 98; Steinitz 1966—1993].

- (13) *Лягил-* — ждать.НАВ ‘ждать’.
 (14) *Молвелл-:* *молв-елл-* — сварить-НАВ ‘варить’.
 (15) *Номахсиль- (номаксил-):* *ном-ахс-иль- (ном-акс-ил-)* — помнить-INTR/REFL-НАВ ‘задумываться’.
 (16) *Патыль-:* *пат-ыль-* — замерзнуть-НАВ ‘замерзать’.
 (17) *Тиниль-:* *тин-и-ль-* — цена-VBLZ-НАВ ‘продавать’.
 (18) *Уил-:* *у-ил-* — видеть-НАВ ‘видеть’.
 (19) *Нега молвеллитахъ, иитыхъ.*
Нега молв-елл-итахъ, ии-тыхъ.
 мясо сварить-НАВ-IMP.2PL.sub ?есть-IMP.2PL.sub
 ‘Мясо варите, ешьте’ (см. этот же пример как (4)).

7.1.1.2. Фреквентатив (FREQ)

Суффикс *-гал* (> *-yil/-yil*) выражает мультипликативное, повторяющееся действие [Filchenko 2010: 233], многократное, длительное действие [Терешкин 1961: 79]. Он присоединяется к переходным и непереходным основам. В словаре В. Штейница данный маркер с представленной далее лексемой обозначается как фреквентатив [Steinitz 1966—1993: 885].

- (20) *Мигал-:* *ми-гал-* — дать-FREQ ‘передавать’ (досл. ‘давать’).
 (21) *Ма... мурту меннама мигалим.*
Ма... мурту мен-нам-а ми-гал-л-им.
 1SG полностью 1SG-REFL-ILL дать-FREQ-PRS-?1SG.sub|1SG/SG
 ‘Я... всего себя предаю Тебе’ (досл. ‘Я... полностью себя даю’).

7.1.1.3. Завершенность (CMPL)

Суффикс *-ихт* (*-ихта, -ихты, -хта, -гты*) (> *-yt*) выражает завершенность, ограниченность, мгновенность действия [Gulya 1966: 98; Filchenko 2010: 235].

- (22) *Тугу кынахта-:* *тугу кына-хта-* — прочь пороть-CMPL ‘распороть’.
 (23) *Тугу куругты-:* *тугу куру-гты-* — прочь обдирать-CMPL ‘ободрать’.
 (24) *Канджигты-* — встретить.CMPL ‘встретить’.
 (25) *Чилихта- (чилихты-):* *чил-ихта- (чил-ихты-)* — кричать-CMPL¹⁰ ‘кричать’ (досл. ‘закричать’).
 (26) *Рачь уту тальсатъ: сугуль тугу кынахтасы.*
Рачь уту таль-с-атъ, суг-уль тугу кына-хта-сы.
 старик на берег вытащить-PST2-3SG/SG кожа-POSS.3SG/SG прочь пороть-CMPL-PST2.3SG
 ‘Старик вытащил, кожу распорол’ (досл. ‘Старик на берег вытащил, кожу прочь распорол’).

7.1.1.4. Моментатив (MOM)

При помощи предполагаемого суффикса моментатива *-нды* образована лексема *лахтынды-* от реконструируемой основы **layət-* [Steinitz 1966—1993: 744].

- (27) *Лактынды-* — нырнуть.MOM ‘нырнуть’.
 (28) *Тактан лактындыманна тугаста мых.*
Тактан лактынды-м-ал-на ту-гас-та мых.
 гагара нырнуть.MOM-PST.PTCP-3SG-LOC принести-PST3-3SG/SG земля
 ‘Гагара сныряла, принесла земли’ (досл. ‘Гагара, когда она нырнувшая была, принесла земли’).

¹⁰ Альтернативная трактовка: *чил-ихта-* — крик-VBLZ.CMPL ‘закричать, ?кричать’.

7.1.2. Залог

Глаголы хантыйского языка делятся на переходные и непереходные. Переходными либо непереходными могут быть сами корневые лексемы, а также лексемы, осложненные специальными деривационными показателями, такими как суффиксы *-ахсы*, *-нды*, выражающими непереходность или возвратность.

7.1.2.1. Непереходные корневые лексемы (INTR)

- (29) **Ымылта:** *ымыл-та* — сесть-INF ‘сесть’.
 (30) **Юнта:** *ю-нта* — прийти-INF ‘прийти’.

7.1.2.2. Переходные корневые лексемы (TR)

- (31) **Верта:** *вер-та* — делать-INF ‘делать, сделать’.
 (32) **Татта:** *тат-та* — сотворить-INF ‘творить, сотворить’.

7.1.2.3. Непереходность/рефлексив (INTR/REFL)

Суффикс *-ахс* (*-акс*, *-хсы*, *-хса*, *-гсы*) (> *-əʊs*) преобразует переходные глаголы в глаголы, выражающие непереходность или возвратность [Терешкин 1961: 87; Filchenko 2010: 227].

- (33) **Номахсиль- (номаксил-):** *ном-ахс-иль-* (*ном-акс-ил-*) — помнить-INTR/REFL-НАВ ‘думать’ (досл. ‘задумываться’).
 (34) **Пырыхсы- (пырыхса-, пырыгсы-):** *пыры-хсы-* (*пыры-хса-*, *пыры-гсы-*) — спросить-INTR/REFL ‘спрашивать’.
 (35) *Југ ига пырыхсывель.*
Југ иг-а пыры-хсы-вель.
 3SG 3PL-ILL спросить-INTR/REFL-PRS.3SG
 ‘Он их спрашивает’.

Суффикс *-нды* (> *-ənt/-ant (-int)*), так же как и предыдущий маркер, преобразует переходные глаголы в глаголы, выражающие непереходность или возвратность [Терешкин 1961: 87; Filchenko 2010: 226].

- (36) **Колынды-:** *колы-нды-* — слышать-INTR/REFL ‘слышать’ (досл. ‘слушать, слушаться’).
 (37) *Колым јон выин ку југасытъ, колындывель.*
Колым јон выи-н ку ју-гас-ытъ, колы-нды-вель.
 три десять обман-ADJZ человек прийти-PST3-3PL.sub слышать-INTR/REFL-PRS.3SG
 ‘Тридцать разбойников пришли, слышат’ (досл. ‘Тридцать разбойников пришли, слушают (?слышится)’).

7.2. Глагольное словообразование

7.2.1. Вербализаторы

В материалах памятника можно выделить суффиксы *-л* (*-ль*) и *-и*, участвующие в образовании глаголов от имен существительных и прилагательных.

7.2.1.1. Вербализатор (VBLZ): *-л* (*-ль*)

- (38) **Имиль-:** *им-и-ль-* — хорошее-EP-VBLZ ‘славить’ (досл. ‘славить, ?славиться’).
 (39) **Пирьяналь-:** *пирьяна-ль-* — крест-VBLZ ‘молиться’.
 (40) **Чокал-:** *чока-л-* — мýка-VBLZ ‘страдать’.
 (41) **Ясигль- (јасхыль-):** *јасиг-ль-* (*јасхы-ль-*) — старинный.рассказ-VBLZ ‘говорить’.
 (42) *Јасхылта сагай атаманъ верыс.*
Јасхы-ль-та сагай атаманъ веры-с.
 старинный.рассказ-VBLZ-INF по атаман сделать-PST2.3SG
 ‘Как говорили, так атаман и сделал’.

7.2.1.2. Вербализатор (VBLz): -и

- (43) **Тиниль-:** *тин-и-ль-* — цена-VBLz-НАВ ‘продавать’.
- (44) *Вача парь ос суй тинильта тугасыль.*
Вач-а парь ос суй тин-и-ль-та ту-гас-ыль.
 город-ILL пепел и уголь цена-VBLz-НАВ-INF увезти-PST3-?3PL/SG
 ‘В город пепел и угли продавать повезли’.

7.2.2. Совпадение глагольной основы с основой существительного

Также обнаружен ряд глаголов, чьи основы формально совпадают с основами существительных.

- (45) *Вер-* ‘делать, сделать’ (для сравнения: *wer* ‘дело’ [Терешкин 1981: 521]; *wertä* ‘делать, сделать’ [там же: 522]).
- (46) *Канджи-* ‘писать, написать’ (для сравнения: *qäñčj* ‘узор, рисунок’ [там же: 154]; *qäñčjta* ‘писать, записать’ [там же]).
- (47) *Пыгым-* ‘рассердиться’ (для сравнения: *рəүəт* ‘гнев’ [там же: 387]; *рəүəтtä* ‘рассердиться’ [там же: 388]).
- (48) *Ой, нинь неминь мана имъ веркастыхъ.*
Ой, нинь неминь ман-а им-ъ вер-кас-тыхъ.
 ой 2PL действительно 1SG-ILL хорошее-ADVZ сделать-PST3-2PL.sub
 ‘Ой, вы лучше мне сделали’ (досл. ‘Ой, вы действительно мне хорошо сделали’).

7.3. Категории глагола 2: лицо, число, спряжение, наклонение и время

Личные формы глагола обладают категориями лица (1, 2, 3-е), числа (ед., дв., мн.), типа спряжения (субъектное, субъектно-объектное). Переходные глаголы могут использовать оба типа спряжения, в то время как непереходным присуще только субъектное спряжение. В памятнике зафиксированы глаголы в индикативе, императиве и условном наклонении. Суффиксы спряжения глаголов в императиве отличаются от суффиксов индикатива. Временная парадигма представлена настоящим-будущим временем (PRS), недавно прошедшим определенным временем (PST2), недавно прошедшим неопределенным временем (PST3) и давно прошедшим определенным временем (PST).

7.3.1. Индикатив

7.3.1.1. Спряжение

Индикатив, в отличие от других наклонений, не маркируется. В памятнике зафиксированы следующие позиции субъектного и субъектно-объектного спряжения: *-им* (*-ым, -ымь*) ‘1SG.sub’, *-ын* ‘2SG.sub’, *-та* (*-ать, -ыт, -ть*) ‘3SG/SG’, *-ель* ‘3SG/PL’, *-имен* (*-ыминь, -ымынь*) ‘1DU.sub’, *-етахъ* (*-итахъ, -тыхъ, -тыг, -тахъ*) ‘2PL.sub’, *-ыть* (*-еть, -ыть*) ‘3PL.sub’, *-ыль* (*-иль, -ель*) ‘3PL/SG’, *-лал* ‘3PL/PL’.

1SG.sub: *-им* (*-ым, -ымь*) (> *-əт/-əт*)

- (49) **Выгыллым:** *выгыл-л-ым* — сойти-PRS-1SG.sub ‘схожу, спущусь, сойду’.
- (50) **Чокыллым:** *чок-ыл-л-ым* — мұка-VBLz-PRS-1SG.sub ‘страдаю, страдаю’.
- (51) **Ымыллым:** *ымыл-л-ым* — сесть-PRS-1SG.sub ‘сажусь, сяду’.

- (52) *Ма качь най валахъ ымылсым, ортъ валахъ ымылсым.*
Ма качь най вала-хъ ымыл-с-ым; ортъ вала-хъ ымыл-с-ым.
 1SG чуть.не королева место-TRSL сесть-PST2-1SG.sub король место-TRSL сесть-PST2-1SG.sub
 ‘Я маленько королевой не стал, королем не стал’ (досл. ‘Я чуть не королевы местом сел, короля местом сел’).

2SG.sub: *-ын* (> *-əп/-əп*)

- (53) **Нум выгылсын:** *нум выгыл-с-ын* — 2SG сойти-PST2-2SG.sub (досл. ‘ты сошел’).
- (54) **Нум мин-сын:** *нум мин-с-ын* — 2SG идти-PST2-2SG.sub (досл. ‘ты шел’).
- (55) **Нум юссын:** *нум ю-сс-ын* — 2SG прийти-PST2-2SG.sub (досл. ‘ты пришел’).

3SG/SG: -та (-атъ, -ыт, -тъ) (> -ätä/-ätə)

- (56) Юнгъ-тактанъ иле-јог **игытыякастъ.**
 Юнгъ тактанъ иле јог **игытыя-кас-тъ.**
 дьявол гагара вперед назад посмотреть-PST3-3SG/SG
 'Дьявол-гагара взад-вперед посмотрел'.

- (57) Нянь ос инкъ **тугаста.**
 Нянь ос инкъ **ту-гас-та.**
 хлеб и вода принести-PST3-3SG/SG
 'Он принес хлеб и воду'.

3SG/PL: -ель (> -äl/-äl > -ällä/-ällə)

- (58) **Југ веркасель:** југ вер-кас-ель — 3SG делать-PST3-3SG/PL (досл. 'он делал их').

1DU.sub: -имен (-ыминь, -ымынъ) (> -ätän/-ätən)

- (59) **Ман-минли-мен:** ман мин-л-имен — 1DU идти-PRS-1DU.sub 'мы придем'.
 (60) **Ман-ымыллы-минь:** ман ымыл-л-ыминь — 1DU сесть-PRS-1DU.sub 'мы сядем'.
 (61) **Ман-кулалы-мынъ:** ман кула-л-ымынъ — 1DU кончиться-PRS-1DU.sub 'мы кончимся'.

2PL.sub: -етахъ (-итахъ, -тыхъ, -тыг, -тахъ) (> -ätäy/-ätäy)

- (62) **Нан-верли-тахъ:** нан вер-л-итахъ — 2PL делать-PRS-2PL.sub 'вы делаете'.
 (63) **Нан-минли-тахъ:** нан мин-л-итахъ — 2PL идти-PRS-2PL.sub 'вы придете'.

- (64) Могуньль атыль касы **веллитахъ?**
 Могуньль атыль касы **вел-л-итахъ?**
 как один человек убить-PRS-2PL.sub
 'Как одного человека убьете?'

3PL.sub: -ыть (-еть, -ыть) (> -ät/-ät)

- (65) Там ига јаг јерала **велькасетъ.**
 Там иг-а јаг јерала **вель-кас-етъ.**
 там 3PL-ACC люди ?больно побить-PST3-3PL.sub
 'Там их люди больно избивали'.

3PL/SG: -ыль (-иль, -ель) (> -il/-il)

- (66) Јогна јунтана, атаманъ **канджигтыгасиль.**
 Јог-на јун-нт-ил-на, атаманъ **канджигты-гас-иль.**
 назад-ALL приехать-PRS.PTCP-3PL-LOC атаман встретить.CMPL-PST3-3PL/SG
 'Назад ехавши, атамана встретили' (досл. 'Назад когда они ехали, атамана встретили').

Данный суффикс также зафиксирован один раз на непереходном глаголе:

- (67) Југа **југасыль.**
 Југ-а **ју-гас-ыль.**
 3SG-ILL прийти-PST3-3PL/SG
 'К нему пришли'.

3PL/PL -лал (> -äläl/-äläl)

- (68) **Иг веркалал:** иг вер-кас-лал — 3PL сделать-PST3-3PL/PL (досл. 'они сделали').

Из форм субъектного спряжения настоящего-будущего времени индикатива в памятнике представлены: -вень (-вунъ) 'PRS.2SG', -вель (-вуль, -вул, -вуль, -въл) 'PRS.3SG', -вельтъ (-вултъ, -вулт) 'PRS.3SG-3PL.sub'.

PRS.2SG: -вень (-вуль) > *-вень (*-вунъ)¹¹ (> -wän/-wän)

- (69) Нум јок-ан амасвуль?
 Нум јок-ан **амас-вунъ?**
 2SG домой-LOC сидеть-PRS.2SG
 'Ты дома сидишь?'

¹¹ Данная форма так и не была зафиксирована в памятнике графически, однако ее использование обусловлено контекстом (см. (71)).

PRS.3SG: *-вель* (*-вуль, -вул, -ууль, -выл*) (> *-wəl/-wəl*)

(70) **Југ-огилвель:** *југ огил-вель* — 3SG верить-PRS.3SG ‘он верит, поверит’.

(71) **Југ-минивель:** *југ мини-вель* — 3SG идти-PRS.3SG ‘он придет’.

(72) **Југ-вервуль:** *југ вер-вуль* — 3SG делать-PRS.3SG ‘он делает’.

(73) *Колындывель:* *касы чилихтылта сачууль.*

Колынды-вель, *касы чил-ихты-л-та*¹² *сачу-уль.*

слышать-INTR/REFL-PRS.3SG человек кричать-CMPL-PRS-3SG/SG слышаться-PRS.3SG

‘Слышит: человек кричит’ (досл. ‘Слышит (?слушает, ?слышится), человек крикнул, слышится’).

PRS.3PL: *-вельть* (*-вулть, -вулт*) (> *-wəl-t/-wəl-t*)

(74) **Иг вервулт:** *иг вер-вул-т* — 3PL сделать-PRS.3SG-3PL.sub ‘они сделают’.

(75) **Иг минавельть:** *иг мина-вель-ть* — 3PL идти-PRS.3SG-3PL.sub ‘они идут, придут’.

(76) **Иг выгылвулт:** *иг выгыл-вул-ть* — 3PL сойти-PRS.3SG-3PL.sub ‘они сойдут’.

Отдельные формы выявлены для 3-го лица прошедших времен субъектного спряжения глаголов: 1) суффикс используется с бессуффиксальным прошедшим *-аган* (*-агань*) ‘PST.3SG’; 2) отсутствие суффикса 3SG вместе с суффиксальным прошедшим *-сь* (*-сы, -с*) ‘PST2.3SG’, *-гас* (*-кас*) ‘PST3.3SG’.

PST.3SG: *-аган* (*-агань*) (> *-jʉən/-aʉən*)

(77) **Торам тыгаган.**

Торам тыг-аган.

бог родиться-PST.3SG

‘Бог был’ (досл. ‘Бог родился (получился)’).

PST2.3SG: *-сь* (*-сы, -с*) (> *-s*)

(78) **Тулыла ба мыхъ татасъ.**

Тулыла ба мыхъ тата-сь.

потом и земля сотворить-PST2.3SG

‘От этого и земля произошла’ (досл. ‘Потом и землю сотворил’).

PST3.3SG: *-гас* (*-кас*) (> *-yās/-yas*)

(79) **Вачна суй оспоръ нэмин тинака игас.**

Вач-на суй ос поръ нэмин тина-н-ка и-гас.

город-LOC уголь и пепел действительно цена-ADJZ-ADVZ статья-PST3.3SG

‘В городе угли и пепел сильно дороги стали’ (досл. ‘В городе угли и пепел действительно дороги стали’).

7.3.1.1.1. Формы, допускающие двоякую трактовку

В материалах памятника встречаются формы, которые ввиду неоднозначности графических особенностей при переходных глаголах могут быть проинтерпретированы как показатели субъектного, так и субъектно-объектного спряжения: 1) *-ем* (*-ым, -им, -ам*) может быть проанализировано не только как 1SG.sub (> *-əm/-əm*), но и как 1SG/SG (> *-im/-im*); 2) *-ин* (*-ын*) — как 2SG.sub (> *-ən/-ən*) и 2SG/SG (> *-in/-in*); 3) *-иман* (*-емен, -мань*) — как 1DU.sub (> *-əmən/-əmən*) и 1DU/SG (> *-imən/-imən*).

?1SG.sub|1SG/SG: *-ем* (*-ым, -им, -ам*)

(80) **Ляиллим:** *ляил-л-им* — беречь-PRS-?1SG.sub|1SG/SG ‘берегу, храню’.

(81) **Татлым:** *тат-л-ым* — творить-PRS-?1SG.sub|1SG/SG ‘творю, сотворю’.

(82) **Огол-лем:** *огол-л-ем* — верить-PRS-?1SG.sub|1SG/SG ‘верю, поверю’.

(83) *Атмал кыитана ий крещенье*

Атма-л кыи-т-ан-а ий крещенье

грех-POSS.3SG/SG оставить-PRS.PTCP-2SG-ILL один крещение

вулман ясиглем.

вул-ман ясиг-л-л-ем.

быть-CVВ старинный.рассказ-VBLZ-PRS-?1SG.sub|1SG/SG

‘Грехов во оставление единое крещение быти исповедую’ (досл. ‘Грехов для оставления единое крещение будучи говорю’).

¹² Альтернативная трактовка: *чил-ихты-* — крик-VBLZ.CMPL ‘закричать, ?кричать’.

- (84) *Ма арки аттым версам.*
Ма арки атым вер-с-ам.
 1SG много зло сделать-PST2-?1SG.sub|1SG/SG
 ‘Я много зла сделал’.
- ?2SG.sub|2SG/SG: -ин (-ын)**
- (85) *Нум версын:* нум вер-с-ын — 2SG делать-PST2-?2SG.sub|2SG/SG (досл. ‘ты делал’).
- (86) *Нум огилсын:* нум огил-с-ын — 2SG верить-PST2-?2SG.sub|2SG/SG (досл. ‘ты верил’).
- (87) *Угасын,* кам инты угасын?
У-гас-ын кам инты у-гас-ын?
 видеть-PST3-?2SG.sub|2SG/SG или NEG видеть-PST3-?2SG.sub|2SG/SG
 ‘Видел или не видал?’ (досл. ‘Видел или не видел?’).
- ?1DU.sub|1DU/SG: -иман (-емен, -манъ)**
- (88) *Ман-верле-мен:* ман вер-л-емен — 1DU делать-PRS-?1DU.sub|1DU/SG ‘мы делаем’.
- (89) *Ман атаман веллиман.*
Ман атаман вел-л-иман.
 1DU атаман убить-PRS-?1DU.sub|1DU/SG
 ‘Мы убьем атамана’.

7.3.1.1.2. Несогласованность субъекта действия с глагольными суффиксами и формы, трактовка которых вызывает затруднения

В текстах памятника в отдельных случаях наблюдается несогласованность субъекта действия с глагольными суффиксами. Так, встречаются примеры использования маркера *-вуль* (*-вуль*, *-выл*) ‘PRS.3SG’ вместо *-вень* (*-вунъ*) ‘PRS.2SG’, *-вельтъ* (*-вултъ*) ‘PRS.3PL’, *-л-ем* ‘PRS-1SG.sub’.

PRS.2SG

- (90) *Мугули верта койвуль?*
Мугули вер-та кой-вунъ?
 что делать-INF хотеть-PRS.2SG
 ‘Что делать хочешь?’ (см. этот же пример как (2)).

PRS.3PL

- (91) *Игъ тулуг-вуль...*
Игъ тулуг-вул-тъ...
 3PL говорить-PRS.3SG-3PL.sub
 ‘Они отвечают...’ (досл. ‘Они говорят...’).

PRS.1SG

- (92) *Мых татта кой-выл.*
Мых тат-та кой-л-ем.
 земля сотворить-INF хотеть-?1SG.sub|1SG/SG
 ‘Землю сотворить хочу’.

Отдельные моменты в интерпретации суффиксов можно объяснить только с опорой на контекст. Например, в следующих друг за другом предложениях первые три глагола согласуются с субъектом действия в единственном числе, т. к. при сочетании с количественными числительными существительное, по правилам, может стоять в единственном числе. Далее по ходу повествования связь с субъектом действия ослабевает и глагол используется во множественном числе с отсылкой на множественное количество участников действия.

- (93) *Тулыла колым-јон выинку* месъ вельта
Тулыла колым јон выи-н ку месъ вель-та
 потом три десять обман-ADJZ человек корова убить-INF
игливуль, југа тю сугла јанта игливуль.
игли-вуль, југ-а тю суг-л-а ја-нта игли-вуль.
 AUX-PRS.3SG 3SG-ACC этот кожа-POSS.3SG/SG-ILL зашить-INF AUX-PRS.3SG
 ‘Потом тридцать разбойников корову убивают, его в эту кожу зашивают’.

- (94) *Амылтыва иль потындысь, тулыла минсыть мигивь верта.*
Амылтыв-а иль потынды-сь, тулыла мин-с-ыть мигивь вер-та.
 прорубь-ILL вниз ?спустить-PST2.3SG потом идти-PST2-3PL.sub колотушка делать-INF
 ‘В прорубь его опустили, потом пошли колотушки делать’ (досл. ‘В прорубь вниз (его) опустил(и), потом пошли колотушку делать’).

В тексте используется глагольный маркер *-ым (-ымь)* (6 случаев) в значении 1PL или 1DU. В материалах памятника речь идет о 30 разбойниках — должна быть совместимость с 1PL, хотя часто употребляются глагольные маркеры *-имен (-ыминь, -ымынь)* ‘1DU.sub’ или *-иман (-емен, -мань)* ‘?1DU.sub|1DU/SG’. Возможно, данный показатель стоит рассматривать как сокращенную форму 1DU: *-ым (-ымь)*, производную от 1DU.sub > *-этән/-этән*.

- (95) *Мин ба и титы и тю валака имылта койлым.*
Мин=ба и титы и тю вала-к-а имыл-та кой-л-ым.
 1DU=EMPH и так и этот место-EP-ILL сесть-INF хотеть-PRS-?1DU
 ‘И мы также на то же место сесть хотим’ (досл. ‘И мы также на то же место сесть хотим’).
- (96) *Мин нум икарлань кулы тухта явикасымь.*
Мин нум икар-лань кулы тухт-а яви-кас-ымь.
 1DU 2SG нарты-POSS.2SG/PL все огонь-ILL скормить-PST3-?1DU
 ‘Мы твои телеги все сожгли’ (досл. ‘Мы твои нарты (вращающиеся) все огню скормили’).
- (97) *Мин ба и тю тагая имылта койлымь.*
Мин=ба и тю тага-я имыл-та кой-л-ымь.
 1DU=EMPH и этот место-ILL сесть-INF хотеть-PRS-?1DU
 ‘И мы на это место сесть хотим’ (досл. ‘И мы на это место сесть хотим’).

Стоит отметить, что в материалах по васюганскому диалекту хантыйского языка также обнаружен один пример использования суффикса *-jm* ‘1DU’ [Filchenko 2010: 260]¹³:

- (98) *Dawaj jmal-l-jm!*
 давай сесть-PRS-1DU
 ‘Давай (двое) посидим!’

Помимо этого, зафиксировано по одному случаю использования неясных форм, которые условно отмечены как *-лам* ‘?1SG/PL’, *-лань* ‘?3PL/PL’:

?1SG/PL: -лам

- (99) *Ман вер-кас-лам.*
 1SG сделать-PST3-?1SG/PL
 ‘Мы сделали’ (досл. ‘?Я сделал их?’).

?3PL/PL: -лань

- (100) *Иг јегонама игатыи; јакаслань номахсилъвель.*
Иг јего-нам-а игатыија-кас-лань, ном-ахс-иль-вель-тъ.
 3PL 3PL-REFL-ILL посмотреть-PST3-?3PL/PL помнить-INTR/REFL-НАВ-PRS.3SG-3PL.sub
 ‘Они на себя посмотрели, думают’ (досл. ‘Они на себя посмотрели, задумываются’) (см. этот же пример как (11)).

7.3.1.2. Таблицы показателей суффиксов лица и числа в индикативе

Ниже даны две таблицы, демонстрирующие субъектное и субъектно-объектное спряжение материалов памятника конца XIX в. в сопоставлении с материалами из ваховского и — отдельно для субъектного спряжения — васюганского диалектов XX в. [Терешкин 1961: 84–87; Gulya 1966: 105–108; Honti 1986: 39, 107, 109]¹⁴. Во втором случае суффиксы представлены в латинице только в заднеязычной огласовке — *-jn* ‘2SG/SG’, переднеязычная огласовка опускается — *-in* ‘2SG/SG’.

¹³ Тем не менее не было найдено отдельного упоминания о данном суффиксе.

¹⁴ Здесь не приводится работа [Filchenko 2010], посвященная описанию крайне восточных диалектов (в основном васюганского), т. к. парадигмы субъектного и объектного спряжения там явно представлены по ваховско-му типу.

Таблица 1. Субъектное спряжение индикатива

Лицо / Число	Макарий			Вах.-Вас.		
	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1	<i>-им (-ым, -ымь)</i>	<i>-имен (-ыминь, -ымынъ);</i>	—	<i>-эм</i>	<i>-эмэн</i>	Вах.: <i>-о̄у</i> ; Вас.: <i>-эw</i>
		?1DU: <i>-ым (-ымь)</i> ¹⁵			Вас. 1DU: <i>-йм</i> ¹⁶	
2	<i>-ын;</i> PRS.2SG: <i>*-вень (*-вунь)</i> ¹⁷	—	<i>-емахъ</i>	<i>-эн;</i> PRS.2SG: <i>-wэн</i>	<i>-этэн</i>	<i>-этəу</i>
			(<i>-итахъ, -тыхъ, -тыг, -тахъ</i>)	PRS.3SG: <i>-wəl</i> ; Ø — PST1.3SG: <i>-yal</i> ;		
3	PRS.3SG: <i>-вель (-вуль, -вул, -ууль, -выл);</i>	—	<i>-ыть</i>	Ø — PST2.3SG: <i>-s</i> ;	<i>-əуэн</i>	<i>-ət</i> ; PRS.3PL.sub
	Ø — PST2.3SG: <i>-съ (-сы, -с);</i>		PRS.3PL: <i>-вельтъ</i>	Ø — PST3.3SG: <i>-yas</i> ;		<i>-wəlt</i>
	Ø — PST3.3SG: <i>-гас (-кас);</i> PST.3SG: <i>-аган (-агань)</i>		(<i>-вултъ, -вулт</i>)	Ø — PST3.3SG: <i>-yas</i> ; PST.3SG: <i>-jəэн / -əуэн</i>		

Сравнив данные таблицы 1, можно сказать, что почти все суффиксы в ваховском и васюганском диалектах идентичны, а данные св. Макария (Невского) потенциально могут реконструироваться по примерам, представленным в латинице. Исключение составляет показатель *-ым (-ымь)* ‘?1DU’, зафиксированный шесть раз в материалах памятника и один раз в современных материалах по васюганскому диалекту хантыйского языка. Упоминание данного суффикса в грамматиках по васюганскому и ваховскому диалектам не обнаружено, однако его наличие в двух разных источниках подкрепляет достоверность анализа. Несмотря на это, точная семантика показателя остается под вопросом. Также стоит выделить различия между васюганским и ваховским диалектами в суффиксе 1PL: вах. *-о̄у* и вас. *-эw*.

Таблица 2. Субъектно-объектное спряжение индикатива

Лицо / Число	Макарий			Вах.-Вас.			
	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	
Ед. ч.	1	?1SG.sub 1SG/SG: <i>-ем (-ым, -им, -ам)</i>	—	—	<i>-йм</i>	<i>-əylam</i>	<i>-əlam</i>
	2	?2SG.sub 2SG/SG: <i>-ин (-ын)</i>	—	—	<i>-jn</i>	<i>-əylan</i>	<i>-əlan</i>
	3	<i>-та</i> (<i>-атъ, -ыт, -тъ</i>)	—	<i>-ель</i>	<i>-этə</i>	<i>-əyəł</i>	<i>-əllə (-əł)</i>
Дв. ч.	1	?1DU.sub 1DU/SG: <i>-иман (-емен-, -манъ)</i>	—	—	<i>-ймэн</i>	<i>-əylamэн</i>	<i>-əlamэн</i>
	2	—	—	—	<i>-этэн</i>	<i>-əyljн</i>	<i>-əljн</i>
	3	—	—	—	<i>-этэн</i>	<i>-əyljн</i>	<i>-əljн</i>
Мн. ч.	1	—	—	—	Вах.: <i>-иу</i> ; Вас.: <i>-iw</i>	Вах.: <i>-əyləу</i> ; Вас.: <i>-əyłow</i>	Вах.: <i>-əłо̄у</i> ; Вас.: <i>-əłow</i>
	2	—	—	—	<i>-этэн</i>	<i>-əyljн</i>	<i>-əljн</i>
	3	<i>-ыль (-иль, -ель)</i>	—	<i>-лал</i>	<i>-jł</i>	<i>-əylal</i>	<i>-əlal</i>

¹⁵ Зафиксировано шесть примеров.¹⁶ Зафиксирован один пример, см. [Filchenko 2010: 260].¹⁷ В памятнике во всех случаях используется маркер *-вель* ‘PRS.3SG’, в то время как по контексту подходит маркер *-вень* ‘PRS.2SG’.

Сравнив данные таблицы 2, видно, что суффиксы из идиома памятника идентичны показателям из ваховского и васюганского диалектов и могут потенциально реконструироваться по представленному в латинице варианту. Такие суффиксы, как *-ем* (*-ым, -им, -ам*) ‘?1SG.sub|1SG/SG’, *-ин* (*-ын*) ‘?2SG.sub|2SG/SG’ и *-иман* (*-емен, -мань*) ‘?1DU.sub|1DU/SG’, могут трактоваться двояко при переходных глаголах. Также стоит выделить различия между васюганским и ваховским диалектами в суффиксах в целом: 1) 1PL/SG: вах. *-иу* и вас. *-iw*; 2) 1PL/DU: вах. *-эулау* и вас. *-эуlow*; 3) 1PL/PL вах. *-элõу* и вас. *-эlow*.

В таблице 3 представлена статистика встречаемости показателей индикатива в памятнике.

Таблица 3. Статистика встречаемости суффиксов индикатива

Лицо / Число	Форма	Количество использований
Субъектное спряжение		
1SG.sub	<i>-им</i> (<i>-ым, -ымь</i>)	25
2SG.sub	<i>-ын</i>	5
PRS.2SG	<i>*-вень</i> (<i>*-вунь</i>) ¹⁸	3
PRS.3SG	<i>-вель</i> (<i>-вуль, -вул, -ууль, -выл</i>)	39
∅ — PST.2.3SG	<i>-сь</i> (<i>-сы, -с</i>)	11
∅ — PST.3.3SG	<i>-гас</i> (<i>-кас</i>)	8
PST.3SG	<i>-аган</i> (<i>-агань</i>)	4
1DU.sub	<i>-имен</i> (<i>-ыминь, -ымынь</i>)	3
?1DU	<i>-ым</i> (<i>-ымь</i>)	6
2PL.sub	<i>-етахь</i> (<i>-итахь, -тыхь, -тыг, -тахь</i>)	9
3PL.sub	<i>-ыть</i> (<i>-еть, -ыть</i>)	5
PRS.3PL	<i>-вельть</i> (<i>-вулть, -вулт</i>)	6
Субъектно-объектное спряжение		
?1SG.sub 1SG/SG	<i>-ем</i> (<i>-ым, -им, -ам</i>)	32
?2SG.sub 2SG/SG	<i>-ин</i> (<i>-ын</i>)	9
3SG/SG	<i>-та</i> (<i>-ать, -ыт, -ть</i>)	9
3SG/PL	<i>-ель</i>	1
?1DU.sub 1DU/SG	<i>-иман</i> (<i>-емен, -мань</i>)	4
3PL/SG	<i>-ыль</i> (<i>-иль, -ель</i>)	6 ¹⁹
3PL/PL	<i>-лал</i>	1
?1SG/PL	<i>-лам</i>	1
?3PL/PL	<i>-лань</i>	1

Из таблицы 3 видно, что в материалах используется значительное количество суффиксов, допускающих двоякую трактовку: *-ем* (*-ым, -им, -ам*) ‘?1SG.sub|1SG/SG’, *-ин* (*-ын*) ‘?2SG.sub|2SG/SG’, *-иман* (*-емен, -мань*) ‘?1DU.sub|1DU/SG’, *-ым* (*-ымь*) ‘?1DU’, — либо анализ которых затруднен: *-лам* ‘?1SG/PL’, *-лань* ‘?3PL/PL’.

7.3.1.3. Время

Во временной парадигме материалов выделяются: настояще-будущее время — *-л* ‘PRS’ или *-в* ‘PRS’ в составе маркеров *-вень* (*-вунь*) ‘PRS.2SG’, *-вель* (*-вуль, -вул, -ууль, -выл*) ‘PRS.3SG’, *-вельть* (*-вулть, -вулт*) ‘PRS.3PL’; недавно прошедшее определенное время — *-с* (*-сс*) ‘PST2’; недавно прошедшее неопределенное время — *-гас* (*-кас*) ‘PST3’; давно прошедшее определенное время (только формы 3-го л. ед. ч.) — *-аган* (*-агань*) ‘PST.3SG’.

PRS

(101) *Ма ил минлим.*

Ма ил мин-л-им.

1SG вниз пойти-PRS-1SG.sub

‘Я вниз пойду’.

¹⁸ В памятнике во всех случаях используется маркер *-вель* ‘PRS.3SG’, в то время как по контексту подходит маркер *-вень* ‘PRS.2SG’.

¹⁹ Данный суффикс встретился также один раз при использовании непереходного глагола.

PRS.3SG

- (102) *Котта* — *атаманъ жоканъ амасвуль.*
Кот-та атаманъ жок-анъ амас-вуль.
 где-INDEF атаман домой-LOC сидеть-PRS.3SG
 ‘И вот — атаман сидит дома’ (досл. ‘Где-то атаман сидит дома’).

PST2

- (103) *Тулыла мелли касыба ипә логылсысыт.*
Тулыла мели касы=ба и-пә логылсы-с-ыт.
 потом ?каждый человек=EMPH один-REP ударить-PST2-3SG/SG
 ‘Потом каждый человек его по разу ударили’ (досл. ‘Потом каждый человек его по разу ударил’).

- (104) *Ко вулкастахъ?*
Ко вул-кас-тахъ?
 где быть-PST3-2PL.sub
 ‘Где были?’

PST.3SG

- (105) *Инкь у жог юнгъ-тачтан люгт-аган.*
Инкь у-ог юнгъ — тачтан люгт-аган.
 вода низ-ABL дьявол гагара выйти-PST.3SG
 ‘Из воды дьявол-гагара вышел’.

7.3.2. Императив

В материалах памятника используются следующие суффиксы императива, отличные от суффиксов индикатива: *-а (-я)* ‘IMP.2SG.sub’, *-и (-й, -ы)* ‘IMP.2SG/SG’, *-итахъ (-ытыхъ, -итыхъ, -атыхъ, -тыхъ, -ытыг, -ытахъ, -ытых, -тахъ)* ‘IMP.2PL.sub’, *-аты* ‘IMP.3SG.sub’, *-илаты* ‘?IMP.3SG/PL’. Отдельно рассмотрим суффикс *-илаты* ‘?IMP.3SG/PL’, который может быть, предположительно, расшифрован как сочетание *-ила* ‘IMP.2SG/PL’ + суффикс *-ты*.

IMP.2SG.SUB: -а (-я)

- (106) *Выгла: выгл-а* — спуститься-IMP.2SG.sub ‘спустись’.
 (107) *Мина: мин-а* — идти-IMP.2SG.sub ‘иди’.
 (108) *Юга: ю-г-а* — прийти-EP-IMP.2SG.sub ‘приди’.
 (109) *И титы мигивна колымъ жонъ памина логусла.*
И титы мигив-на колымъ жонъ-па мин-а логусла-а.
 и так колотушка-COM три десять-REP 1DU-ACC ударить-IMP.2SG.sub
 ‘Также колотушкой 30 раз нас ударь’ (досл. ‘И так колотушкой тридцать раз нас ударь’).

IMP.2SG/SG: -и (-й, -ы)

- (110) *Ми: ми-и* — дать-IMP.2SG/SG ‘дай’.
 (111) *Раний: рани-й* — стереть-IMP.2SG/SG (досл. ‘сотри’).

- (112) *Ман-а ба ви-и!*
Ман-а=ба ви-и!
 1SG-ACC=EMPH взять-IMP.2SG/SG
 ‘И меня возьми!’

IMP.2PL.SUB: -итахъ (-ытыхъ, -итыхъ, -атыхъ, -тыхъ, -ытыг, -ытахъ, -ытых, -тахъ)

- (113) *Миитыхъ: ми-итыхъ* — дать-IMP.2PL.sub ‘дайте’.
 (114) *Выгл-итыхъ: выгл-итыхъ* — спуститься-IMP.2PL.sub ‘спуститесь’.
 (115) *Менитыхъ: мен-итыхъ* — идти-IMP.2PL.sub ‘идите’.
 (116) *Бйи месъ лоуслытыхъ.*
Бйи месъ лоусл-ытыхъ.
 один корова убить-IMP.2PL.sub
 ‘Одну корову убейте’.

IMP.3SG.SUB: *-аты*

- (117) **Выглаты:** *выгл-аты* — сойти-IMP.3SG.sub ‘пусть спустятся’ (досл. ‘пусть спустится’).
 (118) **Вераты:** *вер-аты* — делать-IMP.3SG.sub ‘пусть даст’ (досл. ‘пусть делает’).
 (119) **Минаты:** *мин-аты* — идти-IMP.3SG.sub ‘пусть идут’ (досл. ‘пусть идет’).

?IMP.3SG/PL: *-илаты*

- (120) **Милаты:** *ми-илаты* — дать-?IMP.3SG/PL ‘пусть даст’.

Далее дана сопоставительная таблица материалов конца XIX в. св. Макария (Невского), а также ваховского и васюганского диалектов середины XX в. [Терешкин 1961: 84–87; Gulya 1966: 105–108, 118; Honti 1986: 47, 48, 109, 111; Filchenko 2010: 260]. Во втором случае суффиксы представлены в латинице только в заднеязычной огласовке — *-j* IMP.2SG/SG, переднеязычная огласовка опускается — *-i* IMP.2SG/SG.

Таблица 4. Субъектное и субъектно-объектное спряжение императива

Лицо / Число	Макарий	Вах.- Вас.	Лицо / Число	Макарий			Вах.-Вас.		
				SG	DU	PL	SG	DU	PL
2SG.sub	<i>-а (-я)</i>	<i>-а</i>	2SG	<i>-и (-й, -ы)</i>	—	—	<i>-j</i>	<i>-jyla</i>	<i>-jla</i>
2DU.sub	—	<i>-jtən</i>	2DU	—	—	—	<i>-jtən</i>	<i>-jylən</i>	<i>-jlən</i>
2PL.sub	<i>-итахъ</i> (<i>-ытыхъ, -итыхъ,</i> <i>-атыхъ, -тыхъ,</i> <i>-ытыг, -ытахъ,</i> <i>-ытых, -тахъ</i>)	<i>-jtəy</i>	2PL	—	—	—	<i>-jtə (-jtən)</i>	<i>-jylən</i>	<i>-jlən</i>
3SG.sub	<i>-аты</i>	<i>-atj</i>	3SG	<i>?-илаты</i>	—	—	<i>-jta</i>	—	—
3DU.sub	—	<i>-jyəna(tj)</i>	3DU	—	—	—	Вах.: - ?; Вас.: <i>-jtəna(tj)</i>	—	—
3PL.sub	—	<i>-jta(tj)</i>	3PL	—	—	—	Вах.: - ?; Вас.: <i>-jijla(tj)</i>	—	—

Согласно данным таблицы 4, все суффиксы из материалов св. Макария (Невского) совпадают с соответствующими васюганскими и ваховскими формами и могут потенциально реконструироваться по представленному в латинице варианту. В памятнике используется показатель *-илаты* ‘?IMP.3SG/PL’, трактовать который мы, предположительно, можем как сочетание *-ила* ‘IMP.2SG/PL’ + суффикс *-ты*.

В таблице 5 отображена статистика встречаемости в памятнике показателей императива.

Таблица 5. Статистика встречаемости суффиксов императива

Лицо / Число	Форма	Количество использований
Субъектное спряжение		
2SG.sub	<i>-а (-я)</i>	11
2PL.sub	<i>-итахъ (-ытыхъ, -итыхъ,</i> <i>-атыхъ, -тыхъ, -ытыг, -ытахъ,</i> <i>-ытых, -тахъ)</i>	15
3SG.sub	<i>-аты</i>	3
Субъектно-объектное спряжение		
2SG/SG	<i>-и (-й, -ы)</i>	14
?3SG/PL	<i>-илаты</i>	1

Из таблицы видно, что суффикс *-илаты* ‘?IMP.3SG/PL’ встречается всего один раз, и нужны дополнительные материалы для подтверждения его трактовки.

7.3.3. Условное наклонение

Условное наклонение маркируется суффиксом *-н* (> *-н*) и представлено всего тремя примерами в 3-м л. ед. ч.:

- (121) *Вулунал*: *вулу-н-ал* — быть-COND-3SG ‘если будет’.
 (122) *Ранинал*: *рани-н-ал* — чистить-COND-3SG ‘если очистит’.
 (123) *Бнта јуналь*, *аль* *мии*.
Бнта ју-н-аль, *аль* *ми-и*.
 NEG прийти-COND-3SG NEG.IMP давать-IMP.2SG/SG
 ‘Если не придет, не давай’.

7.4. Нефинитные формы глагола

В памятнике представлены следующие нефинитные формы глагола: инфинитив, причастие настоящего и прошедшего времени, деепричастие, отглагольная абессивная форма.

7.4.1. Инфинитив

В материалах памятника встречается инфинитив с маркерами *-та* (> *-tä/-ta*), *-таг* и *-нта* (> *-ntä/-nta*).

- (124) *Вулта*: *вул-та* — быть-INF ‘быть, жить’.
 (125) *Тіата*: *тіа-та* — иметь-INF ‘иметь, держать’.
 (126) *Тугу-винта*: *тугу ви-нта* — прочь взять-INF ‘прочь взять, избавлять’.
 (127) *Юнта*: *ю-нта* — прийти-INF ‘прийти’.
 (128) *Таттаг*: *тат-таг* — сотворить-INF ‘сотворить’.
 (129) *Лок-том пелька тарынта*.
Лок том пельк-а тарын-та.
 дорога тот сторона-ILL перейти-INF
 ‘Через дорогу перейти’ (досл. ‘Дороги на ту сторону переходить’).
 (130) *Игна-ипи* *Погла-на* *ійчинас* *Југа*
Иг-на- ипи *Пог-ла-на* *ійчинас* *Југ-а*
 отец-СОМ ?и/EMPH сын-POSS.3SG/SG-СОМ одинаково 3SG-ILL
охтынта, *имильта* *массувуль*.
охты-нта, *ими-ль-та* *массу-вуль*.
 ?поклоняться-INF хорошее-VBLZ-INF быть.нужным-PRS.3SG
 ‘С Отцом и Сыном одинаково Ему поклоняться, славить должно’ (досл. ‘С Отцом и Сыном одинаково Ему поклоняться и славить нужно’).
 (131) *Торам ил выгланъ мыхъ таттаг*.
Торам ил выгл-аганъ мыхъ тат-таг.
 Бог вниз сойти-PST.3SG земля сотворить-INF
 ‘Бог вниз спустился землю сотворить’.

7.4.1.1. Аналитическая конструкция с инфинитивом

В памятнике восемь раз встречается аналитическая конструкция, состоящая из смыслового глагола в инфинитиве и вспомогательного аналитического глагола *игли-* (*ыглы-*) ‘AUX’, несущего словоизменительную морфологию. Семантику вспомогательного глагола установить не удалось.

- (132) *Колымъ јонъ выинку вулта игливул*.
Колымъ јонъ выи-н ку вул-та игли-вул.
 три десять обман-ADJZ человек жить-INF AUX-PRS.3SG
 ‘Тридцать разбойников живут’.
 (133) *Колымъ јонъ выинку колымъ јонъ*
Колымъ јонъ выи-н ку колымъ јонъ
 три десять обман-ADJZ человек три десять

коревтъ *икаръ верта* *игливулъ.*
корев-тъ *икаръ вер-та* *игли-вулъ.*

вращаться-PRS.PTCP нарты делать-INF AUX-PRS.3SG

‘Тридцать разбойников тридцать телег делают’ (досл. ‘Тридцать разбойников тридцать вращающихся нарты делают’).

7.4.2. Причастие

Зафиксированы формы причастия настоящего и прошедшего времени, за которыми могут следовать причастные лично-числовые суффиксы, а также суффиксы отдельных падежей. Анализ причастных форм произведен с опорой на контекст и грамматическую теорию, т. к. некоторые формы кажутся не совсем логичными или неполными, что может быть рассмотрено как опечатки, фонетические процессы на стыках морфем либо ранее не засвидетельствованные грамматические особенности. Ряд трактовок предполагает один из возможных вариантов.

7.4.2.1. Причастия настоящего времени

В материалах памятника причастие настоящего времени имеет показатели *-m* (*-мъ*) (> *-tǎ/-tǎ*) и *-nm* (> *-ntǎ/-ntǎ*). По причине особенностей графики суффиксы причастия настоящего времени и инфинитива могут быть формально схожи в отдельных случаях, тем не менее различаются нами при разборе и реконструкции: 1) *-m* (*-мъ*) (> *-tǎ/-tǎ*) ‘PRS.PTCP’ и *-ma* (> *-tä/-ta*) ‘INF’; 2) *-nm* (> *-ntǎ/-ntǎ*) ‘PRS.PTCP’ и *-nta* (> *-ntǎ/-ntǎ*) ‘INF’. Стоит обратить внимание на то, что маркеры инфинитива *-tä/-ta* и причастия настоящего времени *-tǎ/-tǎ* имеют общую этимологию и восходят к показателю **-t* [Collinder 1960: 271]. Формы причастий настоящего времени и инфинитива с одинаковым показателем могут рассматриваться как омонимичные, например в казымском диалекте [Каксин 2010: 110]. В свою очередь, Н. Б. Кошкарева трактует подобные формы в хантыйском языке как полифункциональные, причем функции могут отличаться по диалектам [Кошкарева 1990]. Так, рассматриваемая причастная форма, в том числе и в васюганском диалекте, может принимать функции инфинитива [там же]. Теоретически допустимо, что показатели, имеющие одинаковые функции, могут использоваться в одинаковых позициях или перенимать дополнительные функции. В нашей работе мы будем последовательно придерживаться обозначения подобных форм как причастий настоящего времени, принимая во внимание их инфинитивные функции. Также в памятнике встречаются случаи, когда сложно однозначно сказать, является ли рассматриваемая форма *-ma* причастием или инфинитивом, в частности в аналитических конструкциях с двумя предикатами или при словообразовании в составных лексемах, однако такие примеры последовательно трактуются в работе как инфинитивы.

К причастиям настоящего времени могут присоединяться суффиксы *-ам* ‘1SG’, *-ан* (*-анн*) ‘2SG’, *-ал* ‘3SG’, *-ил* ‘3PL’, а также показатели падежей *-а* ‘ILL’, *-на* ‘LOC’. Выделение части показателей возможно только с опорой на реконструкцию при помощи контекста. В ряде случаев контекста может не хватать для точной трактовки формы.

(134) *Тіатамна: тiа-т-ам-на* — иметь-PRS.PTCP-1SG-LOC ‘если бы был’ (досл. ‘?когда я имел’).

(135) *Вертанна: вер-т-ан-на* — сделать-PRS.PTCP-2SG-LOC ‘если бы сделал’ (досл. ‘?когда ты сделал’).

(136) *Юнтана: ю-нт-ал-на* — прийти-PRS.PTCP-3SG-LOC ‘прийти имеющего’ (досл. ‘?когда он пришедший будет’).

(137) *Атмал* *кыйтана* *ій* *крещенье*
Атма-л *кый-т-ан-а* *ій* *крещенье*
 плохое-POSS.3SG/SG оставить-PRS.PTCP-2SG-ILL один крещение

вултана *ясиглем.*

вул-т-ан-а *ясиг-л-ем.*

быть-PRS.PTCP-2SG-ILL говорить-PRS-?1SG.sub|1SG/SG

‘Трехов для оставленья одно крещение быть говорю’ (‘Исповедую едино крещение во оставление грехов’) (досл. ‘Плохого чтобы ты оставил, едино крещение чтобы было говорю’).

(138) *Оголем* *ій* *Торма, Игма,* *кулы тiатамана...*

Огол-л-ем *ій* *Торм-а, Иг-м-а,* *кулы тiа-т-ан-а...*

верить-PRS-?1SG.sub|1SG/SG один бог-ILL отец-POSS.1SG/SG-ILL все держать-PRS.PTCP-2SG-ILL

‘Верую в единого Бога, Отца тебя вседержащего...’ (досл. ‘Верую единому Богу, Отцу вседержащему...’).

- (139) *Жаг каламан-ох* *тугу винтана.*
Жаг кала-ман-ох *тугу ви-нт-ан-а.*
 люди мертвый-POSS.2DU/SG-ABL.PROL прочь взять-PRS.PTCP-2SG-ILL
 ‘Чтобы избавить людей от смерти’ (досл. ‘Чтобы ты избавил людей от мертвых?’).
- (140) *Торам касы тюта вулта поркас,*
Торам касы тюта вул-та пор-кас,
 бог человек таким.образом жить-INF ?заставить-PST3.3SG
том торма татыг интанна.
том торм-а таты-г и-нт-ал-а.
 тот свет-ILL готовый-ADVZ статья-PRS.PTCP-3SG-ILL
 ‘Бог для того человеку дал жизнь, чтобы он готовился (жить) на том свете’ (досл. ‘Бог человека таким образом ?заставил жить?, чтобы он к тому свету готово стал’).

7.4.2.2. Причастие прошедшего времени

Причастие прошедшего времени имеет маркер *-им* (*-ым, -м, -мъ*) (> *-ät/-ät*). Данные причастия зафиксированы и с лично-числовыми маркерами в своем составе, такими как *-ам* (*-амъ*) ‘1SG’, *-ан* (*-анъ*) ‘2SG’, *-ал* (*-ел*) ‘3SG’, *-ил* ‘3PL’, а также показателями падежей *-а* ‘ILL’, *-на* ‘LOC’, *-на* ‘COM’²⁰. Выделение части показателей возможно только с опорой на реконструкцию при помощи контекста. В ряде случаев контекста может не хватать для точной трактовки формы.

- (141) **Велим:** *вел-им* — убить-PST.PTCP (досл. ‘убитый’).
- (142) **Ма вермам:** *ма вер-м-ам* — 1SG делать-PST.PTCP-1SG ‘я был делавший’.
- (143) **Нум верман:** *нум вер-м-ан* — 2SG делать-PST.PTCP-2SG ‘ты был делавший’.
- (144) **Жуг вермал:** *жуг вер-м-ал* — 3SG делать-PST.PTCP-3SG ‘он был делавший’.
- (145) **Амысмана:** *амыс-м-ан-а* — сидеть-PST.PTCP-2SG-ILL ‘сидящему’ (досл. ‘сидевшему тебе’).
- (146) **Пророклан-ох тулмана:** *пророк-лан-ох тул-м-ал-на* — пророк-POSS.2PL/PL-ABL.PROL глаголить-PST.PTCP-3SG-LOC ‘через пророков глаголившего’ (досл. ‘через пророков когда он глаголил’).
- (147) **Амысман-на:** *амыс-м-ан-на* — сидеть-PST.PTCP-2SG-COM ‘сидящим’ (досл. ‘с сидевшим тобой’).
- (148) *Мана татманъ Торамъ!*
Ман-а тат-м-анъ Торамъ!
 1SG-ACC сотворить-PST.PTCP-2SG бог
 ‘Меня создавший Боже!’ (досл. ‘Меня создавший ты, Боже!’).
- (149) *Оголле* *Святой Пух,* *Торум —*
Огол-л-ем *Святой Пух,* *Торум*
 верить-PRS-?1SG.sub|1SG/SG святой дух.дыхание бог
ипи Кана лилинка вермана.
ипи Кан-а лили-н-ка вер-м-ал-на.
 и царь-ILL жизнь-ADJZ-ADVZ делать-PST.PTCP-3SG-LOC
 ‘Верую в Святого Духа Бога — Господа животворящего’ (досл. ‘Верую в Святого Духа Бога — и Царю, живо когда он сотворил’).

Перевод причастий прошедшего времени может, как видно из примеров, быть совместим с их предельной и неопредельной интерпретацией, в частности показывать завершенность, состояние или процесс.

- (150) *Тат-* ‘творить, сотворить’.
- (151) **Татыман Торум:** *таты-м-ан Торум* — сотворить-PST.PTCP-2SG бог ‘сотворивший Бог’.
- (152) **Татыман касы:** *таты-м-ан касы* — сотворить-PST.PTCP-2SG человек ‘сотворенный человек’.
- (153) *Канджи-* ‘писать, написать’.
- (154) **Канджиман нипак:** *канджи-м-ан нипак* — писать-PST.PTCP-2SG книга ‘писанная книга’.
- (155) **Канджиман касы:** *канджи-м-ан касы* — писать-PST.PTCP-2SG человек ‘писавший человек’.

Приведем пример, включающий 10 различных причастных форм настоящего и прошедшего времени. Предложение демонстрирует всю сложность анализа причастий в рассматриваемом памятнике и требует

²⁰ Один пример.

грамматических допущений в толковании форм, принимая во внимание возможную неточность записей. Далее была предложена их допустимая реконструкция на основе существующих в ваховском и васюганском диалектах моделей.

- (156) *Понтий Пилат вултана* ман мокаска ка котиль пирняка
Понтий Пилат вул-т-ал-на ман мокаска ка котиль пирня-к-а
 Понтий Пилат быть-PRS.PTCP-3SG-LOC 1PL|1DU ?ради два рука-POSS.3SG/SG крест-EP-ILL
тальямана, чок *канымана,* кана *понмена,*
талья-м-ал-на, чокка-лы-м-ал-на, кан-а *пон-м-ел-на,*
 тянуть-PST.PTCP-3SG-LOC мука-VBLZ-PST.PTCP-3SG-LOC гроб-ILL положить-PST.PTCP-3SG-LOC
Торум нипак канчжиман сагай кулман котол иль-вахтымана,
Торум нипак канчжи-ман сагай кул-мат котол иль вах-ты-м-ал-на,
 бог книга написать-CVB по три-ORD день вниз ?воскреснуть?-PST.PTCP-3SG-LOC
Торум-вога *канымана,* *Игам* имсы пелька
Торум *вог-а* *каны-м-ал-на,* *Ига-м* имсы пельк-а
 небо железо-ILL подняться-PST.PTCP-3SG-LOC отец-POSS.1SG/SG правый сторона-ILL
ымысмана, *лилин* *ипи колам* *јаг* *сутаг-вертана*
ымыс-м-ал-на, *лили-н* *ипи кола-м* *јаг* *сута-г* *вер-т-ал-на*
 сидеть-PST.PTCP-3SG-LOC жизнь-ADJZ и перестать-PST.PTCP люди суд-ADVZ делать-PRS.PTCP-3SG-LOC
санки-на ось юнтана.
санки-на ось ю-нт-ал-на.
 свет-COM опять прийти-PRS.PTCP-3SG-LOC

‘Понтия Пилата в бытность нас ради обе руки на крест распростерты имевшего, страдавшего, в гроб положенного, в Божьей книге по написанному в третий день воскресшего, на небо вошедшего, Отца по правую сторону сидящего, живых и мертвых людей судить со славой опять прийти имеющего’ (досл. ‘Понтия Пилата в бытность его, нас ради когда две руки его к кресту протянутыми были, когда измученный был, когда в гроб положенный был, в Божьей книге по написанному когда воскресший был, когда на небо поднявшийся был, Отца к правой стороне когда сидящий был, живых и мертвых людей когда судящий будет, со светом опять когда пришедший будет’).

7.4.3. Деепричастие

В материалах памятника встречаются деепричастные формы с суффиксом *-мин* (*-ман*)²¹ (> *-min/-mjn*).

- (157) *Верман:* *вер-ман* — делать-CVB (досл. ‘делая’).
 (158) *Верман номаксиллим:* *вер-ман ном-акс-ил-л-им* — делать-CVB помнить-INTR/REFL-HAB-PRS-?1SG.sub|1SG/SG ‘делая, думаю’.
 (159) *Минман:* *мин-ман* — идти-CVB (досл. ‘идя’).
 (160) *Минман искас:* *Мин-ман ис-кас* — идти-CVB плакать-PST3.3SG ‘идя, плакал’.
 (161) *Ниг выгылмин,* *милли касыба* *ипа* *мигивна* *мана* *логуслытахъ.*
Ниг выгыл-мин, *милли касы=ба* *и-па* *мигив-на* *ман-а* *логусл-ытахъ.*
 вниз сойти-CVB ?каждый человек=EMPH один-REP колотушка-COM 1SG-ACC ударить-IMP.2PL.sub
 ‘Вниз спуститесь, каждый человек один раз колотушкой меня ударьте’ (досл. ‘Вниз сойдя, каждый человек один раз колотушкой меня ударьте’).

7.4.4. Отглагольная абессивная форма

Стоит обратить внимание на две отглагольные абессивные формы с суффиксом *-лихъ* (> *-lǝχ/-lǝχ*), которые также можно трактовать как причастия.

- (162) *Мин-лихъ* — пойти-ABESS ‘не шедший’.
 (163) *Бр-лихъ* — сделать-ABESS ‘неделанный’.

Далее представлена сопоставительная таблица материалов конца XIX в. св. Макария (Невского), а также ваховского и васюганского диалектов середины XX в. [Honti 1986: 55—57, 59].

²¹ Правила распределения алломорфов не ясны.

Таблица 6. Нефинитные формы глагола

Нефинитные формы	Макарий	Вах.-Вас.
Инфинитив	<i>-та, -нта, -таг</i>	Вах.: <i>-та/-tä</i> Вас.: <i>-та/-tä, -нта/-ntä</i>
Причастие настоящего времени	<i>-т, -нт</i>	Вах.: <i>-тә/-tä</i> Вас.: <i>-тә/-tä, -нтә/-ntä</i>
Причастие прошедшего времени	<i>-им (-ым, -м, -мь)</i>	Вах.: <i>-мә/-mä</i> Вас.: <i>-мә/-mä</i>
Деепричастие	<i>-мин, -ман</i>	Вах.: <i>-мін/-mijn</i> Вас.: <i>-мін/-mijn</i>

Согласно данным таблицы 6, все сравниваемые суффиксы в ваховском и васюганском диалектах совпадают, за исключением суффиксов инфинитива и причастия настоящего времени, которые имеют в васюганском диалекте дополнительное распределение: *-нта/-ntä* 'INF'; *-нтә/-ntä* 'PRS.PTCP'. В материалах памятника один раз зафиксирован суффикс инфинитива *-тау*, который также встречается в васюганском диалекте хантыйского языка [Кошкарёва 1990: 86], однако в целом использование данного показателя требует дальнейших обсуждений. Привила распределения алломорфов деепричастных форм *-мин (-ман)* не ясны. Возможно, в безударной позиции гласные, в потенциально реконструируемых формах *-мін/-mijn*, редуцируются до гласной *ә*, которая может отображаться в графике памятника как *а*. Все суффиксы из материалов св. Макария (Невского) могут быть реконструированы по представленному в латинице варианту.

8. Провербы

Провербы предшествуют глаголам, а их основной функцией является изменение глагольной семантики. Некоторые провербы, зафиксированные в материалах памятника и представленные далее, формально похожи на наречия: *арых* 'в разные стороны', *иль* 'вниз', *юг* 'домой, назад', *ниг* 'вниз', *нухь* 'вверх', *тугу* 'прочь', *утту* 'на берег'. Приведем примеры провербов с глаголами.

- (164) *Арыхрыкыты-*: *арых рыкыты-* — в.разные.стороны разбросать 'разбросать'.
 (165) *Ил выгл-* — вниз спуститься 'спуститься'.
 (166) *Иль-вах-*: *иль вах-* / *иль валгы-* — вниз ?воскреснуть 'воскреснуть'.
 (167) *Иль-вер-*: *иль вер-* / *ил вер-* — вниз делать 'погребать'.
 (168) *Иль исл-* — вниз пустить 'опустить'.
 (169) *Иль мины-* / *ил мин-* / *ил мен-* — вниз пойти 'сойти вниз, пойти вниз'.
 (170) *Иль потынды* / *ыль потанда-* — вниз ?спустить 'вниз спустить / опустить'.
 (171) *Юг ю-* — домой приехать 'приехать домой'.
 (172) *Ниг выгыл-* — вниз сойти 'вниз спуститься'.
 (173) *Ниг туг-* — вниз тащить 'вниз тащить'.
 (174) *Нухь тыл-* — вверх тащить 'вытащить'.
 (175) *Тугу кынахта-* — прочь распороть 'распороть'.
 (176) *Тугу куругты-* — прочь ободрать 'ободрать'.
 (177) *Тугу ви-* / *тугу ве-* / *тугу ви-* / *тугу вы-* — прочь взять 'избавлять, спасти, взять прочь'.
 (178) *Уту кул-* — на.берег подниматься 'на берег сходить, подниматься'.
 (179) *Уту таль-* — на.берег тащить 'на берег вытащить/тащить'.
 (180) *Торам тю мыхь арыхрыкытыгас.*
Торам тю мыхь арых *рыкыты-гас.*
 бог этот земля в.разные.стороны разбросать-PRST.3SG
 'Бог эту землю разбросил' (досл. 'Бог эту землю разбросал').
 (181) *Нкъ тактань ил минысь* *и моча тат улавуль.*
Юнкъ тактань ил минысь *и моча тат ула-вуль.*
 дьявол гагара вниз пойти-PRST.3SG и доныне там жить-PRS.3SG
 'Дьявол-гагара сошел вниз и доныне там живет'.

- (182) *Тулыла атаманъ ката уту кульсетъ.*
Тулыла атаманъ кат-а уту куль-с-етъ.
 потом атаман дом-ILL на.берег подниматься-PST2-3PL.sub
 ‘Потом в атаманов дом идут’ (досл. ‘Потом в атаманов дом на берег поднимаются’).

9. Заключение

Памятник восточно-хантыйской письменности «Материалы для изучения языка васюганских инородцев (остяков) Нарымского края» был записан св. Макарием (Невским) в конце XIX в. и демонстрирует интересные явления в области хантыйского языкознания. Особенности графики, отсутствие дословного перевода и нерасшифрованные фрагменты оставляют место для последующих обсуждений и уточнений феноменов, рассматриваемых в работе. Запись производилась на территориях совместного проживания васюганских хантов и селькупов, чем и объясняется присутствие селькупской лексики. Св. Макарий (Невский) имел опыт лингвистической работы с селькупам и тюркоязычными народами Алтая, что и отражено при его относительно системном представлении материала в памятнике, а также в отсылках к одному из тюркских языков.

Полученные данные по глагольной морфологии и превербам памятника XIX в. в целом совпадают с уже описанной морфологией васюганского диалекта XX в. — наблюдается использование одних и тех же показателей. Дополнительное сравнение материалов васюганского и ваховского диалектов позволило выявить системные различия между ними в выражении отдельных суффиксов субъектного (1PL: вах. -*õу* и вас. -*aw.*), субъектно-объектного спряжения (1PL/SG: вах. -*уу* и вас. -*iw*; 1PL/DU: вах. -*ayläу* и вас. -*aylow*; 1PL/PL вах. -*älõу* и вас. -*elow*) и ряда нефинитных форм (INF вах. -*tal-tä* и вас. -*tal-tä*, -*ntal-ntä*; PRS.PTCP вах. -*täl-tä* и вас. -*täl-tä*, -*ntäl-ntä*). Приведенные сопоставительные данные позволяют подтвердить стабильность грамматической системы васюганского идиома памятника, однако несмотря на это, в нем обнаружены отдельные незафиксированные либо недостаточно описанные явления. Возможно, при анализе большего объема данных по васюганскому диалекту эти грамматические явления будут дополнительно подтверждены. Так, к особенностям можно отнести: использование глагольного маркера -*ым* (-*ымъ*) ‘?1DU’ (6 примеров), который также встретился один раз в современных материалах по васюганскому диалекту хантыйского языка; использование вспомогательного аналитического глагола *игли-* (*ыглы-*) ‘AUX’, несущего словоизменительную морфологию, чью семантику не удалось установить (8 примеров); суффикс императива -*илаты* ‘?IMP.3SG/PL’ (1 пример), который можно трактовать как сочетание -*ила* ‘IMP.2SG/PL’ + суффикс -*ты* (параллельные парадигмы для IMP.3SG/PL не были обнаружены в анализируемых грамматиках); отдельного упоминания заслуживает показатель инфинитива -*тай*, контексты использования которого необходимо дополнительно изучить.

Сокращения

Г л о с с ы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо
 ABESS — абессив
 ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 ADJZ — адъективизатор
 ADVZ — адвербиализатор
 ALL — аллатив
 AUX — вспомогательный глагол
 COM — комитатив
 CMPL — завершенность
 COND — условное наклонение
 CVB — деепричастие
 DET — определительное местоимение
 DU — двойственное число
 EMPH — эмфаза
 EP — эпентеза
 FREQ — фреквентатив
 HAB — хабитуалис

ILL — иллатив
 IMP — императив
 INDEF — неопределенность
 INF — инфинитив
 INSTR — инструменталис
 INTR — непереходность
 LOC — локатив
 MOM — моментатив
 NEG — отрицание
 ORD — суффикс порядкового числительного
 PL — множественное число
 POSS — посессивность
 PROL — пролатив
 PRS — настоящее/настояще-будущее время
 PRS.PTCP — причастие настоящего времени
 PST — давно прошедшее определенное время
 PST.PTCP — причастие прошедшего времени
 PST0 — давно прошедшее определенное время

PST2 — недавно прошедшее определенное время	SG — единственное число
PST3 — недавно прошедшее неопределенное время	sub — субъектное спряжение
REFL — рефлексив (как глагольный деривационный суффикс и суффикс возвратных местоимений)	TR — переходность
REP — суффикс повторительного числительного	TRSL — транслатив
	VBLZ — вербализатор

Общие

Вах.-Вас. — ваховский и васюганский диалекты

Литература

- Быконя и др. 2005 — В. В. Быконя, Н. Г. Кузнецова, Н. П. Максимова. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2005.
- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010.
- Кошкарева 1990 — Н. Б. Кошкарева. К вопросу об инфинитиве в хантыйском языке // Морфология глагола и структура предложения (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1990. С. 79—92.
- Могутаев 1996 — М. К. Могутаев. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск: Томский госпед-университет, 1996.
- Николаева 1995 — И. А. Николаева. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 1995.
- Норманская 2022 — Ю. В. Норманская. Учебник васюганского хантыйского языка, созданный св. Макарием (Невским) в 1887 г., как источник сведений о прахантыйской системе гласных фонем // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. I: Графико-фонетические особенности книг XIX в. М.: Изд. группа «Альма Матер», 2022. С. 242—257.
- ТЕВ 1890, № 8 — Инородцы Нарымского края. Из путевых заметок начальника Алтайской миссии / Отдел неофициальный // Томские епархиальные ведомости. 1890, № 8. С. 20—26.
- ТЕВ 1890, № 9 — Инородцы Нарымского края. Из путевых заметок начальника Алтайской миссии (окончание) / Отдел неофициальный // Томские епархиальные ведомости. 1890, № 9. С. 8—27.
- ТЕВ 1890, № 13 — Материалы для изучения Васюганских инородцев (остяков) Нарымского края / Отдел неофициальный // Томские Епархиальные ведомости. 1890, № 13. С. 1—24.
- Терешкин 1961 — Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Терешкин 1981 — Н. И. Терешкин. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981.
- Тучкова 2014 — Н. А. Тучкова. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Монография. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2014.
- Фендель 2014 — Е. Р. Фендель. Коренные народы нарымского края в трудах Макария (Невского) (1835—1926): к проблеме теоретико-методологических оснований // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2014, № 3 (29). С. 101—107.
- Collinder 1960 — В. Collinder. Comparative Grammar of the Uralic Languages (Handbook of the Uralic Languages: Part 3). 1960.
- Filchenko 2010 — А. Ju. Filchenko. Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk: TSPU-Press, 2010.
- Honti 1986 — L. Honti. Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986.
- Gulya 1966 — J. Gulya. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington; The Hague: Indiana University; Mouton & Co, 1966. (Uralic and Altaic Series).
- Steinitz 1966—1993 — W. Steinitz. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache — DEWOS. Berlin: Akademie Verlag, 1966—1993.

References

- Bykonya i dr. 2005 — V. V. Bykonya, N. G. Kuznetsova, N. P. Maksimova. Sel'kupsko-russkii dialektnyi slovar'. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta, 2005. {V. V. Bykonya, N. G. Kuznetsova, N. P. Maksimova. Selkup-Russian dialectal dictionary. Tomsk: Publishing house of Tomsk State Pedagogical University, 2005.}

Collinder 1960 — B. Collinder. Comparative Grammar of the Uralic Languages (Handbook of the Uralic Languages: Part 3). 1960.

Fendel 2014 — E. R. Fendel. Korennye narody narymskogo kraja v trudakh Makariya (Nevskogo) (1835—1926): k probleme teoretiko-metodologicheskikh osnovanii. In: Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istoriya. 2014, № 3 (29). S. 101—107. {E. R. Fendel. The research legacy on aboriginal peoples of Narym krai of Macarius (Nevski) (1835—1926): to theoretical approaches problem. In: Tomsk state university journal of history. 2014, № 3 (29). P. 101—107.}

Filchenko 2010 — A. Ju. Filchenko. Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk: TSPU-Press, 2010.

Gulya 1966 — J. Gulya. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington; The Hague: Indiana University; Mouton & Co, 1966. (Uralic and Altaic Series).

Honti 1986 — L. Honti. Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986.

Kaksin 2010 — A. D. Kaksin. Kazymskii dialekt khantyiskogo yazyka. 2-e izd., dop. Khanty-Mansiisk: IITS YUGU, 2010. {A. D. Kaksin. The Kazym dialect of the Khanty language. 2nd ed., revised. Khanty-Mansiisk: IITS YUGU, 2010.}

Koshkareva 1990 — N. B. Koshkareva. K voprosu ob infinitive v khantyiskom yazyke. In: Morfologiya glagola i struktura predlozheniya (Sbornik nauchnykh trudov). Novosibirsk, 1990. S. 79—92. {N. B. Koshkareva. Towards the notion of infinitive in Khanty. In: Morphology of verb and sentence structure (Collection of articles). Novosibirsk, 1990. P. 79—92.}

Mogutaev 1996 — M. K. Mogutaev. Khantyisko-russkii slovar' (vasyuganskii dialekt). Tomsk: Tomskii gospeduniversitet, 1996. {M. K. Mogutaev. Khanty-Russian dictionary (Vasyugan dialect). Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 1996.}

Nikolaeva 1995 — I. A. Nikolaeva. Obdorskii dialekt khantyiskogo yazyka. Moskva; Gamburg: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 1995. {I. A. Nikolaeva. The Obdorsk dialect of Khanty. Moscow: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Hamburg, 1995.}

Normanskaya 2022 — Yu. V. Normanskaya. Uchebnik vasyuganskogo khantyiskogo yazyka, sozdannyi sv. Makariem (Nevskim) v 1887 g., kak istochnik svedenii o prakhantyiskoi sisteme glasnykh fonem. In: Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altaiskikh yazykakh. T. I: Grafiko-foneticheskie osobennosti knig XIX v. Moskva: Izdatel'skaya gruppa "Al'ma Mater", 2022. S. 242—257. {Yu. V. Normanskaya. Textbook of the Vasyugan Khanty language, created by St. Macarius (Nevsky) in 1887 as a source of information about the Proto-Khanty system of vowel phonemes. In: Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Vol. I: Graphical and phonetic features of the books of the 19th century. Moscow: Publishing group "Alma Mater", 2022. P. 242—257.}

Steinitz 1966—1993 — W. Steinitz. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache — DEWOS. Berlin: Akademie Verlag, 1966—1993.

Tereshkin 1961 — N. I. Tereshkin. Oчерки dialektov khantyiskogo yazyka. Ch. 1: Vakhovskii dialekt. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. {N. I. Tereshkin. Sketches of Khanty dialects. Part 1: Vakh dialect. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961.}

Tereshkin 1981 — N. I. Tereshkin. Slovar' vostochno-khantyiskikh dialektov. Leningrad: Nauka, 1981. {N. I. Tereshkin. East-Khanty dialectal dictionary. Leningrad: Nauka, 1981.}

TEV 1890, № 8 — Inorodtsy Narymskogo kraja. Iz putevykh zametok nachal'nika Altaiskoi missii / Otdel neofitsial'nyi. In: Tomskie eparkhial'nye vedomosti. 1890, № 8. S. 20—26. {Aborigines of the Narym Krai. From the Travel Notes of the Head of the Altai Mission / Unofficial Part. In: Tomsk Eparchial Bulletin. 1890, № 8. P. 20—26.}

TEV 1890, № 9 — Inorodtsy Narymskogo kraja. Iz putevykh zametok nachal'nika Altaiskoi missii (okonchanie) / Otdel neofitsial'nyi. In: Tomskie eparkhial'nye vedomosti. 1890, № 9. S. 8—27. {Aborigines of the Narym Krai. From the Travel Notes of the Head of the Altai Mission (Ending) / Unofficial Part. In: Tomsk Eparchial Bulletin. 1890, № 9. P. 8—27.}

TEV 1890, № 13 — Materialy dlya izucheniya Vasyuganskikh inorodtsev (ostyakov) Narymskogo kraja / Otdel neofitsial'nyi. In: Tomskie Eparkhial'nye vedomosti. 1890, № 13. S. 1—24. {Materials for the Study of the Vasyugan Aborigines (Ostyaks) of the Narym Krai / Unofficial Part. In: Tomsk Eparchial Bulletin. 1890, № 13. P. 1—24.}

Tuchkova 2014 — N. A. Tuchkova. Sel'kupskaya oikumena. Obzhitoe prostranstvo sel'kupov yuzhnykh i tsentral'nykh dialektnykh grupp. Monografiya. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta, 2014. {N. A. Tuchkova. Selkup oikumena. The inhabited space of the Selkups of the Southern and Central dialect groups. Monograph. Tomsk: TSPU Publishing house, 2014.}

Приложение I

Страницы из памятника «Материалы для изучения языка васюганских инородцев (остяков) Нарымского края»

— 19 —

нигыя Дѣдъ по отцу и матери—*илчажа*; бабушка—*нимба*; тесть—*илчажа-л-ара*; теща—*пальчажа*; шурина—*кыба конюк*; деверь—*качжам*; свояченица—*кыба конюк*; сынъ—*и, пог*; дочь—*не*; для внуковъ особаго названія нѣтъ.

Снасти.

Лыжи съ подбивкой изъ кожи лосняныхъ ногъ называются *таши*; лыжи голыя—*толдож*; нарта—*кандж*; палка при ходбѣ на лыжахъ—*чур*; на концѣ ея кружокъ—*вертуноль чур*. Ловушка на звѣрьковъ—*черкан*; для колонковъ и бѣлокъ—*лада*; лукъ на медвѣдей и лисицъ—*ютоль*; при немъ стрѣла съ перомъ на концѣ и вылообразнымъ желѣзнымъ наконечникомъ на другомъ—*югол-ял*. Насторожка при лукѣ—*камлан юг*; нитка, натягиваемая отъ лука поперегъ пути, гдѣ ходитъ звѣрь—*юни*. Мѣрка для уставки лука по высотѣ звѣря, для того, чтобы стрѣла не пролетѣла выше или ниже—*унтг*; лукъ обклеенный берестой—*кандыл-логол*. Клепцы (капканъ съ зубьями клещеобразными) *ја кош*.

Шаманство.

Шаманы у Васюганскихъ остяковъ называются *юлг*; *домбра* (балалайка)—*пононолг*; колотушка, употребляемая при камлани (у алтайц. орбы)—*лени*; бубень *коилг*; у вѣкоторыхъ шамановъ есть особая одежда (у алт. манчжак); шапка остроконечная, обшита бисеромъ—*ойлым чюль* (шитая бисеромъ шапка); жертва—*ирь*; связывать шамана при ворожбѣ—*тюкылта*.

Сказки.

Мы слышали одну остяцкую сказку, содержаніемъ своимъ напоминавшую о подобной сказкѣ черевыхъ татаръ Бійскаго округа и утвердившую насъ въ предположеніи о родствѣ остяковъ съ алтайскими инородцами.

Другая сказка, записанная нами со словъ переводчика Л. П. Шушкова, содержаніемъ своимъ наводитъ на предположеніе, что если она заимствована остяками отъ другаго народа, то

— 20 —

таковымъ былъ культурный и цивилизованный народъ: у него были города, были дороги съ шайками разбойниковъ; разбойники добываютъ себѣ пропитаніе не однимъ разбоемъ, а и честнымъ трудомъ; они дѣлаютъ телеги, возятъ ихъ на продажу въ городъ. Если-же настоящая сказка ведетъ начало свое изъ героическаго періода финскаго или другаго племени, изъ котораго выдѣлились остяки, то содержаніемъ своимъ она свидѣтельствуетъ, что эти предки остяковъ были гораздо болѣе развиты, чѣмъ настоящіе, вымирающіе теперь, ихъ потомки; что у нихъ существовали и города и такія бытовые условія, какихъ нѣтъ и немогло быть у обитателей вѣзвья Оби и ея притоковъ.

Записывая со словъ переводчика сказку о тридцати разбойникахъ, мы тогда же сдѣлали буквальный, почти надстрочный переводъ.

Сказка о тридцати разбойникахъ *).

Колымъ юнъ выинку вулта игливул.	Тридцать разбойниковъ жипувуть.
Атыль атаман.	Одинъ атаманъ.
Колымъ юнъ выинку колымъ юнъ коревтъ икаръ верта игливул.	Тридцать разбойниковъ тридцать телегъ дѣлають.
Колымъ юнъ выинку ий котоль колымъ юнъ коревтъ икаръ верта игливул.	Тридцать разбойниковъ въ одинъ день тридцать телегъ дѣлають.
Атыль атаман колымъ юнъ коревтъ икаръ верта игливул ий котла.	Одинъ атаманъ тридцать телегъ дѣлаеть въ одинъ день.
Колымъ юнъ выинку юга выгимта игливул; атаманъ икерланъ кулы тухта јавикасилъ.	Тридцать разбойниковъ на него осердились; атамановы телеги всѣ огнемъ сожгли.
Јигунам икрыл кулы вача	Свои телеги всѣ въ городъ

*) Переводъ сдѣланъ буквальный.

**Из старой диаспоры в новую:
к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев
(на материале социолингвистического обследования
в марийской диаспоре московского региона)**

Куцаева Марина Васильевна, Институт языкознания РАН (Москва); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Настоящая работа является частью цикла статей, посвященных языковым биографиям представителей марийской диаспоры московского региона, в данном случае — уроженцев Республики Башкортостан в выборке. Внутренняя диаспора марийцев на территории Москвы и Московской области сформировалась относительно недавно и может быть рассмотрена в качестве *новой* диаспоры, тогда как ареалы расселения марийцев в Приуралье и Прикамье, сложившиеся в течение XVI—XVIII вв., являются *старыми* диаспорами, и марийцы в них проживают компактно. Марийский язык — один из ключевых маркеров этнической идентичности в выборке, и его поддержание коррелирует со степенью сохранности границ этнической группы. В связи с этим интересным представляется анализ динамики функционирования этнического языка в условиях перемещения носителей идиома из старой диаспоры в новую. В первой части работы приводятся языковые биографии 18 респондентов, уроженцев Республики Башкортостан: описаны языки внутрисемейного общения, дошкольного воспитания, школьного обучения (язык или предмет обучения), дальнейшего образования; установлены каналы изучения опрошенными русского и марийского языков; приводится сопоставительный анализ результатов со сведениями, полученными при составлении языковых биографий *республиканских* марийцев в выборке. Во второй части исследуется вопрос актуального использования респондентами марийского идиома в московском регионе: установлены сферы употребления марийского, определены речевые практики и языковые идеологии опрошенных, а также степень сохранности языка и механизм межпоколенческой передачи языка. Отдельно освещается вопрос бытования этнического языка в культуре, сохранности культуры башкирских марийцев и поддержания традиционных марийских верований, хранителями которых они себя считают, в условиях проживания группы в московском регионе.

Ключевые слова: марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, московский регион, башкирские марийцы, языковая политика в области образования, семейная языковая политика, речевые практики, языковые идеологии, межпоколенческая передача языка, этническая культура

**FROM THE OLD DIASPORA TO THE NEW ONE:
ON BASHKIR MARIS' LANGUAGE AND CULTURE MAINTENANCE
(RESULTS OF A SOCIOLINGUISTIC SURVEY IN THE MOSCOW REGION MARI DIASPORA)**

Marina V. Kutsaeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science (Moscow); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

The present work makes part in a series of articles devoted to linguistic biographies of Moscow region Mari diaspora representatives, in this case natives of Bashkortostan in the sample. The Mari internal diaspora in the Moscow region has been formed relatively recently and can be considered a *new* diaspora, whereas the areas of Mari settlement in the Urals and Kama region, formed during the XVI—XVIII centuries, are *old* diasporas, and Mari people live compactly there. Language is one of the key markers of ethnic identity in the sample, and its maintenance correlates with the degree of preservation of the borders of the ethnic group. In this regard, it is of interest to analyze the dynamics of the functioning of the ethnic language following the migration of speakers of the idiom from the old diaspora to the new one. The first part of the work presents the linguistic biographies of 18 respondents, natives of the Republic of Bashkortostan: languages of intra-family communication, preschool education, school education (language of instruction or subject of education), further education; channels for the study of the Russian and Mari languages by respondents; a comparative analysis of the present results with the linguistic biographies of the natives of the Republic of Mari El in the sample. In the second part of the work, the problem of the actual use of the Mari idiom by respondents in the Moscow region is studied: domains of use, the respondents' speech practices and language ideologies, preservation of the idiom and the mechanism of intergenerational language transmission in the sample. Particular attention is given to the language in culture, preservation of the Bashkir Mari ethnic culture and maintenance of traditional Mari beliefs, the guardians of which they consider themselves to be, in the conditions of the group's residence in the Moscow region.

Keywords: Mari language, ethnic language, internal diaspora, Moscow region, Bashkir Maris, language policy in education, family language policy, language practices, language ideologies, intrafamily language transmission, ethnic culture

1. Введение

Почти половина марийцев, представителей одного из коренных народов Среднего Поволжья, проживает за пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл компактными или дисперсными группами, образуя на территории многонационального государства так называемую *внутреннюю* диаспору, члены которой расселены за пределами основного традиционного места проживания, объединены общим самосознанием и, как правило, сохраняют свой этнический язык в качестве одного из средств общения [ССТ 2006: 57].

Наиболее многочисленной и организованной является марийская диаспора Башкортостана¹ [Марийцы 2013: 140]. В таблице 1 представлена динамика численности марийцев (указана общая численность по стране (РСФСР/РФ)) и приведены данные по Марийской АССР / Республике Марий Эл и Башкирской АССР / Республике Башкортостан.

Таблица 1. Динамика численности марийцев по итогам переписей населения по регионам [ВПН 2020; Демоскоп]

Численность марийцев	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Всего (РСФСР, РФ)	428 001	476 382	498 066	581 082	599 637	643 698	604 298	547 605	423 803
Республика Марий Эл (Марийская АССР)	247 979	273 332	279 450	299 179	306 627	324 349	312 178	290 863	246 560
Республика Башкортостан (Башкирская АССР)	79 298	90 163	93 902	109 638	106 793	105 768	105 829	103 658	84 988

Практически три четверти марийцев Башкортостана проживают в сельской местности в северо-западной и западной частях республики, где насчитывается более 240 марийских деревень. Преимущественно «марийскими» районами в Башкортостане являются Мишкинский и Калтасинский, включая население крупных сел Мишкино и Калтасы. Другие районы с высокой плотностью марийцев — Бирский, Краснокамский, Шаранский, Балтачевский, Благовещенский, Нуримановский. Более 10 000 марийцев — жители Уфы, почти столько же проживают в Нефтекамске, порядка 3000 — в Бирске [Марийцы 2013: 140].

В 1950—1980-х гг. вследствие трудовых миграций существенно увеличилась численность марийцев за пределами традиционных ареалов их расселения; по данным переписи 1989 г., они проживали фактически во всех административно-территориальных образованиях СССР [Сепеев 2006: 164]. Новые марийские диаспоры дисперсного типа сформировались во многих регионах страны, включая московский. В таблице 2 представлена динамика численности марийского населения в Москве и Московской области.

Таблица 2. Динамика численности марийского населения в московском регионе [Демоскоп]

Численность марийцев	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Москва	251	548	н/св	1030	1545	2490	1979	2100	1325
Московская область	586	692	581	1350	2113	2544	2554	2555	1840

¹ Активное формирование данного ареала расселения марийцев в середине XVI — первой четверти XVIII вв. было связано с усилением социального и религиозного гнета в Среднем Поволжье, вызвавшего протесты податного населения, в том числе массовое бегство, миграции в Прикамье и Приуралье [Сепеев 2006: 188]. Стремление сохранить веру предков от насаждавшегося в Поволжье христианства побуждало наиболее стойких ее приверженцев переселяться на Урал и в Башкирию, чтобы избежать насильственного крещения. Расселению марийцев на этих территориях способствовал ряд факторов. Благоприятные природные условия, схожие с поволжскими, давали возможность переселенцам вести сложившуюся хозяйственную деятельность. В собственности башкирских общин было достаточное количество свободных земель, выделявшихся марийцам в пользование или в собственность. Кроме того, царское правительство первоначально не осуществляло контроль за внутренней жизнью башкирских общин. Наконец, коренное население этих земель проявляло религиозную терпимость в отношении культов и верований марийцев. В середине XVIII в. в Уфимской провинции насчитывалось 1000 марийских дворов. С упрочением позиций царского правительства в Башкирии, изъятием в пользу казны значительного количества башкирских земель миграции марийцев в Прикамье и Приуралье сократились [Сепеев 1975: 33, 39, 41—42].

В 2019—2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона с целью выявления и описания функционирования этнического языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время увеличивается количество внутренних диаспор на территории Российской Федерации, особенно в Москве и Московской области в силу экономической привлекательности и перспективности региона. Расширяются межкультурные и межъязыковые контакты, что требует изучения диаспор в лингвистическом плане. Одна из динамично развивающихся диаспор Москвы — марийская.

Выборка является репрезентативной и включает уроженцев Республики Марий Эл, а также мест компактного расселения марийцев на территории РФ. В выборку вошло 106 человек: 100 из них принадлежат первому поколению диаспоры, 6 — второму (о методике обследования, содержании социолингвистической анкеты и некоторых данных общей выборки см. [Куцаева 2022: 117—119]). Восемнадцать опрошенных в первом поколении являются уроженцами Республики Башкортостан: «Мы эрвел марий, мы из Башкирии» (№ 28, М., 47)². В таблице 3 представлен половозрастной состав этой части выборки.

Таблица 3. Половозрастной состав башкирской части общей выборки³

Когорта	Мужчины	Женщины
30—40		4
41—50	3	2
51—60	3	3
61—70	3	

В таблице 4 содержатся сведения относительно длительности пребывания респондентов в московском регионе. Очевидно, что этот параметр зависит от возрастной группы: представители старших когорт переселились значительно раньше, чем опрошенные в младших когортах.

Таблица 4. Длительность пребывания респондентов в московском регионе

Когорта	Количество лет						
	1—3	3—5	6—10	11—20	21—30	31—40	41+
30—40		1	1	2			
41—50		1	1	3			
51—60						5	1
61—70						1	2

Цели, которыми руководствовались респонденты, принимая решение о переезде в Москву, как правило, коррелируют с общими историческими причинами миграций, имевшими место в стране в советский и постсоветский периоды. Представители старших когорт обосновались в московском регионе по окончании срочной службы в рядах Советской армии, учебы в столичном вузе или приехали «строить Москву». Представители средних когорт были переведены в Москву по службе; некоторые респонденты переселились в столицу России, проведя некоторое время в других регионах («на северах на заработках»). Часть, прожив некоторое время в Йошкар-Оле, была вынуждена переехать, чтобы улучшить свое экономическое положение. Некоторые сменили место жительства после вступления в брак. Опрошенные в младших когортах заявили, что они рассчитывали «сменить обстановку», хотели «саморазвиваться», «вырваться куда-нибудь», «покорить что-нибудь».

В других наших работах были изучены лингвистические биографии респондентов, уроженцев Республики Марий Эл, а также представителей уральских марийцев в выборке. Рассмотрение наиболее общих этапов их биографий (языки внутрисемейного общения, дошкольного воспитания, языки обучения и языки как предметы изучения в начальной и средней школе, язык обучения на дальнейшем этапе обучения, языки общения с соседями на малой родине, каналы изучения русского и марийского) позволило составить представление о лингвистическом багаже, с которым опрошенные переехали в московский ре-

² Здесь и далее в тексте в скобках приводятся номер анкеты в общей выборке, пол и возраст респондента. Если это представляется релевантным, указывается район, уроженцем которого является респондент. По умолчанию выдержки из анкет в тексте принадлежат уроженцам Республики Башкортостан в выборке.

³ Здесь и далее в графах приводится число респондентов в когорте.

гион. Вместе с тем необходимо отметить, что в зависимости от места проживания этнической группы изменяется статус языка. Так, в Республике Марий Эл марийский язык (горный и луговой) наряду с русским является одним из государственных [Закон РМЭ о языках, гл. 1, ст. 1]. В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в некоторых официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности, порядок использования языков определяется законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [Закон РФ о языках, ст. 3, п. 4]. Таким образом, в Республике Башкортостан, где марийцы издавна проживают компактными группами, предусмотрено [Закон РБ о языках, ст. 3, п. 2] употребление марийского языка в ряде официальных сфер — в частности, в сфере образования. В местах дисперсного проживания этнической группы, где в относительно недавнее время сложились *новые* диаспоры, за этническим языком официальный статус не закрепляется — одной из таких диаспор является марийская диаспора московского региона.

В связи с этим добавим, что настоящая работа представляет несомненный научный интерес с точки зрения возможности проведения сопоставительного анализа языковых биографий, во-первых, *республиканских* [Куцаева 2022; 2023a] и *внереспубликанских* марийцев, во-вторых, языковых биографий респондентов, проживающих в различных местах компактного расселения марийцев, — на примере уральских марийцев [Куцаева 2023б] и уроженцев Башкортостана. Кроме того, в статье будут рассмотрены вопросы актуального использования респондентами этнического языка в условиях миграции из старой диаспоры в новую; бытования этнического языка в культуре, сохранности языка и культуры. Каждый из этих аспектов будет подробно освещен нами далее.

2. Языковые биографии уроженцев Республики Башкортостан в выборке

В выборке 17 респондентов являются уроженцами сельской местности: десять — Мишкинского района, три — Калтасинского, остальные опрошенные родились и выросли в Шаранском, Бирском, Белебеевском, Нуримановском районах Республики Башкортостан. Десять респондентов — выходцы из небольших марийских деревень, семь выросли в крупных селах (Мишкино, Чураево). Один опрошенный — уроженец городской среды (г. Нефтекамск).

В зависимости от места проживания участников опроса на малой родине несколько изменяется этнический состав соседей в сельской местности. В икско-сюньском бассейне марийцы живут по соседству с башкирами, татарами и чувашами [Марийцы 2013: 140]: «Татары у нас в соседней деревне» (№ 94, Ж., 36, Шаранский район). Прикамские марийцы — рядом с башкирами, татарами и удмуртами: «У нас вся деревня разговаривала либо на марийском языке, либо на татарском языке. Потому что у нас были рядом татарские деревни, и вся жизнь проходила в общении между этими деревнями. С одной стороны были татары, с другой стороны были марийские деревни. Потом шли удмуртские деревни. То есть был такой разнородной⁴» (№ 24, Ж., 61, Калтасинский район). «В нашем районе в основном больше мари, русские были, удмурты проживали достаточно много, татары, мордва проживали. Вот примерно такой контингент. То есть деревнями такие национальности» (№ 25, М., 69, Калтасинский район). Марийцы междуречья Агидели и Уфы соседствуют с русскими, башкирами и татарами [там же]. «У нас полностью марийская деревня. У нас и район там больше на 70 процентов — марийцев, а остальные — и русские, и татары» (№ 71, Ж., 47, Мишкинский район). «Мы вот в таком месте, где в основном живут русские, марийцы, татары. А в нашей деревне только марийцы» (№ 57, Ж., 38, Мишкинский район). Все респонденты идентифицируют себя как этнические марийцы.

⁴ Респонденты ни разу не упомянули о владении башкирским (ср. данные, приведенные в [Баскаков, Насырова 2000: 72], о характерном для Башкирии марийско-башкирско-русском трехязычии). Одна из причин подобного несоответствия видится в проблеме определения лингвистического статуса идиома, распространенного в этом регионе: северо-западный диалект башкирского или диалектная разновидность татарского (подробнее о дискуссии см. [ДАК; Миржанова 2006]).

Что касается удмуртского, лишь в одном случае самый пожилой респондент в выборке заявил следующее: «А вот поколение моих родителей — все знали точно три языка, и с удмуртами если рядом жили, то и удмуртский знали. Ну вот удмурты, как и татары, тоже марийский не особо! А мари старались как-то языки соседей изучать и с ними общаться на этих языках» (№ 24, М., 69).

Поскольку ни один из опрошенных в выборке не заявил о владении этими языками в старших поколениях семьи и не указал это в собственном наборе владения языками, в работе освещен исключительно татарский язык, который выступал языком межэтнического общения в регионе.

2.1. Языки, которыми владели представители старших поколений в семье и респонденты в выборке

В таблице 5 представлен набор языков, которыми владели представители самого старшего поколения (бабушки и дедушки респондентов), поколение родителей и сами опрошенные.

Таблица 5. Набор языков, которыми владели представители старших поколений в семье и владеют сами опрошенные

Набор языков	Поколение бабушек и дедушек	Поколение родителей	Респонденты
марийский, татарский, русский	17 ^{5, 6}	15	9
марийский, русский		3	8
русский			1

Представители самого старшего поколения, бабушки и дедушки респондентов, прекрасно, по их воспоминаниям, владели татарским языком, что было обусловлено близостью проживания (единая деревня с татарским и марийским концами или соседние деревни), наличием тесных дружеских контактов, ведением совместной трудовой и хозяйственной деятельности. «Даже деревня, откуда мои родители, — полдеревни марийская, половина — татарская, представляете?» (№ 29, Ж., 53). «И бабушка, и дедушка владели татарским языком, так как ходили с татарами друг к другу в гости, рядом две татарских деревни Кугарчино и Наратово. По-марийски называются так: Көгөрчен и Пүнчер. Татарочки завязывали платки на голове двумя близлежащими соседними уголками и шли в гости к нам. Чай попьют и на столе в масло сливочное втыкают серебряную монетку для благополучия, читают молитву» (№ 24, Ж., 61). «Дед знал татарский, по работе общался. Дед был председателем колхоза — поэтому знал» (№ 23, М., 44).

В поколении родителей опрошенных владение татарским в целом сохраняется, уровень владения оценивается некоторыми респондентами как более высокий в сравнении с русским. «Русский — плохо, правда. Русский — ну, знают русский. Знают марийский, естественно. И знают татарский, потому что у нас в соседней деревне живут татары. И они всю жизнь раньше общались, получается, с татарами. Поэтому они на татарском легко разговаривают. Они татарский знают лучше, чем русский» (№ 71, Ж., 47). В трех случаях из 18 в выборке было указано владение марийским и русским (без татарского) ввиду смены места жительства (например, переезда в более крупный населенный пункт с полиэтничным составом населения), отсутствия совместной трудовой и хозяйственной деятельности, дружеских контактов с татарами. «Родители не знали, потому что они не общались с ними и — и всё. Родители работали в колхозе чисто марийском» (№ 23, М., 44). «Бабушка и дедушка владели татарским, а родители — нет. Ну, потому что бабушке и дедушке приходилось общаться с татарами, которые не знают русского языка. Они все рядом проживали. Недалеко. Они просто разговаривали — так, чисто пообщаться. Может, приезжали на какие-то мероприятия, я точно сказать не могу. Родители потом переехали в Мишкино. Родители мои знают такие слова — ну, которые бытовые. Пару десятков слов, может, они, конечно, знают. А так, чтобы разговаривать, — нет. С татарами в школе они по-русски уже» (№ 85, Ж., 30). Возникновение предпосылок для установления и поддержания марийско-татарских языковых контактов и причины угасания марийско-татарского языкового взаимодействия подробно рассматривались нами в [Куцаева 2020а].

В поколении респондентов, с одной стороны, примерно одинаковое число лиц заявило о владении марийским, русским и татарским, что воспринимается башкирскими марийцами в целом как норма: «Как нормальный мариец владею тремя языками: марийский, русский, татарский» (№ 91, М., 63). С другой стороны — марийским и русским. При этом собственный уровень владения татарским оценивается респондентами по-разному. Одни указали на *владение* татарским, другие отметили, что *понимают* татарский. Фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением заключается в том, что знание языка может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков [Беликов, Крысин 2016: 51]. Впрочем, поскольку в непосредственные задачи исследования не входило и не представлялось возможным наблюдение за прямой речью респондентов, а материал ограничивался устными интервью, владе-

⁵ В одном случае респондент затруднился с ответом.

⁶ Относительно *русского* в наборе языков, которыми владели бабушки и дедушки опрошенных, особенно самых пожилых респондентов, необходимо сделать существенную оговорку: владение русским языком было, по словам участников опроса, зачастую слабым, иногда отсутствовало вовсе — у бабушек; дедушки, прошедшие войну, отслужившие в армии, обладали более высокой языковой компетенцией.

ние или знание респондентами татарского (как и марийского) нами не верифицировалось. Кроме того, в большинстве случаев трудно учесть тех, кто действительно свободно владеет языком: свободное владение — зачастую вопрос впечатления или мнения [Dauenhauer, Dauenhauer, 1998: 71—72]. Один респондент, уроженец городской среды в выборке, отметил исключительно русский язык.

2.2. Внутрисемейное общение

Во внутрисемейном общении родители респондентов употребляли преимущественно марийский язык (14 случаев из 18). Кроме того, два участника опроса в этой группе отметили также, что родители, владевшие татарским, использовали его в качестве тайного языка: «Между собой — очень интересно было. Ну так между собой они разговаривали по-марийски, а если какие-нибудь секреты, чтобы мы не понимали, они по-татарски разговаривали! Они-то выросли в другом районе, где они были, там (в деревне. — М. К.) были половину татар, они с детства изучали, общались, а наша деревня — уже полностью марийская!» (№ 29, Ж., 53). В двух случаях из 18 в семьях респондентов, проживающих в крупном населенном пункте в сельской местности, общение родителей было на марийском и на русском: «Между собой — наверное, когда как. В деревне разговаривали на марийском, в Мишкино — на русском» (№ 87, М., 62) (вопрос речевых практик и языковых идеологий в контексте языкового сообщества будет обобщен нами ниже). Еще в двух случаях родители, проживающие в крупном населенном пункте, использовали исключительно русский язык.

В таблице 6 приводятся сведения о языках общения респондентов с бабушками и дедушками, родителями, братьями и сестрами — в детстве до школы.

Таблица 6. Языки внутрисемейного общения в дошкольный период

Язык(и) общения в дошкольный период	с бабушкой и дедушкой	с родителями	с сиблингами
марийский	13	14	12
марийский и русский	5	2	2
русский		2	4

Общение респондентов в детстве с представителями самого старшего поколения было преимущественно на марийском языке. Пять опрошенных, по их свидетельству, использовали марийский и русский, что связано с проживанием старших родственников в более крупном населенном пункте, а также попыткой старших общаться на *одном* языке с *городскими* и *деревенскими* внуками (когорта 30—40 в выборке). Данные по языкам внутрисемейного общения опрошенных с родителями схожи с полученными нами сведениями относительно языков их общения с представителями самого старшего поколения в семье — с той лишь разницей, что в ряде случаев марийско-русское двуязычие с бабушками и дедушками уступает место общению исключительно на русском языке и обусловлено проживанием в крупном населенном пункте. Общение респондентов с братьями и сестрами на марийском несколько снижается, и, напротив, увеличивается число тех, кто разговаривает с сиблингами лишь на русском вследствие влияния языка воспитания в детском саду, а также посещения старшими братьями и сестрами школы, проживания в городской среде. В дальнейшем, на этапе посещения респондентами школы, особенно среднего звена, увеличивается доля тех, кто во внутрисемейном общении наряду с марийским языком использует русский. Здесь прослеживается влияние языка школьного обучения и средств массовой информации на речевые практики, а кроме того, стремление со стороны старших расширить употребление русского языка с детьми — в целом это коррелирует с образовательным уровнем и профессиональной деятельностью представителей старшего поколения. «Но с пятого-шестого класса, отец у меня преподаватель русского языка и литературы русской, мы с ним... как говорится, общались иногда и на русском. Не знаю, почему. Более взрослый уже — вперемешку уже было общение. Может, как учитель языка и литературы старался привить нам... более такое, хотя я не знаю, как говорится, но у меня сверстники все говорили на марийском тогда. А у меня как такового, может, поэтому акцента нет» (№ 52, М., 56) (схожие результаты в «луговой» части общей выборки см. в [Куцаева 2022: 142]).

2.3. Период школьного обучения

В таблице 7 содержатся сведения о периоде школьного обучения респондентов: языках обучения и языках изучения (намеренно не включаются иностранные языки, поскольку это не является предме-

том исследования). Лица, посещавшие национальную школу (респонденты старших и средних когорт), не только углубленно изучали марийский, но и обучались на марийском языке. «Я училась в марийской школе-восьмилетке. Замечательно было! У нас были учебники ВСЕ на марийском языке, кроме предмета “Русский язык”. Русский входил как иностранный язык» (№ 24, Ж., 61). Исключение составил респондент когорты 41—50, который обучался «в татарской начальной школе на татарском языке», что было, по его словам, совсем не трудно, поскольку деревня была наполовину марийской, наполовину татарской и он с детства был погружен в языковую среду. Семь опрошенных (включая всех респондентов младшей когорты) в начальной школе обучались на русском с марийским компонентом в программе — изучали марийский язык и марийскую литературу. Уроженцы городской среды и с. Мишкино в выборке обучались на русском языке. Добавим, что, по воспоминаниям одной из участниц опроса (когорты 41—50), марийский язык был внедрен в школьную программу в с. Мишкино «уже потом, после нас» (№ 100, Ж., 41). Действительно, другой участник опроса (когорты 30—40), также обучавшийся в мишкинской школе, так рассказывает о своем опыте изучения языков в среднем звене школы: «В классе были смешаны и татары, и башкиры, и марийцы. Мы в свое время изучали марийский язык. Если не ошибаюсь, татары шли на татарский. Башкиры — на башкирский. Это те, кто знал. Делились так. Точно не с первого класса. Может, с пятого-шестого. Но это было недолго, средняя школа. В старших классах уже не было. Плюс, я еще помню, мы изучали башкирский язык, потому что это было обязательно какое-то время. Это было раз в неделю и два года или три, а потом это всё уже прекратилось» (№ 85, Ж., 30)⁷. Учащиеся национальных школ в средних классах переводились на русский язык обучения с сохранением марийского в качестве предмета изучения (марийский язык и марийская литература).

Таблица 7. Период школьного обучения респондентов в выборке: языки обучения и языки изучения в начальной и средней школе

Когорта в выборке	Языки обучения и изучения в начальной школе			Языки обучения и изучения в средней школе		
	М	М, Р	Р	М	М, Р	Р
30—40		3	1	М	4	
41—50	2 + 1(Т)	1	1	М	3	2
51—60	2	3	1	М	5	1
61—70	3			М	2	1

Как и в других наших работах, посвященных описанию языковых биографий представителей марийской диаспоры московского региона (см. [Куцаева 2022: 130—131; 2023а: 55]), отметим важный факт, относящийся к периоду школьного обучения респондентов: педагоги использовали марийский язык для объяснения нового материала и в начальной школе, в которой марийский язык выступал лишь предметом, тогда как обучение другим дисциплинам велось на русском, и даже в средней школе — для учащихся национальных школ. «В начальной школе я на марийском и на русском. У нас в деревне была марийская школа. Мы уже с первого класса изучали азбуку на марийском языке. Марийский был как предмет. И так — до 11 класса. Русский как отдельный предмет идет. И марийский язык и литература — отдельно. А математику и на русском, и на марийском мог объяснить учитель. А учебник напечатан на русском. Математика, алгебра, химия — на русском учебники, но они что-то могли объяснять на русском, что-то и на своем, на марийском» (№ 57, Ж., 38). «В средней школе был марийский и русский. Вперемешку, например, химию рассказывал учитель. Он мариец был» (№ 91, М., 63).

Со сверстниками-марийцами на переменах общение было преимущественно на марийском в национальных школах. В смешанных (параллельных) классах с русским и национальным языками обучения учащиеся употребляли русский язык в общении с русскими и русскоговорящими — в том числе и с марийцами, не владеющими этническим языком; использование русского на переменах, как правило, увеличивалось в средних и старших классах школы. Интересным наблюдением поделился один из наших респондентов. «На перемене — ну, там всегда на марийском. Только чисто на марийском, по крайней

⁷ Башкирский язык является государственным наряду с русским в Республике Башкортостан [Закон РБ о языке; Конституция Республики Башкортостан, ст. 1]. В настоящее время сохранение и развитие языков в республике регулируется Государственной программой «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан» [Государственная программа].

мере в мое время. Марийцы с марийцами никогда по-русски не разговаривали. Правда, в школе в старших классах уже на русском. Межнациональный язык общения. С татарами — тоже на русском. То есть мы где массово, то говорили на русском, но, если вот идут два друга, татарин и мариец, со школы домой, по полям да по лесам, ну... соответственно они каждый на своем, и друг другу начинают. Но русский в любом случае встречается. Русский как дополняющий в любом случае» (№ 98, М., 60). «На перемене по-разному. Был среди нас один русский, ну как — он мариец, но он откуда-то приехал, марийский почти не знал. По-моему, даже с Мишкино приехал. Он очень плохо говорил, поэтому мы с ним в кругу друзей, нас было три-четыре человека, друзей близких, мы говорили по-русски. Он к нам приехал в седьмом классе. Поэтому мы с ним говорили по-русски» (№ 52, М., 58) (о возрастающей роли русского языка в качестве языка межнационального общения среди школьников старших классов см. также [Куцаева 2022: 133]).

2.4. Преподавание марийского языка в системе школьного образования в Башкирской АССР (Республике Башкортостан)

В процессе работы над материалами автором статьи был направлен запрос в ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан о предоставлении данных о преподавании марийского языка в общеобразовательных школах районов БАССР и в дальнейшем Республики Башкортостан за период с конца 1950-х гг. по 2007 г., охватывающий школьные годы респондентов в выборке. Из документов Статистического отдела о распределении школ и учащихся по языку обучения (форма Д-7) архивного фонда Министерства просвещения Башкирской АССР были извлечены выборочные сведения (таблица 8) за период с 1970 по 1989 г., поскольку, как было указано в сопроводительном письме сотрудников архива, в ряде случаев — в частности, за период до 1970 г. и после 1989 г. — сведения (форма Д-7) на хранение в ГКУ Национальный архив РБ не поступали.

Таблица 8. Сведения о количестве учащихся в школах с марийским языком обучения в Башкирской АССР за период с 1970 по 1989 г. [НА РБа—з]

Учебный год	Общее количество школ по списку	Число учащихся
1970/1971	151	17 189
1972/1973	н/св (нет сведений), кроме Мишкинский — 37, Шаранский — 14	13 243
1976/1977	117, Бураевский — н/св	9720
1980/1981	н/св, кроме Бураевский — 1	5392
1982/1983	н/св	4783
1984/1985	н/св	5828
1988/1989	н/св, кроме Балтачевский — 10, Калта-синский — 16, Нуримановский — 1	3390

В 1970/1971 г. в 15 районах Башкирской АССР на марийском языке обучалось 17 189 учащихся, из них 149 чел. изучали марийский в 9—10-х классах в двух районах — Мишкинском (53 чел.) и Шаранском (96 чел.). В 1976/1977 г. на марийском языке обучалось 9720 чел., из них в 9—10-х классах марийский изучали 167 учащихся только в Мишкинском районе. В 1984/1985 г. — 5828 чел., из них в выпускных классах: 18 чел. в Илишевском районе, 254 чел. — в Краснокамском, 70 чел. — в Шаранском. В 1988/1989 г. — 3390 учащихся, из них в старших классах: 11 чел. в Благовещенском районе и 43 чел. в Дюртюлинском. Данные таблицы 8 свидетельствуют о стремительном сокращении обучавшихся на марийском языке, при том что рождаемость среди марийцев республики была самой высокой: так, в 1989 г. среднереспубликанский показатель рождаемости составлял 17,8 детей, тогда как у марийцев показатель рождаемости достигал 27,0, значительно превышая рождаемость в других этнических группах [Сафин, Сиразетдинов 2020: 442]. В первую очередь уменьшение числа обучающихся на марийском в этот период было обусловлено сокращением количества школ с родным языком обучения, в целом коснувшимся всех национальных школ Башкирской АССР [Сафин и др. 2022: 357].

Начало русификации образования в РСФСР было положено законом «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), в соответствии с которым родители получили право выбирать школу обучения, в том числе в зависимости от языка. Кроме того, принятие этого закона повлекло за собой серьезный пере-

смотр содержания образования, ответственность за реорганизацию образовательного процесса ложилась на руководство автономий. В результате количество национальных школ в РСФСР, особенно в сельской местности, уменьшалось; снижался возраст, до которого на национальном языке можно было получить образование; процесс обычно шел поэтапно [Беликов, Крысин 2016: 301—302] (см. данные в таблице 9, например, по Шаранскому району, где в 1970/1971 учебном году обучение велось с 1-го по 10-й класс, а уже в 1976/1977 г. — только на начальном этапе). Стандартным лозунгом 1970-х гг. стало достижение национально-русского двуязычия, которое имело целью по возможности быструю унификацию в рамках провозглашенной новой исторической общности — советских людей [там же: 305]. С 1970 по 1989 г. (таблица 8) число учащихся с марийским языком обучения в Башкирской АССР сократилось в пять раз, а в некоторых районах оно достигло рекордных показателей (ср. данные по Шаранскому району в 1970/1971 г. — 1884 учащихся и в 1988/1989 г. — 114 чел.). В таблице 9 содержатся данные за пятилетние периоды с 1970 по 1989 г. по некоторым интересующим нас районам: Мишкинскому, Калтасинскому, Бирскому, Шаранскому.

Начиная с 1990/1991 учебного года в марийских школах родной язык преподавали как предмет, обучение остальным дисциплинам осуществлялось на русском [Сафин и др. 2022: 358], что нашло отражение в языковых биографиях наших респондентов (когорты 30—40), указавших в качестве языков обучения «марийский и русский» на всех этапах обучения, подразумевая под этим изучение предметов «Марийский язык», «Марийская литература» на марийском и изучение других предметов на русском. В 1998/1999 учебном году на марийском языке в Республике Башкортостан обучалось 25,4 % детей марийской национальности (общее их число — 21 178 чел.). В 2001/2002 г. обучение на марийском языке проводилось в 124 школах на начальной ступени образования, в 2009/2010 г. количество таких школ сократилось до 54 основных школ и 39 филиалов, число школьников с родным языком обучения сократилось вдвое [там же: 358].

2.5. Дальнейшее образование

Дальнейшее образование (среднее профессиональное, высшее) респонденты в выборке получали в городах Башкортостана (8 чел.), Йошкар-Оле (5 чел.), Москве (4 чел.) или в других регионах (1 чел.). Пять участников обследования обучались — в их терминологии — «на русском и марийском». Из них два проходили обучение в Йошкар-Оле по творческой специальности — «национальное направление было, поэтому марийский был» (№ 23, М., 44); одна респондентка также училась в Йошкар-Оле «на русском языке и на марийском. Потому что я учитель марийского языка и литературы. И русского языка и литературы. Но, правда, я по специальности отработала три года» (№ 71, Ж., 47). Еще две респондентки являлись студентками национального марийского отделения Благовещенского педагогического колледжа⁸. «После восьмилетки я отучилась четыре года в педучилище. Это тоже в Башкирии было. Город Благовещенск. Я училась на марийском отделении. Обучение на марийском. Были марийский язык и марийская литература, и всё остальное на русском языке, естественно» (№ 24, Ж., 61). «В педколледже у нас только “Марийский язык” и “Марийскую литературу” преподавали на марийском, а все остальные предметы на русском» (№ 57, Ж., 38). Одна из опрошенных позже поступила в Литературный институт им. А. М. Горького в Москве, в марийскую группу, состоящую из восьми марийцев: «Мы закончили Литературный институт под марийским флагом, так сказать. Нам в институте преподавали марийский язык. Профессор языкознания» (№ 24, Ж., 61). Две другие респондентки в свое время являлись студентками Бирского педагогического института⁹, обучение проходили на кафедрах, не связанных с марийским языком. Отметим, однако, что данное учебное заведение располагает кафедрой башкирской, татарской, марийской филологии [Бирский филиал], некогда был установлен тесный контакт между филологическим факультетом вуза и Благовещенским педагогическим колледжем, осуществлялся обмен методической литературой, проходили совещания по вопросам преподавания марийского языка и литературы [Благовещенский педагогический колледж].

⁸ Марийское отделение в этом учебном заведении было открыто в 1956/1957 г. путем перевода Краснокамского педучилища в Благовещенск и объединения с местным педучилищем [Садиков 2016: 80]. Было выпущено около 1200 студентов. Марийское отделение являлось единственным отделением, которое готовило специалистов для начальных классов марийских школ Республики Башкортостан [Благовещенский педагогический колледж]. В 2015 г. марийское отделение прекратило свою работу [Садиков 2016: 80].

⁹ Марийское отделение филологического факультета Бирского пединститута было открыто в 1993 г. [Садиков 2016: 80], ныне — Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий [Бирский филиал].

Таблица 9. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения в некоторых районах Башкирской АССР [НА РБа—з]

Учебный год	Район	Язык обучения	Общее кол-во школ по списку	В них учащихся			Итого
				В 1—3-х и подготовит. кл.	В 4—8-х кл.	В 9—10-х кл.	
1970/1971	Бирский	Марийский горный ¹⁰	9	726	307	—	1033
	Калтасинский	Марийский луговой	44	2293	3374	—	5667
	Мишкинский	Марийский луговой	43	2152	3150	53	5355
	Шаранский	Марийский луговой	15	732	1056	96	1884
1976/1977	Бирский	Марийский горный	6	458	109	—	567
	Калтасинский	Марийский луговой	18	956	888	—	1844
	Мишкинский	Марийский луговой	30	1511	1589	167	3267
	Шаранский	Марийский луговой	9	251	—	—	251
1980/1981	Бирский	Марийский луговой	н/св	311	—	—	311
	Калтасинский	Марийский луговой	н/св	684	—	—	684
	Мишкинский	Марийский луговой	н/св	1045	617	—	1662
	Шаранский	Марийский луговой	н/св	330	635	—	965
1984/1985	Бирский	Марийский горный	н/св	308	—	—	308
		Марийский луговой	н/св	293	—	—	293
	Калтасинский	Марийский луговой	н/св	636	—	—	636
	Мишкинский	Марийский луговой	н/св	992	77	—	1069
	Шаранский	Марийский луговой	н/св	283	422	70	775
1988/1989	Бирский	Марийский луговой	н/св	187	—	—	187
	Калтасинский	Марийский луговой	16	257	172	—	429
	Мишкинский	Марийский луговой	н/св	1075	396	—	1471
	Шаранский	Марийский луговой	н/св	114	—	—	114

¹⁰ В таблице 9 в столбце «язык обучения» несколько выбивается из общего списка *марийский горный* (в строке «Бирский район») в 1970/1971 учебном году, затем эти данные по языку обучения повторяются в сведениях за 1972/1973 и 1976/1977 учебные годы. В 1980/1981, 1982/1983 гг. в графах о языке обучения в Бирском районе значится уже «марийский луговой», в 1984/1985-м указаны и марийский горный, на котором обучается 308 чел., и марийский луговой, на котором обучается 293 учащихся начальной школы. В 1988/1989 учебном году в Бирском районе языком обучения является исключительно марийский луговой. В другом районе — Татышлинском, — согласно этим сведениям, с 1970 по 1979 г. в начальной школе преподавался марийский луговой, с 1980/1981 учебного года обучение стало осуществляться на *марийском горном* и сохранилось вплоть до 1989 г.

Таким образом, до относительно недавнего времени в Башкортостане по крайней мере в двух учебных заведениях велась подготовка марийских кадров (подробнее о становлении системы народного образования среди марийцев Уфимской губернии и ее дальнейшем развитии см. [Садиков 2016: 64—67])¹¹.

Речевые практики респондентов в период студенчества и проживания в городе в целом характерны и для представителей других этнических групп (ср. данные в чувашском обследовании [Куцаева 2020б: 62, 65, 72]). С марийцами респонденты общались на марийском (как правило, когда «вокруг были одни мари»), русский язык использовался в общей компании, в разговоре с представителями других национальностей. В этой части выборки два участника указали и на употребление татарского в общении со студентами-татарами. «Училась в Бирске. Там, конечно, было больше татар, там я выучила татарский язык. В общаге просто общались на татарском. Волей-неволей учишься понимать. Когда в такую языковую среду попадаешь!» (№ 82, Ж., 32). Второй респондент (№ 28, М., 47) получал высшее образование в другом регионе на русском языке, однако в общежитии также проживал в комнате с татарами, поэтому активно использовал татарский.

В отношении речевых практик опрошенных в городской среде следует сделать важное замечание: выезжая в *город* (районный центр, город), они в большей степени переключались на русский язык в ситуациях, описанных одним из наших респондентов. «В районе там русский город был. Если выезжали, там же как бы надо уважать. Нас же в школе учили, если там есть другие, которые не понимают, надо разговаривать на том языке, который понимают. На русском вот мы и разговаривали. Смотрели же мы на взрослых. Я же, например, с дедом в город ездил, он встретит русского знакомого, начинает с ним по-русски разговаривать, со мной тут же на русском. Смотрю, если дед делает, значит, я тоже так должен делать! Это чисто на интуитивном (уровне. — М. К.), это никто не говорил принципиально, что вот раз ты в город идешь, ты должен разговаривать на русском. Такого не было! Но как бы естественным образом было» (№ 23, М., 44, Бирский район). Как правило, отказ билингвов переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора, как пренебрежение к его коммуникативным запросам [Беликов, Крысин 2016: 22]. Очевидно, что выбор языка в условиях внутригруппового многоязычия далеко не случаен и не является результатом сиюминутного предпочтения [Фишман 2012: 63]. В городской среде неиспользование респондентами *своего* языка объясняется не только желанием угодить собеседнику. Респонденты старших когорт в выборке (61—70) *стеснялись* «выезжать в город» с марийским языком. «В Благовещенске мы пользовались русским, мы стеснялись марийского языка. Как-то тогда было не принято особенно друг с другом разговаривать на марийском языке. Почему плохо двигается марийский язык? Потому что мы стеснялись этого! Мы стеснялись своего акцента!» (№ 24, М., 61). Респонденты средних когорт также отметили, что «старались говорить на русском языке, когда выезжаешь в город» (№ 28, М., 47). В поколении 30-летних участников опроса *стеснение*, о котором говорили представители старшего поколения в выборке, кажется, постепенно уходит в прошлое (возможно, вследствие неуклонного роста миграций марийцев в города, а также проведения языковых реформ в 1990-е гг.), однако модель усвоенных речевых практик все же довольно устойчива. «Потом в город Октябрьский поехала в Башкирии. Там только русский, так как там город, там все по-русски говорят. В общежитии у нас марийский, потому что мы в общаге были одни марийки. Да вроде не стеснялись мы: у нас все ходили и болтали по-марийски на всю улицу прямо!» (№ 94, Ж., 36). О своем стеснении, особенно в подростковом возрасте, употребляют марийский в городской среде говорили и республиканские марийцы, уроженцы сельской местности в Республике Марий Эл в выборке [Куцаева 2020в: 134—135].

¹¹ В другой старой диаспоре — в Свердловской области, где в четырех районах компактно проживают марийцы, подготовка педагогических кадров для марийских школ давно ликвидирована (об этом см. [Куцаева 2023б: 80—82]). Любопытно, что решение о создании заведений «для подготовки учителей мари» в данных регионах (Свердловской области и Башкортостане) было принято одновременно, в ходе I Собрания представителей мелких народностей Поволжья (Казань, май 1917 г.). Делегатами Собрания среди прочего был поднят вопрос о преобразовании с начала наступающего учебного года Бирской инородческой учительской школы и Бирских женских педагогических курсов в Черемисские учительские семинарии, Красноуфимской второклассной учительской школы — в Черемисскую учительскую семинарию [Съезды 2008: 39]. Решение было утверждено на Первом Всероссийском съезде мари (Бирск, июль 1917 г.) [там же: 81]. В 1920 г. Красноуфимская семинария была преобразована в трехгодичные педагогические курсы, в 1921 г. — в Красноуфимский (Урал-Марийский) педтехникум, который функционировал до 1940 г. и подготовил около 400 марийских специалистов прежде, чем был окончательно объединен с русскоязычным педтехникумом, открытым в 1929 г. в том же здании. Других инициатив о подготовке марийских кадров в Свердловской области не предпринималось.

2.6. Речевые практики и языковые идеологии

В основе речевых практик, отношения к языку или в выборе того или иного идиома в качестве языка общения лежат глубинные языковые идеологии. Последние действуют в обществе и передаются по различным каналам, включая учителей, ровесников, семью, СМИ [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 106]. Языковые идеологии настолько укоренены в обществе, что их происхождение часто забывается самими говорящими; они социально воспроизводятся и воспринимаются в качестве совершенно естественных и здравых суждений, тем самым маскируя процессы социальной конструкции в действии [Smith-Christmas et al. 2018: 25]. В выборке один из респондентов, уроженец Мишкинского района, подчеркнул, что пренебрежительное отношение к марийскому языку формировали прежде всего сами педагоги: «Ну, марийский язык... со школы еще учителя все говорили, что “марийский язык вам до остановки. Потом он вам не нужен”. Учителя так говорили все: “Да уедете и забудете про марийский язык”. Ну вот такой слух в школе всегда был, что марийский язык можно не учить. Всё равно до остановки. Ну, да, наверное, так и есть» (№ 72, М., 46). Характерно, что доля марийского населения в Мишкинском районе (включая деревни и поселки городского типа) значительна — 18 038 чел. (71,5 %) в 2010 г.: ср. 21 364 чел. (65,3 %) в 1979 г., 19 827 чел. (69,3 %) в 1989 г., 19 137 чел. (70,6 %) в 2002 г. [Сафин, Сиразетдинов 2020: 445]. В с. Мишкино (как и в с. Калтасы) марийцы составляют абсолютное большинство [Кондрашкина 2008: 135]. При этом в самом с. Мишкино, в представлении наших респондентов, более естественным *считалось* использовать русский язык. «В Мишкино русский язык — ну это райцентр!» (№ 100, Ж., 41). «В Мишкино — многонационально на русском» (№ 72, М., 46). Речевые практики в семье и в широком контексте языкового сообщества в с. Мишкино, судя по воспоминаниям респондента младшей когорты, строились следующим образом: «Между собой — на русском разговаривают! Потому что мы все-таки живем в Мишкино — в самом селе. Там не только марийцы живут, там разные национальности: татары, башкиры, — у нас принято разговаривать на русском языке и поэтому все разговаривают. В школе обучение на русском и на работе — на русском. Если с соседями, то по-русски, а есть одни соседи, они уже в возрасте, на марийском больше. Больше на марийском общаемся с тем, кто уже в возрасте — с бабушками, с дедушками. А с более молодыми — на русском. И в семье у нас на русском всегда с детства разговаривали. Как-то с родителями с детства привыкли общаться на русском. Я и мой брат — мы между собой на русском. А родители между собой со своими братьями и сестрами — на марийском и на русском» (№ 85, Ж., 30) (о схожих речевых практиках в чувашском сообществе в районах в такой же возрастной группе см. [Куцаева 2020б: 82—83]). Опрошенные старших когорт вспоминали и о некоторых трудностях, с которыми приходилось сталкиваться при смене места жительства. «Но в Мишкино всё это — там в основном почему-то даже до сих пор говорят по-русски. Это такое село крупное достаточно. А потом мы переехали, мой старший брат, постарше меня на три года, учился до этого в Мишкино, он уже тяжело переходил на марийский язык, потому что со сверстниками говорили в Мишкино на русском. Мне было проще, как говорится, я был еще маленький тогда» (№ 52, М., 56).

Таким образом, использование марийского языка в значительной степени характерно для марийской деревни, тогда как в более крупном населенном пункте (включая райцентры) типично употребление русского языка. Так, респондент в выборке, уроженец г. Нефтекамска¹², не владел марийским, поскольку в городской среде использовался русский язык, ребенком выезжал в деревню, проявлял интерес к марийскому языку: «С бабушкой так — они отвечали по-марийски, если я не понимала, я просила перевести, сказать по-русски. Даже маму просила, когда в деревне были. Мама скажет что-то, а я ей: “Мама, а по-русски?” Переспрашивала я их тогда. В деревне особенно. Это отцовы родители, в марийской деревне» (№ 19, Ж., 53). Необходимо отметить, что «вывозить детей в деревню летом» в целях передачи этнического языка подрастающему поколению в естественной языковой среде — распространенная практика среди городских марийцев и представителей других этнических групп (см., например, [Куцаева 2020б: 87—88, 133]). В выборке робкие попытки респондентки в детстве использовать марийский со сверстниками обернулись неудачей: «Я общалась по-русски, а потом я как-то подросла немножко и попыталась с подружками по-марийски поговорить. Они меня обсмеяли. То есть у меня говора не было марийского. И я замкнулась в этом. И я даже до сих пор этот момент помню — и какая-то девочка. Представляете, у меня это отложилось до сих пор! Они посмеялись! Видимо, с акцентом. И я даже сейчас чувствую, что у меня нету *акцента* марийского» (№ 19, Ж., 53). Ситуация с миноритарными языками представляет собой дихотомию между идеологией аутентичности, присущей таким языкам, и идео-

¹² В 1970 г. в г. Нефтекамске проживало 2950 марийцев (5,5 % в составе населения города), в 2010 г. — 13 123 чел. (доля составила 9,9 %). Нефтекамск является одним из городов Республики Башкортостан со значительным удельным весом марийского населения [Сафин, Сиразетдинов 2020: 446—447].

логией анонимности, предоставляемой говорящим на больших языках. У последних отсутствует необходимость быть знакомыми со своими собеседниками, иметь аффилиацию и связь с определенной местностью и даже культурой, чтобы быть принятыми другими членами сообщества ([Woolard 2008], цит. по [Smith-Christmas et al. 2018: 159]). Они не имеют тех ограничений, которые в рамках идеологии аутентичности (легитимности) предъявляются *традиционным* носителям, для которых данный язык выступал языком первичной социализации.

В этом смысле влияние идеологии аутентичности часто оказывается губительным для сообщества новых носителей (о новых носителях марийского см. [Куцаева 2021a]), речевые практики которых сталкиваются с неприятием со стороны традиционных носителей, обладающих *опытом* и *авторитетом*. Внутри идеологии аутентичности (легитимности) культивируется связь между языком и принадлежностью к некой социальной и даже этнической группе: традиционные носители в качестве полноправных владельцев наделены полномочиями закреплять *аутентичный* и *настоящий* вариант языка, т. е. языковая аффилиация обусловлена скорее принадлежностью к группе, а не собственно языковой компетенцией; их авторитет признан и другими членами группы [Grenoble, Whaley 2006: 166]. Кроме того, идеологией аутентичности (легитимности) закрепляется связь между языком и определенным местом, точнее отношением между языком и *опытом* определенного места: язык «прикован» к определенной местности, именно здесь и *только здесь* на нем разговаривают. Впрочем, это не просто ассоциация между языком и географической территорией — подразумевается наличие связи между местностью и определенной социо-исторической траекторией [Smith-Christmas et al. 2018: 143]. Сравним приведенные выше высказывания относительно *акцента*: «у меня нету акцента марийского (в марийском. — М. К.)» — наличие «марийского акцента» как твердая привязка к месту, марийской деревне, праву *per se* использовать марийский язык / «общение было вперемешку (...) у меня как такового, может, поэтому *акцента* нет (в русском языке. — М. К.)» — отсутствие «марийского акцента» в большом языке как освобождение от этой привязки, возможность примкнуть к идеологии анонимности, избавление говорящего от ограничений, шанс изменить или замаскировать прежнюю социо-историческую траекторию. Таким образом, зажатый между полюсами аутентичности и анонимности, этнический язык оказывается прикованным к деревне и «вывозить» его в город (и даже райцентр) кажется неуместным (см. транслируемые в самом марийском сообществе идеи относительно того, что марийский понадобится лишь «до автобусной остановки»).

2.7. Каналы освоения респондентами вторых языков — русского или марийского

В заключение раздела о языковых биографиях уроженцев Башкортостана в выборке рассмотрим каналы освоения опрошенными марийского и русского. Языком воспитания и обучения уроженцев городской среды в выборке являлся русский; спорадический интерес к марийскому пробуждали летние поездки в марийскую деревню. Жители райцентров и крупных населенных пунктов в сельской местности с детства были погружены в большей степени в русский язык, начиная с посещения детского сада; марийский являлся дополнительным языком, его слышали от родителей, старших родственников, в марийской деревне. «Дома родители — когда как, вперемешку, и на русском, и на марийском. С бабушкой — на марийском, когда бабушка приезжала, они разговаривали наполовину на русском, наполовину на марийском. Я, естественно, где-то что-то слышал, наверное» (№ 87, М., 58). Основными каналами приобщения к русскому языку у уроженцев марийских деревень, в которых «всё было по-марийски», выступали:

- 1) школьное обучение: представители старших когорт и некоторые участники обследования в средних когортах заявили о том, что до поступления в 1-й класс не владели русским языком и фактически учили его как иностранный;
- 2) общение с городскими детьми, приезжавшими на лето в деревню;
- 3) обращение в сельсовет или фельдшерский пункт («Плюс у нас же врачи, фельдшеры, фельдшерская больница, вот там у нас русские дяденьки и тетеньки работали. С ними надо было общаться, они же приходят там в школу посмотреть малышей» (№ 23, М., 44));
- 4) расположение деревни вблизи райцентра и русских деревень и частые контакты с их жителями;
- 5) миграции в детстве с родителями в другой регион или в город;
- 6) радио, телевидение, кинематограф.

Особое место отводится потреблению культуры на русском языке: радио, телевидение, кинематограф. Представители старших когорт в меньшей степени имели возможность смотреть телевизор («Телевидения не было, один телевизор на всю деревню» (№ 106, М., 58), ср.: «Все понимали русский язык. Потому что все же с детства смотрят телевизор» (№ 82, Ж., 32)) и в ряде случаев — слушать радио («Это потом уже пошло телевидение, вещание на русском языке, а в мое время ничего этого не было! Даже радио местное говорило на марийском языке. Тогда же было обязательное оповещение, и играло радио на

марийском языке. Но в основном у нас песни татарские были, не башкирские. И песни татарские, и разговоры на татарском, и новости на татарском передавали» (№ 24, Ж., 61)). Дополнительная возможность приобщиться к русскому языку предоставлялась в рамках кинопроката: «Но вот еще помню, что тогда смотрели индийское кино. Вот там — на русском! И вся деревня идет смотреть это кино на русском языке. Там, скорее всего... может, не все слова даже знал, но судя по контексту можно было понять» (№ 98, М., 60) (ср. каналы освоения русского языка луговыми [Куцаева 2022: 141—147] и горными [Куцаева 2023а: 56] марийцами в выборке).

2.8. Выводы

Таким образом, анализ языковых биографий уроженцев Республики Башкортостан в выборке позволил выявить некоторые общие места, характерные в том числе для языковых биографий республиканских марийцев: в частности, каналы освоения ими русского и марийского языков; типичные речевые практики, обусловленные языковыми идеологиями аутентичности (легитимности) и анонимности. Общими представляются и проблемы, связанные с функционированием марийского языка в сфере образования, например с сокращением часов, выделяемых на обучение на марийском языке и преподавание марийского в качестве предмета изучения. Вместе с тем, ввиду проживания этнической группы в старой диаспоре, изменяется, во-первых, характер ее контактов с соседствующими народами, что влияет на набор языков, которыми владеют выходцы из Башкортостана (владение марийским, татарским, русским воспринимается как норма, ср. с «луговой» выборкой, в которой лишь некоторые респонденты, проживающие в сопредельных с Татарстаном районах с высокой плотностью татарского населения, заявили о владении татарским). Во-вторых, изменяется юридический статус марийского языка: государственный язык в Республике Марий Эл vs. язык местности проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, — что приводит к некоторому сокращению сфер употребления языка.

Дальнейшие изменения претерпевает этнический язык, функционирующий в диаспоре нового дисперсного типа, сформировавшейся относительно недавно в урбанистической среде. Описанию функционирования языка в диаспоре такого типа будет посвящен следующий раздел работы.

3. Актуальное использование респондентами этнического языка в московском регионе

Темпы языкового сдвига возрастают в условиях миграций, способствующих формированию диаспор [Spolsky 2021: 19], а также урбанизации, обусловленной среди прочего культурными и социальными расслоениями [Austin, Sallabank 2021: 35]. В московском регионе использование этнического языка существенно сокращается, марийский употребляется во внутрисемейной, дружеской, повседневно-бытовой сферах общения, а также в сфере общественной и культурной деятельности, религии. В некоторых случаях опрошенные используют марийский язык и на работе, в неформальном общении с земляками — как правило, в функции тайного языка.

Теория центральных ценностей культуры, сформулированная в [Smolicz 1981] (цит. по [Смолич 2012: 403]), оказывается полезной при осмыслении моделей сохранения, изменения и утраты языков меньшинств в полиэтничном обществе. Сущность теории заключается в том, что не все разнородные элементы (культурные ценности) являются одинаково важными для идентификации людей как членов группы. Некоторые из этих элементов могут быть вовсе утрачены, не подрывая стабильности группы. Утрата других, так называемых *центральных ценностей* (рассматриваемых Е. Смоlichem как столпы, вокруг которых организуется вся социальная система группы и вся ее самоидентификация, — они же формируют сердцевину культуры группы и действуют как идентифицирующие ценности, имеющие символическое значение для группы и для участия в ней), может привести к их ассимиляции доминирующей группой [там же: 404].

Ключевыми маркерами этнической идентичности в общей выборке признаны «малая родина» («родная земля», «родина», «предки», «кровь», «рождение», «корни»), «марийский язык», «культура» (знание истории народа, традиций, обычаев, песен и танцев). «Ну, наверное, моя речь. Марийская речь. Марийские песни. Марийские корни. Родственники» (№ 71, Ж., 47). «Язык. Если человек не знает язык, культуру, считай, он теряет свой этот... национальность» (№ 29, Ж., 53). Среди прочих было названо «мировоззрение», охватывающее в том числе и совокупность традиционных взглядов марийцев на природу и Вселенную, взаимоотношение с окружающим миром [Куцаева 2020в: 126—127]. Характерно, что имен-

но последний критерий (на него пришлось 10 ответов из 149, полученных в выборке, — вопрос был открытым и допускал несколько вариантов) был выбран в половине случаев уроженцами Республики Башкортостан, причем не только респондентами, которые являются руководителями марийских молений, но и рядовыми членами диаспоры.

3.1. Культурно-общественная жизнь диаспоры. Языки диаспоры

Марийцы Башкортостана составляют крепкий костяк московского марийского землячества, объединяющего как республиканских, так и внереспубликанских марийцев. Они являются активными его членами и периодически выдвигают своих представителей в качестве лидеров землячества¹³.

Участник обследования, один из старейших членов землячества, основатель Московского городского общества марийской культуры «Онар», человек, по его собственным словам, «с обостренным чувством национального самосознания», так вспоминает о своем опыте «собрать воедино марийцев Москвы»: «Если услышу марийскую речь случайно, сразу вхожу в контакт и телефон записываю! Потому что вообще-то я их всех собирал долгие годы. Где услышишь в метро, я сразу контакты брал, где ездил в поезде, случайно встретился там... или у родственников... поедешь в Башкирию или в Марий Эл: “А у меня там эта учится, а этот работает”. — “Давай телефон!” Я как раз их выискивал и собирал скрупулезно. У меня тогда не было ничего — ни “Контакта”, ни “Одноклассников”, вот так находили случайно!» (№ 25, М., 69). Первые его попытки проведения мероприятий относятся к 1980-м гг., когда были организованы литературные встречи, приуроченные к юбилейным датам марийских писателей и прочих деятелей культуры. «Здесь наши люди учились в Литературном институте, целая группа. Во время Советского союза группами обучались по госпрограмме в Литературном, в Щепкинском. Вот как раз в это время была группа, обучавшаяся в Литературном институте. У них был научный руководитель из Йошкар-Олы, вот от него всё и пошло, когда мы встретились. От него пошел толчок. Одни отучились и уехали, а другие остались. И он уехал, а дело осталось, нужно было проводить встречи, мероприятия, общение. Ну, а я никого вокруг себя не увидел, чтобы изнутри горел, я и подхватил это зная» (№ 25, М., 69). Долгое время, по заведенной традиции, ежемесячно проводились *марий кас*, «то есть марийские встречи, чаепития, посиделки. В прошлый раз мы встречались, чай пили, общались. У нас два языка, марийский и русский. Есть некоторые, особенно с Марий Эл, которые не знают марийский язык. Поэтому иногда приходится по-русски» (№ 25, М., 69).

В настоящее время языком общения на встречах землячества, по нашим наблюдениям, выступают марийский (горный и луговой) и русский. Во-первых, не все лица, посещающие досуговые мероприятия, владеют марийским (марийский в таких ситуациях также звучит, однако употребляется скорее в символической и фатической функциях, чем в собственно коммуникативной). Во-вторых, на встречах собираются представители различных субэтнических групп марийцев (горные, луговые, восточные), они являются носителями идиомов, степень взаимопонимания между которыми не всегда, по мнению опрошенных, является достаточной. Однако изучение языковых биографий респондентов позволяет сделать следующий вывод: наличие опыта общения восточных (или луговых) марийцев с горными все же влияет на степень взаимопонимания. Ср.: «Я луговых пойму, а горных — я вообще не пойму. Но если по написанию, то я еще догадаюсь, потому что там все равно русские буквы, но чуть-чуть отличаются. Но по произношению я уже не совсем понимаю. С ними мы будем разговаривать на русском языке. Сразу же. Без вариантов. И я расскажу такой интересный случай. Дедушка воевал. И когда уже там, на границе с Германией он случайно встретил человека, спросили: “Ты мариец?” — “Да, мариец”. Начали разговаривать. И ни один друг друга не понимает. Поэтому, даже встретившись в Германии, на войне, два марийца друг друга не поняли. То есть пришлось перейти на русский язык. К сожалению, это так!» (№ 24, Ж., 61). «С горными — ой, так немножко я понимала. Раньше. Потому что раньше, когда я училась, у нас были парни с... этого... ну как их... с Горномарийского района. Но мы с ними, правда, больше общались на русском. Потому что их очень трудно понять, там совершенно... слова такие! Но я мог-

¹³ Большой вклад в развитие марийского землячества внесла Е. Минилбаева, уроженка Башкортостана, единственная женщина, занимавшая пост руководителя землячества. По воспоминаниям, Е. Минилбаева, будучи профессиональным журналистом, умела выстраивать отношения с людьми, умела слушать и подсказать. «В большом городе для человека, часто приехавшего из глубинки, такое качество руководителя — одно из самых ценных. Она умела раскрыть талант другого человека, многие наши “артисты” вышли на сцену благодаря ее вере в них. Елена умела организовывать мероприятия, от небольшой встречи в библиотеке до большого городского праздника “Пеледыш пайрем”» (№ 50, Ж., 53, уроженка Республики Татарстан в выборке). Безвременно ушедшая в 2020 г., Е. Минилбаева оставила о себе добрую память в сердцах марийцев Москвы.

ла там что-то понять, какие-то слова, но... Но чтобы прямо — “от и до” понимать — это очень тяжело! Горномарийский язык не немножко даже, а вот очень хорошо даже отличается!» (№ 71, Ж., 47). «Горных понимаю. Языки похожи. Как украинский и русский. Почти 80 % можно понять» (№ 25, М., 69).

В рамках культурных инициатив землячества и частных инициатив наиболее активных членов марийской диаспоры проводятся концерты с приглашением звезд марийской эстрады, театрализованные представления, спектакли. Ежегодно в летний период в одном из московских парков организуется «Пеледыш пайрем» («Праздник цветов»), праздник советского времени, соединивший в себе элементы традиционных марийских *Агавайрема*, *Семыка*, *Сүрема* и широко отмечаемый в Республике Марий Эл (см. восприятие этого республиканского праздника глазами уроженца Башкортостана в выборке: «У нас здесь, кстати, в Москве, “Пеледыш пайрем” делают. Ну вот... мы ходили. В Мишкино... там, скорее всего, это называется “Сабантуй”, он просто больше башкирский. “Пеледыш пайрем” — это в Марий Эле» (№ 85, Ж., 30)). Кроме того, респондентам доводилось принимать участие в кулинарных мастер-классах, объединяющих представителей разных субэтнических групп: «Мы вот собираемся со своими земляками в Москве. Есть у нас и из Марий Эл, и еще из разных других регионов. Бывает, что готовим. У нас разные рецепты. Готовим вареники свои местные. С Марий Эла кто, у них другие немножко. А у нас свои немножко. Вот мы делаем с творогом, но соленые. С творогом, с луком, с зеленью. Соленые. А вот в Марий Эле готовят: творог и картошку смешивают начинку. Для них наши тоже новинка такая, они так не делают ведь!» (№ 85, Ж., 30). Языками общения на таких мероприятиях, по свидетельству участников, также являются марийский и русский. Нередко приготовление блюд по традиции сопровождается исполнением марийских песен.

С 2009 по 2012 г. в Москве на базе Поликультурного центра по субботам функционировали курсы марийского языка, преподавателем был дипломированный специалист, представительница башкирских марийцев, которая переехала на постоянное место жительства в Москву. Организация учебного процесса осуществлялась на основе литературной нормы лугового марийского языка. Помимо собственно учебной деятельности, учащиеся разучивали песни, проводили кулинарные мастер-классы, ставили театральные постановки. Подчеркнем, что курсы марийского языка являлись не только центром изучения марийского, но и местом притяжения для московских марийцев, особенно для тех, кто лишь недавно переселился в московский регион и находился в стадии адаптации. «Наверное, вот такие встречи, как у нас, помогают людям, которые в первый раз приезжают в большой город и не знают где чего. А тут ты натыкаешься на своих. И ты понимаешь, что ты тут не один!» (№ 57, Ж., 38). Одна из постоянных слушательниц курсов, уроженка Башкортостана, поделилась своим опытом посещения курсов: «Раньше были курсы марийского языка, хотя я знаю марийский язык. Я, например, ходила как бы пообщаться на марийском с людьми, потанцевать, ставить спектакли и просто побыть в атмосфере. Когда я приехала только в Москву, тогда и ходила. У нас всё было там очень интерактивно: чаепития, спектакли и много чего организовывали и для детей, и для взрослых. Тогда я была очень молода, мне хотелось адаптироваться, у меня был как раз период адаптации к Москве, к людям. Найти более близких людей, которые могут поддержать. Даже не то чтобы поддержать, а просто пообщаться и забыться. О тоске по родине, наверное. И тогда все горело каким-то желанием, все были молодые, студенты и те, которые только закончили институт. И как-то было энергии много, драйва было много» (№ 82, Ж., 32). Спустя три учебных года курсы прекратили свое существование из-за семейных обстоятельств педагога, а также, вероятно, ввиду того, что в составе слушателей «приоритеты поменялись, кто-то уже на повышение пошел, кто-то замуж пошел, кто-то женился или еще что-то» (№ 82, Ж., 32) и инициатива продолжить курсы не была подхвачена другими. Запросы на возобновление курсов марийского в Москве все же сохраняются: бывший преподаватель курсов регулярно получал сообщения через социальные сети с просьбой восстановить работу курсов, поступали предложения о проведении частных занятий, однако в силу разных причин этого не произошло¹⁴.

3.2. Религиозная жизнь диаспоры. Сакральная функция марийского языка

Как было указано во вводной части статьи, одной из причин формирования диаспоры марийцев Башкортостана являлись религиозные гонения, попытка насильственного обращения марийцев в православие (о сущности марийской традиционной религии см. [Шкалина 2019]). Большая часть *чимарий* (букв. ‘настоящих, истинных’, т. е. некрещеных марийцев) — более ста тысяч человек — проживала к началу XX в. в Башкортостане [Марийцы 2013: 297]. Несмотря на гонения при царизме и последу-

¹⁴ Курсы марийского языка открылись в Москве в Доме народов России в октябре 2023 г., преподавателем является уроженка Республики Марий Эл, носитель лугового марийского.

ющие притеснения при советской власти (за исключением периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет, когда были разрешены коллективные моления [Попов 2002: 96]), марийские традиционные верования в Башкортостане в целом сохранялись. «Неважно, какой строй на улице, а дома никто не помешает! В советское время дома всё делали: обычаи, традиции, свечи дома ставили» (№ 25, М., 69). «В советское время никаких роц не было. Всё запрещали, всё было закрыто! Если кто-то ходил, то тех на партсобраниях чистили. Даже партийных работников исключали сразу! У нас это было под запретом. Но у меня дед топил печку, садился рядом с печкой, надевал вот эту самую... шляпу, форму вот эту. У нас одежда была белая. Садился рядом с печкой и начинал читать молитвы, кидал туда, я помню, блинчики. Обязательно с утра испекут, рано-рано, пока еще спят (дети. — М. К.). Блины, молоко принесут, и вот кидают всё в огонь, и приговаривается, и читается молитва. Вот у меня дед все праздники, ни одного праздника не пропускал. Садился и читал молитвы, когда всё было запрещено. И я помню, и слова какие он произносил, маленькая хотя была. Мне очень нравилось: огонь горит, дед сидит. А потом еще и трубку закурит» (№ 24, М., 61). Респонденты в башкирской части общей выборки называют себя *чимарий*: «У нас своя вера марийская. *Чимарий* это. Русские нас считают язычниками, но мы себя язычниками не считаем! У нас... мы не ходим никуда в церковь. В основном после сорока лет, с возрастом воспринимается вера. Нам уже хочется ходить в *күсото*, где молятся, — в святые рощи» (№ 29, Ж., 53).

Именно в среде башкирских марийцев в выборке выдвинулись руководители марийских молений: «У нас несколько названий по времени. Это *арвуй* — с древних времен идет, про нас РПЦ писали, что *арвуй* кудесничают — чародейничают якобы, народ якобы свращают от религии. Есть еще название — *карт*. Им не становятся. Его не выбирают на собрании. Если Бог кого по голове погладит, значит, станешь. Ты уже не сможешь не стать» (№ 91, М., 63). По их инициативе в московском регионе (в парке «Коломенское», в лесной зоне под Истрой, Дмитровым, Сергиевым Посадом) с 2015 г. весной и осенью проводятся моления *кумалтыш*. Во время пандемийных ограничений домашние моления проводились и по телефону. «Слова молений — всё на марийском. Многие вещи у меня передавались в роду. Слова молитв, которые применяются в нашем роду, в нашем народе, — они передаются из уст в уста. Всё равно маленькими детьми мы ходили на кладбище, также праздники проводили родители, они ставили нас рядышком, и мы всё это видели и слышали» (№ 28, М., 47). Тем не менее в организационной части используется и русский язык, поскольку моления привлекают в том числе и марийцев, не владеющих этническим языком, которые, однако, испытывают духовную потребность в единении с верой предков: «Корни меня тянут» (№ 19, Ж., 53). Моления в священной роще посещают также и опрошенные нами луговые марийцы, уроженцы Республики Марий Эл. Подчеркнем, что в священной роще *күсото* происходит не только священнодействие, но и кооптация неопитов в конфессиональную общину [Шкалина 2019: 158], и роль башкирских марийцев в выборке в связи с этим представляется значительной.

Как было отмечено в [Куцаева 2023г: 334], сакральная функция марийского языка в большей степени реализуется именно в башкирской части выборки, а также среди опрошенных — выходцев из Моркинского и Сернурского районов Республики Марий Эл, где тоже сохранилась марийская традиционная религия.

3.3. Сфера семейного общения: речевые практики и языковые идеологии

Во внутрисемейной сфере марийский используется в общении со старшими родственниками и между супругами, состоящими в этническом браке. Однако, если супруг респондента, будучи этническим марийцем, в силу каких-то причин (родился в городе; в детстве проживал в другом регионе, вне компактного расселения марийцев; лишь один из его родителей являлся этническим марийцем и др.) не владеет марийским в достаточной степени, коммуникация в основном осуществляется на русском языке, за исключением ситуаций, когда марийский используется ими в функции тайного языка или в эмоциональной функции. В этнически смешанном браке респонденты общаются на русском языке.

К сказанному выше следует добавить, что «общение на марийском языке в семье», о котором говорили участники опроса, имеет свои нюансы. Взаимодействие на марийском происходит между супругами, одинаково хорошо владеющими языком. В выборке у всех состоящих в браке респондентов (в разных когортах) есть дети, поэтому расширенные речевые практики (между родителями и детьми) внутри семьи корректируются, стремительно смещаясь в сторону коммуникации на русском. «Дома на марийском с женой. А с детьми... Вот честно сказать — на русском! Если вместе мы за столом, то на русском. Ну если вдвоем, то и на марийском болтаем» (№ 23, М., 44). «Знаете, как получается: я поворачиваюсь к маме, говорю на марийском. Тут же поворачиваюсь к детям и говорю на русском. Автоматом. И мама так же. Даже если меня дети просят: “Мам, говори с нами на марийском!”, я даже переключиться не могу,

мне тяжело переключиться на марийский язык. С мамой я говорю на марийском, к детям поворачиваюсь, говорю на русском. Мама пять лет жила, на зиму приезжала. С нами в Москве. С мамой только на марийском. А с детьми на русском. Младшая вообще не понимает, как-то, видимо, упустили» (№ 57, Ж., 38). Причины непередачи марийского и выбора в пользу русского были ярко описаны одной из наших респонденток: «Когда у нас дети появились и нужно было водить в детский садик, мы автоматически, видимо, не знаю, на каком уровне — на подсознательном или каком, перешли на русский язык. Чтобы ребенок знал русский язык, разговаривал на русском языке. То есть первые буквы, первые лепетания были на русском языке. Видимо, на подсознательном уровне это пошло. Именно я помню рождение детей. Хотели детям успеха. Чтобы без акцента ребенок разговаривал. Чтобы он чувствовал себя в своей стихии. А не каким-то отверженным. Потому что так было удобнее и нужно просто. Насколько я знаю, ни у меня, ни у моих подруг другого варианта не было. Мы все разговаривали дома на русском языке из-за детей исключительно!» (№ 25, Ж., 61). Другой респондент, представитель средних когорт, также отметил, что попытки разговаривать с детьми в младенчестве на марийском сошли на нет, как только дети стали посещать детский сад, где языком общения является русский. В дальнейшем марийский едва ли употреблялся им в общении с детьми в собственно коммуникативной функции (скорее в качестве шутки, в эмоциональной функции). Третья респондентка, состоящая в этнически смешанном браке и воспитывающая двоих детей дошкольного и младшего школьного возраста, заявила о том, что дома на марийском ей разговаривать не с кем. Таким образом, семейные языковые практики (выбор языка общения, воспитания, язык первичной социализации ребенка) подвержены влиянию внутренних и внешних факторов: миграция, экзогамия, язык воспитания в детском саду, язык обучения в школе, влияние сверстников, сиблингов и др. [Spolsky 2009: 15—20].

В большинстве случаев — в силу господствующей идеи относительности использовать язык там, где на нем принято разговаривать, т. е. идеологии аутентичности, о которой мы говорили ранее, — опрошенные полагаются на марийскую деревню. По их мнению, деревня способна создать детям на летних каникулах соответствующую языковую среду, погружение в которую позволит тем овладеть марийским [Куцаева 2021б: 51]. О трудностях, связанных в настоящее время с передачей этнического языка в деревне («Марийский к ним не прилепился», — заметил один из респондентов), и необходимости пересмотра текущих практик (в частности, надежд, возлагаемых некоторыми респондентами исключительно на марийскую деревню) мы подробно рассказывали в другой нашей работе [Куцаева 2023в].

Когда дети вырастают и покидают родительский дом, речевые практики в марийской семье, проживающей в московском регионе, могут снова претерпевать изменения: «С супругом мы в основном сейчас на марийском разговариваем. Сейчас мы вдвоем живем на даче. То есть дети сейчас выросли, мы снова на марийском! Обратно. У старых, говорят, как у младенцев, возвращается всё старое (смеется. — М. К.)! Если дети приезжают, то мы на русском разговариваем. Исключительно» (№ 24, Ж., 61).

Подчеркнем, что в целом все опрошенные как в «башкирской», так и в общей марийской выборке демонстрируют положительное отношение к этническому языку, уровень языковой лояльности в выборке заметно высокий [Куцаева 2020в: 128]. Тем не менее позитивное отношение к языку не всегда является гарантом положительных речевых практик, поощряющих употребление миноритарного языка [Dołowy-Rubińska, Hornsby 2021: 113]. Публично транслируемое положительное отношение к языку (в нашей выборке респонденты высказались в поддержку идеи организации курсов марийского в Москве, одобрительно относятся к звучащей в пространстве московского региона марийской речи и пр.) не соотносится с внутренним (личным) отношением к перспективе передачи этнического языка детям. Такое отношение может быть порождено травмирующим опытом [ibid.], чувством стыда и стеснения [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 65—66] (см. «чтобы без акцента, чтобы в своей стихии, чтобы не чувствовать себя отверженным» в цитате выше), сформированными в том числе вследствие культурного, политического, экономического господства [Austin, Sallabank 2021: 5].

Обосновавшись в полиэтническом пространстве мегаполиса, респонденты, уроженцы сельской среды, в большей степени полагаются на существующие «городские» модели («в городе по-русски, а в деревню поедут — там всё по-марийски»). Таким образом, в языковом сообществе формируются *стратегии избегания*, характерные и для представителей других миноритарных языков, нередко находящихся под угрозой исчезновения. Предполагается, что появится некто третий и решит вопросы, связанные с сохранением и поддержанием языка, сами же члены сообщества не предпринимают личных усилий и инициатив. Молодые родители, свободно владеющие языком, не замечают прямой связи между речевыми практиками и трансмиссией языка, не используют свой язык в общении с подрастающим поколением, полагая, что дети каким-то чудесным образом выучат язык по другому каналу или что язык сохранится только потому, что кто-то еще его где-то употребляет [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 69]. Между тем семья, внутрисемейное общение, межпоколенческая передача материнского

языка от родителей детям являются ключевыми (стадия 6 шкалы GIDS)¹⁵ [Fishman 2001: 466; Spolsky 2021: 24].

Под влиянием идей постмодернизма многие современные исследователи не рассматривают идентичности в качестве фиксированных, формальных реальностей (какими они виделись ранее — язык как символ этнической или национальной идентичности, например, в работах Дж. А. Фишмана) — идентичность, напротив, стала изменчивой, подвижной, сконструированной. Вероятно, с таких позиций можно объяснить парадокс, когда многие носители исчезающих языков заявляют о своей самоидентификации с языком и при этом не передают его детям. Высказываются даже мнения о том, что чувство этнической принадлежности может сохраниться при полной утрате языка. Тем не менее в эпоху глобализации вопрос сохранения региональной идентичности становится все более актуальным. Язык — один из способов конструирования идентичности [Austin, Sallabank 2021: 8—9]. Как было указано выше, язык является в выборке одним из ключевых маркеров этнической идентичности, одной из центральных ценностей (в терминологии Е. Смолича). Кажется, именно отсутствие этнического языка в лингвистическом багаже в поколении детей опрошенных помогает объяснить ситуацию, с которой пришлось столкнуться исследователю: активно принимая участие в социолингвистическом обследовании, респонденты первого поколения в общей выборке тем не менее неохотно предоставляли для интервью контакты своих детей, которые родились и выросли в Москве, иногда ссылаясь на их занятость, особенности характера («стеснительный», «неразговорчивый»). В подавляющем большинстве случаев опрошенные так характеризовали своих детей: «мариец без языка», «безъязыковый мариец», «он русский, он не знает марийского языка», «старшая дочка — русская марийка, сын — уже сплошной русский», косвенно подчеркивая статус марийского языка в качестве базового маркера принадлежности к группе. Это же подтверждается бытующим в марийском сообществе среди луговых марийцев выражением *марий ватын руш ўдыржӧ* ('русская дочка марийской женщины') и *марий ватын руш эргыже* ('русский сын марийской женщины') [Куцаева 2020в: 145]. В сообществе марийцев Башкортостана, не знающих этнического языка марийцев, называют *аракма марий* ('дряблый, плохой мари') (№ 24, Ж., 61).

3.4. Выводы

Таким образом, башкирские марийцы в выборке являются активными членами марийской диаспоры московского региона, принимают деятельное участие в инициативах марийского землячества, играют подвижную роль в распространении знаний о марийской традиционной религии, подлинными хранителями которой они себя считают, приобщают к традиционной духовной культуре представителей других субэтнических групп. Респонденты демонстрируют высокий уровень языковой лояльности, позитивное отношение к марийскому языку, ключевому маркеру этнической идентичности. Тем не менее, как и в случае опрошенных в общей выборке, сферы использования этнического языка марийцами в «башкирской» части выборки заметно сужаются в условиях дисперсного проживания в новой диаспоре

¹⁵ Предложенная в [Fishman 2001: 466—474] шкала GIDS (Graded Intergenerational Disruption Scale) дифференцирует различные стадии обращения вспять языкового сдвига (Reversing language shift). Точкой опоры шкалы GIDS является, как правило, стадия 6 (дом, семья, соседи, сообщество), т. е. важнейшее звено в межпоколенческой передаче материнского языка [ibid.: 467]. Шкала, по замыслу автора, читается снизу вверх:

1. Использование языка в сфере образования, СМИ и государственного управления на общенациональном уровне.
 2. Использование языка в сфере СМИ и управления на местном / региональном уровне.
 3. Использование языка в рабочей сфере на местном / региональном уровне как носителями языка X, так и носителями языка Y (доминирующего языка, в терминологии Дж. А. Фишмана. — М. К.).
 4. Частичное использование языка X (язык обучения) в государственных школах.
 - 4а. Использование языка X в условиях дополнительного образования.
- II. Усилия по преодолению диглоссии
5. Обучение представителей всех возрастов грамотности на языке X в рамках дополнительного образования.
 6. Использование языка представителями компактно проживающего сообщества (дом — семья-соседи-сообщество): базис передачи материнского языка.
 7. Использование языка X преимущественно пожилыми членами сообщества в рамках культурных мероприятий.
 8. Реконструкция идентичности носителей X и изучение языка X в зрелом возрасте в качестве второго языка.
- I. Усилия по достижению диглоссии

в мегаполисе, особенно во внутрисемейной сфере, что обусловлено влиянием внутренних и внешних факторов, глубинных языковых идеологий. Непосредственная передача материнского языка в семье от родителей детям фактически прерывается. Марийская деревня в местах компактного проживания марийцев в настоящее время также не способна в полной мере оправдать возложенные на нее городскими марийцами надежды, поскольку сама находится в состоянии языкового сдвига, также испытывая влияние внешних факторов (об этом см., например, [Куцаева 2023б: 69—71]. Существенным представляется приобщение детей к культурным формам. Соблюдение кулинарных традиций, изучение песенной марийской культуры, знакомство с народно-праздничной культурой, участие в культурно-массовых и досуговых мероприятиях марийцев Москвы и пр. рассматриваются респондентами в качестве одного из факторов, способного продлить жизнь языка в диаспоре в последующем поколении [Куцаева 2021б: 50—51]). Однако первостепенной является *витальность* языка в качестве важнейшей характеристики живого языка [Spolsky 2009: 17]. Витальность языка в диаспоре обеспечивается не только за счет расширения круга носителей из числа вновь прибывших внутренних мигрантов из Башкортостана, но и в перспективе должна поддерживаться естественным образом — путем межпоколенческой передачи языка. Очерченный круг актуальных проблем, стоящих перед марийской диаспорой московского региона в целом и башкирскими марийцами в частности, ставит под сомнение возможность сохранения границ этнической группы уже в следующем поколении диаспоры.

4. Заключение

Основная цель настоящей работы заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка, изучения вопроса сохранности языка и этнокультуры в условиях перемещения группы из старой диаспоры в новую. Материалом послужили анкетные данные 18 респондентов в выборке, уроженцев Республики Башкортостан, полученные в ходе социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона в 2019—2021 гг.

Ареал компактного расселения марийцев в Прикамье и Приуралье образовался в XVI—XVIII вв. и является *старой* марийской диаспорой за пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл, тогда как диаспора в московском регионе сложилась относительно недавно и представляет собой *новую* диаспору, члены которой проживают дисперсно. Кроме того, большинство представителей диаспоры Башкортостана, несмотря на ускоренные темпы урбанизации и миграции в том числе в другие регионы, являются сельскими жителями, тогда как члены марийской диаспоры московского региона, представители трех субэтнических групп марийцев, проживают в условиях города. Наконец, меняется и статус марийского языка: в Республике Марий Эл марийский (горный и луговой) — один из государственных языков наряду с русским; в Республике Башкортостан, где марийцы проживают компактными группами, марийский является языком населения, живущего за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований; в московском регионе марийский язык становится миноритарным. Научный интерес, таким образом, представляет изучение условий бытования этнического языка в старой и новой диаспорах на материале анкетных данных башкирских марийцев в выборке.

Автор исходил из предпосылки, что актуальное использование этнического языка в московском регионе определяется среди прочего и лингвистическим багажом, с которым приехали опрошенные. В связи с этим первая часть статьи была посвящена изучению лингвистических биографий респондентов. Выделение периодов и общих черт языковых биографий респондентов: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык обучения и предмет обучения), дальнейшее образование, язык общения с соседями на малой родине — позволило реконструировать языковые биографии опрошенных. Поскольку настоящая работа является частью цикла статей, связанных с описанием языковых биографий респондентов в выборке (ранее были опубликованы материалы о языковых биографиях луговых, горных, а также уральских марийцев), автору представилась возможность сравнить полученные данные, с одной стороны, в отношении ситуации с республиканскими марийцами, с другой стороны — с представителями старой марийской диаспоры из ряда районов Свердловской области.

Тесные контакты с проживающими в Башкортостане татарами влияют на набор языков, которыми владеют респонденты, большая часть участников опроса заявила о владении (знании) татарским, что воспринимается респондентами как норма, тогда как в «луговой» части выборки о владении (знании) татарским — часто в поколении родителей или самом старшем поколении в семье — заявили лишь уроженцы нескольких сопредельных с Татарстаном районов Республики Марий Эл. Тем не менее, согласно результатам в выборке, число башкирских марийцев, владеющих татарским, постепенно снижается ввиду прекращения ведения совместной хозяйственной деятельности, характерной, например, для советского

времени, а также формирования в рамках системы образования полиэтнических классов с русским языком обучения. Общими — как для ситуации с марийским в Республике Марий Эл, так и в регионах проживания старых марийских диаспор — являются проблемы, связанные с функционированием марийского в сфере образования, например, с сокращением часов, выделенных на обучение на марийском языке и преподавание марийского в качестве предмета изучения, что подтвердилось, в частности, архивными материалами из фондов ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан и ГБУ Государственный архив Республики Марий Эл, а также сведениями, собранными в ходе полевой работы в местах компактного проживания марийцев в Свердловской области.

Кроме того, важным представляется место проживания респондента на малой родине — как в Республике Марий Эл, так и в Республике Башкортостан. Уроженцы городской среды с детства воспитывались на русском языке, возможным каналом освоения этнического языка считалась марийская деревня. Языком внутрисемейного общения, воспитания для уроженцев сельской среды, особенно в небольших населенных пунктах, выступал марийский язык, каналом освоения русского являлись: школьное обучение, миграции, контакты с городскими детьми, контакты с работниками сельского совета, фельдшерско-акушерского пункта, потребление культуры на русском языке. Уроженцы райцентров в большей степени использовали русский язык и в общении с соседями, и во внутрисемейном общении — несмотря на тот факт, например, что население райцентра, расположенного в с. Мишкино, — преимущественно марийское. Речевые практики, описанные респондентами («в деревне по-марийски, в городе (им считается и райцентр. — М. К.) по-русски»), типичны и для представителей других исследуемых нами групп марийцев и обусловлены воздействием языковых идеологий аутентичности (легитимности), фактически «приковывающей» язык к сельской местности, и идеологии анонимности, которую выбирают говорящие на больших языках в городской среде.

Вследствие миграций в новую диаспору дисперсного типа, образовавшуюся в течение XX—XXI вв. в Москве и Московской области, сферы употребления опрошенными марийского в урбанистической среде резко сокращаются под влиянием внешних и внутренних факторов: отсутствие юридического статуса марийского в московском регионе, статус марийского языка как миноритарного, отсутствие преподавания марийского в системе школьного образования; межэтнические браки, браки с марийцами, не владеющими этническим языком; взаимодействие с представителями других субэтнических групп — носителями идиомов, взаимопонимаемость между которыми не всегда высокая; повсеместная распространенность русского языка, влияние русского языка в качестве языка воспитания в детском саду, языка обучения в школе, языка общения со сверстниками на речевые практики младшего поколения в семье; влияние языковых идеологий и пр. Тем не менее в ряде сфер: повседневно-бытовой, дружеской, семейной, культурно-досуговой и общественной, религиозной — употребление марийского сохраняется. В общественной, досуговой и религиозной сферах башкирские марийцы составляют крепкий костяк общества марийцев Москвы. Языковая активность башкирских марийцев в настоящее время обусловлена также влиянием фактора полиэтничности при формировании их языковых биографий.

Общим слабым местом для опрошенных в этой части выборки и респондентов в целом является низкая степень использования марийского во внутрисемейной сфере: говоря на марийском между собой, родители, однако, не передают этнический язык детям, едва ли используя его в собственно коммуникативной функции с детьми в том числе ввиду указанных выше факторов. Другие причины, способствующие, по мнению опрошенных, освоению детьми марийского — посещение марийской деревни и приобщение к культурным формам, — оказываются несостоятельными и малоэффективными без поддержания этнического языка во внутрисемейном общении.

В заключение подчеркнем, что этнический язык является одним из базовых маркеров этнической идентичности в выборке и вымывание марийского из языковых биографий детей, де факто представителей второго поколения диаспоры, делает возможность их будущего членства в диаспоре проблематичной, а значит, перспективу утраты границ этнической группы башкирских марийцев во втором поколении диаспоры — вполне реальной.

Л и т е р а т у р а

Баскаков, Насырова 2000 — А. Н. Баскаков, О. Д. Насырова. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 34—129.

Беликов, Крысин 2016 — В. И. Беликов, Л. П. Крысин. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.

Бирский филиал — Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий. URL: <https://www.birsk.ru/node/36>

Благовещенский педагогический колледж — Благовещенский педагогический колледж. URL: https://bpbk-rb.ucoz.ru/index/marijskoe_otdelenie/0-55

ВПН 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul, 2010.

Государственная программа — Государственная программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/550170767>

ДАК — Дискуссионно-аналитический клуб по вопросам языковой политики. «Северо-западный диалект башкирского языка: социокультурный аспект» / Видеозапись 12-го заседания клуба. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/211126_daclp_video

Демоскоп — Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6

Закон РБ о языках — Закон Республики Башкортостан от 15.02.1999 № 216-з «О Языках народов Республики Башкортостан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425?ysclid=lkoc2lmsv429172905>

Закон РМЭ о языках — Закон Республики Марий Эл от 26.10.1995 г. № 290-III «О языках в Республике Марий Эл». URL: <https://base.garant.ru/20896626/?ysclid=lkfo29wdye655360858>

Закон РФ о языках — Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-I. «О языках народов Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/?ysclid=lkfo0vnm1h247729371

Кондрашкина 2008 — *Е. А. Кондрашкина*. Динамика функционального развития марийского языка. М.: Институт языкознания РАН, 2008.

Конституция Республики Башкортостан — Конституция Республики Башкортостан. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256>

Куцаева 2020а — *М. В. Куцаева*. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона // Урало-алтайские исследования. 2020, 4 (39). С. 7—23.

Куцаева 2020б — *М. В. Куцаева*. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Куцаева 2020в — *М. В. Куцаева*. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020, 2. С. 124—150.

Куцаева 2021а — *М. В. Куцаева*. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021, 2. С. 5—34.

Куцаева 2021б — *М. В. Куцаева*. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 3 (33). С. 49—58.

Куцаева 2022 — *М. В. Куцаева*. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022, 1 (44). С. 116—153.

Куцаева 2023а — *М. В. Куцаева*. Лингвистические биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2023, 1 (48). С. 53—69.

Куцаева 2023б — *М. В. Куцаева*. Сохранность этнического языка у уральских марийцев // Родной язык. Лингвистический журнал. 2023, 1. С. 44—89.

Куцаева 2023в — *М. В. Куцаева*. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. Вып. 2 (40). С. 65—78.

Куцаева 2023г — *М. В. Куцаева*. «Вера и язык — это наш генный код»: сакральная функция марийского в условиях внутренней диаспоры // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17, 3. С. 331 — 342.

Марийцы 2013 — Марийцы. Историко-этнографические очерки. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013.

Миржанова 2006 — *С. Ф. Миржанова*. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа: Китап, 2006.

НА РБа — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 4707. Л. 7—9, 13, 17, 22, 27, 29, 30, 38, 40, 44, 52, 53.

НА РБб — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 4883. Л. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 39, 38, 40, 44, 53, 54.

НА РБв — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5188. Л. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 30, 38, 38а, 40, 44, 52, 53.

НА РБг — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5442. Л. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 30, 33, 39, 41, 45, 53, 54.

НА РБд — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5679а. Л. 8—10, 14, 16, 18, 23, 28, 30, 31, 34, 40, 42, 46, 54, 55.

НА РБе — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5872. Л. 7, 9, 11, 14, 15, 19, 23, 30, 31, 33, 39, 43, 45, 54, 55.

НА РБж — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 6208. Л. 4, 37, 6, 39, 7, 8, 44, 12, 14, 52, 17, 20, 24, 61.

НА РБз — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 6889. Л. 11—13, 18, 20, 30, 40, 42, 47, 56, 58, 64, 74—75.

Попов 2002 — *Н. С. Попов*. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность) / Науч. ред. *Н. С. Попов*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. С. 92—120.

Садиков 2016 — *Р. Р. Садиков*. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: ООО «Первая типография», 2016.

Сафин и др. 2022 — *Ф. Г. Сафин, Э. Ф. Идрисова, А. И. Халиуллина*. Тенденции развития малочисленных языков в сфере школьного образования в многонациональном регионе (на примере марийского языка в Башкортостане) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, 2. С. 357—363.

Сафин, Сиразетдинов 2020 — *Ф. Г. Сафин, К. О. Сиразетдинов*. Марийцы Башкортостана в 1970—2010 годы: демографические и лингвистические аспекты этнического развития. Научный диалог. 2020, 6. С. 434—452.

Сепеев 1975 — *Г. А. Сепеев*. Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1975.

Сепеев 2006 — *Г. А. Сепеев*. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006.

Смолич 2012 — *Е. Смолич*. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия / [Пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 402—432.

ССТ 2006 — Словарь социоллингвистических терминов / В. Ю. Михальченко (отв. ред.). М.: Институт языкознания РАН, 2006.

Съезды 2008 — Съезды народа мари: документы и материалы. 1917—2004 гг. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2008.

Фишман 2012 — *Дж. А. Фишман*. Кто говорит на каком языке, с кем и когда? // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия / [Пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 63—83.

Шкалина 2019 — *Г. Е. Шкалина*. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019.

Austin, Sallabank 2021 — *P. K. Austin, J. Sallabank*. Introduction // P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2021. P. 1—24.

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — *N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer*. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). Endangered languages: Current Issues and Future Prospects. Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.

Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021 — *N. Dołowy-Rybińska, M. Hornsby*. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation // J. Olko, J. Sallabank (eds.). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 104—116.

Fishman 2001 — *J. A. Fishman*. Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.

Grenoble, Whaley 2006 — *L. A. Grenoble, L. J. Whaley*. Saving Languages. An Introduction to Language Revitalization. Cambridge University Press, 2006.

Smith-Christmas et al. 2018 — *C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty* (eds.). New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices. Palgrave Macmillan, 2018.

Spolsky 2009 — *B. Spolsky*. Language Management. Cambridge University Press, 2009.

Spolsky 2021 — *B. Spolsky*. Rethinking Language Policy. Edinburgh University Press, 2021.

References

Austin, Sallabank 2021 — P. K. Austin, J. Sallabank. Introduction. In: P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2021. P. 1—24.

ARC 2020 — Vserossijskaja perepis' naselenija 2020 goda {The All-Russian Census of 2020.} URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul, 2010.

Baskakov, Nasyrova 2000 — A. N. Baskakov, O. D. Nasyrova. Jazykovye situacii v tjurkojazychnyh respublikah Rossijskoj Federacii (kratkij sociolingvisticheskiy ocherk). In: Jazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ja: status i funkcii. Moskva: Editorial URSS, 2000. S. 34—129. {A. N. Baskakov, O. D. Nasyrova. Language situations in Turkic-speaking republics of the Russian Federation (a brief sociolinguistic outline). In: Languages of the Russian Federation and newly formed neighbouring countries: status and functions. Moscow: Editorial URSS, 2000. P. 34—129.}

Belikov, Krysin 2016 — V. I. Belikov, L. P. Krysin *Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury*. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Uright, 2016. {V. I. Belikov, L. P. Krysin. *Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree*. 2nd ed. Moscow: Uright, 2016.}

Birskij filial — Birskij filial Ufimskogo universiteta nauki i tehnologij. {Birsk Department of Ufa University of Science and Technology.} URL: <https://www.birsk.ru/node/36>

Blagoveshchenskij pedagogicheskij kolledzh — Blagoveshchenskij pedagogicheskij kolledzh. {Blagoveshchensk pedagogical college.} URL: https://bpk-rb.ucoz.ru/index/marijskoe_otdelenie/0-55

DAC — Diskussionno-analiticheskij klub po voprosam jazykovej politiki. “Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo jazyka: sociokul'turnyj aspekt”. Videozapis' 12-go zasedaniya kluba. {Discussion and Analytical Club on the Language Policy. “Northwest dialect of the Bashkir language: sociocultural aspect”. 12th DAC meeting.} URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/211126_daclp_video

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In: L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.

Demoscope — Demoskop weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6

Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021 — N. Dołowy-Rybińska, M. Hornsby. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. In: J. Olko, J. Sallabank (eds.). *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University Press, 2021. P. 104—116.

Fishman 2001 — J. A. Fishman. *Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective*. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.

Fishman 2012 — J. A. Fishman. Kto govorit na kakom jazyke, s kem i kogda? In: N. B. Vahtin (ed-in-chief). *Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija* [per. s angl.]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2012. S. 63—83. {J. A. Fishman. Who speaks what language to whom and when? In: N. B. Vahtin (ed-in-chief). *Sociolinguistics and sociology of language. Anthology*. Transl. from English. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012. P. 63—83.}

Gosudarstvennaja programma — Gosudarstvennaja programma “Sohranenie i razvitie gosudarstvennyj jazykov Respubliki Bashkortostan i jazykov narodov Respubliki Bashkortostan”. {State Programme “Preservation and Development of State Languages of the Republic of Bashkortostan and Languages of the Peoples of the Republic of Bashkortostan”.} URL: <https://docs.cntd.ru/document/550170767>

Grenoble, Whaley 2006 — L. A. Grenoble, L. J. Whaley. *Saving Languages. An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge University Press, 2006.

Kondrashkina 2008 — E. A. Kondrashkina. *Dinamika funkcional'nogo razvitija marijskogo jazyka*. Moskva: Institut jazykoznanija RAN, 2008. {E. A. Kondrashkina. *Dynamics of the functional development of the Mari language*. Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2008.}

Konstitucija Respubliki Bashkortostan — Konstitucija Respubliki Bashkortostan. {Constitution of the Republic of Bashkortostan.} URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256>

Kutsaeva 2020a — M. V. Kutsaeva. Mariisko-tatarskie jazykovye kontakty v zerkale jazykovykh biografii mariitsev Moskovskogo regiona. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2020, 4 (39). S. 7—23. {M. V. Kutsaeva. *Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow region Mari*. In: *Ural-Altai Studies*. 2020, 4 (39). P. 7—23.}

Kutsaeva 2020b — M. V. Kutsaeva. *Funkcionirovanie ehtnicheskogo jazyka v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona*. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2020. {M. V. Kutsaeva. *Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020.}

Kutsaeva 2020v — M. V. Kutsaeva. Mariitsy Moskvy: ehtnicheskaya identichnost' i jazykovaya loyal'nost' v usloviyakh vnutrennei diaspory. In: *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*. 2020, 2. S. 124—150. {M. V. Kutsaeva. *Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty*. In: *Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal* [Native language. Linguistic journal]. 2020, 2. P. 124—150.}

Kutsaeva 2021a — M. V. Kutsaeva. *Novye nositeli marijskogo kak faktor vital'nosti ehtnicheskogo jazyka v diaspore*. In: *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*. 2021, 2. S. 5—34. {M. V. Kutsaeva. *New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality*. In: *Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal* [Native language. Linguistic journal]. 2021, 2. P. 5—34.}

Kutsaeva 2021b — M. V. Kutsaeva. *Ranee osvoenie ehtnicheskogo jazyka v marijskoi diaspore moskovskogo regiona*. In: *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*. 2021. Vyp. 3 (33). S. 49—58. {M. V. Kutsaeva. *Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora*. In: *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. Issue 3 (33). P. 49—58.}

Kutsaeva 2022 — M. V. Kutsaeva. *Yazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rajonov rasprostraneniya lugovogo marijskogo jazyka v Respublike Marij El)*. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2022, 1 (44). S. 116—153. {M. V. Kutsaeva. *Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the republic of Mari El*. In: *Ural-Altai Studies*. 2022, 1 (44). P. 116—153.}

Kutsaeva 2023a — M. V. Kutsaeva. Lingvisticheskie biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhencev Gornomarijskogo rajona Respubliki Marij El). In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2023, 1 (48). S. 53—69. {M. V. Kutsaeva. Linguistic biographies of Moscow region Maris — natives of Hill Mari district of the Republic of Mari El. In: Ural-Altaic Studies. 2023, 1 (48). P. 53—69.}

Kutsaeva 2023b — M. V. Kutsaeva. Sohrannost' jetnicheskogo jazyka u ural'skih marijcev. In: Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal. 2023, 1. S. 44—89. {M. V. Kutsaeva. Ethnic language maintenance: the case of the Ural Maris. In: Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2023, 1. P. 44—89.}

Kutsaeva 2023v — M. V. Kutsaeva. Na derevnju nadejsja, a sam ne ploshaj: k voprosu o jazykovyh praktikah i ideologijah v chuvashskoj i marijskoj diasporah Moskovskogo regiona. In: Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2023, 2 (40). S. 65—78. {M. V. Kutsaeva. The village helps those who help themselves: on the question of language practices and ideologies in the chuvash and mari diasporas in the Moscow region. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 2 (40). P. 65—78.}

Kutsaeva 2023g — M. V. Kutsaeva. "Vera i jazyk — jeto nash gennyj kod": sakral'naja funkcija marijskogo v uslovijah vnutrennej diaspory. In: Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2023, 17 (3). S. 331—342. {M. V. Kutsaeva. "Faith and language are our genetic code": a sacred function of Mari in the conditions of internal diaspora. In: Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2023, 17 (3). P. 331—342.}

Mariitsy 2013 — Mariitsy. Istoriko-ehntograficheskie ocherki. 2-e izd., dop. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2013. {Maris. Historical-ethnographic outlines. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2013.}

Mirzhanova 2006 — S. F. Mirzhanova. Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo jazyka. Ufa: Kitap, 2006. {S. F. Mirzhanova. Northwest dialect of Bashkir language. Ufa: Kitap, 2006.}

NA RBa — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 4707. L. 7—9, 13, 17, 22, 27, 29, 30, 38, 40, 44, 52, 53.

NA RBb — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 4883. L. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 39, 38, 40, 44, 53, 54.

tostan.} F. P-798. Op. 1. D. 5872. L. 7, 9, 11, 14, 15, 19, 23, 30, 31, 33, 39, 43, 45, 54, 55.

NA RBv — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 5188. L. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 30, 38, 38a, 40, 44, 52, 53.

NA RBg — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 5442. L. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 30, 33, 39, 41, 45, 53, 54.

NA RBd — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 5679a. L. 8—10, 14, 16, 18, 23, 28, 30, 31, 34, 40, 42, 46, 54, 55.

NA RBe — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkor

NA RBz — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 6889. L. 11—13, 18, 20, 30, 40, 42, 47, 56, 58, 64, 74—75.

NA RBzh — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 6208. L. 4, 37, 6, 39, 7, 8, 44, 12, 14, 52, 17, 20, 24, 61.

Popov 2002 — N. S. Popov. K istorii vozrozhdenija marijskih tradicionnyh molenij v konce XX veka. In: Etnicheskaja kul'tura marijcev (tradicii i sovremennost') / [Nauch. red. N. S. Popov]. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2002. S. 92—120. {N. S. Popov. On the history of revitalization of Mari traditional praying at the end of the XX c. In: N. S. Popov (ed.). Ethnic Mari culture (traditions and modernity). Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2002. P. 92—120.}

Sadikov 2016 — R. R. Sadikov. Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istorija, kul'tura, demografija). Ufa: OOO Pervaja tipografija, 2016. {R. R. Sadikov. Finno-ugric peoples in the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography). Ufa: OOO Pervaja tipografija, 2016.}

Safin i dr. 2022 — F. G. Safin, E. F. Idrisova, A. I. Khaliulina. Tendencii razvitija malochislennyh jazykov v sfere shkol'nogo obrazovanija v mnogonacional'nom regione (na primere marijskogo jazyka v Bashkortostane). In: Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2022. T. 16, 2. S. 357—363. {F. G. Safin, E. F. Idrisova, A. I. Khaliulina. Trends in the development of small-numbered languages in the field of school education in a multinational region (on the example of the mari language in Bashkortostan). In: Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugrian studies]. 2022. Vol. 16, 2. P. 357—363.}

Safin, Sirazetdinov 2020 — F. G. Safin, K. O. Sirazetdinov. Marijcy Bashkortostana v 1970—2010 gody: demograficheskie i lingvisticheskie aspekty jetnicheskogo razvitija. Nauchnyj dialog. 2020, 6. S. 434—452. {F. G. Safin, K. O. Sirazetdinov. Mari of Bashkortostan in 1970—2010: Demographic and linguistic aspects of ethnic development. In: Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]. 2020, 6. P. 434—452.}

Sepeev 1975 — G. A. Sepeev. Vostochnye mariitsy: istoriko-ehntograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX — nachalo XX vv.). Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. {G. A. Sepeev. Eastern Maris: historical-ethnographic study of material culture (middle of XIX — beginning of XX centuries). Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975.}

Sepeev 2006 — G. A. Sepeev. *Istoriya rasseleniya mariitsev*. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2006. {G. A. Sepeyev. *History of Maris' settlement*. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2006.}

S'ezdy 2008 — S'ezdy naroda mari: dokumenty i materialy. 1917—2004. Yoshkar-Ola: Tsentr-muzej im. Valentina Kolumba, 2008. {Congresses of Mari people: documents and materials. 1917—2004. Yoshkar-Ola: Tsentr-muzej im. Valentina Kolumba, 2008.}

Shkalina 2019 — G. E. Shkalina. *Svjashhennyj mir marijskij*. Yoshkar-Ola: Izdatel'skij dom "Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo", 2019. {G. E. Shkalina. *Sacred Mari world*. Yoshkar-Ola: Izdatel'skij dom "Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo", 2019.}

Smith-Christmas et al. 2018 — C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty (eds.). *New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices*. Palgrave Macmillan, 2018.

Smolicz 2012 — J. Smolicz. *Jazyki men'shinstv kak central'nye cennosti jetnicheskikh kul'tur*. In: N. B. Vahtin (ed-in-chief). *Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija* [per. s angl.]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2012. S. 402—432. {J. Smolicz. *Minority languages as core values of ethnic cultures*. In: N. B. Vahtin (ed-in-chief). *Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija* [per. s angl.] [Sociolinguistics and sociology of language. Anthology. Transl. from English]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012. P. 402—432.}

Spolsky 2009 — B. Spolsky. *Language Management*. Cambridge University Press, 2009.

Spolsky 2021 — B. Spolsky. *Rethinking Language Policy*. Edinburgh University Press, 2021.

SST 2006 — *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov / Otv. red. V. Yu. Mikhal'chenko*. Moskva: Institut jazykoznanija RAN, 2006. {*Dictionary of sociolinguistic terms / Ed. V. Ju. Mikhalchenko*. Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2006.}

Zakon RB o jazykah — *Zakon Respubliki Bashkortostan ot 15.02.1999 № 216-z "O Jazykah narodov Respubliki Bashkortostan"*. {*Law of the Republic of Bashkortostan № 216-3 accepted on 15.02.1999 "On the Languages in the Republic of Bashkortostan"*.} URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425?ysclid=lkoc2lmsv429172905>

Zakon RF o jazykah — *Zakon Rossijskoj Federacii ot 25.10.1991 № 1807-I "O jazykah narodov Rossijskoj Federacii"*. {*Law of the Russian Federation № 1807-I accepted on 25.10.1991 "On the languages of the peoples of the Russian Federation"*.} URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/?ysclid=lkfo0vnm1h247729371

Zakon RME o jazykah — *Zakon Respubliki Marij El ot 26.10.1995 № 290-III "O jazykah v Respublike Marij El"*. {*Law of the Republic of Mari El № 290-III accepted on 26.10.1995 "On the languages in the Republic of Mari El"*.} URL: <https://base.garant.ru/20896626/?ysclid=lkfo29wdye655360858>

Антипассивные показатели в тундровом ненецком языке

Стенин Иван Андреевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); ystein88@gmail.com

В статье рассматриваются словообразовательные показатели тундрового ненецкого языка, функция которых может быть названа антипассивной. Присоединение их к глагольной основе затрагивает синтаксический статус Р-участника двухместного переходного глагола, а также может накладывать определённые семантические или прагматические ограничения на интерпретацию Р-участника. Антипассивизация в тундровом ненецком языке тесно связана с имперфективизацией, что типологически ожидаемо. С одной стороны, к антипассивизации могут приводить имперфективирующие деривации, в первую очередь из зоны предикатной множественности. С другой стороны, показатель *-ηko*, который может быть назван специализированным антипассивом, присоединяется исключительно к переходным глаголам и в обязательном порядке приводит к имперфективизации и детелизации. В то же время он не исключён из актуально-длительных контекстов, хотя в большинстве типичных употреблений предполагает низкую степень идентифицируемости Р-участника, его нереферентный, неопределённый или генерический статус. Аналогичные эффекты в сочетании с переходными глаголами приносит показатель Имперфектива *-tə/-nə*, однако он присоединяется также к непереходным перфективным глаголам. Специально обсуждаются морфонологические ограничения на показатель *-ηko*, а также конкуренция Антипассива и Имперфектива. Отдельно комментируются также данные других северносамодийских языков. Система в лесном ненецком похожа на тундровую ненецкую. В отличие от ненецких языков, в лесном энецком языке антипассивные конструкции малочисленны и периферийны, а в нганасанском языке их не обнаруживается в принципе.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, самодийские языки, антипассив, глагольные категории, актантные деривации, имперфективизация

ANTIPASSIVE MARKERS IN TUNDRA NENETS

Ivan A. Stenin, HSE University (Moscow); ystein88@gmail.com

The article deals with the Tundra Nenets word-formation markers, which can be called antipassive. Their attachment to the verb stem affects the syntactic status of the P-argument of the two-place transitive verb and may also impose certain semantic or pragmatic constraints on the interpretation of the P-argument. Antipassivization in Tundra Nenets is closely related to imperfectivization, which is typologically expected. On the one hand, imperfectivizing derivations, primarily associated with the zone of predicate plurality, can lead to antipassivization. On the other hand, the marker *-ηko*, which can be called a specialized antipassive, attaches only to transitive verbs and necessarily leads to imperfectivization and detelicization. At the same time, it is not excluded from episodic contexts, although in most typical uses it implies a low degree of identifiability of the P-argument, its non-specific, indefinite, or generic status. The Imperfective marker *-tə/-nə* brings similar effects in combination with transitive verbs, but it is also attached to intransitive perfective verbs. Morphophonological restrictions on the distribution of the marker *-ηko* are specially discussed, as well as the competition between Antipassive and Imperfective. Data from other Northern Samoyedic languages are also commented on. The system in Forest Nenets is similar to the Tundra Nenets one. In contrast to the Nenets languages, antipassive constructions are few and peripheral in Forest Nenets, while in Nganasan they are not found at all.

Keywords: Tundra Nenets, Samoyedic languages, antipassive, verbal categories, valency-changing derivations, imperfectivization

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири». Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за замечания.

1. Введение

В тундровом ненецком языке существуют словообразовательные показатели, присоединение которых к глагольной основе затрагивает синтаксический статус Р-участника двухместного переходного глагола, который при этом смещается из позиции прямого дополнения в позицию косвенного или вообще не может быть выражен поверхностно. Подобные морфосинтаксические эффекты рассматриваются в данной работе как антипассивизирующие, а глагольные показатели, которые могут приводить к ним, — как антипассивные. Такое понимание опирается на определения антипассивной конструкции, используемые в типологических работах последних лет. В [Сай 2008: 98] антипассивной конструкцией называется «...**маркированная**, т. е. противопоставленная базовой, аргументная конструкция, в которой семантически присутствующий в пропозиции **Р-участник** оказывается **удалён (опущен или смещён в косвенную позицию)** из позиции, которую он занял бы в **соотносительной базовой переходной конструкции**». Ср. схожие, хотя и не идентичные формулировки в [Heaton 2017]¹ и [Janic, Witzlack-Makarevich 2021]². Как и для других актантно-значимых преобразований, определения могут включать или не включать требование присутствия поверхностно выраженного показателя, ответственного за изменение диатезы. В частности, это требование содержится в качестве первого пункта рабочего определения антипассива в [Heaton 2017: 2]³. В настоящей статье рассматриваются только те преобразования, которые сопровождаются морфологическим маркированием на глаголе.

Тундровый ненецкий язык не упоминается в большинстве недавних типологических работ, посвящённых как общим, так и частным аспектам антипассивных конструкций [Сай 2008; Spreng 2010; Janic 2013; Vigus 2018; Janic, Witzlack-Makarevich (eds.) 2021; Seržant et al. 2021], а также в наиболее известной типологической базе данных WALS [Polinsky 2013]. В новой базе данных Grambank [Huntington-Raine 2023] тундровый ненецкий атрибутирован со ссылкой на грамматику [Nikolaeva 2014] как язык, в котором отсутствуют и аналитический, и морфологически связанный показатели антипассива⁴. Ис-

¹ «...the following four criteria constitute the working definition of ‘antipassive’ (...):

1. There is an overt marker for the antipassive construction;
2. The antipassive clearly corresponds to an unmarked or less marked bivalent transitive construction;
3. The agent of the transitive construction is preserved, while the patient is either inexpressible or optionally expressed in an oblique phrase;
4. The antipassive construction is intransitive» [Heaton 2017: 63].

² «...the antipassive is defined as an intransitive construction meeting the following conditions: (i) the same verb with the same lexical meaning (i.e. implying the same number of participants and the same participant roles) can be also found in a transitive construction; (ii) the agent-like (A) argument in the transitive construction is encoded as the sole argument (S) of the intransitive construction in the corresponding antipassive construction; (iii) the patient-like (P) argument in the transitive construction is either encoded as an oblique or left unexpressed in the corresponding antipassive construction» [Janic, Witzlack-Makarevich 2021: 2].

³ Один из рецензентов просит обязательно пояснить со ссылками на литературу используемую здесь терминологию, которая, по его мнению, не является общепринятой, поскольку «традиционно об антипассиве говорят применительно к эргативным языкам». В ранних работах, когда термин «антипассив» был только введён, он действительно использовался по отношению к эргативным языкам; в них, помимо возможного показателя на глаголе, об антипассивизации свидетельствует изменение маркирования не только Р-участника, но и А-участника. Однако существование в языках с доминантной аккузативной стратегией кодирования ядерных актантов такой деривации, которая может быть названа антипассивной, неоднократно отмечалось в литературе [Lazard 1989; Сай 2008; Chamogean 2008; Janic 2013]. Стремление закрепить понятие антипассива исключительно за эргативными языками не представляется плодотворным, поскольку искусственно создаёт видимость абсолютного несходства между близкими процессами в разноструктурных языках. Ср. описание антипассива во многих морфологически эргативных языках, где его употребление не регулируется ограничениями на те или иные синтаксические правила (сочинительное сокращение, релятивизация и т. п.): бежтинский [Кибрик 2003: 612], тантынский даргинский [Сумбатова 2013], чаморро [Cooreman 1988] и пр. Данный терминологический аспект, а также возможная корреляция между наличием маркированного антипассива и стратегией кодирования ядерных актантов обсуждаются в обзорной статье [Heaton 2020], из которой следует, что в последнее время практика использования термина «антипассив» применительно к языкам с доминантной аккузативной стратегией является устоявшейся. В [Heaton 2017] идентифицирован 41 номинативно-аккузативный язык с морфологически маркированным антипассивом.

⁴ В отношении признаков «GB303: Is there a phonologically free antipassive marker (“particle” or “auxiliary”)?» и «GB148: Is there a morphological antipassive marked on the lexical verb?» тундровому ненецкому сопоставлено значение «0», что предполагает либо отсутствие в источнике упоминания явления, либо эксплицитное утверждение о его отсутствии.

ключениями являются диссертация [Heaton 2017] и обзор [Heaton 2020], где тундровый ненецкий, также со ссылкой на [Nikolaeva 2014], кратко обсуждается как пример номинативно-аккузативного языка с прототипической антипассивной конструкцией⁵.

В [ibid.: 226—227] действительно содержится краткий раздел, где перечислены суффиксы, образующие производные непереходные глаголы, в частности показатели *-ŋko* ~ *-ncyo* (трактуемые там как варианты, с оговоркой, что последний характерен для западных диалектов)⁶, а также *-tə/-də/-nə*. В разделе приведены три сентенциальных примера, в каждом из которых смещённый Р-участник выражен именной группой в пролативе мн. ч. (что, согласно И. А. Николаевой, характерно для западных диалектов, тогда как в восточных диалектах образуемые с помощью названных показателей производные глаголы в норме являются одноместными), в том числе следующий, где представлен непереходный имперфективный глагол *serota-ŋko* ‘солить, заниматься засолкой’, образованный от переходного перфективного глагола *serota* ‘засолить’.

- (1) *xalya-qm^ona səcy^o serota-ŋko^o nyí tara-q*
 рыба-PL.PROL очень солить-ANTI-CVB NEG.GFS[3SG.S] быть.нужным-CN
 ‘One shouldn’t salt fish too much’ [ibid.: 226].

В [Терещенко 1947: 180—181] суффиксы *-ŋko* и *-tə/-də/-nə* рассматриваются как показатели «вида несовершенного действия». Отмечается, что глаголы, маркированные данными показателями, в финитных формах употребляются с референцией к будущему времени, а в неопределённой форме (инфинитиве) — в непереходных контекстах, даже если исходный непродуцированный глагол является переходным⁷. Синкретизм суффиксов *-ŋko* и *-tə/-də/-nə* в их имперфективно-антипассивной и футуральной функциях будет кратко затронут ниже.

Подробное обсуждение показателей *-ŋko* ~ *-ncyo* и *-tə/-də/-nə*, а также *-ko* и некоторых других более периферийных⁸ можно найти в [Терещенко 1956: 115—131], где они уже рассматриваются в разделе, посвящённом категории (не)переходности. В работе предполагается, что синтаксическая непереходность семантически переходных глаголов в тундровом ненецком, как правило, получает морфологическое выражение с помощью названных показателей, которые являются достаточно продуктивными и присоединяются в том числе к новым освоенным заимствованиям из русского языка, ср. *доѐго(сь)* (неперех.) ‘дойти’. Н. М. Терещенко последовательно сопоставляет глаголы, маркированные данными показателями, с дуративными дериватами, образованными с помощью *-(m)pə* от тех же исходных переходных глаголов, и демонстрирует, что первые всегда используются непереходно, а вторые — переходно.

Основная цель данной статьи — дать обзор тундровых ненецких глагольных показателей, присоединение которых может приводить к смещению Р-участника переходного глагола с позиции прямого дополнения или его удалению из клаузы, а также обсудить связь антипассивизации и имперфективации в тундровом ненецком языке.

Главное утверждение состоит в том, что в тундровом ненецком число таких показателей велико (более пяти) и большинство не является специализированными антипассивными показателями, при этом среди них есть те, которые обязательно приводят к антипассивизации, в частности как минимум один (*-ŋko* с исторически палатализованным вариантом *-ncyo*), для которого антипассивная функция — основная. Всегда, когда происходит антипассивизация, она сопровождается имперфективацией.

В других северносамодийских языках число, состав и статус подобных показателей значительно варьируют. В тех аспектах, в которых это позволяют оценить имеющиеся данные⁹, лесной ненецкий об-

⁵ Утверждения о наличии в тундровом ненецком языке морфологического показателя, главной функцией которого является антипассивизация, содержатся также в докладе [Стенин 2013], на котором в значительной мере основана настоящая статья.

⁶ Упоминается также «-ŋkur», однако он очевидным образом является сложным и состоит из обсуждаемого показателя *-ŋko* и Фреквентатива *-r*.

⁷ Также в этом разделе упоминается суффикс *-ko*, который тоже образует непереходные глаголы несовершенного вида, но не формы будущего времени.

⁸ Показатель *-ko* в данной работе считается ещё одним вариантом показателя *-ŋko*. Также упоминаются показатели «-р», «-л», однако на самом деле рассматриваются глаголы, оканчивающиеся на *-pə* (релевантные примеры глаголов на *-lə* отсутствуют), где последним деривационным показателем, по-видимому, как раз ответственным за детранзитивизацию и удаление Р-участника, является *-ə*, ср. *syator-ə* ‘кусаться’ < *syator-* ‘перекусать, искушать’.

⁹ Материал тундрового ненецкого и других северносамодийских языков, привлекаемый к рассмотрению в рамках данной статьи, взят из опубликованных источников (в первую очередь словаря [Терещенко 1965] и корпуса сентенциальных примеров из него [Salminen 2023a]) и цитируемой литературы. Отдельные примеры из тундрового ненецкого, приводимые без ссылок, получены в ходе собственной полевой работы автора в с. Антипаюта Тазов-

наруживает значительную близость с тундровым ненецким, тогда как энецкая и нганасанская системы организованы принципиально иначе.

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 с опорой на предшествующую литературу даётся краткий обзор тундровых ненецких показателей, основная функция которых ассоциируется с зоной предикатной множественности и аспектуальных дериваций, но которые могут приводить одновременно к актантно-значимым преобразованиям клаузы, в том числе к антипассивизации. В разделе 3 рассматривается тундровый ненецкий многофункциональный показатель *-ko*, который создаёт непереходный имперфективный глагол. В разделе 4 обсуждается основная антипассивная стратегия — деривация на *-ηko* в тундровом ненецком (и когнатный показатель в лесном ненецком), при этом раздел 4.1 посвящён обзору деривационного потенциала и функций этого показателя, а раздел 4.2 — обсуждению морфонологических ограничений, связанных с ним, а также конкуренции Антипассива на *-ηko* и Имперфектива на *-ta/-na*. В разделе 5 называются остальные непродуктивные показатели, которые могут приводить к антипассивизации в тундровом ненецком. Раздел 6 специально посвящён вопросу об антипассивизации при образовании отглагольного имени инструмента в тундровом ненецком. В разделе 7 даются комментарии относительно существования антипассивных показателей в лесном энецком и нганасанском языках. В разделе 8 подводятся итоги.

2. Фреквентатив, Итератив и Имперфектив: взаимодействие аспектуальной и актантной деривации

В тундровом ненецком языке многие имперфективирующие¹⁰ аспектуальные или плюракциональные деривации (за исключением Дуратива *-(m)pa* и Хабитуалиса *-syatə*) могут приводить к такому изменению диатезы, которое затрагивает синтаксический статус одного или обоих ядерных участников и приводит к интранзитивизации клаузы. Эта особенность тундровой ненецкой глагольной системы рассматривалась в [Июсад и др. 2005; Шлуинский 2005].

В примерах (2)—(4) иллюстрируются актантные модификации, происходящие при образовании Фреквентатива, чья семантика в значительной степени связана с нетождественностью пациентивного участника: исходный каузативный глагол переходный, фреквентативный дериват от него не может иметь прямое дополнение в аккумулятиве, Р-участник при нём выражен именной группой в пролативе мн. ч., т. е. с помощью синтаксически периферийного падежа.

(2) *ler°kəbt°h xurka-xəwa pe-m mənca-bta-°*
вдруг какой-AFF камень-ACC шевелиться-CAUS-GFS[3SG.S]
'Вдруг он задел какой-то камень' [Терещенко 1965: 227].

(3) *wanya pya-qt°na mənca-btor-ηa*
Ваня дерево-PL.PROL шевелиться-CAUS.FREQ-GFS[3SG.S]
'Ваня качает деревья' [Шлуинский 2005: 290].

(4) **wanya pya-m mənca-btor-ηa*
Ваня дерево-ACC шевелиться-CAUS.FREQ-GFS[3SG.S]
Ожидаемое значение: 'Ваня качает дерево' [там же].

ского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2011 г. Примеры из лесного энецкого языка, приводимые без ссылок, взяты из корпуса текстов, собранного О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинским и др. Примеры из лесного ненецкого языка, приводимые без ссылок, взяты из коллекции текстов, записанной под руководством С. И. Бурковой и Н. Б. Кошкарёвой (тексты записаны в орфографии без диакритик; сайт, на котором они были опубликованы, в настоящее время недоступен). Нганасанские примеры взяты из «Устного корпуса нганасанского языка» [Вьукіпа et al. 2018]. Примеры из тундрового ненецкого языка приводятся в транскрипции Т. Салминена. Нижнее подчёркивание в строке оригинала обозначает вслед за [Salminen 1998] отсутствие уверенности в точности фонемизации. Глоссы в примерах из разных источников унифицированы. За описанием формальной морфологии тундрового ненецкого языка читатель может обратиться к работам [Salminen 1997; 2023b].

¹⁰ Категория вида в тундровом ненецком языке (и в других северносамодийских языках; подробнее о нганасанской и энецкой системах см. [Гусев 2012; Шлуинский 2017]) имеет словоклассифицирующий характер. В строке глоссирования перфективные основы переведены русскими инфинитивами совершенного вида, имперфективные — инфинитивами несовершенного вида. В ненецком языке вид глагольной леммы определяется по последнему словообразовательному показателю (не считая транскатегориальных показателей и клитик). В примерах ниже перфективирующими являются Трансформатив *-m* и различные каузативные показатели (также к ним принадлежат как минимум Инхоатив *-l(ə)* и Моментатив *-xəl*), имперфективирующими — остальные показатели.

В примерах (5)—(7) по той же схеме демонстрируется возможный эффект присоединения показателя Итератива к переходному глаголу¹¹. Итератив часто предполагает «дезагентивизацию» ситуации [там же: 297] и смену двухвалентной номинативно-аккузативной диатезы на одновалентную номинативную, при которой в позиции S оказывается Р-участник, а А-участник удаляется из ситуации. Переходная клауза с итеративным дериватом также невозможна.

- (5) *wasya nyebuya-mta məy°-m-la-°*
 Вася мать-ACC.POSS.3SG обрадоваться-TRSF-CAUS-GFS[3SG.S]
 ‘Вася обрадовал мать’ [там же: 294].
- (6) *nyebuya-da məy°-m-la-ηkə-°*
 мать-POSS.3SG обрадоваться-TRSF-CAUS-ITER-GFS[3SG.S]
 ‘Его мать радуется’ [там же].
- (7) **wasya nyebuya-mta məy°-m-la-ηkə-°*
 Вася мать-ACC.POSS.3SG обрадоваться-TRSF-CAUS-ITER-GFS[3SG.S]
 Ожидаемое значение: ‘Вася радуется мать’ [там же].

В статье [Татевосов 2017], специально посвящённой актантно-акциональным свойствам Итератива в малоземельском тундровом ненецком, утверждается, что в исследованном говоре с точки зрения аргументных свойств Итератива выделяются две грамматические подсистемы, в одной из которых существуют переходные итеративные дериваты. С позиций того, что в предшествующей литературе известно о глагольной деривации в тундровом ненецком, такая возможность выглядит как минимум необычно. Относительно «нормальных» итеративных дериватов от переходных глаголов в работе формулируется следующее обобщение: если предикат специфицирует дескриптивные свойства подсобытия, участником которого является внешний аргумент, то именно он становится подлежащим при итеративном деривате в субъектном спряжении, иначе подлежащую позицию занимает внутренний аргумент. Это обобщение звучит достаточно естественно, однако опубликованные данные малоземельского тундрового ненецкого, которые были собраны в рамках экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова в п. Нельмин-Нос в 2003—2005 гг., в отношении многих морфосинтаксических аспектов стоят особняком¹², поэтому их сложно комментировать.

Итератив, по всей видимости, в принципе ограниченно сочетается с переходными предикатами. При Фреквентативе изменение диатезы наблюдается только в части случаев и является лишь косвенным эф-

¹¹ В словаре Н. М. Терещенко крайне мало итеративных дериватов от глаголов, которые имеют только переходные употребления. Пример (i) заимствован из фольклорного источника и представляет собой своеобразный контекст: декаузативизации (наряду с итеративизацией) подвергается не только глагол ‘снять; развязать’, но и ‘надеть’ — от последнего в принципе не ожидается, что он будет допускать декаузативизацию в каком-либо языке, т. к. его семантика включает агентивно-ориентированные компоненты значения (ср. наблюдения в [Падучева 2001]). Кроме того, наряду с глаголом *yeka-ηkə-* (снять-ITER) существует также более ожидаемый *yeka-rə-ηkə-* (снять-DECAUS-ITER) ‘1) отвязываться (например, о верёвке, ремне); развязываться, распускаться (например, об узле); 2) сниматься (об одежде, об обуви) <постоянно>’ [Терещенко 1965: 92].

(i) *syobuya-da xər-ta yeka-ηkə-°*,
 капюшон-POSS.3SG сам-POSS.3SG снять-ITER-GFS[3SG.S]
xər-ta syer°-ηkə-°, səcy° myer°h ηædali
 сам-POSS.3SG надеть-ITER-GFS[3SG.S] очень быстро ехать.на.легковой.нарте.GFS[3SG.S]
 ‘Очень быстро едет — капюшон его одежды сам снимается, сам надевается’ [там же: 551].

Один из рецензентов отмечает, что (i) не предполагает декаузативизации, а является примером так называемого потенциального пассива. Позволю себе не согласиться с этим утверждением. Существуют различные понимания декаузатива и потенциального пассива, а также, по-видимому, случаи, промежуточные между декаузативными и (потенциально-)пассивными употреблениями, но при любом стандартном понимании потенциальный пассив с референцией к настоящему времени предполагает указание на свойство (возможность или невозможность осуществления некоторой ситуации), тогда как (i), очевидно, реферирует к конкретной динамической ситуации в актуальном мире.

¹² Впрочем, автор указанной статьи оговаривает, что все «наблюдения и обобщения отражают языковую реальность малоземельского говора в варианте п. Нельмин[-]Нос на момент проведения там полевого исследования (2003—2005 гг.) и полученные данные не могут быть механически, без дополнительных исследований, перенесены на весь тундровый ненецкий язык» [Татевосов 2017: 223].

фектом, сопровождающим его первичную функцию, т. е. предикатную плюрализацию и изменение аспектуальных характеристик клаузы. Точные условия появления этого эффекта нуждаются в специальном исследовании.

Следующие примеры иллюстрируют модели управления при исходном переходном глаголе *yaŋka-* ‘продолбить, прорубить’ (8) и имперфективном деривате от него *yaŋka-nə-* ‘долбить, прорубать’ (9). При присоединении Имперфектива интранзитивизация клаузы происходит регулярно. Р-участник либо не выражается поверхностно, либо выражается именной группой в пролативе (если референт Р-участника является счётным, то обычно соответствующая именная группа принимает форму пролатива множественного числа).

(8) *salaba-m yaŋka-nə-bcuŋ-kəna yaŋka-sy^o*
лёд-ACC прорубить-IPFV-VN.INSTR-LOC прорубить-CVB
‘прорубить лёд пешней’ [Терещенко 1965: 844]

(9) *salaba-w^ona yaŋka-nə-sy^o*
лёд-PROL прорубить-IPFV-CVB
‘долбить лёд’ [там же: 845]

В отдельных случаях при присоединении Имперфектива к переходному глаголу можно наблюдать преобразование по декаузативному сценарию, когда А-участник удаляется из структуры ситуации, а Р-участник продвигается в позицию подлежащего. В примере (10) представлен переходный глагол *lyadaq-* ‘1) расколоть, переколоть, наколоть (дрова)’, а в примере (11) — имперфективный дериват *lyad^o-tə-*, употреблённый в контексте метафоры из семантического поля боли и реализующий, по всей видимости, нестандартную для данного глагола диатезу. В [там же: 208] в качестве его первого значения приводится ‘заниматься раскалыванием, колкой (дров)’, при котором должна фигурировать диатеза с удалением Р-участника (а не А-участника).

(10) *tə-ŋar^o pya-qŷa-m lyada^o xəy^odye-we-da*
тот-величина дерево-AUG-ACC расколоть.CVB легко.расколоть-NARR-3SG.O
‘Он легко расколол такое большое [срубленное] дерево’ [там же: 722].

(11) *ŋəwa-myi lyad^otə^o*
голова-POSS.1SG расколоть-IPFV-GFS[3SG.S]
‘У меня раскалывается голова от боли’ [там же: 208]¹³.

Имперфектив сочетается также с непереходными глаголами, ср. примеры (12)—(13):

(12) *nədo-h syak^ona xarw^o wadyo-wi^o*
яр-GEN горный.кряж.LOC лиственница вырасти-NARR[3SG.S]
‘На горном кряже выросла лиственница’ [там же: 608].

¹³ В отчёте [Шлуинский 2004] приводится ряд переходных глаголов, при присоединении к которым Имперфектива сценарий интранзитивизации клаузы такой же — с сохранением Р-участника и продвижением соответствующей именной группы в позицию подлежащего. Там фигурируют следующие глаголы подобного типа: «*majam-la-*» ‘обрадовать’, «*sal-ra-*» ‘вернуть’, «*xaw-da-*» ‘повалить’, «*loxom-da-*» ‘вскипятить’. В работе [Иосад и др. 2005: 174] предпринимается попытка найти то общее, что объединяет такие глаголы (в качестве примеров приводятся «*xəmda-bta-*» ‘пролить’ и «*loxom-da-*» ‘вскипятить’), и делается вывод о том, что при имперфективной деривации «удалению агенса или каузатора подвергается большинство глаголов, в структуре которых есть каузативная деривационная морфема». По крайней мере для части таких глаголов предлагаемый вывод, возможно, неверен и основан на неточной транскрипции. Так, приведённый в указанной работе в качестве примера глагол «*loxomdanə-*» ‘закипать’, вероятно, является двойным Имперфективом (что широко отмечается в западных говорах — ср., например, пометы в [Salminen 1998], — на материале одного из которых и сделаны обобщения) *loxom-tə-nə-* от непереходного глагола *loxom-* ‘закипеть’, а не обычным от каузативного глагола *loxomta-* ‘вскипятить’. В [Шлуинский 2004] можно найти также примеры переходных глаголов, которые в сочетании с Имперфективом не обнаруживают никаких изменений диатезы, ср. «*riš'iila-pta-*» ‘рассмешить’, содержащий каузативную морфему, и «*qat'ie-*» ‘ждать’. Во всяком случае относительно *ŋəye-nə-* ‘ждать, ожидать, дожидаться’ помета <неперех.> и примеры в [Терещенко 1965] и моих полевых материалах говорят о том, что он является двухместным непереходным глаголом. Эти наблюдения снова свидетельствуют о том, что данные говора п. Нельмин-Нос в том виде, в котором они зафиксированы экспедицией МГУ им. М. В. Ломоносова, существенно отличаются от представлений о потенциале глагольных дериваций в других (центральных и восточных) говорах тундрового ненецкого; ср. также замечания в [Салминен 2017].

- (13) *məraŋka-q teb^olə-^o wadyo-də-^o-q*
 морошка-PL быть.редким-CVB вырасти-IPFV-GFS-3PL.S
 ‘Морошка растёт редко’ [там же: 684].

Поскольку Имперфектив сочетается и с переходными, и с непереходными глаголами, логично считать его показателем именно аспектуальной деривации, а модификацию аргументной структуры — лишь следствием аспектуального/плюракционального преобразования, хотя и обязательным при присоединении к переходным глаголам.

3. Показатель *-ko*

Тундровый ненецкий показатель *-ko* (в лесном ненецком ему соответствует *-qko*), формально совпадающий с показателем диминутива, присоединяется как к переходным, так и к непереходным, как к перфективным, так и к имперфективным основам¹⁴; в [Salminen 1998] приведено более 60 глаголов. Если показатель *-ko* присоединяется к переходному глаголу, смещённое прямое дополнение может быть выражено именной группой в дативе (14), пролативе (15), послеложной группой (16) или быть не выражено поверхностно (18), (20), (22). Исходные переходные глаголы по соображениям объёма иллюстрируются лишь в ряде случаев, ср. *toxola-* ‘1) научить (кого-л. чему-л.); 2) выучить (что-л.)’ в (17), *məq^ola-* ‘1) собрать, набрать (кого-что-л.)’¹⁵ в (19) и *xetə-* ‘сказать, рассказать’ в (21).

- (14) *yiryike-r^o yinya-h mal^o-xəna yuno-n^oh sad^o-ku*
 дедушка-POSS.2SG верёвка-GEN конец-LOC лошадь-DAT побить-QXO.GFS[3SG.S]
 ‘Дедушка бьёт лошадь верёвкой’ [Терещенко 1965: 521].

- (15) *xadeso-qməna ləba-ko-wəncy^o xə-x^o-nyih*
 смола.OBL-PL.PROL отломать-QXO-SUP пойти-NORT-1DU.S
 ‘Пойдём отколупывать серу лиственницы’ [там же: 159].

- (16) *nyebu-a-da ŋəsyeki^o-q yeqm^onyuə sqx^or-ku¹⁶*
 мать-POSS.3SG ребёнок-GEN.PL ради уберечь-QXO.GFS[3SG.S]
 ‘Мать заботится о детях’ [там же: 539].

- (17) *yedey^o syo-m toxola-^o-waq*
 новый песня-ACC выучить-GFS-1PL.S
 ‘Мы выучили новую песню’ [там же: 672].

- (18) *škola-xəna toxol-ku-d^om*
 школа-LOC выучить-QXO.GFS-1SG.S
 ‘Я учусь в школе’ [там же]¹⁷.

¹⁴ Иногда *-ko* присоединяется к связанным основам, которые может быть сложно охарактеризовать с точки зрения вида и переходности.

¹⁵ Глагол *məq^ola-* проявляет Р-лабильность и по крайней мере в некоторых диалектах употребляется также непереходно в формах рефлексивного спряжения в значении ‘собраться, сойтись (в одном месте)’. Однако дериват *məq^olko-*, очевидно, образован от переходного употребления исходного глагола *məq^ola-*.

¹⁶ У меня нет примера, который иллюстрировал бы непроизводный глагол *sqx^ora-* ‘уберечь (кого-л.)’, однако есть пример с дуративным дериватом от него. Примечательно, что Дуратив, самая продуктивная имперфективирующая деривация, никогда не затрагивает аргументную структуру; ср. следующий пример:

- (i) *ŋəsyeke-mt^o sqx^ora-mp^o-bə-t^o tara-^o*
 ребёнок-ACC.POSS.2SG уберечь-DUR-COND-POSS.2SG быть.нужным-GFS[3SG.S]
 ‘Тебе надо заботиться о ребёнке’ [Терещенко 1965: 538].

¹⁷ Согласно [Терещенко 1965: 672] и другим источникам, непереходный глагол *toxol-ko-* в большеземельском и западных говорах имеет значение ‘учить, обучать, заниматься обучением, преподавать’, тогда как в восточных говорах — ‘учиться, обучаться’. Эти два различных употребления глагола *toxol-ko-* можно считать антипассивными деривациями от двух употреблений исходного глагола *toxola-* ‘1) научить (кого-л. чему-л.); 2) выучить (что-л.)’. Иными словами, с позиции прямого дополнения смещаются аргументы с различными ролями: в одном случае — одушевлённый участник, в другом — неодушевлённый.

- (19) *myima-nta syer^oh tudaku ŋoka-w^ona məq^ola-wi^o*
идти.NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3SG POSTP гриб.ACC.PL многих-PROL собрать-NARR[3SG.S]
‘По дороге она собрала много грибов’ [там же: 251].
- (20) *xər-ta ŋanyih məq^ol-ko-wa-nta syer^oh*
сам-POSS.3SG опять собрать-QXO-NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3SG POSTP
nyalyi-da pudara-^o: «*tyonyu-kocyow^oq, tyonyu-kocyow^oq!*»
рот.RESTR-POSS.3SG осыпаться-GFS[3SG.S] лиса-PEJ.EXCL.(PL) лиса-PEJ.EXCL.(PL)
‘Собирая [грибы], сама приговаривает: «Лисички, лисички!»’ [там же: 485].
- (21) *ŋob wada-ko-m nyaənt^o xet^o-ŋku-d^om*
один слово-DIM-ACC у.DAT.POSS.2SG сказать-FUT.GFS-1SG.S
‘Я скажу тебе одно словечко’ [там же: 31].
- (22) *ŋəcyeki^o-q nya-x^otoh xet^o-ku-q*
ребёнок-PL товарищ-DAT.PL.POSS.3PL сказать-QXO.GFS-3PL.S
‘Ребята передразнивают друг друга’ [там же: 804].
- Во всех примерах выше присоединение показателя *-ko* не только создаёт непереходную структуру из переходной, но и приводит к имперфективации¹⁸. По крайней мере в последнем случае толкование производного глагола содержит дополнительное семантическое приращение: от нейтрального глагола речи *xetə* ‘сказать’ образуется глагол поведения *xet^o-ko* ‘передразнивать’.
- Присоединение показателя *-ko* к исходному непереходному перфективному глаголу также приводит к имперфективации, хотя может быть и не ограничено ей¹⁹, ср. *nyaqn^o-ko* ‘1) заниматься (чем-л.) от нечего делать; 2) бездельничать’ < *nyaqnə* ‘выполнить (какую-то утомительную, нудную, трудоёмкую работу); устать (от чего-л. утомительного, нудного, трудоёмкого)’. Сочетаемость с непереходными имперфективными глаголами и семантические эффекты, привносимые показателем *-ko* в таком случае, иллюстрируются в примерах (23)–(28).
- (23) *pyisya-ko wər^onə^o*
мышь-DIM бежать-GFS[3SG.S]
‘Бежит мышка’ [там же: 47].
- (24) *xəbew^oko nara sira-w^ona wər^onə-ku*
куропатка весна.до.ледохода снег-PROL бежать-QXO.GFS[3SG.S]
‘Куропатка бежит по снегу’ [там же: 47] («подчёркивается меньшая быстрота бега, чем у гл. *варна(сь)*»).
- (25) *nya-w^o way^okəbtyo^o lax^onə-ə-sy^o*
товарищ-POSS.1SG быть.возбуждённым-CVB говорить-GFS[3SG.S]-PST
‘Мой товарищ говорил возбуждённо’ [там же: 37].
- (26) *nya^ompara ŋə-wi^o, xu-ryi-mna tə-ryi-mna tæryi lax^ona-ku*
разговорчивый быть-NARR[3SG.S] как-RESTR-PROL так-RESTR-PROL просто говорить-QXO.GFS[3SG.S]
‘Он оказался разговорчивым, говорит о том, о сём’ [там же: 347].
- (27) *yid^o-h xəw^o-xəna nyo-daq xurcu-q, ŋəmke-ryi-h ŋəwa-m yesy^om-tye-ŋku-daq*
вода-GEN бок-LOC NEG.IMP-2PL.S шуметь-CN что-RESTR-GEN голова-ACC болеть.TRSF-CAUS-FUT.GFS-2PL.S
‘Не шумите около воды, вызовете головную боль у хозяина воды’ [там же: 377].
- (28) *xada-da ŋob-kəd^o xurc^o-ku-sy^o*
бабушка-POSS.3SG один-ABL шуметь-QXO.GFS[3SG.S]-PST
‘Бабушка всегда не выносила шума’ [там же: 785].

Ср. также *wimi^o-ko* ‘петь задумчиво’ < *wimtə* ‘тянуться, литься (о песне)’, *myúsy^o-ko* ‘медленно перекочёвывать, ехать с аргишами, аргишить, никуда не торопясь’ < *myúsyə* ‘кочевать, ехать с аргишом, аргишить’, *toda-ko* ‘сушиться, обогреться, наслаждаясь теплом огня’ < *toda* ‘1) греться, обогреться (у огня); 2) топиться (о печи); 3) разводить жертвенный огонь’, *yoro-ko* ‘забавляться, шутить’ < *yoroq* ‘дразнить (кого-л.) (шутя)’.

¹⁸ Число непроизводных имперфективных переходных глаголов в тундровом ненецком языке крайне невелико, поэтому отсутствие примеров на сочетаемость суффиксов с ними не является показательным.

¹⁹ Примеры такого рода единичны, поэтому не позволяют делать обобщения.

Как следует из последней группы примеров, функция показателя *-ko* в сочетании с изначально непереходными имперфективными глаголами с трудом поддаётся обобщению: иногда это как будто операция над шкалой интенсивности, как в случае *wəɾ˚nə-ko-* и *myúsy˚-ko-* (где дериват, как кажется, указывает на пониженную скорость движения по сравнению с исходным непроизводным глаголом)²⁰, иногда можно говорить о некотором сужении значения, как в случае *lax˚na-ko-*, который используется прежде всего в контексте речевого взаимодействия (исходный глагол *lax˚nə-* также часто употребляется при указании на те или иные характеристики речи и в контекстах вроде «говорить по-ненецки»), иногда эффект следует признать идиосинкратическим, ср. *xurc˚-ko-* ‘не выносить шума’ < *xurcə-* ‘шуметь’.

В ряде примеров *-ko* выступает как вербализатор, ср.: *myesy˚-ko-* ‘играть в мяч’ < *myesy˚* ‘мяч’, *myadye-ko-* ‘играть в чум’ < *myaq* ‘чум’, (*tira-*)*nyiy˚-ko-* ‘играть в палочки (палочки кладутся на ладонь, перебрасываются на тыльную часть руки и снова на ладонь)’ < *nyiy˚* (на-ADJ) ‘верхний, находящийся сверху’, *nydyiko-* ‘постоянно заниматься чем-л., мастерить’ < *nyda* ‘рука’, ям. *waqw˚-ko-* ‘отображать в игре жизнь в чуме’ < *waqw˚* ‘спальное место в чуме; постель’. В примере (29) представлен глагол б.-з. и м.-з. *yunyeko-* ‘расспрашивать’ < *yun˚* ‘известие, весть’.

- (29) *xa-wi˚ nyebya-w˚na-nta yunye-ko˚ nyi tara-q*
 умереть-PT.PFV мать-PROL-OBL.POSS.3SG весть-QXO-CVB NEG.GFS[3SG.S] быть.нужным-CN
 ‘Не надо расспрашивать об его умершей матери’ [там же: 814].

По-видимому, независимо от того, от какой основы образован дериват на *-ko* (от именной или от глагольной, от переходной или от непереходной, от перфективной или от имперфективной), он может иметь не только хабитуальную, но и эпизодическую интерпретацию, при которой та или иная ситуация происходит в момент наблюдения²¹. Ср. (24), а также (30)—(31) ниже (к единичной, а не к хабитуальной ситуации отсылают и нефинитные формы в (15) и (20)).

- (30) *ɲəsyeki˚-q xoy˚-h yedyoy˚ yad˚-h nyi-d˚*
 ребёнок-PL холм-GEN покатый склон-GEN на-ABL
xəna-ko-x˚qna pyisy˚n-cawey˚-h yedyey˚-ku-q
 нарта-DIM-LOC.PL смех-PROPR-GEN покатость-QXO.GFS-3PL.S
 ‘Дети со смехом катаются на санках с покатога склона холма’ [там же: 88].

- (31) Вадин нисява” нинарыхыда надм”, <...> небяна” ня’ лаханаку:
nyebya-naq nya˚h lax˚na-ku
 мать-GEN.POSS.1PL с говорить-QXO.GFS[3SG.S]
 ‘Мои слова (наш) отец как будто не услышал, <...> с (нашей) матерью разговаривает’
 {далее следует прямая речь} («Няръяна вындер». Вып. № 116 (20028) от 17 октября 2013 г.
<https://nvinder.ru/article/vypusk-no-116-20028-ot-17-oktyabrya-2013-g/1584-nyarmodana-hubta>).

Таким образом, данная деривация не предъявляет никаких конкретных требований к исходному предикату, но всегда создаёт непереходный имперфективный глагол, являющийся представителем вендлеровских деятельностей (activities), т. е. динамический неопредельный предикат. Можно сказать, что она ориентирована на результат, а не на источник (ср. product-oriented vs. source-oriented generalizations

²⁰ В связи с этим представляет интерес синкретизм рассматриваемого *-ko* и транскатегориального показателя диминутива *-ko*, однако данный сюжет, очевидно, выходит за рамки статьи. Согласно [Nikolaeva 2014: 137], диминутивный суффикс невозможен на финитном глаголе, но он присоединяется к некоторым нефинитным формам, в частности к причастиям.

²¹ Этот вопрос ставится, но остаётся без ответа в [Татевосов 2018: 95], где разбираются аргументы А. Ю. Урманчиевой в пользу того, что тундровые ненецкие глаголы с основой на альтернирующий *ə* и (*y*)*o* (в частности, глаголы на *-ko* и *-ɲko*) представляют собой (производные) стививы и образуют естественный семантический класс. В [Урманчиева 2013: 759] непереходные глаголы на *-ko* и *-ɲko* описываются как стививы, характеризующие активный субъект: «Эту группу образуют непереходные дуративные глаголы, описывающие ситуацию как характеристику субъекта; такая ситуация часто семантически предполагает объект, но ситуация представлена не как динамически развивающаяся, когда субъект постепенно реализует определённое действие над объектом, а как стативная, когда предикат используется для характеристики субъекта. У таких глаголов объект не может быть выражен; при этом активная ситуация типа *xəl˚ta-* ‘X моет Y’ трансформируется в стививную типа *xəltangko-* ‘X занят мытьём’». Не совсем понятно, что автор имеет в виду под «дуративностью», но примеры, приведённые здесь, как кажется, должны убеждать в том, что формы Аориста глаголов на *-ko* и *-ɲko* могут реферировать к динамически развивающейся ситуации, а также что в ряде случаев эти глаголы допускают выражение объекта в косвенных формах.

в [Bybee 1995] и попытку применения этих понятий к синтаксическим процессам в [Летучий 2014]). Из сказанного можно также сделать вывод, что модификация актантной структуры не является главной функцией показателя *-ko*.

В то же время в тундровом (и в лесном) ненецком языке существует другая деривация, совмещающая аспектуальную и аргументную модификацию и претендующая на статус понижающей актантной деривации в значительно большей степени.

4. Показатель *-ηko* как антипассив

4.1. Деривационный потенциал и функции

Тундровый ненецкий показатель *-ηko* (в лесном ненецком ему соответствует *-(η)ko*), за исключением нескольких случаев, присоединяется к переходным перфективным основам; в [Salminen 1998] приведено около 150 глаголов²². Ср. некоторые примеры:

ηolyeryada-ηko- ‘красить, окрашивать’ < *ηolyeryada-* ‘выкрасить’;

ηeda-ηko- ‘заниматься защитой, обороной’ < *ηeda-* ‘защитить, спасти’;

tola-ηko- ‘1) считать, заниматься подсчётом; 2) читать, заниматься чтением’ < *tola-* ‘1) сосчитать; 2) прочитать’;

pad^ota-ηko- ‘1) делать пёстрым, делать в пятнах; 2) расшивать; заниматься вышиванием; 3) рисовать, заниматься рисованием’ < *pad^ota-* ‘1) сделать пёстрым; 2) расшить, вышить; 3) нарисовать; расписать’.

Дериват всегда имперфективен и может употребляться в различных хабикулярных контекстах, как в (32)—(34) (капацитиве ‘уметь Р’, узитативе ‘иметь обыкновение Р’, кваликативе ‘характеризоваться тем, что Р’, в терминах [Плунгян 2011: 399]), однако, как показывают примеры (36), (38), в которых представлены нефинитные формы от глаголов с показателем *-ηko* (конверб/инфинитив и супин), хабикулярная интерпретация факультативна.

(32) *ηulyiq səwa-w^ona tola-ηku*
очень хороший-PROL сосчитать-ANTI.GFS[3SG.S]
‘Он очень хорошо считает’ [Терещенко 1965: 667].

(33) *nyinyeka-w^o ηoka-w^ona tola-ηku*
старший.брат-POSS.1SG многих-PROL прочитать-ANTI.GFS[3SG.S]
‘Мой старший брат много читает’ [там же].

(34) *xə-ta mənç^oya-xəna-nta wato-nta ηesont^oh yolçye-ηko-^o torompey^o*
сам-POSS.3SG работа-LOC-POSS.3SG срок-GEN.POSS.3SG до закончить-ANTI-CVB привыкший[3SG]
‘В своей работе он привык всё заканчивать в срок’ [там же: 118].

(35) *učityely^o xasawa ηəcyeki^o-m syidyə čas^o-h pyirət^oh*
учитель мужчина ребёнок-ACC два час-GEN до.DAT
tadey^o knyiga-m tola-^o tabyeda-^o-da
целый книга-ACC прочитать-CVB велеть-GFS-3SG.O
‘Учитель велел мальчику прочитать целую книгу за два часа’.

²² В [Salminen 1998; Nikolaeva 2014] фиксируется также около 10 глаголов с суффиксом *-ncyo*, который можно считать исторически палатализованным вариантом показателя *-ηko*, ср. аналогичное чередование согласных в области именного словоизменения: *ueŋka* (NOM.SG) ‘шаг’ — *ueŋcyi* (ACC.PL). По данным [Nikolaeva 2014: 226], палатализованный вариант характерен прежде всего для западных говоров тундрового ненецкого языка. Потенциально число дериватов на *-ncyo* может быть больше, т. к. они, как правило, отмечаются, наряду с дериватами на *-ηko*, от тех же глаголов — в норме без каких-либо видимых различий в значении. Мне известен один пример, когда семантические различия между двумя вариантами могли закрепиться в некоторой идиолектной (диалектной) системе, что, возможно, связано с наличием у непроизводного глагола *tola-* двух основных значений (перевод ниже предположительный):

(i) Школахана нацекыдо’ хаби” вадам’ тохоламбидо’. Толанзю”, падна”, толанзю”.

tola-ncyu-q, pad^o-nə-^o-q, tola-ηku-q
прочитать-ANTI.GFS-3PL.S написать-IPFV-GFS-3PL.S сосчитать-ANTI.GFS-3PL.S

{В школе их дети [дети хантов, проживающих в Шурышкарском районе] изучают хантыйский язык.}
‘(Они) читают, пишут, считают’ («Нярьяна вындер». Вып. № 77 (19989) от 18 июля 2013 г.
<https://nvinder.ru/article/vypusk-no-77-19989-ot-18-iyulya-2013-g/1080-vadana-ileva-eemnya>).

(36) *učityely° nэcyeki°-m tadey° syidyа čas°-h tola-ŋko° tabyeda°-da*
 учитель ребёнок-ACC целый два час-GEN прочитать-ANTI-CVB велеть-GFS-3SG.O
 ‘Учитель велел ребёнку читать целых два часа’.

(37) *nyа-r° nyada-q*
 товарищ-POSS.2SG помочь-IMP.2SG.S
 ‘Помоги своему товарищу’ [Терещенко 1965: 337].

(38) *ləbc°r, təqly°cyuh tu-q nyada-ŋko-wəncy°*
 сплющенный.предмет сюда.ближе.DAT прийти-IMP.2SG.S помочь-ANTI-SUP
 ‘Иди сюда, бездельник, помогать’ [там же: 165].

Дериват на *-ŋko* (TN)/*-(ŋ)ko* (FN) употребляется, когда пациентивный участник является либо генерическим/имперсональным, как в (32)—(34), либо понятным из предшествующего контекста или в ситуации коммуникации, как в (38). В текстовом примере (39) из лесного ненецкого языка сначала названы участники процесса похорон, включая высоко индивидуализированного, одушевлённого (хотя и мёртвого) пациенса, — и в этом контексте употреблён дуративный дериват от глагола *хинта-* ‘похоронить’, сохраняющий валентность на именную группу в аккумулятиве в позиции прямого объекта; в дальнейшем, при обращении к этой ситуации, пациенс не называется ввиду его очевидности и используется антипассивный дериват *хинта-ко-* (40).

(39) ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (тексты, записанные С. И. Бурковой и Н. Б. Кошкарёвой)
Ҩай мань ви-й талыша нэ-п-та куптаң
 или я ум-POSS.1NPL такой быть-CVB.COND-POSS.3SG долго
мэ-на-даха-[’]и неша-ма” хинта-нё-ма-хан-туң.
 находиться-PT.IPFV-APPROX-PST.3[PL].S отец-ACC.POSS.1PL похоронить-DUR-NMLZ.IPFV-DAT-POSS.3PL
 ‘Или мне так кажется, что они долго были, когда хоронили отца’.

(40) *Тайня” чике-хет чики неша-” хинта-ко-”ма-хат-туң Ҩо’кна*
 потом тот-ABL тот человек-PL похоронить-ANTI-NMLZ.PFV-ABL-POSS.3PL вместе
ни-даха-” кай-” тянапомна кан-даха-” тайше” мань чети-те-н.
 NEG-APPROX-3PL.S уйти-CN понемногу отправиться-APPROX-3PL.S так я помнить-SFS-1SG.O.PL
 ‘Потом те люди, после того как похоронили, не все сразу, кажется, уехали, а понемногу уезжали — так я помню’.

В нехабитуальных контекстах выше фигурировали нефинитные формы. Финитные формы возможны в актуально-длительных контекстах с эпизодической интерпретацией (41), хотя такие примеры и встречаются в текстах существенно реже, чем хабитуальные употребления финитных форм.

(41) *wada-xəqnata syita хата-т*
 слово-LOC.PL.POSS.3SG PRON.ACC.POSS.3SG позвать.NMLZ.IPFV-ACC
nyi-w°nyа=w°h nəmtor°-q, yet°h tola-ŋku
 NEG-REP[3SG.S]=DUB услышать.FREQ-CN так.и прочитать-ANTI.GFS[3SG.S]
 ‘Он читает, будто не слышит, что его зовут’ [Терещенко 1965: 33].

Удаление/смещение Р-участника в финитных клаузах типа (41), когда он связан квантором существования, принципиально отлично от возможности поверхностного опущения Р-участника в финитных клаузах с переходным глаголом в форме субъектно-объектного спряжения — ср. *тола-буи-да* (прочитать-DUR.GFS-3SG.O) ‘Он(а) читает (это)’, — правила употребления которого в целом могут быть описаны в терминах информационной структуры. Субъектно-объектное спряжение обязательно, когда предшествующий контекст создаёт для прямого дополнения третьего лица роль (вторичного) топика (см. подробнее в [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 127—132; Nikolaeva 2014: 201—212]).

Смещённый пациенсоподобный участник в норме не выражается поверхностно. Однако существует целый ряд примеров, в которых представлен показатель *-ncyо* и Р-участник выражается именной группой в пролативе, т. е. используется та же возможность, что и при Фреквентативе и Имперфективе.

(42) *ноха-һ Ҩудо-qməna wata-ncyу*
 песец-GEN след.OBL-PL.PROL выследить-ANTI.GFS[3SG.S]
 ‘Он выслеживает песца’, букв. ‘он следует по следам песца’ [Терещенко 1965: 51].

- (43) *knyiga-qm^ona tola-ncyo-rka^o*
 книга-PL.PROL прочитать-ANTI-ATTEN-GFS[3SG.S]
 ‘Он почитывает книги’ [там же: 667].

Разумеется, эта особенность формального устройства антипассивных клауз нуждается в специальном изучении. Так, при глаголе *nyada-ŋko-* ‘помогать’ исходный Р-участник может быть выражен именной группой в дативе²³, тогда как при производном глаголе *nyada-* ‘помочь’ он маркируется аккумулятивом.

- (44) *ŋarka nya-x^o-toh xancyer^oq*
 большой товарищ-POSS.DAT-POSS.3PL как
nyada-ŋko-wa-mtoh ŋasyeki^o-q xeta^o-doh
 помочь-ANTI-NMLZ.IPFV-ACC.POSS.3PL ребёнок-PL рассказать-GFS-3PL.O
 ‘Дети рассказали, как они помогают старшим’ [там же: 338].

Названные выше особенности позволяют говорить о существовании в тундровом (и в лесном) ненецком языке специализированного²⁴ антипассивного показателя. В терминах [Плунгян 2003; 2011] данная деривация должна быть скорее названа объектным имперсоналом, что не обязательно подразумевает «отсутствие лица», а именно «нежелание или неспособность говорящего конкретизировать некоторый не называемый им аргумент» [Плунгян 2011: 293]. В то же время возможность противопоставления антипассива и объектного имперсонала на чисто семантических основаниях как минимум спорна, а на практике зачастую вообще нереализуема (ср. аргументы в [Аркадьев, Летучий 2008], где авторы говорят о «деривациях антипассивной зоны»).

Другой возможный вопрос касается того, как соотносятся актантная и акциональная модификации в рамках той или иной глагольной деривации. В литературе хорошо засвидетельствована связь между понижением синтаксического статуса Р-актанта (вызванного низким референциальным или прагматическим статусом) и имперфективным (непредельным) характером ситуации. При этом направление связи в разных работах и для разных языков указывалось различное. С одной стороны, отмечалось, что опущение или понижение в статусе аргумента, соответствующего Р-участнику, часто приводит к изменению видовых характеристик ситуации [Соогеман 1994; Сай 2008]. С другой стороны, изменение акциональных характеристик, в частности предельности (*telicity*), может приводить в ряде случаев к изменению аргументной структуры, а именно к понижению в статусе или опущению внутреннего аргумента; ср. [Tatevosov 2011], где предпринимается попытка реинтерпретации данных годоберинского языка, впервые описанных в [Kibrik 1996], и утверждается, что антипассивизация в годоберинском является следствием более общего механизма детелисизации и доступна для глаголов с инкрементальной Темой/Путём²⁵.

Часто отмечается связь между антипассивизацией (и шире — детранзитивизацией) и имперфективностью, вызванной глагольной множественностью. Это объяснимо, поскольку в случае глагольной множественности семантическая переходность клаузы, по [Norreg, Thompson 1980], ниже, чем при однократной ситуации с высоко индивидуализированным Р-участником, даже если последняя рассматривается в срединной фазе²⁶. Данная корреляция отмечалась в разделе 2 при рассмотрении Фреквентатива,

²³ Аналогичные примеры с дативным маркированием исходного Р-участника при глаголе *nyada-ŋko-* можно найти и в других источниках, в частности в публикациях газеты (сайта) «Няръяна вындер».

²⁴ Мне известен один пример антипассивно-рефлексивной полисемии, ср. *xal^ota-ŋko-* ‘1) заниматься мытьём, стиркой; 2) мыться в бане’. По данным [Comrie et al. 2016], в бежтинском языке антипассивно-рефлексивная полисемия также характерна только для деривата от глагола ‘мыть’. Пример реципрокальной интерпретации Антипассива в тундровом ненецком также фиксируется в базе в одном случае, ср. *pyod^ota-ŋko-* ‘1) драться; 2) вост. ругать’ < *pyod^ota-* ‘1) побить, избить; 2) вост. поругать’.

²⁵ На практике вопрос о первостепенности той или иной функции тоже может быть не всегда решаем. Иногда авторы языковых описаний признаются, что имеет место скорее целый кластер взаимосвязанных функций; ср. «В тантынском (...) употребление антипассивной конструкции возможно, если выполняется по крайней мере одно из следующих условий: (1) конструкция имеет хабитуальное значение; (2) ИГ-пациент обозначает либо множественный, либо неисчисляемый объект; (3) ИГ-пациент нереферентна или по крайней мере неопределённа» [Сумбатова 2013: 17].

²⁶ Ср. характерную цитату: «семантика предикатной множественности (...) подразумевает меньшую переходность, чем семантика, соответствующая однократному наступлению ситуации. (...) В подавляющем большинстве случаев показатель предикатной множественности способен к описанию многократного наступления ситуации, та-

Итератива и Имперфектива, однако в общем случае она нерелевантна для Антипассива, т. к. он не имеет собственно плюрациональных употреблений.

Таким образом, в принципе возможны описания рассмотренной выше ненецкой деривации как имперфективирующей (т. е. аспектуальной), во всех случаях вызывающей понижение в статусе или опущение Р-участника, или как антипассивной, во всех случаях вызывающей имперфективацию. Последний вариант имеет, как кажется, ряд преимуществ: во-первых, он позволяет объяснить, почему деривация **обязательно** затрагивает статус и поверхностное маркирование Р-участника, во-вторых, с антипассивной трактовкой коррелирует образование **именно от переходных глаголов**²⁷. При взгляде на *-ηko* (TN)/*-(η)ko* (FN) как на показатель аспектуальной деривации такое поведение нуждается в дополнительном объяснении²⁸.

Непростым является вопрос о том, какие глаголы образуют антипассивные дериваты. В литературе отмечалось, что к депациентивации склонны скорее глаголы способа (*manner verbs*), а не глаголы результата (*result verbs*) в смысле [Rappaport Hovav, Levin 1998] (см. обзор этого и других свойств, характерных для глаголов, наиболее часто допускающих антипассивизацию в языках мира, в [Say 2021]), т. е. глаголы, в толковании которых специфицирован компонент воздействия (способ, которым агентивный участник воздействует на пациентивного), а не только и не столько результативный компонент. Для тундрового ненецкого языка это можно охарактеризовать лишь как тенденцию. Образование Антипассива от глаголов результата встречается реже, но такие случаи не единичны. В частности, в следующих примерах Антипассив образован от каузативных глаголов, в событийной структуре которых не специфицирован компонент воздействия:

pyircy^om-tye-ηko- ‘делать высоким’ < *pyircy^om-tye-* ‘сделать высоким’ < *pyircy^{am}-* ‘стать высоким’;

sæw^osyal^om-tye-ηko- ‘1) ослеплять; 2) вызывать болезнь глаз’ < *sæw^osyal^om-tye-* ‘1) ослепить; 2) вызвать болезнь глаз’ < *sæw^osyal^{am}-* ‘ослепнуть’;

lat^om-ta-ηko- ‘расширять, делать шире, расставлять’ < *lat^om-ta-* ‘расширить, сделать шире, расставить’ < *lat^{am}-* ‘стать широким, расшириться’.

Таким образом, показатель *-ηko* в тундровом ненецком языке присоединяется к переходным перфективным глаголам и привносит предсказуемый эффект — в результате всегда создаётся непереходный имперфективный глагол. Данный показатель может быть охарактеризован как специализированный антипассивный показатель, обнаруживающий относительную продуктивность. Глаголы, образующие деривацию на *-ηko*, по-видимому, не составляют чётко очерченного класса с точки зрения семантики, в частности, среди них есть как специфицирующие компонент воздействия, так и не специфицирующие его. Существующие лексические ограничения нуждаются в отдельном изучении.

4.2. Морфонологические ограничения на Антипассив и его конкуренция с Имперфективом

Антипассивный показатель *-ηko* обнаруживает морфонологическое ограничение — он присоединяется только к вокалическим основам. Так, глагол *ηтm-* ‘съесть’ не имеет деривата с показателем *-ηko*, несмотря на то, что с типологической точки зрения предикат типа ‘(съ)есть’ принадлежит к классу «есте-

кого, что набор участников не остаётся тождественным. Это, в свою очередь, является естественным семантическим основанием для изменения референциального статуса участника» [Шлуинский 2005: 189].

²⁷ Среди немногих контрпримеров встречаются, по данным словарей, глагол *yed^otə-ηko-* ‘заниматься приготовлением пищи’, образованный от непереходного глагола *yed^otə-* ‘готовить пищу’, и глагол *súyuda-ηko-* ‘заниматься проведением олёла оленей’, образованный как будто от непереходного глагола *súyuda-* ‘не дорости до взрослого оленя (о телёнке)’. Впрочем, в ряде случаев антипассивный дериват не имеет отмеченного в словарях производящего глагола, ср., в частности, глагол *xurye-ηko-* ‘курить’, исходная основа которого является заимствованием из русского, но не зафиксирована как отдельное слово в источниках. Однако предположить существование переходного глагола «хигуе-» со значением типа ‘выкурить (сигарету и т. п.)’ не представляет труда; ср. пары *sarye-ηko-* ‘жарить, заниматься жареньем’ < *sarye-* ‘изжарить, поджарить’, *sudye-ηko-* ‘судить’ < *sudye-* ‘произвести рассмотрение дела в судебном порядке’, непроизводный член которых тем не менее весьма маргинален.

²⁸ Необходимо отметить, что в тундровом ненецком есть Будущее время, показателями которого являются алломорфы *-tə* и *-ηko*, распределённые в зависимости от типа основы. Первый алломорф очевидным образом связан с одним из алломорфов Имперфектива, который кратко упоминался выше, а последний — с обсуждаемым здесь показателем Антипассива (подробнее см. ниже). Грамматикализация будущего времени из показателей аспектуальной деривации представляется в общем случае более вероятной, чем из показателей актантной деривации. Однако можно предположить, что и антипассивный (*-ηko₁*), и футуральный (*-ηko₂*) показатели — результат независимого развития одной морфемы (*-ηko₀*) со своим набором свойств.

ственных антипассивов» (пользуясь термином [Say 2021]) и является одним из основных кандидатов в число тех глаголов, которые в принципе будут участвовать в антипассивной альтернации (как маркированной в глаголе, так и нет). Данному ограничению может быть предложено объяснение фонотактического характера²⁹: в тундровом ненецком запрещены последовательности трёх и более согласных. Теоретически показатель *-ŋko* мог бы присоединяться к консонантным основам через эпентетический шва, но этого не происходит. Можно предположить, что другие основы обслуживают другие показатели, в частности Имперфектив с алломорфами *-tə/-nə*, т. е. другая деривация, эффекты которой при присоединении к переходным глаголам тем не менее практически идентичны эффектам Антипассива. На такую мысль наталкивает не только одинаковая помета <неперех.> в словаре [Терещенко 1965], но и тот факт, что с синхронной точки зрения омонимичные показатели *-tə*³⁰ и *-ŋko* задействованы также в качестве алломорфов Будущего времени.

Однако дистрибуция детранзитивирующих показателей *-ŋko* и *-tə/-nə* отличается от дистрибуции футуральных показателей *-ŋko* и *-tə*, хотя эти различия связаны, по-видимому, не столько с различными морфонологическими профилями, сколько с особыми свойствами альтернирующих основ (*alteration verbs*, по [Salminen 1998]). Под альтернирующими имеются в виду глагольные основы на *ə* и *o*, которые образуют так называемую общую финитную основу (*general finite stem*) не с помощью показателей *-ə/-^o* (как все остальные вокалические основы) или *-ŋa* (как консонантные основы, а также вокалические перед суффиксом, начинающимся с *x*), а с помощью мены финального гласного на *i* и *u* соответственно, что иногда сопровождается палатализацией или депалатализацией предшествующего согласного. Обычно, когда говорят об особых свойствах альтернирующих основ, подразумевают именно эту их морфологическую особенность.

В статье [Урманчиева 2013], однако, предпринимается попытка семантического анализа данного класса глаголов. Согласно А. Ю. Урманчиевой, в него входят «стативы различных типов» [там же: 756], а именно: стативы и декаузативы на **w* (например, *ŋamtyo-* ‘сидеть’ < *ŋamtə-* ‘сесть’, *syidyō-* ‘проснуться’ < *syidyē-* ‘разбудить’; подробнее см. в первую очередь [Гусев 2010]), каритивные отыменные глаголы (*tyaṣuə-* ‘быть бездомным’ < *tyaṣ* ‘чум, дом’), одоративные глаголы (*xalyayə-* ‘пахнуть рыбой’ < *xalya* ‘рыба’), дуративные глаголы с показателем *-(m)pə/-bə* (для которых исходная стативная семантика реконструируется на основании когнатного селькупского аффикса), хабиутальные глаголы с показателем *-syətə* и, наконец, глаголы с показателями *-ko* и *-ŋko*, кратко охарактеризованные выше. Последняя группа вводится с формулировкой «стативы, характеризующие активный субъект» [Урманчиева 2013: 759] (см. также замечания в сноске 21).

Для целей настоящей работы оказывается важна такая деталь: **переходными** среди альтернирующих глаголов, по-видимому, могут быть лишь глаголы с показателем Дуратива, но дуративные дериваты не могут присоединять прочих имперфективирующих показателей. Это значит, что, хотя показатель Имперфектива *-tə* и присоединяется к альтернирующим основам на *o* (ср. ям. *wadyo-də-* и б.-з. и зап. *wadyo-də-nə-* ‘расти, вырастать’ < *wadyo-* ‘вырасти’), это **невозможно**, когда он выполняет одновременно детранзитивирующую функцию. В нормальном случае имперфективный показатель *-tə*, как и футуральный, присоединяется к консонантным основам. Ср. следующие примеры:

myitə- ‘заниматься раздачей; давать, отдавать’ < *myiq-* ‘дать, отдать’;

pen-tə- ‘класть’ < *peh-* ‘положить’;

pæ^otə- ‘заниматься колкой дров’ < *pæəq-* ‘расколоть (дрова)’;

pūtə- ‘дуть’ < *pūq-* ‘подуть, раздуть’.

В то же время по крайней мере в нескольких случаях показатель *-tə* присоединяется к переходным вокалическим основам:

tyed^o-tə- ‘заниматься вытаскиванием’ < *tyedə-* ‘вынуть, вытащить (из воды)’;

²⁹ Дистрибуция *-ŋko* и других антипассивных показателей в целом носит лексический характер и нуждается в специальном исследовании. Относительно именно глагола *ŋəm-* ‘съесть’ необходимо сказать, что от него не зафиксированы ни Антипассив, ни Имперфектив, ни Итератив, ни даже Дуратив. Из всех имперфективирующих дериваций он образует, по-видимому, только Фреквентатив, который в этом случае не имеет плюрациональной функции, а служит целям только имперфективации (что отмечалось в [Шлуинский 2005: 290]). Примечательно, что, хотя фреквентативный дериват и сохраняет возможность управлять аккузативной именной группой в позиции прямого объекта, он может употребляться в контекстах, где прямой объект опущен (в том числе в формах субъектного спряжения), т. е., по сути, в антипассивных контекстах. Такая «подвижная» переходность (А-лабильность) за пределами образования Фреквентатива, как кажется, не встречается.

³⁰ Алломорф с начальным *n* не участвует в образовании форм Будущего времени.

syaro-də ‘заниматься привязыванием, связыванием, вязанием сетей’ < *syarə* ‘повязать, привязать, связать’.

Показатель *-nə* присоединяется к вокалическим основам, прежде всего к основам на обычный шва, с которыми в норме не сочетается *-ŋko*³¹, но не только. Ср.:

səbka-nə ‘рыть, копать’ < *səbka* ‘вырыть, выкопать’;

syir^o-nə ‘выкапывать, заниматься раскапыванием’ < *syirə* ‘выкопать, раскопать’;

təqwa-nə ‘жевать, разжёвывать’ < *təqwa* ‘разжевать’;

təwa-nə ‘таскать, носить’ < *təwa* ‘перенести, перетащить’;

б.-з. *xet^o-nə* ‘отвечать’ < *xetə* ‘сказать; ответить’;

yesye-nə ‘заниматься натягиванием нюков на шесты чума’ < *yesye* ‘покрыть чум нюками’;

б.-з. *yur^o-nə* ‘забывать’ < *yurə* ‘забыть’.

Наконец, в единичных случаях фиксируются примеры, в которых сосуществуют дериваты на *-ŋko* ~ *-ncyo* и на *-nə* от одной основы. Отличаются ли они чем-то друг от друга, судить по данным словаря едва ли возможно, хотя толкования и указания на диалектную принадлежность могут быть неидентичными. Ср.:

sela-ŋko ‘заниматься подтягиванием (постоянно)’ и б.-з. и зап. *sela-nə* ‘подтягивать, заниматься подтягиванием (в данный момент)’ < *sela* ‘подтянуть вверх (например, пимы, покрывку чума и т. п.)’;

sela-ŋko ‘заниматься высушиванием, просушиванием до хрупкости’ < *sela* ‘высушить, просушить до хрупкости (например, табак, чай и т. п.)’³².

yaŋka-ncyo ‘1) заниматься продалбливанием льда; 2) заниматься прививкой’ и *yaŋka-nə* ‘1) продалбливать, прорубать; 2) заниматься прививкой’ < *yaŋka* ‘1) продалбить, прорубить; 2) сделать прививку’.

Информация о сочетаемости футуральных и имперфективирующих показателей *-ŋko* и *-tə/-nə* обобщена ниже.

Таблица 1. Дистрибуция показателей *-ŋko* и *-tə/-nə* в различных функциях³³

Показатель	Основа			
	Консонантные	Альтернирующие на <i>o</i>	Вокалические	Альтернирующие на <i>ə</i>
<i>-ŋko_{FUT}</i>	–	–	+	+
<i>-ŋko_{ANTI}</i>	–	–	+	–
<i>-tə_{FUT}</i>	+	+	–	–
<i>-tə_{IPFV}</i>	+	+	-/+	–
<i>-nə_{IPFV}</i>	–	–	+	ʔ ³⁴

Таким образом, несмотря на то, что Имперфектив с показателями *-tə/-nə* и Антипассив с показателем *-ŋko* несомненно являются двумя разными деривациями и Имперфектив, в отличие от Антипассива, свободно сочетается как с переходными, так и с непереходными основами, в сочетании с переходными основами их функции предельно похожи, поэтому можно считать, что Имперфектив в этом случае — функциональный аналог Антипассива и заполняет ту нишу, которая возникает из-за строгих морфонологических ограничений на сочетаемость показателя *-ŋko*.

³¹ В качестве контрпримера можно назвать только оформление показателем *-ŋko* заимствованных из русского языка глаголов, ср. *премируйŋго(сь)* ‘премировать’, *решайŋго(сь)* ‘решать, заниматься решением’, однако исходные переходные перфективные глаголы, как кажется, маргинальны в этих случаях. Более того, в восточных говорах соответствующие русские глаголы заимствуются всё-таки не просто с императивной основой, но оформляются вербализатором *-da*, совпадающим с одним из показателей каузатива, т. е. *-ŋko* и тогда присоединяется к основам на полный гласный (не шва), ср. ям. *премируйдаŋго(сь)* ‘премировать’, ям. *решайдаŋго(сь)* ‘решать, заниматься решением’.

³² Несмотря на то, что от этого глагола в [Терещенко 1965: 583] не фиксируется дериват *selanə*, на той же странице без каких-либо диалектных помет приводятся два омонимичных фреквентативных деривата *selanor* ‘заниматься подтягиванием (время от времени)’ и *selanor* ‘заниматься просушиванием (время от времени)’, образованных очевидным образом от имперфективных глаголов.

³³ Из рассмотрения исключены нерегулярные глаголы.

³⁴ Фиксируется глагол *təly^onə* ‘ломаться (постепенно)’, имеющий в [Терещенко 1965: 224] диалектную помету «б.-з.», хотя образован он от глагола *təlyə* ‘сломаться, разломиться, переломиться; обломиться, отломиться’ с основой на чередующийся *ə*, имеющего помету «ям.» (вариант последнего *təly^oyo* с основой на чередующийся *o* имеет помету «б.-з.»).

Что касается показателя *-ko*, его внешнее сходство с *-ηko*, очевидно, обманчиво. Выше отмечалось, что показатель *-ko* маркирует деривацию, которая скорее ориентирована на результат, при этом не предъявляет никаких конкретных требований к акциональным и/или аргументным свойствам исходного предиката. Точно так же *-ko*, по-видимому, не имеет и никаких принципиальных морфонологических ограничений. Данный показатель сочетается с основами на гласный (обычно основа при этом подвергается усечению), на обычный шва и — в редких случаях — также на согласный. Ср.:

səd°-ko- ‘1) тратиться (о деньгах); 2) заниматься расходом (денег)’ < *sədəq-* ‘истратить, израсходовать’;

sæd°-ko- ~ *sædo-ko-* ‘заниматься шитьём мелких предметов’ < *sædə-* ‘сшить’;

toxol-ko- ‘1) вост. учиться, обучаться; 2) б.-з. и зап. заниматься обучением, преподавать’ < *toxola-* ‘1) научить (чему-л.); 2) выучить (что-л.)’.

В единичных случаях от одного и того же глагола фиксируются и дериват с показателем *-ηko*, и дериват с показателем *-ko*, однако они расходятся в значении. Ср. глаголы *məq°la-ηko-* ‘заниматься собиранием, собирать, набирать’ и *məq°l-ko-*³⁵ ‘1) собирать в небольшом количестве в одно место; 2) караулить, охранять днём (о пастухе оленьего стада); 3) играть в жмурки’, образованные от *məq°la-* ‘1) собрать, набрать; 2) скопить’.

5. Прочие антипассивные показатели

В образовании антипассивных дериватов участвует также непродуктивный показатель *-ə*. В примерах ниже представлен Дуратив от переходного глагола *syator-* ‘искусать’ (45) и антипассивный дериват *syator-ə-* ‘кусаться’ (46).

(45) *nyer°-naq* *nyu-ku-na* *wenyeko-q* *ηəmke-xəbyi* *syator-pə°* *pya°-q*
 перед-POSS.1PL около-DIM-LOC собака-PL что-AFF.ACC.PL искусать-DUR-CVB начать-GFS-3PL.S
 ‘Впереди нас собаки начали что-то грызть’ [Терещенко 1965: 350].

(46) *wenyeko-myí* *səcy°* *yənyik°*, *nyí* *syator-°-q*
 собака-POSS.1SG сильно смиренный NEG.GFS[3SG.S] искусать-ANTI³⁶-CN
 ‘Собака моя очень смиренная, она не кусается’ [там же: 843].

Ср. также следующие глаголы:

lador-ə- ‘бить, ударять’ (хотя б.-з. *ladortə-* ‘1) ударять; 2) колотить, бить; 3) вбивать’) < *lador-* ‘1) ударить; 2) поколотить, побить; 3) вбить’;

mətor-ə- ‘заниматься резанием, пилкой, рубкой’ < *mətor-* ‘нарезать, нарубить, напилить’;

pyidyel-ə- ‘разминать тупой косой’ < *pyidyel-* ‘размять косой’;

sædor-ə- ‘шить, заниматься шитьём’ < *sædor-* ‘починить, зашить’;

syator-ə- ‘кусаться’ < *syator-* ‘перекусать, искусать’;

yarkol-ə- ‘заниматься ловлей арканом’ < *yarkol-* ‘переловить арканом’.

Наиболее непродуктивен в антипассивной функции, по-видимому, показатель *-rə* (*vil°-rə-* ‘поднять’ < *yilə-* ‘поднять’), для которого характерны декаузативные употребления (*yeka-rə-* ‘1) развязаться; 2) сняться (об одежде)’ < *yeka-* ‘1) снять (одежду); 2) развязать; 3) распустить’).

6. Антипассивизация в отглагольных именах: имя инструмента

Для некоторых языков отмечалось, что образование собственно номинализации (имени действия) напрямую от переходного глагола затруднено и в этом случае исходная конструкция обычно подвергается антипассивизации (ср., например, [Fortescue 1984: 45—46] о западногренландском языке и обсуждение этих данных в [Сай 2008: 250—252]). В описаниях ряда языков фиксируются возможные ограничения на образование имени деятеля от переходных глаголов и регулярное появление в этом контексте аффикса антипассива, ср. [Сай 2008: 354].

³⁵ Глагол *məq°lko-* имеет в словаре [Терещенко 1965: 246] диалектную помету «б.-з. и зап.», однако по крайней мере во втором значении он распространён и в восточных говорах.

³⁶ На первый взгляд, неочевидно, что *ə* здесь является антипассивным показателем, поскольку и после консонантной основы перед показателем коннегатива возник бы (эпентетический) *ə*. Однако перевод, акциональная интерпретация, отсутствие прямого дополнения и генерическое прочтение не оставляют сомнений, что перед нами глагол *syatorə-* ‘кусаться’.

В тундровом ненецком языке собственно номинализация свободно образуется от переходных глаголов, тогда как имя инструмента может обнаруживать ограничения³⁷. Имя инструмента образуется с помощью показателей *-sy^oh/-bcy^oh*, ср. *ηædalyo-sy^oh* ‘мужская легковая нарта’³⁸ < *ηædalyo-* ‘ехать на легкой нарте’ [Терещенко 1965: 416, 417]; *tyonə-bcy^oh* ‘вешало’ < *tyonə-* ‘сушиться’ [там же: 653].

Напрямую от переходных перфективных глаголов имя инструмента, как правило, не образуется. Чаще всего имя инструмента содержит показатель Имперфектива или Антипассива, т. е. образуется от непереходных имперфективных глаголов. Ср. *wəra-nə-bcy^oh* ‘нож для скобления берёзовой стружки’ < *wəra-nə-* ‘заниматься изготовлением берёзовой стружки’ < *wəra-* ‘наскоблить (берёзовой стружки)’ [там же: 45]; *naqwol-tə-bcy^oh* ‘метла’ < *naqwol-tə-* ‘заниматься подметанием’ < *naqwol-* ‘подмести’ (в одном из значений) [там же: 290]; *pad^o-nə-bcy^oh* ‘то, при помощи чего пишут’ < *pad^o-nə-* ‘писать’ < *padə-* ‘написать’ [там же: 432, 428]; *syidyə-ηko-bcy^oh* ‘будильник’ < *syidyə-ηko-* ‘будить’ < *syidyə-* ‘разбудить’ [там же: 556]; *tera-ηko-bcy^oh* ‘цедилка; решето, сито’ < *tera-ηko-* ‘заниматься процеживанием’ < *tera-* ‘процедить’ (в одном из значений) [там же: 690, 691].

Если принимать во внимание только такие примеры, невозможно понять, какое именно ограничение важно (или имеет больший вес, если они оба важны) при образовании имени инструмента: ограничение на переходность или на перфективность (и связанную с ней предельность).

В то же время существуют примеры, демонстрирующие, что имя инструмента может в значительной степени сохранять аргументную структуру глагола, от которого оно образовано, в частности возможность иметь прямое дополнение в аккумулятиве. Однако практически во всех таких случаях имя инструмента содержит показатель Дуратива *-mpə/-bə*, т. е. образовано от имперфективного переходного глагола. Ср. *yintəd^o-m ηædara-mpə-bcy^oh* ‘дыхательные пути’ < *yintəd^o-m ηædara-mpə-* ‘выдыхать’ < *yintəd^o-m ηædara-* ‘выдохнуть’ (букв. ‘выпустить дыхание’) [там же: 144]; *yid^o-m nex^o-bə-bcy^oh* ‘водокачка’ < *yid^o-m nex^o-bə-* ‘выкачивать воду’ [там же: 153] < *yid^o-m nexə-* ‘выкачать воду’³⁹; *yesy^o məq^ola-mpə-bcy^oh* ‘копилка’ [там же: 111] < *yesy^o məq^ola-mpə-* ‘копить деньги’ < *yesy^o məq^ola-* ‘скопить денег’ [там же: 246].

Таким образом, в большинстве случаев имя инструмента не образуется от переходных перфективных глаголов: они подвергаются либо детранзитивизации, сопровождаемой имперфективацией (с помощью показателей Имперфектива, Антипассива и др.), либо как минимум имперфективации (с помощью показателя Дуратива).

Однако исключения из данного обобщения существуют, так что оно, по-видимому, отражает всего лишь тенденцию, обусловленную семантикой (имена с показателями *-sy^oh/-bcy^oh* обозначают в норме инструмент обычного действия), но не связано со строгим грамматическим запретом. Ср. *yixə-bcy^oh* ‘пила’ < *yixə-* ‘1) потереть; 2) втереть краску; 3) наточить; 4) затупить’ [там же: 151]; *pad^o-bcy^oh* ‘то, на чём должно быть что-л. написано’ < *padə-* ‘написать’ [там же: 428] (наряду с *pad^o-nə-bcy^oh* ‘то, при помощи чего пишут’ < *pad^o-nə-* ‘писать’ [там же: 432]); *yaŋka-bcy^oh* ‘лом’ [там же: 845] < *yaŋka-* ‘продолбить, прорубить (лёд)’ [там же: 844] (наряду с *yaŋka-nə-bcy^oh* ‘пешня’ < *yaŋka-nə-* ‘долбить, прорубать (лёд)’ [там же: 845]; ср. (8)—(9) выше). Впрочем, в первом примере налицо лексикализация, а значительная часть остальных подобных примеров нуждается в проверке. Кроме того, в большинстве таких случаев имя инструмента, образованное напрямую от переходного перфективного глагола, едва ли имеет валентность на прямое дополнение⁴⁰.

7. Антипассивные конструкции в лесном энецком и нганасанском языках?

В лесном энецком языке существует Дуратив, показатель которого *-go/-ko*, возможно, является когнатным показателю *-ηko* в тундровом ненецком. В то же время с антипассивным *-ηko* его объеди-

³⁷ Возможно, это характерно также для имени места с показателем *-ləwa*, но данных недостаточно.

³⁸ Имя инструмента может иметь также неинструментальные значения. В частности, для слова *ηædalyosy^oh* в [Терещенко 1965: 417] в качестве второго значения приводится ‘местность, по которой ездят на легкой нарте’. Для ряда имён, образованных с помощью показателей *-sy^oh/-bcy^oh*, значение места или причины является основным или даже единственным.

³⁹ В [Терещенко 1965: 153] приводится словосочетание *yid^o-m nexəq-*, однако глагол *nexəq-* сам по себе является дериватом от *nexə-* (показатель *-q* обычно маркирует большую интенсивность действия или множественность объекта).

⁴⁰ Однако ср. (i), где, правда, имя инструмента имеет неинструментальное значение:

(i) *pəne-myi* *me-bcy^oh* *ya-myi* *yəŋku*
ягушка-(ACC.)POSS.1SG положить-VN.INSTR земля-POSS.1SG отсутствовать.GFS[3SG.S]
‘Нет места, куда я могла бы положить свою паницу’ [Терещенко 1965: 267].

няет только имперфективизация (и детелисизация) предиката, никаких детранзитивизирующих эффектов его присоединение не влечёт (48) и сочетается он как с переходными, так и с непереходными глаголами.

(47) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ [Шлуинский 2017: 33]

kize miʔ puŋ-e-za
посуда в.DAT положить-O.PL-3SG.O
‘Он положил их в чашку’.

(48) *mense-r <...> baʔa-da ir pu-go-e-za tʃike kəru-ʔ*
старуха-POSS.2SG постель-OBL.POSS.3SG под положить-DUR-O.PL-3SG.O этот нож-PL
‘Старуха ... под постель кладёт эти ножи’.

Таким образом, если лесной энецкий показатель *-go/-ko* действительно родственен тундровому ненецкому *-ŋko*, не исключено, что и **-ŋko* в некоторый период истории тундрового ненецкого мог являться чистой имперфективирующей деривацией (без каких-либо детранзитивизирующих эффектов), а впоследствии пойти по двум независимым путям: с одной стороны, эволюционировать в один из футуральных показателей⁴¹, с другой — перестать сочетаться с непереходными основами и развить антипассивные употребления.

В нганасанском языке показателем Дуратива является *-KUJ*, напрямую не сопоставимый с упомянутыми ненецким и энецкими аффиксами, поскольку не содержит никаких следов начального носового согласного (В. Ю. Гусев, личное сообщение). В то же время в статье [Гусев 2012] отмечается одна любопытная особенность этого показателя, имеющая отношение к проблематике актантной деривации и намекающая на то, что это не самый обычный дуративный показатель. Согласно [там же: 334—335], данный показатель присоединяется практически исключительно к двум типам основ⁴² — к каузативам и к образованным с помощью показателей каузатива отыменным основам, — тогда как Прогрессив *-NTƏ* с этими основами, напротив, почти никогда не сочетается. Такая избирательность для обычного дуративного показателя была бы удивительна. Как отмечает В. Ю. Гусев, Дуратив в этом случае обозначает не длительный процесс каузации, а скорее многократную каузацию, хотя это наблюдение, на мой взгляд, не очевидно, ср. (49):

(49) НГНАСАНСКИЙ

d'ündüa-kəi-t'ü *bədüa-btu-guj-t'ü*
лошадь-DU-[ACC.]PL.POSS.3SG вырасти-CAUS-DUR-PRS[3SG.S]
‘(Так) он (там) двух лошадок растит’ [Brykina et al. 2018].

Как бы то ни было, нганасанский Дуратив, как и энецкий, не затрагивает аргументный статус прямого дополнения, когда присоединяется к переходному глаголу, и соответствующая именная группа сохраняет аккузативное маркирование. Что касается других дериваций, то, насколько мне известно, в нганасанском языке в принципе никакие продуктивные имперфективирующие деривации не затрагивают аргументную структуру предиката.

Для лесного энецкого в [Siegl 2013] упоминается детранзитивизирующий суффикс *-du/-tu*, после которого присоединяется показатель Фреквентатива⁴³. По всей видимости, переходные глаголы составляют абсолютное меньшинство входов для данной деривации, по крайней мере, надёжных корпусных примеров мне обнаружить не удалось (хотя такие глаголы есть в словаре [Сорокина, Болина 2009]), поэтому ниже приводится пример (51) из грамматики [Siegl 2013].

⁴¹ В лесном ненецком языке в образовании Будущего времени участвуют только показатели *-tā/-nā*, идентичные алломорфам Имперфектива, в энецких языках — показатели *-da (-za)/-ta*, которые исторически представляют результат образования основы Аориста от дериватов Будущего времени (ср. [Ханина, Шлуинский 2019: 84], где в качестве исходного вида показателя Будущего времени предполагается *-do*). В нганасанском языке старый футуральный показатель, совпадающий с показателем Имперфектива *-NTƏ*, сохранился в формах Будущего времени Интеррогатива и Репортатива, а в невопросительных индикативных употреблениях был вытеснен показателем *-ʔSUTƏ* [Wagner-Nagy 2018: 237; Гусев 2021: 30].

⁴² Дуратив на самом деле может присоединяться по крайней мере к некоторым неизменяемым основам, после других вербализующих показателей и после ряда деривационных морфем.

⁴³ Согласно комментарию одного из рецензентов, примеры без показателя Фреквентатива существуют, хотя, по-видимому, и редки. В [Ханина, Шлуинский 2019: 85] приводится пример с глаголом, маркированным показателем *-tu*, однако там не наблюдается детранзитивизации, поскольку присутствует прямой объект.

(50) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
kasa äči ši kođiä
 man youngster 1SG.ACC scratch.3SG
 ‘This young boy scratched⁴⁴ me’ [ibid.: 322].

(51) *nä äči peri kođi-tu-ŋa*
 girl youngster always scratch-DETR-FREQ.3SG
 ‘The young girl is always scratching’ [ibid.].

Употребление этого суффикса в (51) весьма напоминает антипассивизирующие употребления тундрового ненецкого Имперфектива, но недостаток данных не позволяет сделать более никаких выводов. В частности, неизвестно, может ли именная группа, смещённая с позиции прямого дополнения, выражаться каким-либо косвенным образом.

Суффикс *-du/-tu* присоединяется также к непереходным перфективным глаголам. В таком случае образуется имперфективный дериват.

(52) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
modi kəd-tu-ŋa-zʔ
 я замёрзнуть-DETR-FREQ-1SG.S
 {Лебедь сказал:} ‘«Я замерзаю»’.

Наконец, ещё одна возможность, которая упоминается также в грамматике [Siegl 2013], — это образование отыменных глаголов на *-dur/-tur*, ср. *łbitur-* ‘грести’ < *łba* ‘весло’ (*лобету(чь)*) и *лобе* соответственно в [Сорокина, Болина 2009: 210]). Таким образом, показатель *-du/-tu* в лесном энецком выглядит как некоторый аналог Имперфектива в тундровом ненецком: он присоединяется и к непереходным, и к переходным глаголам и делает последние непереходными, подавляя возможность предиката иметь прямое дополнение. Однако анализ затрудняет то, что глаголы с суффиксом *-du/-tu*, как правило, являются основами на *-r*, т. е., по крайней мере с диахронической точки зрения, содержат показатель Фреквентатива (Мультипликатива, согласно [Khanina, Shluinsky 2023]), так что семантический вклад каждого из показателей не совсем очевиден.

Не исключено, что в лесном энецком есть аналоги и других имперфективирующих дериваций тундрового ненецкого, имеющих отношение к актантной деривации, однако отсутствие полноценных данных не позволяет ничего утверждать уверенно. Так, мне известен один глагол, в котором суффикс *-ko*, если его в принципе выделять, соответствует тундровому ненецкому *-ko* (QXO, в морфологической транскрипции Т. Салминена), а не является алломорфом *-go* после «глухих альтернирующих основ» (в терминологии [Khanina, Shluinsky 2023]). Это глагол *kameko-* ‘понимать’⁴⁵, связанный с *kamiza-/kamaza-* ‘понять’ (*kamaza-* также может значить ‘подготовить, приготовить’), ср. с тундровым ненецким *xamyeko-* ‘готовиться, подготавливаться, приготавливаться’ и *xamyeda- ~ xamada-* ‘1) приготовить, наладить; 2) понять, узнать; 3) заметить, обратить внимание’. И в том и в другом случае глагол на *-ko*, по-видимому, образован от связанной основы, не зафиксированной в чистом виде в современных языках, от которой образован и предельный переходный глагол. И в том и в другом случае исходная основа, вероятно, связана и с идеей приготовления, и с идеей понимания, по крайней мере, такое предположение можно сделать на основании значений предельных переходных глаголов. Различие состоит в том, что в тундровом ненецком *xamyeko-* обозначает только деятельность по приготовлению к чему-либо и является непереходным глаголом (второй актант выражается именной группой в дативе, как в примере (53), или супином), тогда как в лесном энецком существуют два глагола, один из которых обозначает состояние понимания и является переходным, что видно по показателю субъектно-объектной согласовательной серии в (54).

(53) ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ
síwe-n^oh xamyeku-q
 зимний-DAT готовиться.GFS-3PL.S
 ‘Они готовятся к зиме’ [Терещенко 1965: 733].

⁴⁴ В оригинале написано «scratches», однако это, скорее всего, либо ошибка, либо опечатка. Глагол *кози(чь)*, согласно [Сорокина, Болина 2009: 184], перфективный.

⁴⁵ В [Сорокина, Болина 2001: 47], помимо переходного глагола *камеку(сь)* ‘1) узнавать (получать знания); 2) понимать’, фиксируется также непереходный глагол *камеку(чь)* ‘готовиться, собираться (в дорогу)’. В [Сорокина, Болина 2009: 158] они выглядят как *камеку(сь)* и *камеку(сь)* соответственно. Согласно комментарию одного из рецензентов, это омонимичные глаголы и они оба существуют.

- (54) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
kameku-xoɔ-f kamekuɔ-za-f
 понимать-AFF-CVB понимать-3SG.O.SG.PST
 ‘Понимать-то он его понимал’.

Итак, в лесном энецком языке детранзитивирующая функция имперфективирующих дериваций, связанная со смещением или удалением прямого дополнения, т. е., по сути, антипассивная функция, хотя и фиксируется в отдельных случаях (прежде всего для глаголов на *-dur/-tur*), совершенно не обнаруживает продуктивности, отмеченной выше для тундрового (и лесного) ненецкого, в котором эффект антипассивизации характерен для целого ряда имперфективирующих показателей, а кроме того, существуют специализированные антипассивные показатели. Нганасанский язык, как кажется, совсем лишён антипассива.

8. Заключение

Как показал анализ тундрового ненецкого материала и краткий обзор данных других близкородственных языков, северносамодийские языки обнаруживают существенные различия в области антипассивизации, а именно в плане продуктивности и регулярности антипассивных стратегий, а также взаимодействия аспектуальной/плюракциональной и актантажной модификаций. В отличие от других северносамодийских языков, в ненецких языках (прежде всего в тундровом ненецком, но с известной долей осторожности бóльшую часть сказанного можно экстраполировать и на лесной ненецкий) выделяется несколько антипассивных стратегий, как минимум одну из которых (показатели *-ŋko* в тундровом ненецком и *-(ŋ)ko* в лесном ненецком) можно считать специализированным показателем антипассива, обнаруживающим определённую долю продуктивности.

Как и во многих других языках, в тундровом ненецком Антипассив обычно предполагает низкую степень идентифицируемости Р-участника, его нереферентный, неопределённый или генерический статус. Антипассив всегда приводит к имперфективации, т. е. он невозможен в перфективных клаузах, и часто имеет хабитуальное или генерическое прочтение. При этом Антипассив возможен и в актуально-длительных контекстах с эпизодической интерпретацией.

В типологии антипассивных конструкций тундровый ненецкий Антипассив должен быть охарактеризован как имеющий прежде всего семантические, а не синтаксические функции (хотя в [Сай 2008] первичность синтаксических функций в принципе оспаривается даже в отношении дирбала, который считается хрестоматийным примером синтаксически эргативного языка). Говорить о синтаксическом измерении тундрового ненецкого Антипассива сложно. Наиболее близким явлением оказываются ограничения на образование некоторых отглагольных имён. В частности, имя инструмента в норме образуется от переходных перфективных глаголов — этот процесс, как правило, сопровождается либо имперфективация (с помощью присоединения показателя Дуратива и с сохранением переходности), либо антипассивизация и вызванная ею имперфективация (с помощью присоединения показателей Антипассива или, например, Имперфектива). Однако эти ограничения, по-видимому, в большей степени связаны с перфективностью, а не с переходностью, кроме того, они не абсолютны.

Выявленные ограничения на использование Антипассива позволяют затронуть более общий вопрос о взаимодействии переходности и перфективности в финитных клаузах в тундровом ненецком языке (см. таблицу 2 ниже). В то время как Дуратив является основным средством имперфективации исходно переходных глаголов, позволяющим сохранить синтаксический статус прямого дополнения, Антипассив и другие антипассивные стратегии позволяют имперфективировать исходно переходный глагол с потерей им переходности. В перфективных клаузах исходно переходные предикаты не могут фигурировать без прямого дополнения. Топикальное прямое дополнение, в том числе поверхностно не выраженное, требует субъектно-объектного спряжения на глаголе.

Таблица 2. Переходность и перфективность в тундровом ненецком языке

Исходно переходные динамические предикаты (типа свершений)						
имперфективные клаузы			перфективные клаузы			
+ DO	∅ _[+TOPIC] DO	– DO	+ DO	∅ _[+TOPIC] DO	– DO	
√-DUR	√-DUR-SO _{conj}	√-ANTI/√-IPFV/√-QXO/√-FREQ/...	√	√-SO _{conj}		*

Развитие специализированного показателя антипассива в тундровом (и в лесном) ненецком языке, по-видимому, может коррелировать со строгим противопоставлением переходной и непереходной глагольной лексики (если отвлечься от существования продуктивной Р-лабильности, эксплуатирующей мену спряжения) и в абсолютном большинстве случаев совершенным видом переходных динамических глаголов (не осложнённых показателем Дуратива). Данные закономерности заслуживают отдельного исследования, а сюжет этой статьи исчерпан.

Сокращения

Языки и диалекты

FN — лесной ненецкий язык	TN — тундровый ненецкий язык:	
	б.-з. — большеземельский диалект	м.-з. — малоземельский диалект
	вост. — восточные диалекты	ям. — ямальский диалект
	зап. — западные диалекты	

Общие

DO — прямой объект	неперех. — непереходный глагол
SO _{conj} — субъектно-объектное спряжение	перех. — переходный глагол

Глоссы

1 — первое лицо	IPFV — имперфектив
2 — второе лицо	ITER — итератив
3 — третье лицо	LOC — локатив
ABL — аблатив	NARR — нарратив (наклонение)
ACC — аккузатив	NEG — отрицательный глагол
ADJ — адъективизатор	NMLZ — номинализация
AFF — аффирматив	NPL — множественное число
ANTI — антипассив/объектный имперсонал	O — объект/субъектно-объектная серия
APPROX — аппроксиматив	OBL — косвенная основа/серия
ATTEN — аттенуатив	PEJ — пейоратив
AUG — аугментатив	PFV — перфектив
CAUS — каузатив	PL — множественное число
CN — коннегатив	POSS — посессивность
CVB — конверб	POSTP — послелог
CVB.COND — условная форма	PROL — пролатив
DAT — датив	PRON — косвенная основа личных местоимений
DECAUS — декаузатив	PROPR — проприетив
DETR — детранзитивизатор	PRS — настоящее время
DIM — диминутив	PST — прошедшее время
DUB — дубитатив	PT — причастие
DU — двойственное число	QXO — показатель <i>-ko</i>
DUR — дуратив	REP — репутатив (наклонение)
EXCL — экскламатив	RESTR — рестриктив
FREQ — фреквентатив	SFS — специальная финитная основа
FUT — будущее время	SG — единственное число
GEN — генитив	S — субъектная серия
GFS — общая финитная основа	SUP — супин
HORT — гортатив	TRSF — трансформатив
IMP — императив	VN.INSTR — отглагольное имя инструмента

Литература

Аркадьев, Летучий 2008 — П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий. Деривации антипассивной зоны в адыгейском языке // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (отв. ред.). Исследования по глагольной деривации: Сборник статей. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 77—102.

- Гусев 2010 — В. Ю. Гусев. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // С. И. Буркова (отв. ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск: Любава, 2010. С. 54—65.
- Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII, ч. 2. С. 311—360.
- Гусев 2021 — В. Ю. Гусев. К типологической характеристике северносибирского субстрата // *Вопросы языкознания*. 2021, 5. С. 26—58.
- Иосад и др. 2005 — П. В. Иосад, А. Г. Пазельская, М. А. Цюрупа. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // В. И. Подлеская, А. В. Архипов, Ю. А. Ландер (ред.). Четвёртая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21—28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. С. 171—177.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Летучий 2014 — А. Б. Летучий. Обобщения, ориентированные на исходную точку деривации vs. на продукт деривации, в описании синтаксических процессов // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. X, ч. 2. С. 292—330.
- Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2001, 1. С. 52—79.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Сай 2008 — С. С. Сай. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Салминен 2017 — Т. Салминен. Заметки о типах спряжения в ненецком языке. Доклад на Чтениях памяти А. И. Кузнецовой. Отделение теоретической и прикладной лингвистики, МГУ им. М. В. Ломоносова, 3—4 марта 2017 г.
- Сорокина, Болина 2001 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб.: Просвещение, 2001.
- Сорокина, Болина 2009 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецко-русский словарь. СПб.: Наука, 2009.
- Стенин 2013 — И. А. Стенин. Имперфективирующие деривации и антипассивная конструкция в ненецком языке. Доклад на конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2013». МГГУ им. М. А. Шолохова. Москва, Институт языкознания РАН, 16—18 октября 2013 г.
- Сумбатова 2013 — Н. Р. Сумбатова. Типологическое и диахроническое исследование морфосинтаксиса (на примере языков даргинской группы). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2013.
- Татовосов 2017 — С. Г. Татовосов. Структура события и ненецкий глагол: заметки о актантно-акциональных свойствах Итератива // *Linguistica Uralica*. 2017, LIII (3). С. 197—225.
- Татовосов 2018 — С. Г. Татовосов. Событийно-структурная морфология в ненецком языке // *Rhema*. Рема. 2018, 3. С. 88—118.
- Терещенко 1947 — Н. М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.
- Терещенко 1956 — Н. М. Терещенко. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
- Терещенко 1965 — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Урманчиева 2013 — А. Ю. Урманчиева. Образование форм аориста в самодийских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. IX, ч. 2. С. 734—767.
- Ханина, Шлуинский 2019 — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Система форм с референцией к будущему в энецком языке // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2019, 1. С. 83—96.
- Шлуинский 2004 — А. Б. Шлуинский. Аспектуальная деривация в ненецком языке. Экспедиционный отчёт. М., 2004.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Шлуинский 2017 — А. Б. Шлуинский. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида // *Вопросы языкознания*. 2017, 3. С. 24—52.
- Brykina et al. 2018 — M. Brykina, V. Gusev, S. Szeverényi, B. Wagner-Nagy. Nganasan spoken language corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8> (accessed on 2022-04-01).
- Bybee 1995 — J. Bybee. Regular morphology and the lexicon // *Language and cognitive processes*. 1995, 10 (5). P. 425—455.

Chamoreau 2008 — *C. Chamoreau*. Voz antipasiva en lenguas nominativo-acusativas. El caso del purépecha // Z. Estrada Fernández, A. L. Murguía Duarte (eds.). IX Encuentro Internacional de Lingüística en el Noreste, Hermosillo. 2008. P. 105—124.

Comrie et al. 2016 — *B. Comrie, D. Forker, Z. Khalilova*. Antipassives in Nakh-Daghestanian languages. Talk at the 46th Poznań Linguistic Meeting. Poznań, September 16, 2016.

Cooreman 1988 — *A. Cooreman*. The antipassive in Chamorro: variations on the theme of transitivity // M. Shibatani (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 561—593.

Cooreman 1994 — *A. Cooreman*. A functional typology of antipassives // B. A. Fox, P. J. Hopper (eds.). *Voice: Form and function*. Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 49—82.

Dalrymple, Nikolaeva 2011 — *M. Dalrymple, I. Nikolaeva*. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Fortescue 1984 — *M. Fortescue*. *West Greenlandic*. London: Croom Helm, 1984.

Heaton 2017 — *R. Heaton*. A typology of antipassives, with special reference to Mayan. PhD thesis. University of Hawai'i at Mānoa, 2017.

Heaton 2020 — *R. Heaton*. Antipassives in crosslinguistic perspective // *Annual Review of Linguistics*. 2020, 6. P. 131—153.

Hopper, Thompson 1980 — *P. J. Hopper, S. A. Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980, 56 (2). P. 251—299.

Huntington-Rainey 2023 — *B. H. Huntington-Rainey*. Dataset for Tundra Nenets // Grambank [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7740139> / The Grambank Consortium (eds.). <https://grambank.clld.org/contributions/nene1249> (accessed on 2023-08-04).

Janic 2013 — *K. Janic*. L'antipassif dans les langues accusatives. PhD thesis. Université Lumière Lyon 2, 2013.

Janic, Witzlack-Makarevich 2021 — *K. Janic, A. Witzlack-Makarevich*. The multifaceted nature of the antipassive construction // K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *Antipassive: typology, diachrony, and related constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 1—39.

Janic, Witzlack-Makarevich (eds.) 2021 — *K. Janic, A. Witzlack-Makarevich* (eds.). *Antipassive: typology, diachrony, and related constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 2021.

Khanina, Shluinsky 2023 — *O. Khanina, A. Shluinsky*. Forest and Tundra Enets // D. Abondolo, R.-L. Välijärvi (eds.). *The Uralic languages: 2nd ed.* London: Routledge, 2023. P. 793—852.

Kibrik 1996 — *A. A. Kibrik*. Transitivity in lexicon and grammar // A. E. Kibrik (ed.). *Godoberi*. München: Lincom Europa, 1996. P. 108—147.

Lazard 1989 — *G. Lazard*. Transitivity and markedness: the antipassive in accusative languages // O. M. Tomić (ed.). *Markedness in synchrony and diachrony*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. P. 309—332.

Nikolaeva 2014 — *I. Nikolaeva*. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

Polinsky 2013 — *M. Polinsky*. Antipassive Constructions // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <https://wals.info/chapter/108> (accessed on 2023-08-04).

Rappaport Hovav, Levin 1998 — *M. Rappaport Hovav, B. Levin*. Building verb meanings // M. Butt, W. Geuder (eds.). *The projection of arguments: lexical and syntactic constraints*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998. P. 97—134.

Salminen 1997 — *T. Salminen*. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — *T. Salminen*. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

Salminen 2023a — *T. Salminen*. Tundra Nenets sample sentence corpus. (Updated 4 September 2023.) https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/tn_corpus.html (accessed on 2023-09-21).

Salminen 2023b — *T. Salminen*. Tundra Nenets: a grammatical sketch. (Last updated 11 September 2023.) https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/TN_sketch.pdf (accessed on 2023-09-21).

Say 2021 — *S. Say*. Antipassive and the lexical meaning of verbs // K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *Antipassive: typology, diachrony, and related constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 177—212.

Seržant et al. 2021 — *I. A. Seržant, K. M. Janic, D. Dermaku, O. Ben Dror*. Typology of coding patterns and frequency effects of antipassives // *Studies in Language*. 2021, 45 (4). P. 968—1023.

Siegl 2013 — *F. Siegl*. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.

Spreng 2010 — *B. Spreng*. On the conditions for antipassive // *Language and Linguistics Compass*. 2010, 4/7. P. 556—575.

Tatevosov 2011 — *S. Tatevosov*. Detelicization and argument suppression // *Linguistics*. 2011, 49 (1). P. 135—174.

Vigus 2018 — *M. Vigus*. Antipassive constructions: Correlations of form and function across languages // *Linguistic Typology*. 2018, 22 (3). P. 339—384.

Wagner-Nagy 2018 — *B. Wagner-Nagy*. *A grammar of Nganasan*. Leiden: Brill, 2018.

References

- Arkad'ev, Letuchii 2008 — P. M. Arkad'ev, A. B. Letuchii. Derivatsii antipassivnoi zony v adygeiskom yazyke. In: V. A. Plungyan, S. G. Tatevosov (otv. red.). Issledovaniya po glagol'noi derivatsii: Sbornik statei. Moskva: Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. S. 77—102. {P. M. Arkadiev, A. B. Letuchiy. Derivations of antipassive zone in Adyghe. In: V. A. Plungian, S. G. Tatevosov (eds.). Studies on verbal derivation: A collection of papers. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2008. P. 77—102.}
- Brykina et al. 2018 — M. Brykina, V. Gusev, S. Szeverényi, B. Wagner-Nagy. Nganasan spoken language corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8> (accessed on 2022-04-01).
- Bybee 1995 — J. Bybee. Regular morphology and the lexicon. In: Language and cognitive processes. 1995, 10 (5). P. 425—455.
- Chamoreau 2008 — C. Chamoreau. Voz antipasiva en lenguas nominativo-acusativas. El caso del purépecha. In: Z. Estrada Fernández, A. L. Murguía Duarte (eds.). IX Encuentro Internacional de Lingüística en el Noreste, Hermosillo. 2008. P. 105—124.
- Comrie et al. 2016 — B. Comrie, D. Forker, Z. Khalilova. Antipassives in Nakh-Daghestanian languages. Talk at the 46th Poznań Linguistic Meeting. Poznań, September 16, 2016.
- Cooreman 1988 — A. Cooreman. The antipassive in Chamorro: variations on the theme of transitivity. In: M. Shibatani (ed.). Passive and voice. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 561—593.
- Cooreman 1994 — A. Cooreman. A functional typology of antipassives. In: B. A. Fox, P. J. Hopper (eds.). Voice: Form and function. Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 49—82.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — M. Dalrymple, I. Nikolaeva. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Fortescue 1984 — M. Fortescue. West Greenlandic. London: Croom Helm, 1984.
- Gusev 2010 — V. Yu. Gusev. Stativy i dekauzativy na *-w v samodiiskikh yazykakh. In: S. I. Burkova (otv. red.). Materialy 3-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po samodistike (Novosibirsk, 26—28 oktyabrya 2010 g.). Novosibirsk: Lyubava, 2010. S. 54—65. {V. Yu. Gusev. Statives and decausatives in *-w in the Samoyedic languages. In: S. I. Burkova (ed.). Proceedings of the 3rd International conference on Samoyedology (Novosibirsk, 26—28 October, 2010). Novosibirsk: Lyubava, 2010. P. 54—65.}
- Gusev 2012 — V. Yu. Gusev. Aspekt v nganasanskom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvicheskikh issledovaniy RAN. 2012. T. VIII, ch. 2. S. 311—360. {V. Yu. Gusev. Aspect in Nganasan. In: Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies. 2012. Vol. VIII, part 2. P. 311—360.}
- Gusev 2021 — V. Yu. Gusev. K tipologicheskoi kharakteristike severnosibirskogo substrata. In: Voprosy yazykoznanija. 2021, 5. P. 26—58. {V. Yu. Gusev. Towards a typological profile of the North Siberian substrate. In: Voprosy Yazykoznanija. 2021, 5. P. 26—58.}
- Heaton 2017 — R. Heaton. A typology of antipassives, with special reference to Mayan. PhD thesis. University of Hawai'i at Mānoa, 2017.
- Heaton 2020 — R. Heaton. Antipassives in crosslinguistic perspective. In: Annual Review of Linguistics. 2020, 6. P. 131—153.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. In: Language. 1980, 56 (2). P. 251—299.
- Huntington-Rainey 2023 — B. H. Huntington-Rainey. Dataset for Tundra Nenets. In: Grambank [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7740139> / The Grambank Consortium (eds.). <https://grambank.clld.org/contributions/nene1249> (accessed on 2023-08-04).
- Iosad i dr. 2005 — P. V. Iosad, A. G. Pazel'skaya, M. A. Tsyurupa. Tipologicheski znachimye parametry glagol'noi leksiki: imperfektiviruyushchie derivatsii nenetskogo yazyka. In: V. I. Podlesskaya, A. V. Arkhipov, Yu. A. Lander (red.). Chetvyortaya tipologicheskaya shkola: Mezhdunarodnaya shkola po lingvisticheskoi tipologii i antropologii. Erevan, 21—28 sentyabrya 2005 g. Materialy leksii i seminarov. Moskva: RGGU, 2005. S. 171—177. {P. V. Iosad, A. G. Pazelskaya, M. A. Tsyurupa. Typologically relevant parameters of verbal lexicon: Nenets imperfectivizing derivations. In: V. I. Podlesskaya, A. V. Arkhipov, Yu. A. Lander (eds.). Fourth school on typology: International school on linguistic typology and anthropology. Yerevan, 21—28 September, 2005. Lectures and seminars. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2005. P. 171—177.}
- Janic 2013 — K. Janic. L'antipassif dans les langues accusatives. PhD thesis. Université Lumière Lyon 2, 2013.
- Janic, Witzlack-Makarevich 2021 — K. Janic, A. Witzlack-Makarevich. The multifaceted nature of the antipassive construction. In: K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Antipassive: typology, diachrony, and related constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 1—39.
- Janic, Witzlack-Makarevich (eds.) 2021 — K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Antipassive: typology, diachrony, and related constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2021.

- Khanina, Shluinskii 2019 — O. V. Khanina, A. B. Shluinskii. Sistema form s referentsiei k budushchemu v enetskom yazyke. In: Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii. 2019, 1. S. 83—96. {O. V. Khanina, A. B. Shluinsky. Future reference forms. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2019, 1. P. 83—96.}
- Khanina, Shluinsky 2023 — O. Khanina, A. Shluinsky. Forest and Tundra Enets. In: D. Abondolo, R.-L. Välijärvi. (eds.). The Uralic languages: 2nd ed. London: Routledge, 2023. P. 793—852.
- Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Transitivity in lexicon and grammar. In: A. E. Kibrik (ed.). Godoberi. München: Lincom Europa, 1996. P. 108—147.
- Kibrik 2003 — A. E. Kibrik. Konstanty i peremennye yazyka. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2003. {A. E. Kibrik. Constants and variables of language. St. Petersburg: Aletheia, 2003.}
- Lazard 1989 — G. Lazard. Transitivity and markedness: the antipassive in accusative languages. In: O. M. Tomić (ed.). Markedness in synchrony and diachrony. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. P. 309—332.
- Letuchii 2014 — A. B. Letuchii. Obobshcheniya, orientirovannye na iskhodnuyu tochku derivatsii vs. na produkt derivatsii, v opisani sintaksicheskikh protsessov. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii. 2014. T. X, ch. 2. S. 292—330. {A. B. Letuchiy. Source-based generalizations vs. product-based generalizations in syntax. In: Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies. 2014. Vol. X, part 2. P. 292—330.}
- Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. A grammar of Tundra Nenets. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Paducheva 2001 — E. V. Paducheva. Kauzativnyi glagol i dekauzativ v rusском yazyke. In: Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001, 1. S. 52—79. {E. V. Paducheva. Causative verb and decausative in Russian. In: Russian Language and Linguistic Theory. 2001, 1. P. 52—79.}
- Plungyan 2003 — V. A. Plungyan. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku. Moskva: Editorial URSS, 2003. {V. A. Plungian. General morphology: Introduction to the problems. Moscow: Editorial URSS, 2003.}
- Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moskva: RGGU, 2011. {V. A. Plungian. Introduction into grammatical semantics: grammatical meaning and grammatical systems of the World's languages. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.}
- Polinsky 2013 — M. Polinsky. Antipassive Constructions. In: M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <https://wals.info/chapter/108> (accessed on 2023-08-04).
- Rappaport Hovav, Levin 1998 — M. Rappaport Hovav, B. Levin. Building verb meanings. In: M. Butt, W. Geuder (eds.). The projection of arguments: lexical and syntactic constraints. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998. P. 97—134.
- Sai 2008 — S. S. Sai. K tipologii antipassivnykh konstruktivov: semantika, pragmatika, sintaksis. Dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2008. {S. S. Say. Towards a typology of antipassive constructions: semantics, pragmatics, syntax. PhD thesis. St. Petersburg, 2008.}
- Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets inflection. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998 — T. Salminen. A morphological dictionary of Tundra Nenets. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Salminen 2017 — T. Salminen. Zаметki o tipakh spryazheniya v nenetskom yazyke. Doklad na Chteniyakh pamyati A. I. Kuznetsovoi. Otdelenie teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki, MGU imeni M. V. Lomonosova, 3—4 marta 2017 g. {T. Salminen. Notes on the conjugation types in Tundra Nenets. Talk at A. I. Kuznetsova Memorial conference. Department of theoretical and applied linguistics, Lomonosov Moscow State University, 3—4 March, 2017.}
- Salminen 2023a — T. Salminen. Tundra Nenets sample sentence corpus. (Updated 4 September 2023.) https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/tn_corpus.html (accessed on 2023-09-21).
- Salminen 2023b — T. Salminen. Tundra Nenets: a grammatical sketch. (Last updated 11 September 2023.) https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/TN_sketch.pdf (accessed on 2023-09-21).
- Say 2021 — S. Say. Antipassive and the lexical meaning of verbs. In: K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Antipassive: typology, diachrony, and related constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 177—212.
- Seržant et al. 2021 — I. A. Seržant, K. M. Janic, D. Dermaku, O. Ben Dror. Typology of coding patterns and frequency effects of antipassives. In: Studies in Language. 2021, 45 (4). P. 968—1023.
- Shluinskii 2004 — A. B. Shluinskii. Aspektual'naya derivatsiya v nenetskom yazyke. Ekspeditsionnyi otchyot. Moskva, 2004. {A. B. Shluinsky. Aspectual derivation in Nenets. Expedition report. Moscow, 2004.}
- Shluinskii 2005 — A. B. Shluinskii. Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2005. {A. B. Shluinsky. Typology of predicate plurality: quantity aspectual meanings. PhD thesis. Moscow, 2005.}
- Shluinskii 2017 — A. B. Shluinskii. Vidovaya sistema enetskogo yazyka na fone russkoi: k tipologii slovoklassifitsiruyushchego vida. In: Voprosy yazykoznanija. 2017, 3. S. 24—52. {A. B. Shluinsky. Aspect system of Enets against the background of Russian: A case study of “classifying” viewpoint aspect. In: Voprosy Jazykoznanija. 2017, 3. P. 24—52.}

Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.

Sorokina, Bolina 2001 — I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Slovar' enetsko-russkii i russko-enetskii. Sankt-Peterburg: Prosveshchenie, 2001. {I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Enets-Russian and Russian-Enets dictionary. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2001.}

Sorokina, Bolina 2009 — I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Enetsko-russkii slovar'. Sankt-Peterburg: Nauka, 2009. {I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Enets-Russian dictionary. St. Petersburg: Nauka, 2009.}

Spreng 2010 — B. Spreng. On the conditions for antipassive. In: Language and Linguistics Compass. 2010, 4/7. P. 556—575.

Stenin 2013 — I. A. Stenin. Imperfektiviruyushchie derivatsii i antipassivnaya konstruktziya v nenetskom yazyke. Doklad na konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2013". MGGU im. M. A. Sholokhova. Moskva, Institut yazykoznaniiya RAN, 16—18 oktyabrya 2013 g. {I. A. Stenin. Imperfectivizing derivations and an antipassive construction in Nenets. Talk at the conference "Typology of morphosyntactic parameters 2013". Sholokhov Moscow State University for Humanities. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, October 16—18, 2013.}

Sumbatova 2013 — N. R. Sumbatova. Tipologicheskoe i diakhronicheskoe issledovanie morfosintaksisa (na primere yazykov darginzskoi gruppy). Dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2013. {N. R. Sumbatova. Typological and diachronic study of morphosyntax (based on the Dargwa languages). Habil. thesis. Moscow, 2013.}

Tatevosov 2011 — S. Tatevosov. Detelicization and argument supression. In: Linguistics. 2011, 49 (1). P. 135—174.

Tatevosov 2017 — S. G. Tatevosov. Struktura sobytiya i nenetskii glagol: zametki o aktantno-aksional'nykh svoistvakh Iterativa. In: Linguistica Uralica. 2017, LIII (3). S. 197—225. {S. G. Tatevosov. Event structure and the Nenets verb: Notes on the actionality and argument realization of the Iterative. In: Linguistica Uralica. 2017, LIII (3). P. 197—225.}

Tatevosov 2018 — S. G. Tatevosov. Sobytiino-strukturnaya morfologiya v nenetskom yazyke. In: Rhema. Rema. 2018, 3. S. 88—118. {S. G. Tatevosov. Event-structural morphology in Tundra Nenets. In: Rhema. Rema. 2018, 3. P. 88—118.}

Tereshchenko 1947 — N. M. Tereshchenko. Oчерk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedzkogo) yazyka. Leningrad: Uchpedgiz, 1947. {N. M. Tereshchenko. An outline of the Nenets (Yurak-Samoyed) grammar. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.}

Tereshchenko 1956 — N. M. Tereshchenko. Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956. {N. M. Tereshchenko. Materials and studies in the Nenets people's language. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union, 1956.}

Tereshchenko 1965 — N. M. Tereshchenko. Nenetsko-russkii slovar'. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. {N. M. Tereshchenko. Nenets-Russian dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1965.}

Urmanchieva 2013 — A. Yu. Urmanchieva. Obrazovanie form aorista v samodiiskikh yazykakh. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 2013. T. IX, ch. 2. S. 734—767. {A. Yu. Urmanchieva. Aorist formation in the Samoyedic languages. In: Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies. 2013. Vol. IX, part 2. P. 734—767.}

Vigus 2018 — M. Vigus. Antipassive constructions: Correlations of form and function across languages. In: Linguistic Typology. 2018, 22 (3). P. 339—384.

Wagner-Nagy 2018 — B. Wagner-Nagy. A grammar of Nganasan. Leiden: Brill, 2018.

Артикуляционные параметры дорсального смычного /к/ в тюркских языках Южной Сибири по данным ультразвукового исследования (на материале телеутского языка и диалектов татар Сибири)

Токмашев Денис Михайлович; kogutei@yandex.ruЛемская Валерия Михайловна; lemskaya@mail.ruХакимова Альфия Амировна; alfiakhakimova23@gmail.comСубботина Наталья Викторовна; subbotina1736@gmail.com

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

Цель статьи — выявление и характеристика основных типов артикуляционных паттернов фонемы /к/ в родственных тюркских идиомах Южной Сибири й-группы — телеутском языке с. Беково Кемеровской области и эуштинском говоре томско-татарского диалекта сибирско-татарского языка из д. Эушта и д. Черная Речка Томской области — при помощи ультразвукового сканера Articulate Assistance Micro. В телеутском языке фонема /к/ представлена веллярным [к] и увулярным [q] аллофонами, противопоставленными по положению спинки и корня языка. Поскольку эти аллофоны позиционно распределены в соответствии с рядом предшествующих и последующих гласных, мы можем считать их аллофонами одной фонемы /к/, имеющими тем не менее достоверно различную артикуляцию. Для увулярного аллофона характерна отодвинутость корня языка к фаринксу, для веллярного — продвинутость дорсальной и корональной частей языка вперед. Материал, записанный в д. Эушта, приближен к телеутскому и демонстрирует контраст [к] и [q]. Контраст веллярного и увулярного аллофонов у носителя из д. Черная Речка выражен значительно слабее и затрагивает лишь спинку языка, но не его корень, что объясняется смешанным характером говора этой деревни, в которой эуштинский говор развивался в конвергенции с другим диалектом татарского языка без оппозиции веллярного и увулярного вариантов /к/. Отсутствие контраста артикуляций [к] и [q] в идиолекте из д. Нижнегородка Кемеровской области может косвенно свидетельствовать о наличии мишарского субстрата в местном идиоме.

Ключевые слова: телеутский язык, татарские диалекты Сибири, консонантизм, артикуляторная фонетика, ультразвук

ARTICULATORY PARAMETERS OF DORSAL STOP /K/ IN THE TURKIC LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA ACCORDING TO ULTRASOUND DATA (BASED ON TELEUT AND SIBERIAN TATAR DIALECTAL MATERIAL)

Denis M. Tokmashev, National Research Tomsk State University (Tomsk); kogutei@yandex.ruValeria M. Lemskaya, National Research Tomsk State University (Tomsk); lemskaya@mail.ruAlfiya A. Khakimova, National Research Tomsk State University (Tomsk); alfiakhakimova23@gmail.comNatalya V. Subbotina, National Research Tomsk State University (Tomsk); subbotina1736@gmail.com

The objective of the article is to identify and characterize the main types of articulatory patterns of the phoneme /k/ in the related y-group Turkic idioms of Southern Siberia — the Teleut language of the village of Bekovo, Kemerovo region and the Eushta sub-dialect of Tomsk dialect cluster belonging to Siberian Tatar language from the villages of Eushta and Chernaya Rechka, Tomsk region — using the Articulate Assistance Micro ultrasound machine. In Teleut, the phoneme /k/ is represented by velar [k] and uvular [q] allophones, contrasted by the position of both the tongue body (TB) and tongue root (TR). Since these allophones are positionally distributed according to a number of preceding and following vowels, we can consider them allophones of the same phoneme /k/, nevertheless having significantly different articulation. The uvular allophone is characterized by the retracted TR, while the velar is featured with the advanced TB. The material recorded in the village of Eushta is close to Teleut and attests the contrast between [k] and [q]. The contrast of velar and uvular consonants in the idiolect of the village of Chernaya Rechka is much less overt and affects only the TB, but not the TR this probably being due to the convergence of the Eushta dialect in Chernaya Rechka with the western dialect of the Tatar language lacking the contrast of velar and uvular /k/-allophones. The lack of [k] / [q] articulatory contrast in the idiolect of the village of Nizhegorodka in Kemerovo region may indirectly propose the Mishar substrate in the local idiom. The position of TR during articulation of the velar or uvular allophone does not change, and TB position changes slightly — the velar allophone is characterized by a greater degree of TB advancement, however, the general tongue contour is identical for both allophones.

Keywords: Teleut language, Tatar dialects of Siberia, consonantism, articulatory phonetics, ultrasound

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01139 «Экспериментальное исследование фонетических систем исчезающих тюркских языков Сибири й-группы ультразвуковыми методами».

1. Введение

Современные тюркские языки Южной Сибири представляют собой сложно организованную систему — конгломерат, состоящий из идиомов, принадлежащих различным ветвям и классификационным типам тюркских языков: *d*-тип (тувинский и тофский), *z*-тип (хакасский) и *j*-тип (алтайский южный, телеутский, сибирских татар), а также языки смешанного типа, демонстрирующие и *z*-, и *j*-признаки в зависимости от говора и диалекта (шорский, чулымский, алтайский северный). Очевидно, идиомы, входящие в данный конгломерат на относительно небольшой территории, ограниченной бассейнами Оби и Енисея и их притоков, в ходе исторического развития приобретали как конвергентные, так и дивергентные черты, с утратой одних признаков и развитием других как между зет- и йот-подгруппами, так и внутри таковых. Это объясняет сложность, возникающую при классификации сибирских тюркских языков, которая производится преимущественно по ареалогическим признакам. Так, А. Рона-Таш помещает эти языки в отдельную «сибирскую», или «северную», группу [Róna-Tas 1991], К. Шёниг — в «южносибирско-тюркскую» группу [Schönig 1997], а О. А. Мудрак — в «сибирско-тюркскую» [Мудрак 2009].

В настоящей статье мы сопоставляем консонантные системы двух генетически связанных южносибирских тюркских идиомов йот-подгруппы — телеутского и языка эуштинских татар — по признакам артикуляции дорсального смычного /k/, полученных с помощью ультразвукового аппарата.

Телеутский язык был исторически распространен в среднем течении р. Томи и ее мелких притоков — рек Бачат, Ускат, Иня, Искитим и Ур, куда телеуты переселялись в XVII—XVIII вв. из лесостепи верхнего Приобья под натиском джунгаров. Под современными телеутами принято понимать бачатскую субэтническую группу телеутов, компактно проживающую в г. Новокузнецке (томская группа) и населенных пунктах Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области в долине р. Бачат, прежде всего в г. Белово, с. Беково и д. Шанда (бачатская группа). По традиционной классификации Н. А. Баскакова, телеутский язык рассматривался как один из южных диалектов алтайского языка; сейчас, как правило, выделяется в качестве самостоятельного. Число носителей не превышает 1000 чел. и неуклонно снижается.

Язык сибирских татар распространен на обширной территории Западно-Сибирской равнины. Он существенно отличается от языка волго-уральских татар (при сохранении взаимопонимания) и распадается на тоболо-иртышский, барабинский и томский диалекты. Непосредственно в Томской области томский диалект сибирско-татарского языка представлен эуштинским говором, распространенным в деревнях Эушта, Черная Речка и Тахтамышево, где проживает основная часть носителей (не более 500 чел.). Два других говора томского диалекта — чатский и калмакский — в данный момент фиксируются за пределами Томской области и находятся на грани исчезновения. Необходимо отметить влияние казанско-татарского языка на эуштинский говор из-за смешанного проживания эуштинских татар в указанных деревнях с более поздними переселенцами из Поволжья.

Языки как эуштинцев, так и телеутов документированы и описаны недостаточно полно. Оба языка входят в кыпчакскую группу, причем, вероятно, в один и тот же кыргызско-кыпчакский кластер вместе с языками южных алтайцев и тьянь-шаньских кыргызов. До поволжского перелома гласных язык эуштинцев сохранял, по-видимому, аналогичный телеутскому восьмичленный вокализм (который сохраняется также в родственном эуштинскому калмакском говоре), однако в результате конвергенции с диалектами поволжско-приуральских татар приобрел фонетические и лексико-грамматические черты, отдающие его от телеутского.

Настоящая статья посвящена сопоставительному изучению артикуляционно-акустической базы телеутского и эуштинского идиомов с привлечением материалов по языку поволжских татар, длительное время оседло проживавших в Западной Сибири. Артикуляционно-акустическая база представляет собой «систему произносительных навыков и их акустических коррелятов» [Селютин 2021], устойчивую к адстратному и суперстратному воздействию в условиях языковых контактов. Она закладывается на самом раннем этапе усвоения языка как одна из форм социального поведения индивида. Таким образом, сходство и различие артикуляторных паттернов — косвенные признаки большей или меньшей близости языковых систем.

В работе рассматриваются аллофоны дорсального /k/ в телеутском и эуштинском идиомах в разных фонотактических условиях (анлаут vs. ауслаут и передний ряд vs. задний ряд). В предыдущих исследованиях телеутского консонантизма выявлено, что фонема /k/ представлена в двух базовых дополнительно распределенных вариантах — краткой /k/ и долгой /k:/, а признаки «глухой — звонкий», «смычный — спонантизованный» и «велярный — увулярный» являются фонологически нерелевантными, т. е. оттенковыми [Меркурьев 1974]. Специальных исследований эуштинского консонантизма не проводилось, однако в близком ему барабинском выделяются фонемы [q]₁ и [q]₂ [Рыжикова 2003: 9], соответствующие велярным и увулярным реализациям, а в поволжском татарском еще В. А. Богородицкий выделял q | k —

«глубокое и неглубокое к», попутно делая важное замечание об отсутствии этой оппозиции в мишарском диалекте [Богородицкий 1953: 111—113]. Таким образом, и в телеутском, и в эуштинском идиомах распределение гуттурального /к/ зависит от ряда гласного.

В качестве ведущего дифференциального признака нашего ультразвукового исследования артикуляций смычного /к/ мы выбрали рядность предшествующего либо последующего гласного (велярность vs. увулярность), а также позицию /к/ в абсолютном начале либо конце слова (анлаут vs. ауслаут). Спирантизованные варианты /к/ нами не изучались.

Попытки классификации и категоризации данных аллофонов в тюркских языках только путем непосредственного восприятия или анализа акустического сигнала не всегда успешны, частично из-за того, что контрастные артикуляции в велярной и язычковой части речевого тракта недоступны для непосредственного наблюдения, а также в силу глубинных морфонологических процессов, влияющих на поверхностную реализацию каждого аллофона. Поэтому доступная при помощи ультразвука техника внутренней визуализации, четко показывающая артикуляцию по всей длине языка как активного конфигуратора речевого тракта, оказывается полезной для идентификации того или иного аллофона в соответствии с его распределительной позицией в консонантном инвентаре. Ультразвуковое исследование в этой ситуации представляется эффективным, поскольку оно дает представление о сагиттальном профиле языка, от апикальной до корневой частей, ср.: «Ultrasound imaging is becoming an increasingly popular technique for examining articulation in speech research. Previous research has shown that ultrasound imaging is a practical, low-cost, and noninvasive tool for acquiring articulatory data to examine tongue shapes corresponding to various sounds, answering phonological questions, conducting phonetic fieldwork...» [Davidson 2006: 407]. К достоинствам метода на фоне других техник инструментальной фонетики, таких, например, как электромагнитная сагиттальная артикулография (ЭМСА), относятся его неинвазивность, а также дешевизна, портативность и простота в применении по сравнению с более сложными техниками (например, МРТ). Кроме того, ультразвук позволяет фиксировать движения языка в динамике и выбирать наиболее характерные его положения с учетом коартикуляции со стороны предшествующих и последующих звуков. Велярные, увулярные и — при наличии — фарингальные реализации заднеязычных смычных, очевидно, должны соответствовать различным контурам тела языка, отчетливо видимым на снимках.

2. Методы и материалы

В эксперименте приняли участие три носителя телеутского языка, два носителя эуштинского говора томско-татарского диалекта сибирско-татарского языка и один представитель поволжских татар из старых переселенцев из европейской части России в Сибирь (предположительно, носитель мишарского диалекта).

Ареально телеутские информанты представляли г. Новокузнецк, д. Телеуты (тел. *Томдор*, условно — томский говор, 1 человек, Ж 1940 [ЗММ]) и с. Беково (тел. *Кресты*) Беловского района Кемеровской области (*пайаттар*, условно — бачатский говор, 2 человека, Ж 1965 [ВНБ] и Ж 1968 [ННЧ]). Представители эуштинского говора были записаны в д. Эушта (тат. *Яушта*) (М 1950 [ИХА]) и д. Черная Речка (тат. *Абытай*) (Ж 1956 [ГЯТ]), одна носительница поволжско-татарского идиома родом из д. Нижегородка (тат. *Яңа Авыл*) Ижморского района Кемеровской области была записана в г. Томске (Ж 1986 [РСС]). Все носители выросли в указанных населенных пунктах и владеют своими идиолектами в качестве L1.

Данные получены с помощью портативного ультразвукового набора Articulate Assistant Micro, состоящего из сканера, датчика (трансдюсера), звуковой карты, петличного микрофона и программного обеспечения Articulate Assistant Advanced (AAA) [Micro]. Как таковая суть ультразвукового исследования в лингвистике состоит в получении размеров, структуры, формы, позиции, а также движений языка с помощью сверхвысокочастотных звуковых колебаний в режиме реального времени. Основой метода является способность ультразвуковых волн проходить через различные ткани организма, вызывая их колебание и по-разному отражаясь от структур различной плотности. Плотность (и, соответственно, акустическое сопротивление) тканей языка значительно превосходит плотность окружающего язык воздуха. Испускаемый пьезоэлектрическим кристаллом трансдюсера дивергентный пучок ультразвуковых волн частично отражается от воздушной пленки на границе раздела сред «язык — воздух» и улавливается трансдюсером обратно. Это позволяет преобразовать отраженный акустический луч в графическое изображение на экране сканера, роль которого в нашем случае выполнял монитор ноутбука. Пространственная точность ультразвуковых изображений составляет около 1 мм.

Запись проводилась у информантов в домашних условиях. Трансдюсер размещался в области нижней челюсти в продольном положении для получения сагиттального среза языка и неподвижно закреп-

лялся при помощи шлема с фиксатором. Положение трансдюсера подбиралось индивидуально в зависимости от анатомических особенностей речевого аппарата информанта. Для повышения экзогенности зоны контакта датчика с мягкими тканями использовался ультразвуковой гель. Ширина испускающей части трансдюсера — 20 мм с угловым пространством около 90° и частотой колебаний 80 Hz при глубине проникновения акустического луча около 90 мм в соответствии со спецификацией оборудования. Одновременно со снятием ультразвуковых данных производилась запись озвученных носителем стимулов на петличный микрофон, автоматически синхронизированная с ультразвуковым изображением; ультразвуковые и акустические данные сохранялись в сыром формате .aa0.

Каждому информанту на экране ноутбука был предъявлен идентичный набор стимулов, который ему предлагалось трижды произнести в спокойном темпе с шагом 1—2 секунды между каждой элицитацией. Примеры стимулов с реализациями смычного варианта /k/ в различных позициях и рядах гласных представлены в таблице 1.

Таблица 1. Стимулы для элицитации смычного /k/

телеутский язык		татарский язык	
анлаут			
задний ряд	передний ряд	задний ряд	передний ряд
<i>қар</i> [qɑɾ] ‘снег’	<i>кел</i> [keɫ] ‘приходи!’	<i>кар</i> [qɑ ^o ɾ] ‘снег’	<i>кис</i> [kis] ‘режь!’
<i>қас</i> [qɑs] ‘гусь’	<i>кес</i> [kes] ‘режь!’	<i>кас</i> [qɑ ^o s] ‘гусь’	<i>көл</i> [kœɫ] ‘зола’
<i>қумақ</i> [qumɑq] ‘песок’	<i>күл</i> [kyɫ] ‘зола’	<i>кул</i> [qɒɫ] ‘рука’	<i>көн</i> [kœn] ‘день’
<i>қул</i> [qɒɫ] ‘рабочий’	<i>күн</i> [kyn] ‘день’	<i>кун</i> [qɒn] ‘ночуй!’	<i>күк</i> [kyk] ‘синий’
<i>қол</i> [qɒɫ] ‘рука’	<i>көл</i> [kœɫ] ‘озеро’	<i>кыс</i> [qɰs] ‘девушка’	<i>ким</i> [kim] ‘кто’
<i>қон</i> [qɒn] ‘ночуй!’	<i>көк</i> [kœk] ‘синий’	<i>кыш</i> [qɰʃ] ‘зима’	<i>кер</i> [keɾ] ‘входи!’
<i>қыс</i> [qɰs] ‘девушка’	<i>кем</i> [kem] ‘кто’	<i>каш</i> [qɑ ^o ʃ] ‘бровь’	<i>көч</i> [kœʃ] ‘сила’
<i>кыш</i> [qɰʃ] ‘зима’	<i>кир</i> [kiɾ] ‘входи!’	<i>кош</i> [qɒʃ] ‘птица’	<i>күр</i> [kyɾ] ‘увидь!’
<i>қурт</i> [qɒɾt] ‘жук’	<i>күч</i> [kyʃ] ‘сила’	<i>корт</i> [qɒɾt] ‘жук’	<i>ки</i> [ki] ‘надень!’
ауслаут			
задний ряд	передний ряд	задний ряд	передний ряд
<i>ақ</i> [aq] ‘белый’	<i>түк</i> [tyk] ‘шерсть’	<i>ашлык</i> [a ^o ɫɰq] ‘хлеб’	<i>тек</i> [tek] ‘зашивай!’
<i>ақ</i> [aq] ‘теки!’	<i>сөök</i> [sœ:k] ‘кость’	<i>сөяк</i> [sœjɰq] ‘кость’	<i>кирәк</i> [kiɾäk] ‘нужно’
<i>оқ</i> [ɔq] ‘пуля’	<i>кийик</i> [kijik] ‘косуля’	<i>ияк</i> [ijɰq] ‘подбородок’	<i>оек</i> [ɔjek] ‘чулки’
<i>соқ</i> [sɔq] ‘бей!’	<i>төк</i> [tœk] ‘пролей!’	<i>яңак</i> [jɰqak] ‘щека’	<i>аек</i> [ajek] ‘трезвый’
<i>сууқ</i> [su:q] ‘холодный’	<i>керек</i> [keɾek] ‘нужно’	<i>суқ</i> [soq] ‘бей!’	<i>бик</i> [bi:k] ‘очень’
<i>чық</i> [tʃɰq] ‘выходи!’	<i>терек</i> [teɾek] ‘тополь’	<i>суык</i> [su ^w ɰq] ‘холодный’	<i>нэзик</i> [næzik] ‘тонкий’
<i>уқ</i> [uq] ‘слушай!’	<i>көк</i> [kœk] ‘синий’	<i>чык</i> [tʃɰq] ‘выходи!’	<i>күк</i> [kyk] ‘синий’
<i>раақ</i> [ra:q] ‘далеко’	<i>тишк</i> [ri:k] ‘высокий’	<i>ак</i> [a ^o q] ‘белый’	<i>бийек</i> [bijek] ‘высокий’

Записанный материал далее раздельно экспортировался в форматы .ult (ультразвуковое изображение) и .wav (аудиодорожка). Разметка ультразвуковых изображений проводилась с использованием свободно распространяемого программного обеспечения UltraTrance [Murphy et al. 2022] и Praat [Boersma, Weenink 2022]. Общеизвестно, что выделение фазы начала смычки для взрывных согласных в начальной позиции по ультразвуковым данным затруднено, ср.: «It is recognized that it is difficult to mark the onset of the stop consonant in a word-initial position based on ultrasound data...» [Tabain, Beare 2017: 3004], поэтому мы ориентировались на разметку соответствующей сонограммы в Praat. В программе UltraTrance автоматически создавался файл разметки TextGrid, который затем в среднем из трех повторений размечался и транскрибировался в Praat (рис. 1) и реэкспортировался в UltraTrance для ручной прорисовки контура языка (сплайна) (рис. 2). При частоте кадров 30 fps односложное слово, произнесенное в спокойном темпе, в записи содержало от 30 до 40 фреймов. Размеченный в Praat сегмент сонограммы соответствовал артикуляции исследуемого звука. Правая граница сегмента соответствовала разрыву смычки /k/, левая граница проводилась на расстоянии четырех фреймов от разрыва; таким образом, сегмент отражал оптимальное положение тела языка. Внутри сегмента прорисовке подлежали сплайны, относящиеся к началу и концу фазы смычки, например фреймы 43 и 47 на рис. 1.

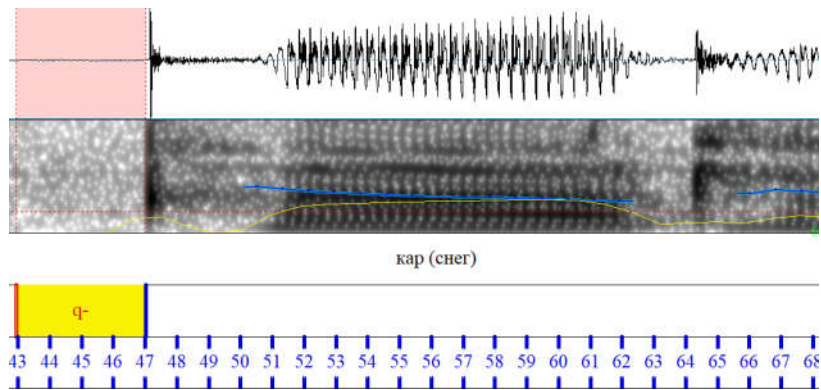

Рис. 1. Размеченный сегмент сонограммы, соответствующий артикуляции /k/

Затем проводилась прорисовка сплайнов в размеченном сегменте в программе UltraTrace. Прорисовка осуществлялась вручную, для чего выбирался наиболее четкий фрейм. Кроме мягких тканей языка и нёба, акустический луч проходит также через нижнечелюстную и подъязычную кости. В силу низкой ультразвуковой проводимости костной ткани происходит затухание ультразвукового сигнала, поэтому на изображении присутствуют черные участки слева и справа от тела языка — акустическая тень. В этих участках разметка, как правило, не проводилась из-за невозможности адекватно определить положение языка. Кроме того, известную проблему разметки составляет зернистость и размытость изображения, особенно при использовании маломощного оборудования, ср.: «The video image of the ultrasound machine can be captured and digitized for quantitative analysis. However, the ultrasound images are inherently blurry. Consequently, the extraction of the tongue contour from a movement sequence is a complicated image processing problem» [Bressman 2008: 103].

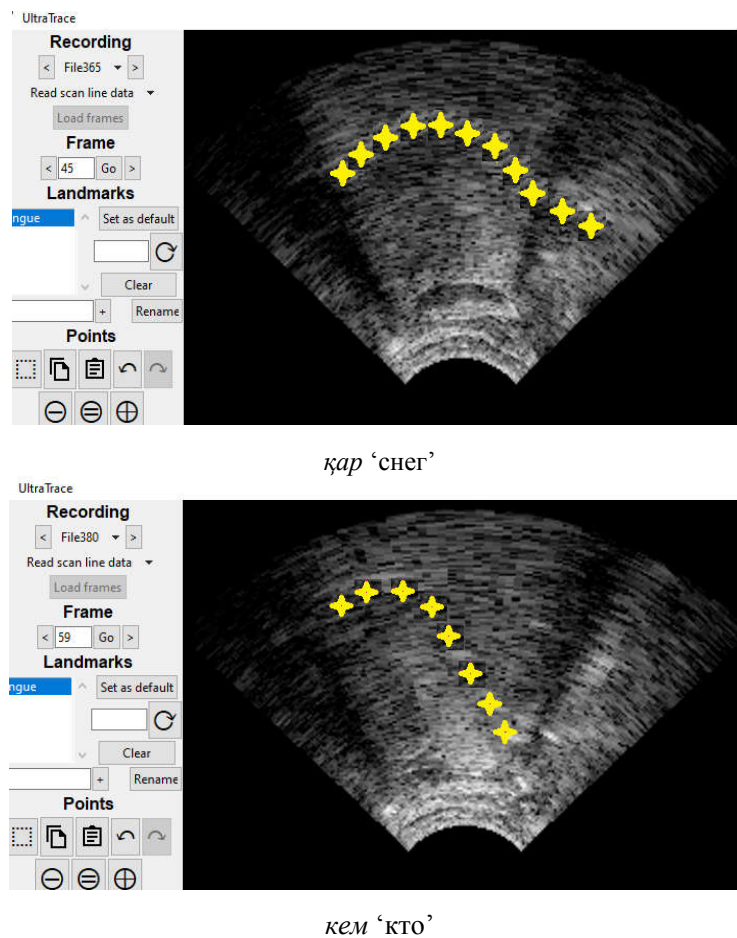

Рис. 2. Размеченные сплайны для анлаутного /k/ в телеутском языке в твердоярдной (слева) и мягкорядной (справа) лексемах; положение кончика — слева (ВНБ)

После ручной разметки сплайнов с созданием файла `metadata.json`, содержащего X—Y координаты каждой отмеченной точки контура, проводилась их статистическая обработка с помощью скрипта, написанного на Python, который анализировал размеченные координаты и строил усредненные графики профилей языка с областями стандартных отклонений для выборочной совокупности, охваченной экспериментом. Для построения графиков каждого аллофона мы использовали не менее двух примеров сочетания аллофона /k/ с гласными переднего /e~œ~y~i/ и заднего /a~o~u~ɤ/ рядов в начале и исходе слова, таким образом, минимальное количество элицитаций для каждого графика равнялось 8.

3. Результаты

В ходе работы нам удалось получить графики язычных артикуляций фонемы /k/ в начальной и конечной позициях в словах с гласными переднего и заднего рядов от трех носителей телеутского языка, двух носителей эуштинского говора томско-татарского диалекта сибирско-татарского языка и одного носителя поволжско-татарского языка (предположительно, мишарского диалекта) (рис. 3—7, 9). От одного носителя телеутского и двух носителей эуштинского были получены графики аллофонов лишь в начальной позиции из-за слишком малого количества озвученных стимулов. Поскольку графики отражают реальные параметры речевого аппарата информантов, разброс их высоты и ширины обусловлен анатомическими особенностями носителей идиомов.

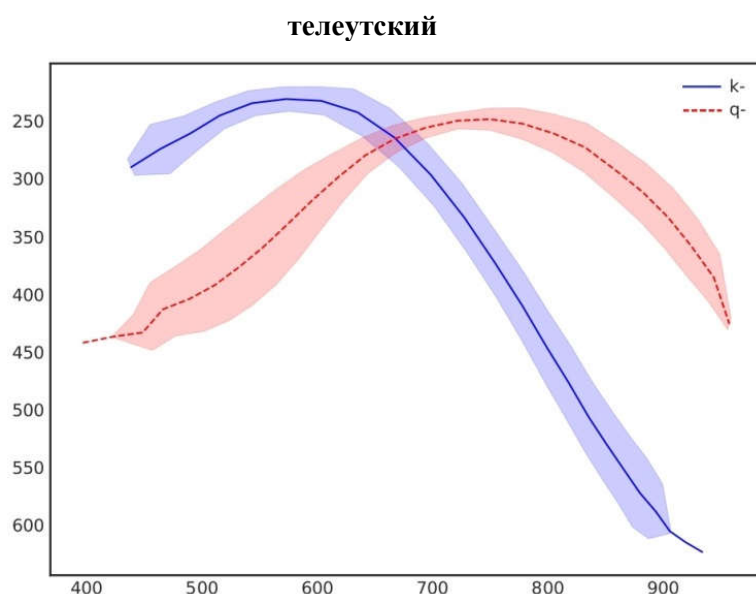

Рис. 3а. Фонема /k/ в анлауте слов с твердым и мягким гласными, с. Беково Кемеровской обл. (ВНБ)

Легенда графиков: k — веллярный аллофон в словах с переднерядным гласным, q — увулярный аллофон в словах с заднерядным гласным, X- — анлаут, -X — ауслаут. Числовые значения по осям *o-x* и *o-y* присваиваются скриптом и не учитываются в данной работе. Кончик языка на всех графиках расположен слева.

На рис. 3а отчетливо видно различие между сплайнами на всех участках контура. Артикуляция увулярного аллофона [q] предполагает отодвинутую назад к нёбной занавеске дорсально-увулярную часть спинки языка. При артикуляции веллярного аллофона [k] дорсально-веллярная часть спинки поднимается вверх и выдвигается вперед. Видимая на УЗИ часть корня языка при артикуляции [q] расположена выше, чем при артикуляции [k], что может быть обусловлено недостаточной разметкой сплайнов для [q] — слишком отодвинутый назад корень языка попадает в зону акустической тени подъязычной кости и не прорисовывается.

Это хорошо согласуется с тезисом о взаимообусловленности положения языка и рядности гласного, ср.: «It is understood to correspond to the front-back position of the tongue body: for front vowels, the highest part of the tongue body is further forward than for that of back vowels. Vowel height, in turn, corresponds to the height of the tongue during articulation» [Washington 2018: 219].

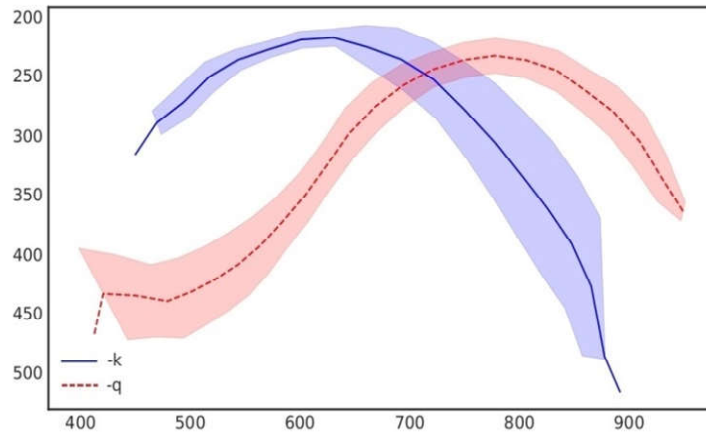

Рис. 3б. Фонема /k/ в ауслауте слов с твердым и мягким гласными, с. Беково Кемеровской обл. (ВНБ)

В исходе слова (рис. 3б) различие артикуляции велярного и увулярного аллофонов подчиняется той же закономерности — отодвинутый к фаринксу корень vs. поднятая к мягкому нёбу дорсальная часть языка. Однако после основ с гласным переднего ряда дорсальная часть при неизменном положении корня отодвинута назад немного сильнее и отличается большим диапазоном стандартного отклонения; возможно, коартикуляция гласного и /k/ сильнее выражена в конечном закрытом слоге, чем в начальном прикрытом. При артикуляции увулярного аллофона в ауслауте кончик языка умеренно отогнут вверх, что, вероятно, говорит о более сильном мускульном напряжении спинки языка, чем в начальнoслоговой позиции.

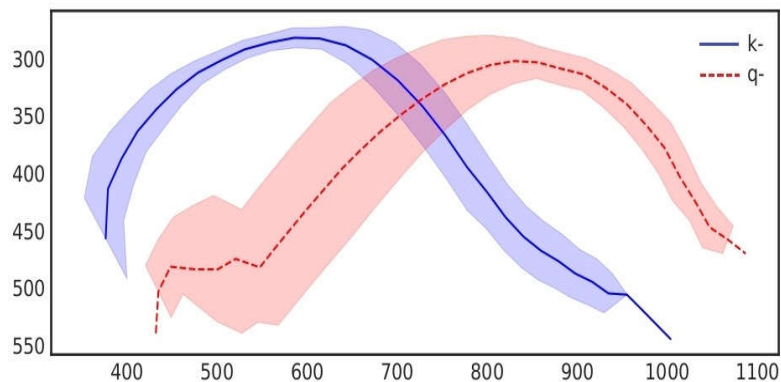

Рис. 4а. Фонема /k/ в ауслауте слов с твердым и мягким гласными, с. Беково Кемеровской обл. (ННЧ)

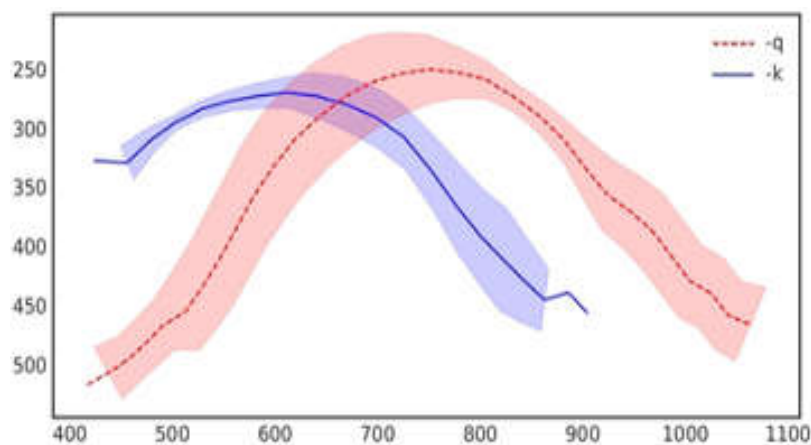

Рис. 4б. Фонема /k/ в ауслауте слов с твердым и мягким гласными, с. Беково Кемеровской обл. (ННЧ)

У второго телеутского носителя (рис. 4а—4б) артикуляторные паттерны /k/ для анлаута и ауслаута типологически совпадают с предыдущими. В обоих случаях оппозиция представлена как телом, так и корнем языка — переднерядный вариант характеризуется подъемом спинки языка вперед-вверх, а заднерядный — отодвинутым назад корнем. Заднерядный вариант, судя по областям стандартных отклонений, сильнее зависит от подъема и огубленности гласного, чем мягкорядный. Третий носитель (рис. 5) демонстрирует картину, схожую с двумя предыдущими. Совпадение положений корня языка вызвано, очевидно, единичной ошибочной разметкой, поскольку зона стандартных отклонений для корня языка у [k] расположена левее, чем таковая для корня языка у [q].

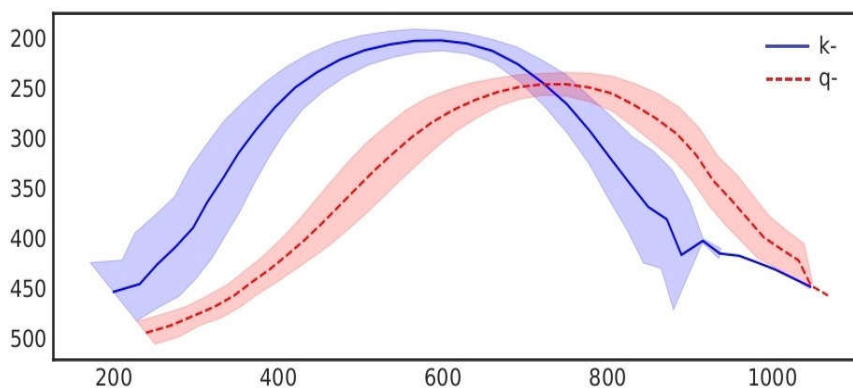

Рис. 5. Фонема /k/ в анлауте слов с твердым и мягким гласными, д. Телеуты, г. Новокузнецк Кемеровской обл. (ЗММ)

татарский

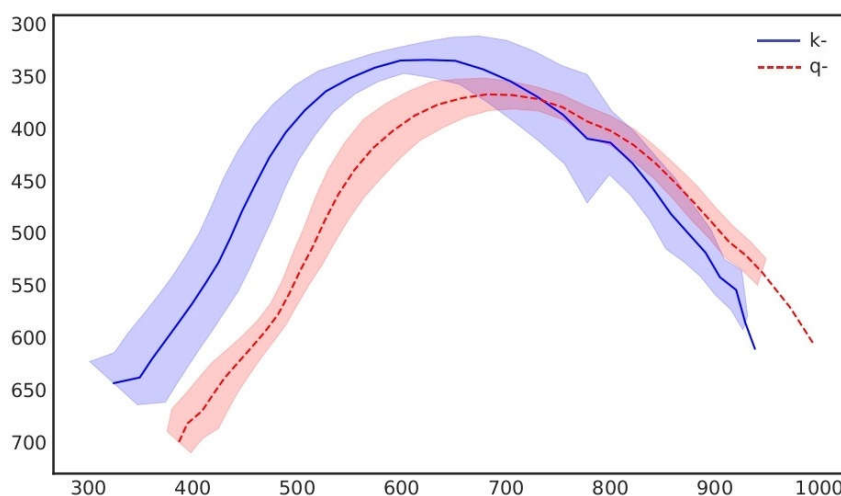

Рис. 6. Фонема /k/ в анлауте слов с твердым и мягким гласными, д. Черная Речка Томской обл. (ГЯТ)

Представленные на рис. 6 графики аллофонов /k/, полученные от носителя эуштинского говора томско-татарского диалекта сибирско-татарского языка из д. Черная Речка, несколько отличаются от телеутских. Для данного информанта характерна более сглаженная оппозиция [k] и [q]. Корень языка сохраняет свое положение, а разница в артикуляции обусловлена более сильной продвинутой дорсальной и корональной частями языка вперед.

Графики аллофонов /k/ эуштинского говора из д. Эшты значительно отличаются от записанных в д. Черная Речка. Графики из Эшты сближаются с телеутскими; они демонстрируют противопоставление и корня, и тела языка (рис. 7). На рис. 7а и 7б дополнительно представлены усредненные сплайны, полученные с помощью программы AAA, которые иллюстрируют распределение профилей языка при артикуляции аллофона /k/ в анлауте по отдельным гласным заднего и переднего рядов соответственно. Прозрачность и размытие сплайнов у краёв (рис. 7а—7б) обусловлены акустическими тенями от челюстных костей, в связи с чем точная прорисовка сплайнов на этих участках языка невозможна. Некоторая

разница в положении кончика языка у сплайна для аллофона [q] на рис. 7 и 7а обусловлена техническими причинами — в программе UltraTrace прорисовка кончика осуществляется на всю длину без учета теневых участков, которые выглядят полупрозрачными и бесцветными в программе AAA. Для увулярного аллофона [q] характерна отодвинутость корня, изгиб в спинковой части и опущенный кончик языка. Велярный аллофон [k] отличается поднятой спинкой и продвинутой вперед корональной частью. Размеры зоны стандартных отклонений у мягкорядного [k] в анлауте свидетельствуют о его большей подверженности коартикуляции со стороны последующей гласной, которая может принадлежать как к переднему, так и к непереднему артикуляторному ряду; твердорядные словоформы более стабильны.

На рис. 7б можно отметить, что гласная переднего артикуляторного ряда [i] приводит к выдвиганию кончика языка вперед и опущению спинки, а гласные непереднего ряда [œ], [y], [e] — к слабо выраженному подъему спинки, кончик языка при этом выдвигается вперед в меньшей степени. С точки зрения сингармонизма оба типа гласных остаются мягкими, ср.: *кил-де* ‘приходить-PST’ ~ *күр-де* ‘смотреть-PST’ ~ *көл-нең* ‘зола-GEN’.

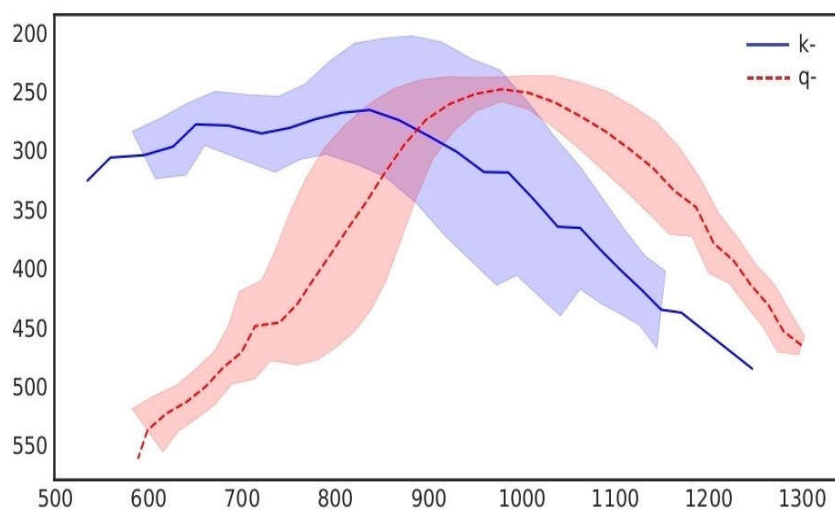

Рис. 7. Фонема /k/ в анлауте слов с твердым и мягким гласными, д. Эушта Томской обл. (ИХА)

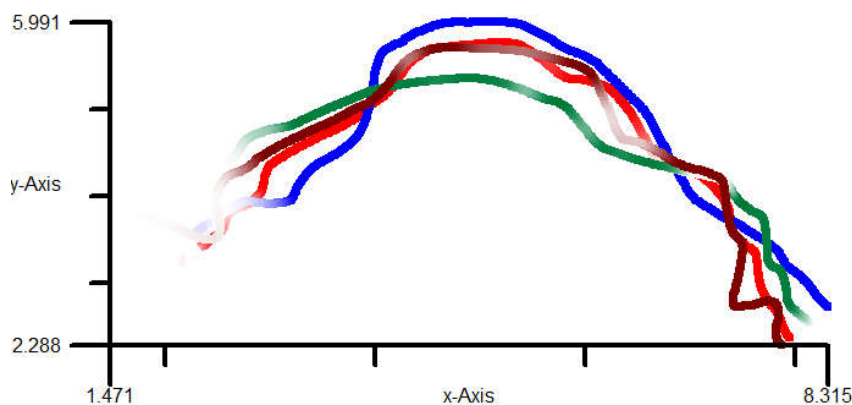

Рис. 7а. Фонема /k/ в анлауте слов с гласным заднего ряда, д. Эушта Томской обл. (ИХА)

■ кул ‘рука’ ■ каз ‘гусь’ ■ кыз ‘девушка’ ■ кош ‘птица’

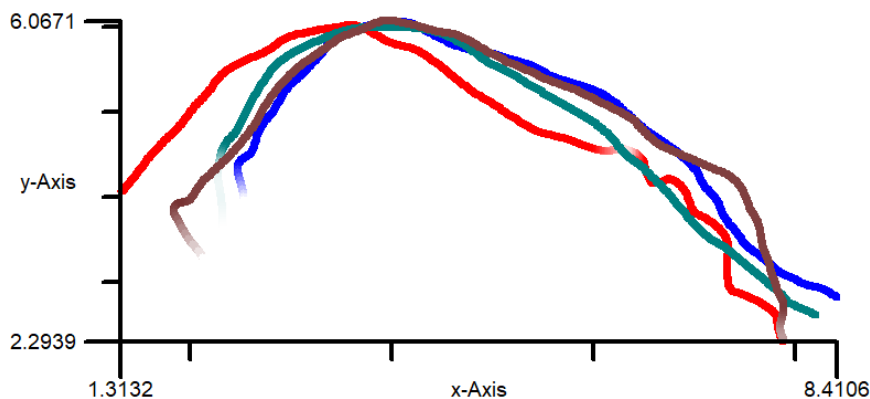

Рис. 7б. Фонема /k/ в анлауте слов с гласным переднего ряда, д. Эушта Томской обл. (ИХА)
 ■ көл ‘зола’ ■ кил ‘приди!’ ■ күр ‘смотри!’ ■ кер ‘входи!’

Оппозиция велярного и увулярного аллофонов /k/, как отмечалось выше, характерна для татарского литературного языка. Ультразвуковое исследование дорсального смычного /k/ в среднем диалекте (мензелинский говор) подтверждает наличие такой оппозиции (рис. 8) [Washington et al. 2020]. Отодвинутый назад корень языка может свидетельствовать о фарингализованности артикуляции [q].

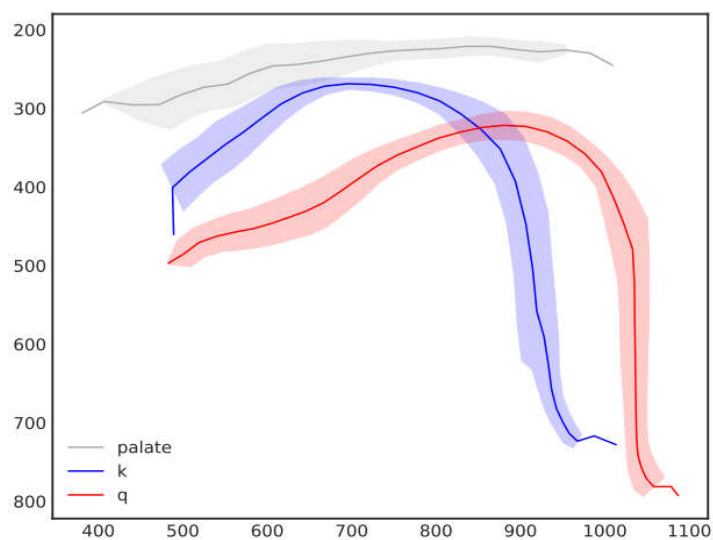

Рис. 8. Фонема /k/ в анлауте слов с твердым и мягким гласными, мензелинский говор среднего диалекта татарского языка

Рис. 9а—9б отражают профили языка при артикуляции /k/, полученные от носителя поволжско-татарского диалекта из д. Нижегородка Ижморского района Кемеровской области. Деревня основана в XVII в. татарами-переселенцами из Нижегородской, Казанской и Уфимской губерний. Профили аллофонов /k/ из д. Нижегородка свидетельствуют о почти полной идентичности контуров языка в твердом и мягком рядах как в начале, так и в исходе слова и, соответственно, отсутствии велярно-увулярного контраста. Это может объясняться тем, что основатели Нижегородки были носителями западного (мишарского) диалекта, для которого характерно употребление заднеязычных [k/g] вместо увулярных [q/ɣ]. Наблюдаемая незначительная разница контуров может говорить как о статистической погрешности при прорисовке сплайнов, так и о смешанном характере идиома, имеющего мишарский субстрат, но подвергающегося влиянию литературного татарского языка. Кроме того, нельзя исключать влияние различий в артикуляции гласных внутри групп переднего и заднего рядов.

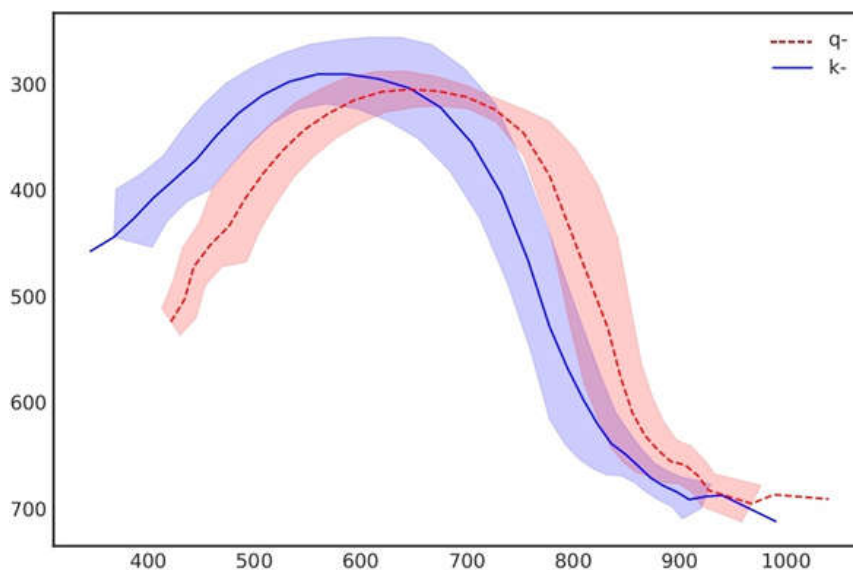

Рис. 9а. Фонема /к/ в анлауте слов с твердым и мягким гласными, д. Нижегородка Кемеровской обл. (РСС)

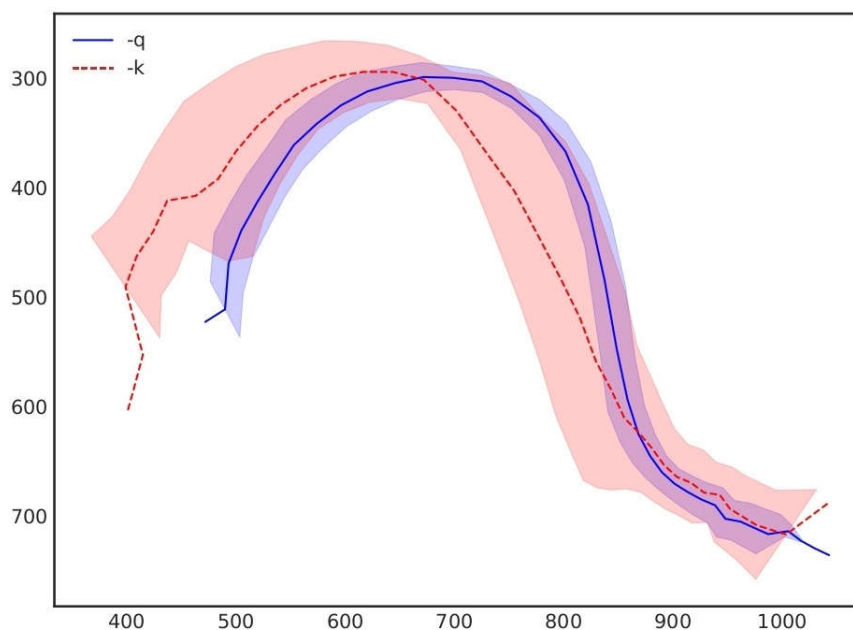

Рис. 9б. Фонема /к/ в ауслауте слов с твердым и мягким гласными, д. Нижегородка Кемеровской обл. (РСС)

4. Обсуждение и выводы

В результате проведенного эксперимента сделаны следующие выводы:

Аллофоны /к/ в телеутском языке представлены велярным [к] и увулярным [q] вариантами. Контраст велярного и увулярного аллофонов основан как на положении и форме дорсальной части языка, так и на позиции корня. Для увулярного аллофона характерна отодвинутость корня языка к фаринксу. Это согласуется с гипотезой о наличии контраста [к] / [q] еще в пракыпчакском консонантизме, ср.: «Некоторыми фонологами *k* и *q* с фонематической позиции правомерно рассматриваются как одна фонема. Если одни считают их отдельными фонемами, другие считают их сингармоническими модификациями одного согласного звука» [СИГТЯРР 2002: 277]. Поскольку эти аллофоны позиционно распределены в соответствии с рядом предшествующих и последующих гласных, мы можем считать их аллофонами одной фонемы /к/, имеющими тем не менее достоверно различную артикуляцию.

Эуштинский говор томского диалекта сибирско-татарского языка демонстрирует два различных артикуляционных паттерна для аллофонов /к/. Материал, записанный в д. Эушта, в целом приближен к те-

леутскому. Он имеет контраст [k] и [q] и по положению дорсальной части, и по положению корня языка. Вероятно, это является следствием давней этногенетической связи бачатских телеутов и татар-аборигенов бассейна Томи (эуштинцев и калмаков), ср.: «Калмаки — выходцы из телеутов, вошедшие позднее в состав томской группы татар, осели вблизи Томска уже в 60—70 годы XVII в. и стали более активно, чем прежде, контактировать с чатами и эуштинцами» [ТНС 2006: 31]. Необходимо также учитывать языковую биографию информанта, отец которого был коренным жителем д. Эушта, а мать — из поволжских татар (приехала в Томск в 1948 г.).

Слабо выраженный, хотя и присутствующий, контраст велярного и увулярного аллофонов у носителя из д. Черная Речка, а также отсутствие контраста по положению корня языка можно объяснить сильным смешанным характером томско-татарского диалекта как такового, поскольку в Черной Речке вместе с эуштинцами и калмаками исторически проживают переселенцы из числа поволжско-приуральских татар. Возможно, акустико-артикуляционная база западного диалекта татарского языка (без оппозиции велярного и увулярного вариантов /k/) распространилась среди части томских татар и была усвоена информантом. Важно отметить, что родители информанта также были носителями различных идиомов: мать — коренная жительница д. Черная Речка, а отец родился и вырос в д. Юрты-Константиновы (тат. *Тумаел*) Яшкинского района Кемеровской области, исторически населенной калмаками. Напротив, родители всех трех записанных нами носителей телеутского языка происходили из одного и того же населенного пункта (из-за принципиально компактного проживания телеутов), что обеспечивает большую устойчивость их акустико-артикуляционной базы и меньший разброс паттернов.

Отсутствие оппозиции [k] и [q] у носителя из д. Нижегородка согласуется с фактом о мишарском происхождении татар-переселенцев из Нижегородской губернии, основавших эту деревню в XVII в. Положение корня языка при артикуляции велярного либо увулярного аллофонов не меняется, а положение спинки меняется незначительно — велярный аллофон характеризуется большей степенью продвиженности тела языка вперед, однако общий изгиб контура языка идентичен для обоих аллофонов. Положение исследуемой фонемы в начале либо исходе слова не оказывает значительного влияния на артикуляцию.

Интерес представляет более детальное ультразвуковое обследование эуштинского говора, в частности для выявления согласования фарингальной коартикуляции дорсальных смычных и роли, которую играет корень языка в системе гласных конкретного идиома.

Сокращения

Информанты

ВНБ — Валентина Николаевна Баксарина, с. Беково, 1965 г.р.
 ГЯТ — Гулюзум Яруловна Тахматова, д. Черная Речка, 1956 г.р.
 ИХА — Идрис Худжатович Ахмадеев, д. Эушта, 1950 г.р.
 ЗММ — Зоя (Софья) Максимовна Мажина, д. Телеуты, 1940 г.р.
 ННЧ — Наталья Николаевна Чебелькова, с. Беково, 1968 г.р.
 РСС — Рузалия Сагидовна Саликова, д. Нижегородка, 1986 г.р.

Источники и литература

- Богородицкий 1953 — В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / Под ред. Н. К. Дмитриева. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Татгосиздат, 1953.
- Меркурьев 1974 — К. В. Меркурьев. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 49—64.
- Мудрак 2009 — О. А. Мудрак. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М.: РГГУ, 2009.
- Рыжикова 2003 — Т. Р. Рыжикова. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2003.
- Селютин 2021 — И. Я. Селютин. Артикуляционно-акустическая база как маркер культурно-языковой идентичности // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2021, 1 (34). С. 56—66.
- СИГТЯРР 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002.
- ТНС 2006 — Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006.

Boersma, Weenink 2022 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.2.06, 2022. (Online first: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>).

Bressmann 2008 — T. Bressmann. Quantitative Assessment of Tongue Shape and Movement Using Ultrasound Imaging // Selected Proceedings of the 3rd Conference on Laboratory Approaches to Spanish Phonology / L. Colantoni and J. Steele (eds.). P. 101—106. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2008. (Online first: <http://www.lingref.com/cpp/lasp/3/paper1717.pdf>).

Davidson 2006 — L. Davidson. Comparing tongue shapes from ultrasound imaging using smoothing spline analysis of variance // The Journal of the Acoustical Society of America. 120, 1. P. 407—415.

Murphy et al. 2022 — K. Murphy, N. Z. Stern, D. Swanson, C. Ho, J. N. Washington. UltraTrace: A free/open-source cross-platform tool for manual annotation of ultrasound tongue imaging data. 2022. (Online first: <https://github.com/SwatPhonLab/UltraTrace>).

Róna-Tas 1991 — A. Róna-Tas. An Introduction to Turkology. (Studia Uralo-Altaica 33.) Szeged, 1991.

Schönig 1997 — K. Schönig. A new attempt to classify the Turkic languages (1) // Turkic languages. 1997. P. 125—133.

Tabain, Beare 2017 — M. Tabain, R. Beare. An Ultrasound Study of Alveolar and Retroflex Consonants in Arrernte: Stressed and Unstressed Syllables // Interspeech 2017. Stockholm, Sweden. P. 3003—3007. (Online first: https://www.isca-speech.org/archive_v0/Interspeech_2017/pdfs/0578.PDF).

Washington 2018 — J. N. Washington. An investigation of the articulatory correlates of vowel anteriority in Kazakh, Kyrgyz, and Turkish using ultrasound tongue imaging // The 42nd Penn Linguistics Conference. University of Pennsylvania, March 23—25, 2018. (Online first: http://www.ling.upenn.edu/Events/PLC/plc42/PLC42_program.pdf#page=28).

Washington et al. 2020 — J. N. Washington, D. Tokmashev, A. Badrtdinova, Z. Kochakaeva, M. Zimin, V. Maltseva, N. Urtegeshev, T. Ryzhikova, V. Lemskaya, A. Dybo. An ultrasound study of dorsal stops in Tatar and Qumuq // UltraFest IX: Ultrasound Imaging for Speech and Language Virtual Conference. Indiana University, October 21—24, 2020. (Online first: https://ultrafest2020.indiana.edu/abstracts/UltraFest_IX_Washington_EtAl_TatarQumuq.pdf).

References

Boersma, Weenink 2022 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.2.06. (Online first: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>).

Bogorodickij 1953 — V. A. Bogorodickij. Vvedenie v tatarskoe yazykoznanie v svyazi s drugimi tyurkskimi yazykami / Pod red. N. K. Dmitrieva. 2-e izd., ispr. i dop. Kazan': Tatgosizdat, 1953. {V. A. Bogoroditsky. Introduction to Tatar linguistics in connection with other Turkic languages. Ed. By N. K. Dmitrieva. 2nd ed. Kazan: Tatgosizdat, 1953.}

Bressmann 2008 — T. Bressmann. Quantitative assessment of tongue shape and movement using ultrasound imaging. In: Selected proceedings of the 3rd conference on laboratory approaches to Spanish phonology / L. Colantoni, J. Steele (eds.). P. 101—106. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2008. (Online first: <http://www.lingref.com/cpp/lasp/3/paper1717.pdf>).

Davidson 2006 — L. Davidson. Comparing tongue shapes from ultrasound imaging using smoothing spline analysis of variance // The Journal of the acoustical society of America. 120 (1). P. 407—415.

Merkur'ev 1974 — K. V. Merkur'ev. Inventar' soglasnykh fonem i ix distribuciya v yazyke bachatskikh teleutov // Voprosy yazyka i literatury narodov Sibiri. Novosibirsk, 1974. S. 49—64. {K. V. Merkuriev. Inventory of Consonant Phonemes and Their Distribution in the Language of the Bachat Teleuts. In: Questions of language and literature of the peoples of Siberia. Novosibirsk, 1974. P. 49—64.}

Mudrak 2009 — O. A. Mudrak. Klassifikaciya tyurkskikh yazykov i dialektov s pomoshh'yu metodov glottokhronologii na osnove voprosov po morfologii i istoricheskoy fonetike. Moskva: RGGU, 2009. {O. A. Mudrak. Classification of Turkic languages and dialects using the methods of glottochronology based on questions on morphology and historical phonetics. Moscow: RGGU, 2009.}

Murphy et al. 2022 — K. Murphy, N. Z. Stern, D. Swanson, C. Ho, J. N. Washington. UltraTrace: A free/open-source cross-platform tool for manual annotation of ultrasound tongue imaging data. 2022. (Online first: <https://github.com/SwatPhonLab/UltraTrace>).

Róna-Tas 1991 — A. Róna-Tas. An Introduction to Turkology. (Studia Uralo-Altaica 33.) Szeged, 1991.

Ryzhikova 2003 — T. R. Ryzhikova. Konsonantizm yazyka barabinskikh tatar: sopostavitel'no-tipologicheskij aspekt. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2003. {T. R. Ryzhikova. Consonantism of the language of the Baraba Tatars: a comparative-typological aspect: PhD thesis abstract. Novosibirsk, 2003.}

Schönig 1997 — K. Schönig. A new attempt to classify the Turkic languages (1). In: Turkic languages. 1997 (1). P. 125—133.

Selyutina 2021 — I. Ya. Selyutina Artikulyacionno-akusticheskaya baza kak marker kul'turno-yazykovoj identichnosti. In: Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2021. № 1 (34). S. 56—66. {I. Ya. Selyutina. Articulatory-acoustic base as a marker of cultural and linguistic identity. In: Northeast Humanitarian Bulletin. 2021. No. 1 (34). P. 56—66.}

SIGTYARR 2002 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstrukcii / Otv. red. E. R. Tenishev. Moskva: Nauka, 2002. {Comparative-historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions / Ed. by E. R. Tenishev. Moscow: Nauka, 2002.}

Tabain, Beare 2017 — M. Tabain, R. Beare. An ultrasound study of alveolar and retroflex consonants in Arrernte: stressed and unstressed syllables. In: Interspeech 2017. Stockholm, Sweden. P. 3003—3007. (Online first: https://www.isca-speech.org/archive_v0/Interspeech_2017/pdfs/0578.PDF).

TNS 2006 — Tyurkskie narody Sibiri. Moskva: Nauka, 2006. {Turkic peoples of Siberia. Moscow: Nauka, 2006.}

Washington 2018 — J. N. Washington. An investigation of the articulatory correlates of vowel anteriority in Kazakh, Kyrgyz, and Turkish using ultrasound tongue imaging. In: The 42nd Penn linguistics conference. University of Pennsylvania, March 23—25, 2018. (Online first: http://www.ling.upenn.edu/Events/PLC/plc42/PLC42_program.pdf#page=28).

Washington et al. 2020 — J. N. Washington, D. Tokmashev, A. Badrtdinova, Z. Kochakaeva, M. Zimin, V. Maltseva, N. Urtegeshev, T. Ryzhikova, V. Lemskaya, A. Dybo. An ultrasound study of dorsal stops in Tatar and Qumuq. In: UltraFest IX: Ultrasound imaging for speech and language virtual conference. Indiana university, October 21—24, 2020. (Online first: https://ultrafest2020.indiana.edu/abstracts/UltraFest_IX_Washington_EtAl_TatarQumuq.pdf).

Ауслautы глагольных основ (производных и непроизводных) в самодийских языках

Урманчиева Анна Юрьевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); urmanna@yandex.ru

Целью данной работы является определение морфонологических классов глагольных основ самодийских языков в зависимости от их ауслautа. С диахронической точки зрения важно проводить различия между производными и непроизводными основами: некоторые ауслautы возможны только в производных основах. Этот вопрос особенно важен для глаголов с вокалическим ауслautом: некоторые гласные могут появляться только в результате слияния финального гласного непроизводной основы с каким-либо деривационным показателем. В статье рассматриваются глагольные основы с вокалическим и с консонантным ауслautом. В результате исследования выделен список непроизводных общесамодийских глагольных основ структуры (C)VC-, показано, что судьба этих основ неодинакова в самодийских языках. В селькупском набор таких основ сокращается прежде всего за счет действия правил исторической фонетики (исчезновение *j и *ŋ в ауслaute), в северносамодийских этот класс основ существенно уменьшается: значительная их часть в современных языках представлена только в составе суффиксальных производных. Сохраняются исключительно те консонантные ауслautы непроизводных основ, которые совпадают с консонантными ауслautами производных основ. Проанализированы также глагольные основы структуры (C)VCV. Показано, что среди непроизводных основ можно надежно выделить лишь основы на *ə, *â, *ä. Что касается глаголов с исходом на другие гласные, они делятся на две группы: а) производные глаголы (типа стативно-декаузативных производных) и б) глаголы, имеющие параллели в именных основах (типа 'узел' ~ 'завязать', 'дым' ~ 'дымить').

Ключевые слова: самодийские языки, историческая фонетика, историческая грамматика, морфонология, вокализм непервых слогов, производные и непроизводные глагольные основы

CLASSES OF VERBAL STEMS (DERIVED AND NON-DERIVED) IN SAMOYED LANGUAGES

Anna Yu. Urmanchieva, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Science (St. Petersburg); urmanna@yandex.ru

The purpose of this work is to determine the morphophonological classes of verbal stems in Samoyed languages depending on their final phoneme. From a diachronic point of view, it is important to distinguish between derived and non-derived stems: some final phonemes are possible only in derived stems. This question is especially important for vowel stem verbs, since it is directly related to the dilemma of reconstructing the vocalism of the late syllables in Proto-Samoyed: some vowels can appear only as a result of merging of the final vowel of a non-derived stem with a derivational marker. The article examines consonant stem verbs and vowel stem verbs. As a result of the study, a list of non-derived Proto Samoyed consonant stem verbs was singled out. The history of these stems differs in individual Samoyed languages. In Selkup, the number of such stems is reduced only due historical phonetic shifts (disappearance of final *j and *ŋ). In Northern Samoyed this class of stems is significantly reduced: most of them are preserved only in combination with derivational suffixes. Predominantly only those final consonant of non-derived stems are preserved, that coincide with the final consonants of derived stems. The verb stems of the structure (C)VCV- are also considered. It is shown that among non-derived stems, only stems with *ə, *â, *ä can be reliably reconstructed. As for verb stem ending on other vowels, they can be divided into two groups: a) derived verbs (e.g. stative-decausative derivatives) and b) verbs that coincide with nominal stems (such as 'knot' ~ 'tie', 'smoke' ~ 'to smoke').

Keywords: Samoyed languages, historical phonetics, historical grammar, morphophonology, vocalism of late syllables, derived and non-derived verb stems

1. Введение¹

В статье рассматриваются морфонологические классы глагольных основ самодийских языков в зависимости от их ауслуата. С исторической точки зрения при исследовании этого вопроса важно разделять производные и непроизводные основы. Это связано с тем, что некоторые ауслуаты возможны только в производных основах. Данное исследование, в частности, позволит определить, какие морфонологические классы непроизводных глагольных основ существовали в прасеверносамодийском. Этот вопрос особенно важен для глаголов с вокалическим ауслуатом, т. к. он непосредственно связан с дилеммой реконструкции вокализма непервых слогов в прасамодийском: важно понимать, какие гласные могут встречаться в непроизводных основах, а какие могут появляться только в результате слияния финального гласного непроизводной основы с каким-либо деривационным показателем.

Исследование проводилось на материале следующих языков: тундровый ненецкий, тундровый и лесной энецкий, нганасанский², селькупский. Материал маторского исключается потому, что в донучной записи маторского, которой мы располагаем, вокализм непервых слогов зафиксирован слишком ненадежно. Камасинские записи К. Доннера, с одной стороны, также демонстрируют значительную вариативность в фиксации гласных второго слога, с другой — довольно сильную тенденцию к редукции гласных второго слога (запись в виде *ə*), поэтому было принято решение не привлекать и их на данном этапе исследования систематически, ограничиваясь редкими комментариями в показательных случаях. Нганасанские материалы выбраны из словаря [Костеркина и др. 2001], дополнены по неопубликованному словарю Е. А. Хелимского. Энецкие материалы выбраны из неопубликованного словаря, собранного Е. А. Хелимским, для селькупского использовался словарь [Alatalo 2004], для тундрового ненецкого — словарь [Salminen 1998].

В работе исследуются основы как с консонантным, так и с вокалическим ауслуатом, в каждой группе отдельно рассматриваются производные и непроизводные основы. Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 суммируется несколько достаточно хорошо известных фактов о судьбе финальных глайдов, т. к. их корректная реконструкция также важна для определения морфонологических классов глагольных основ в современных самодийских языках и для реконструкции морфонологических классов производных и непроизводных глагольных основ в прасамодийском. В разделе 3 рассматриваются глаголы с консонантным ауслуатом, в разделе 4 — с вокалическим ауслуатом.

2. Финальные глайды в прасамодийском и их судьба в языках-потомках

Для прасамодийского восстанавливаются два глайда, которые могут выступать в ауслуате именных и глагольных основ: **-j* (см., например, реконструкцию в [Janhunen 1977]) и **-w*, см. [Гусев 2008; 2010]. Эти глайды имеют следующие рефлексии в рассматриваемых в данной статье языках³:

Ауслуатный **j* сохраняется как отдельная фонема только в нганасанском и маторском (в остальных языках он представлен в виде определенных морфонологических особенностей таких основ), ср.:

(1) **tuj* ‘огонь’ > нг. *туй*, т. нен. *tu*, т. эн., л. эн. *tu*, ск. *tū*;

(2) **toj-* ‘прийти’ > нг. *туйся*, т. нен. *to/sy^o*, т. эн., л. эн. *tō-*, ск. *tū-*;

Ауслуатный **w* (в том числе в сочетании **-jw*) еще более неустойчив, фонологически он не сохраняется ни в одном из рассматриваемых языков, ср.:

(3) **kăcəw* ‘пурга’ > нг. *кожу*, т. нен. *xad^o*, т. эн., л. эн. *kađu*, ск. *koču*;

(4) **wetəw* (? **wétəw*) ‘кишка’ > нг. *бему*, т. нен. *yedyo*, т. эн., л. эн. *bede*, ск. *ketu*;

(5) **kontəjw-* ‘спать’ > нг. *кундуаса*, т. нен. *хонуо-*, т. эн. *kodu-*, л. эн. *kôdi-*, ск. *konti-*.

Тем не менее следы **-w* (и **-jw*) сохраняются в морфологии нганасанского, ненецкого и энецкого. Так, в нганасанском **-w* ведет себя как отдельная морфонема, которая в нотации, предложенной в [Хелимский 1994], обозначается как *-^C*. Ее существование манифестируется следующими явлениями (описывается по той же работе):

(i) морфонема *-^C* делает закрытым предшествующий слог; таким образом, если этот слог четный и он начинается с такого одиночного согласного или такого консонантного кластера, который участвует в че-

¹ Я благодарю Тапани Салминена, с исключительным вниманием прочитавшего первый вариант этой статьи. Благодаря ему удалось устранить многие существенные недостатки работы.

² Далее для удобства термин «северносамодийские» будет отсылать читателя к материалу именно этих четырех языков, хотя я считаю вслед за [Helimski 1997/2022], что маторский также относится к северносамодийской подгруппе.

³ Эффекты, оказываемые этимологическим глайдом на рефлексацию предшествующего ему гласного, я здесь не комментирую, т. к. это будет специально разбираться в статье.

редовании ступеней, по правилам ритмической градации этот согласный или кластер в начале четного слога должен был бы выступать в сильной ступени, однако по правилам слоговой градации этот согласный или кластер в закрытом слоге переходит в слабую ступень. Этот эффект мы видим в (3) — если бы слог был открытым, в нганасанском слово ‘пурга’ имело бы вид **коту* — и в (5) — если бы слог был открытым, кластер выступал бы в виде *-нт-*, как в глаголе *кунтудя* ‘заснуть’;

(ii) морфонема $-^C$ (как и другие финальные согласные основы) оставляет в сильной ступени начальный согласный следующей морфемы (хотя по правилам ритмической градации в начале нечетного — в данном случае третьего — слога этот согласный должен выступать в слабой ступени). Для существительных это можно продемонстрировать на примере показателя 3Sg — ср. *козу-ту* ‘пурга-3Sg’, *бету-ми* ‘кишка-3Sg’ с консонантной основой *кэмтп-ту* ‘провал в снегу-3Sg’ и вокалической основой *коту-зу* ‘тётя-3Sg’. Для глаголов то же можно показать на примере суффикса инфинитива, ср. *кундуа-са* ‘спать-Inf’ с консонантной основой *тарур-са* ‘делить-Inf’ и вокалической основой *кунту-дя* ‘уснуть-Inf’;

(iii) в случае, если к двусложной основе на $-^C$ прибавляется показатель, состоящий из одиночного согласного, он, вопреки общему правилу, не вызывает переход согласного в предшествующем слоге в слабую ступень, т. е. не делает слог закрытым (как это должно происходить в вокалической основе). Для имен это можно продемонстрировать на примере GenPl: ср. *коту-*” ‘пурга-GenPl’, *бету-*” ‘кишка-GenPl’ с вокалической основой *козу-*” ‘тётя-GenPl’, для глаголов — на примере коннегатива, ср. *дюку-*” ‘потеряться-CN’ с вокалической основой *няги-*” ‘стереть-CN’.

Поскольку явления (i), (ii) и (iii) мотивированы только диахронически, на синхронном уровне нередко наблюдаются случаи выравнивания морфонологического поведения основ на $-^C$ по типу основ с вокалическим ауслутом: например, номинатив слова ‘кишка’, как указано в (4) выше, в нганасанском имеет вид *бету* (но 3Sg — *бету-ми*, GenPl *бету-*”), т. е. для этого слова выполняются (ii) и (iii), но не (i), а коннегатив глагола *нэзу-сы* ‘быть видимым’ будет *нэзу-*”, т. е. для этого слово выполняются (i) и (ii), но не (iii).

В ненецком и энецком в именных основах «морфонологической памяти» о финальных глайдах не сохраняется, но в глагольных наличием этимологического глайда обусловлен выбор особого алломорфа некоторых суффиксов с этимологическим консонантным кластером, например суффикса имперфективного причастия $*-nt\hat{a}(j\hat{a})$ или футурального показателя, восходящего к сочетанию имперфективного суффикса $*-nt\hat{a}$ с показателем аориста. В глаголах с исходом на глайд выступает алломорф причастного показателя, который восходит к праформе $*-t\hat{a}(j\hat{a})$, ср. причастие от глагола ‘прийти’ — т. нен. *to-da*, т. эн. *to-de* или от глагола ‘спать’ — т. нен. *xonyo-da*, т. эн. *kodu-de*. Исторически это обусловлено преобразованиями типа $*w/j-nt > w/jt > t$: глайд, как и любой согласный, вызывает падение срединного согласного в трехсложном кластере, но затем в ненецком и энецком происходит падение ауслутных глайдов и в итоге остается одиночный *t*, см. [Guszev, Urmancijeva 2018].

3. Глагольные основы с консонантным ауслутом

3.1. Непроизводные глаголы с консонантным ауслутом

Из глаголов с консонантным ауслутом на статус производных могут претендовать только глаголы структуры (C)VC: все двусложные глаголы с консонантным ауслутом, как кажется, являются производными⁴. Такие основы ниже будут разделены на несколько групп:

1) глаголы, для которых структура основы (C)VC может быть надежно постулирована для прасамодийского уровня (глагол возводится на прасамодийский уровень, структура (C)VC сохраняется у глагольной основы в селькупском и в одном из северносамодийских языков);

2) глаголы, которые возводятся на прасамодийский уровень, но которые сохраняют основу структуры (C)VC лишь в одной ветви самодийских языков, т. е. либо только в селькупском, либо только в каком-то из северносамодийских языков;

3) глаголы, основы которых имеют структуру (C)VC в селькупском и не имеют соответствий в северносамодийских языках;

4) глаголы, основы которых имеют структуру (C)VC в каком-либо из северносамодийских языков и не имеют соответствий в селькупском.

Приведенный ниже список требует одного предварительного комментария. Так, помимо производной основы структуры (C)VC, в списках цитируются производные от таких основ: нередко консонантная основа может не сохраниться в виде производного глагола, но при этом «задержаться» в кау-

⁴ В статье не рассматриваются производные основы структуры CV(V)C- типа т. нен. *нот-*, эн. *нóот-*, нг. *нуомса* ‘объединиться’.

зативной производной или в производной с суффиксом **-kəl* (имеющей, по-видимому, значение интенсификации и при этом аспектуально в селькупском имеющей либо значение множественного действия, либо значение семельфактива, в северносамодийских — только семельфактивное значение).

3.1.1. Глаголы, позволяющие возводить структуру основы (C)CV на прасамодийский уровень (основа имеет структуру (C)VC в селькупском и как минимум в одном из северносамодийских)

Основы на шумный согласный

***t**

**pät-* ‘проникнуть внутрь, нырнуть, зайти (о солнце)’ > ск. *pat-*, нг. *хосы* (CN *хоžə*”). Ср. также⁵ итеративную производную т. нен. *pädyir-*, эн. *poder-*, нг. *хоžырсы* ‘нырять’, см. также [Janhunen 1977: 114—115];

**pätkəl-* ‘нырнуть’ > ск. *patkəl-*, т. нен. *pəkəl-* ‘проникнуть, пробраться; погрузиться; зайти (о солнце)’, эн. *pokoro-* ‘проникнуть, пробраться; погрузиться; зайти (о солнце)’, нг. *хокалэсы* ‘проникнуть, пробраться’⁶, см. также [ibid.];

**pit-* ‘выделывать шкуру’ > ск. *pit-*, эн. *pis-* ‘выделывать скребком’, нг. *хыси* (Pf.01 *хызы”эмэ*). Ср. также т. нен. *pyidyer-* ‘заниматься вторичной обработкой камысов’, эн. *pider-* ‘выделывать, разминать шкуру’ нг. *хытырсы* ‘скоблить’, ск. *pitə-* ‘выделывать шкуру’;

**pitkəl-*⁷ > ск. *pitkəl-*, см. также [ibid.: 126];

**tjt-* ‘хватать’. Основа сохранилась в производном существительном ск. *tjssan*, т. нен. *ticyah*, эн. *tit’e* ‘клещи’, также в селькупском в глаголе, но с вокалической основой *tjtə-* [Alatalo 2004: 1074], см. также [Janhunen 1977: 160];

**üät-* ‘тащить’ > т. нен. *nyúq-* ‘потянуть, потащить’, ск. *üt-ər-mo* ‘волок’ (-*ər* — суффикс итератива, -*mo* — суффикс места действия) — это сопоставление отмечено в [Alatalo 2004: 116];

**ket-* ‘сказать, рассказать’ > ск. *ket-* ‘сказать’;

**ket-tə-* > т. нен. *xetə-* ‘рассказать’;

**ket-tä-* > эн. *kita-* ‘рассказать’, см. [Janhunen 1977: 66];

**pat-* ‘опустить в котел; поставить сеть’ > ск. *pōt-*, ср. также т. нен. *pyadə-*, эн. *pedi-*, нг. *huati-* ‘опустить в котел, поставить сеть’;

**pat-tə-* ‘опустить в котел; поставить сеть’ > т. нен. *pyatə-*, эн. *peto-*, см. также [ibid.: 118].

***c**

**māc-* ‘отрезать’ сохранилось только в рефлексах производной **mācā-* ‘отрезать’ > ск. *mačə-*, т. нен. *māda-*;

**māc-tə-* > т. нен. *mətə-* ‘ровно обрезать, выровнять’;

**māt-tā-* > нг. *mätудя* (Pf. *məta”a*), эн. *mota-* ‘отрезать’, см. также [ibid.: 84];

**sac-* ‘укусить’ сохранилось в производных ск. *sāčə-*, т. нен. *syator-*;

**sac-kəl-* > т. нен. *syakəl-*, *syak”lə-*, эн. *sekoro-*, нг. *сакэлэ-*, см. также [ibid.: 136—137].

***k**

**pāk-* ‘копать, выкапывать, сверлить, вытаскивать’ > ск. **paq-* (*paq(ət)tə* ‘копать’, *paqərsan* ‘сверло’);

**pāk-kəl-* > нг. *хокалэсы* ‘проникнуть, вклиниться, пробраться, пролезть’;

**tāk-* ~ **tāk-* vs. **tək-* vs. *tak-* ‘собрать’ > ск. *tak-* ‘собрать’, нг. *ma”ca* (CN *маку*) ‘собрать’;

**tākkəl-* > ск. *taqqəl-*;

**tāk-* ‘спрятать, сохранить’ > ск. *taq-* ‘закопать, засыпать’;

**tākkəl-* > ск. *taqqəl-* ‘засыпать’, т. нен. *təkəl-* ‘спрятать’ [? из нен. > эн. *tekara-*], см. также [ibid.: 146];

**nāk-* ~ **nek-* ‘тянуть’ > ск. *nek-*, ср. также т. нен. *nexə-*, т. эн. *nexo-* ‘взять’, *nexoo-* ‘потащить, вытаскивать’, л. эн. *noxora-*, т. нен. *nex”bta-*, т. эн. *nexote-*, нг. *нягэбтысы* ‘дернуть’;

**nākkəl-* > ск. *nnqqəl-*, т. нен. *nekəl-*, т. эн. *nekoro-*, нг. *някалэсы*, см. также [ibid.: 100].

⁵ После «ср. также» приводятся глаголы, производные от того же корня, не сохранившие консонантную основу.

⁶ В энецком и нганасанском суффикс **-kəl* в рассматриваемых общесамодийских производных всегда дает рефлекс вокалического типа: эн. *-koro*, нг. *-кэлэ* (возможно, таков рефлекс именно после консонантной основы, ср. после вокалической нг. *буа-гел-сы*, т. эн. *туа-хар-* ‘перешагнуть’).

⁷ Поскольку данные современных самодийских языков не позволяют решить вопрос о наличии во втором слоге противопоставления **ə ~ *ä*, в настоящей работе символ **ə* в непервых слогах может потенциально отражать и **ə*, и **ä*.

Основы на сонант***m**

**ām-* ‘съесть’ > ск. *am-*, т. нен. *ηāt-*, эн. *om-*, нг. *намса*, см. также [ibid.: 15];

**tām-* ‘завернуть, свернуть в трубочку’ > ск. *tam-tāl-* ‘завернуть’ — т. нен. *tāmtāl-* ‘сложить, свернуть’, нг. *tāmtālāsı* ‘согнуть, свернуть’, см. также [ibid.: 147];

ср. **tomkäl-* > нг. *тумкәлә-* ‘сложить, свернуть в трубочку’;

**jom-* ‘идти (о снеге)’ > ск. *śom-* ‘идти (о снеге)’, нг. *d’üm* ‘снегопад’, ср. также нг. *d’ümu-* ‘снежить’, *d’ütağaʔa* ‘погода с мокрым снегом’;

**jom-kä-* > т. нен. *yomcu-* ‘идти, падать — о мягком пушистом снеге (во время тёплой погоды)’, *yomcuah* ‘мягкий пушистый снег, снегопад’, т. эн. *d’ud’iʔ* ‘мягкий пушистый снег, снегопад’;

**jom-kə-* > нг. *дюмкүмү* ‘снежинки’, *дюмкәлирся* ‘облеплять’, эн. *d’ugori* ‘снегопад’, см. также [ibid.: 46].

***n**

**rān-* ‘сплести, заплести’ > ск. *ran-*, нг. *хонса*;

**rānkäl-* > ск. *ranḳäl-*, т. нен. *rāḳäl-*, эн. *rogoro-*, см. также [ibid.: 113];

**reṇ-* ‘положить’ > ск. *reṇ-*, т. нен. *reh-*, эн. *rip-*, нг. *хуанса*, см. также [ibid.: 118];

**mōn-* ‘говорить’ > ск. *motra* ‘говорят; мол’, т. нен. *tah-*, эн. *ton-*, нг. *мунса*, см. также [ibid.: 88];

**kān-* ‘пойти’ > ск. *ḳuān-* ‘пойти’, ср. также т. нен. *хапәq-* ‘становиться’ (= эн. *kānis-*), нг. *коныди*, т. эн. *kāne-*, л. эн. *kañi-* ‘пойти’;

**kāntā-* ‘унести, увести’ > ск. *ḳuāntā-*, т. нен. *xānā-*, эн. *kada-*, нг. *контудя*, см. также [ibid.: 59];

**men-* ‘двигаться, идти’ > т. нен. *tuṇ-*, нг. *мынсы*;

**mentä-* ‘нести’ > т. нен. *tuṇye-*, эн. *mide-*, ср. также нг. *миндысы*, см. также [ibid.: 94]⁸.

***ŋ**

**wāāṅ-* ‘течь (о реке)’ > ск. *kōṅ-* ‘течь (о реке)’, сохранилось в составе производных существительных т. нен. *yent^oq*, эн. *bioduʔ* ‘течение’, см. также [ibid.: 174], где восстанавливается праформа **wēṅ-* (в используемой в данной статье системе **wān-*), однако энецкий материал указывает скорее на **wāāṅ-*.

***r**

**er-* ‘выпить’ > ск. *ēr-*, т. нен. *ηer-*, см. также [ibid.: 21—22];

**tar-* ‘делить’ > ск. *tār-*, т. нен. *tyar-*, эн. *ter-*, нг. *таpса*, см. также [ibid.: 154].

Основы на глайд***j**

**māj-* ‘сделать’ (вся релевантная информация приведена в [ibid.: 92]);

**tuj-* ‘прийти’ (вся релевантная информация приведена в [ibid.: 164]);

**tūj-* ‘войти’ (вся релевантная информация приведена в [ibid.: 167]);

**rāj-* ~ **rāj-* ‘завернуть, обернуть’ > в т. нен. сохраняется производная с каузативным суффиксом *raēbta-* ‘обернуть, завернуть, скрутить, запутать’;

**rājḳäl-* ~ **rājḳäl-* > ск. *rajḳäl-* ‘заматывать’, эн. *рохоро-* ‘запутать’, нг. *хуйкәләсы* ‘скрутить, обмотать, обвить’, см. также [ibid.: 115].

3.1.2. Только одна из ветвей самодийских языков показывает глагольную основу структуры CVC, но сам глагол возводится на прасамодийский уровень

Основы на шумный согласный***t**

**kāt-* ‘убить, добыть’ > ск. *ḳuāt-*, ср. также т. нен. *xāda-*, эн. *kada-*, нг. *котудя*, см. также [ibid.: 57];

**nāt-* ‘выскоблить шкуру’ > т. нен. *nəq-*, эн. *nos-*, нг. *нә”са* (Pf.о3 *нәзү”әту*), ср. также ск. *nat-* < *natāt-* [Alatalo 2004: 1351], см. также [Janhunen 1977: 97];

**sāj-* ‘сшить’ > ск. *sūt-/sūt-*, ср. также т. нен. *sædə-*, т. эн. *sadur-*, л. эн. *sodur-*, нг. *сочедя*, см. также [ibid.: 134];

⁸ Прасамодийский характер основы, как и ее принадлежность к классу консонантных, доказывается ее наличием в камасинском, см. [Janhunen 1977: 94—95].

**pijt*¹ - ~ **pijt*¹ - 'походить на кого-л.' > ск. *pūt*- (также *pūtu*-), ср. также т. нен. *pida*-, эн. *pida*-, см. также [ibid.: 131];

**tāt*- 'принести' > ск. *tat*-, ср. также эн. *toda*-, нг. *təтудя*, см. также [ibid.: 145];

**tāt*- 'вычерпать из котла' > ск. *tīt*- 'класть еду в тарелку', ср. также т. нен. *tyedə*-, эн. *tedi*-, нг. *четə*- 'вынуть мясо из котла';

**kat*- 'крутить, переворачивать' > ск. *kāt*- 'крутить, переворачивать', которому соответствуют т. нен. *syad^oxəl*-, эн. *sedoxoda*- (возможность сравнения с ненецким материалом отмечена в [Alatalo 2004: 1875]). Вероятно, глагол связан со словом 'лицо', ср. рус. 'перелицевать'.

*с

**nic*- 'рвать', ср. ск. *niča* 'рвать', т. нен. *nidaq*-, эн. *nidus*-;

**nickəl*- > ск. *ničkəl*-, т. нен. *nikəl*-, см. также [Janhunen 1977: 101].

Для приведенного ниже глагола все самодийские языки отражают праформу CVCV-, и только в нганасанском он имеет основу структуры CVC-:

**jac(ə)*- 'выковать' > т. нен. *yadə*-, т. эн. *d'edo*-, л. эн. *d'ado*-, ск. *čāčā*, но нг. *дя"ся* (коннегатив *дяžə*"), см. также [ibid.: 39].

*р

**jp*- 'сдавить, сжать' > ск. *jp*- 'сдавить, сжать', т. нен. *ḡibər*- 'смять, помять, размять (руками)'; т. нен. *ḡibka*- 'ущипнуть, зажать'; возможно, сюда же относится нг. *ḡibaada* 'ощупать';

**jp-kəl*- > ск. *ḡpkəl*- 'вдавить', см. также [ibid.: 25].

Основы на сонант

*m

**ḡim*- 'сосать' > ск. *ḡim*-, *ḡimər*- 'сосать', *ḡima* 'грудь', ср. также нг. *нимир*- 'сосать', *ними* 'грудь; молоко', т. эн. *niutagu*-, *niutera*- 'сосать', см. также [ibid.: 110—111]⁹.

*n

**wen*- 'вытягиваться' > ск. *ken*- 'вытягиваться', ср. также т. нен. *wenabta*- 'растянуть', *wenəḡkə*- 'тянуться', *wenəḡ*- 'протянуть', эн. *bunus*- 'растянуть', *bunana*- 'растягиваться', *bunəir*- 'растягивается', *bunoro*- 'вытянуть', нг. *банəдя* 'растянуть', *банүрүся* 'растягиваться', *банүркүся* 'растягивать', *банү"тəса* 'растягивать', *банəлəса* 'вытянуть'; сопоставление селькупского и северносамодийского материала предложено в [Alatalo 2004: 2040].

*ñ

**wiñ*- 'согнуть лук' > ск. *kī*- 'натянуть, зарядить лук', т. нен. *wiñ*- 'натянуть (аркан, лук)'. В [Janhunen 1977: 175] представлена реконструкция **wiñ*- 'зарядить лук', Е. А. Хелимский предлагает реконструировать праформу этого глагола в виде **wiñ*-, что, по его мнению, открывает возможность сопоставления с мт. *mijubtə*- 'гнуть, сгибать', т. нен. *wiyabta*- 'согнуть', т. эн., л. эн. *bujorta*- 'согнуть', которые он рассматривает как рефлексy **wiñzptə*-, см. [Helimski 1997: 310, сл. ст. 699].

*r

**kār*- 'одеться' > ск. *šēr*- 'одеться', ср. также т. нен. *syerə*-, эн. *sero*- 'надеть', нг. *серəди* 'надеть; приобрести', см. также [Janhunen 1977: 68];

**mār*- 'сломать' > ск. *mor*- ~ *mōr*- ~ *mur*- 'сломать', ср. также т. нен. *mər^odo*- 'сломаться', т. эн. *moree*- 'сломаться'¹⁰, нг. *мəрүса* (CN *мəру*"), нганасанские формы указывают на основу *məру^c*- 'сломаться';

**mārkal*- > ск. *mōrḡəl*-, см. также [ibid.: 87].

Следующие два сопоставления предложены в [Урманчиева, рук.]:

**kāār*- 'выпить' > ск. *šēr*- 'напиться допьяна', нг. *с'иəры*- 'выпить (любую жидкость)';

**kār*- 'войти' > ск. *šēr*- 'войти', нг. *с'еры*- 'внести, занести' (что касается возможности семантического сопоставления этих двух глаголов, один из которых является переходным, а второй — непереходным, можно опереться на аналогию: нг. глагол *тойбуса* 'перевезти на новое место' отражает прасеверносамодийскую праформу **toijbusa*-).

⁹ В [Janhunen 1977: 110—111] к сопоставлению привлечен также глагол т. нен. *niimnye*- 'сосать', которому, однако, соответствуют эн. *nina*- 'высосать' (также 'разгрызть') и нг. *нюмню*- 'высосать'. Есть также фонетически схожий ряд т. нен. *ḡəтуа*- 'сосать грудь', *ḡəтуа* 'грудь', т. эн. *иш*, л. эн. *иш* 'грудь', т. эн. *uitagu*-, л. эн. *uitagu*- 'сосать', о чем см. [Хелимский 1986, этимология 9].

¹⁰ Возможно, энецкая форма соответствует т. нен. *məлу^oyo*- 'сломаться'.

дийское **t'ájwá-* (с дополнительным суффиксом в нганасанском), рефлексy которого в ненецком, энецком и маторском означают 'дойти').

*l

В [Janhunen 1977: 141] реконструируется глагол **sil-* ~ **sejl-* ~ **sel-* 'наточить', к праформе **sejl-* возводятся нен. *syil-* 'наточить' и км. *sēl-l'əm*, отношение к этой праформе ск. *sel₂-* с тем же значением не вполне ясно.

Основы на глайд

*j

**päj-* 'рубить, колоть' сохранилось в селькупском в суффиксальной производной ск. *pačal-*, в северносамодийских — в производной основе **päj-s-*: т. нен. *pæəq-* 'расколоть дрова', нг. *xou"cu* (CN *xoude*) 'нарубить дров', эн. *petur-* (< **päj-s-ntur*) 'рубить', см. также [ibid.: 112].

В нескольких случаях консонантная основа вида CVC представлена в северносамодийских, но сопоставление с селькупским материалом показывает, что в этих глаголах исконной была структура CV:

**mi-* 'дать' > ск. *mi-*, но т. нен. *myiq-*, эн. *mis-*, нг. *миси* (CN *миде*), см. также [ibid.: 94];

**wə-* 'быть лишним' > ск. *kuā* 'лишний', но т. нен. *wəq-* 'быть лишним, излишним, сверх чего-л.', *wədam-* 'стать лишним', эн. *boda-*, нг. *бэ́дэя* 'быть лишним', см. также [ibid.: 168];

**pū-* 'дуть' > ск. *pū-*, но т. нен. *pūq-* 'подуть', т. эн. *puer-* 'дуть', *puaro-* 'подуть', л. эн. *pueso-*, нг. *ху́рса* 'дуть', *ху́лэса* 'подуть', см. также [ibid.: 128—129].

3.1.3. Глагол (C)VC представлен только в селькупском

Основы на шумный согласный

*t

**tat-* 'идти' > ск. *tāt-*;

**tatkəl-* 'снимать сети; собирать' > ск. *tātqəl-*.

*k

**nok-* 'оттолкнуть' > ск. *noq-*;

**sək-* ~ **sāk-* 'наполнить, набить, затолкать' > ск. *səq-* ~ *sāq-*;

**sok-* 'ползти' > ск. *soq-*.

*p

**təp-* 'растоптать' > ск. *tap-*;

**sjp-kəl-* 'прятать' > ск. *sjpqəl-*.

Основы на сонант

*ŋ

**koŋ-* 'провалиться, утонуть' > ск. *qoŋ-*.

*r

**pārəkəl-* 'сморкаться, выжимать белье, мять' > ск. *parqəl-*.

3.1.4. Глагол (C)VC представлен только в северносамодийских языках

Основы на шумный согласный

*t

**kət-* 'перевязать' > нг. *кэса* (CN *кэ́э*).

*k

**jok-* 'потерять' > т. нен. *yoq-*, эн. *d'us-*, нг. *дюса* (CN *дюкэ*) 'потерять'.

*t³

**pāt³-kəl-* 'вколоть' > т. нен. *pakəl-*, т. эн. *pakoro-*, нг. *hokələ-*;

**tāt³-kəl-* 'заткнуть' > т. нен. *tyekəl-*, т. эн. *tekoro-*.

нен.-эн. **s**¹¹

**wās-* ‘загородить’ > т. нен. *waq-*, эн. *bas-*; возможно, связано со словом **wat* ‘загон’, см. [Janhunen 1977: 171]¹²;

**sās-* > т. нен. *səq-* ‘сильно, очень; быть сильным, быстрым’, эн. *sos-* ‘быть упрямым, бойким’ (? ск. О *sača* ‘прочный’ — если это селькупское слово соответствует ненецкому и энецкому, следует восстанавливать прасамодийскую праформу **sāč-*).

Основы на сонант

***r**

**mār-* ‘отобрать’ > т. нен. *tār-*, эн. *mor-*, нг. *mārsy*, в [ibid.: 87] добавлен также камасинский материал, но соответствие отмечено как нерегулярное.

***l**

**sāl-* ‘вернуться’ > т. нен. *sāl-* ‘вернуться’, эн. *sor-*.

***n**

**san-* ‘жалеть’ > т. нен. *syah-* ‘жалеть’, эн. *ser-*;

**kān-* ‘позвать’ > т. нен. *xah-*, эн. *kar-* (в энецком, вероятно, такая же замена *n* > *r*, как в случае каптивных глаголов; ? ср. также ск. *kuārə-*, см. [ibid.: 54]);

**pān-* ‘иметь’ > нг. *хонсы* ‘иметь’; в энецком представлена производная с итеративным суффиксом *poner-* ‘носить, держать’, с названием какой-либо деятельности в качестве дополнения также имеет значение ‘заниматься чем-л.’.

Следующие глаголы представлены только в ненецком.

Основы на шумный согласный

***s**

təq- ‘вытереть’¹³.

Основы на сонант

***n**

yah- ‘сплести, соединить, срастить (что-л.) ((например, части аркана, хорея, невода и т. п.))’;

xeh- ‘унять(ся), успокоить(ся)’;

roh- 1) ‘стать густым’ 2) ‘смешаться с чем-л.’;

tyoh- ‘развесить, выставить для просушки’.

***l**

nyal- ‘уместиться в чем-л., налезть на что-л.’;

syal- ‘перекрутиться (веревка, аркан)’.

***r**

raər- ‘делать’;

lər- (ямальский говор) ‘стать редким (о зубах); стать неплотно прилегающим (о склеенной посуде)’.

Таким образом, на прасамодийском уровне вполне надежно реконструируются непроданные односложные основы с консонантным ауслутом на сонант (*-m, -n, -ŋ, -r*), смычный (*-t, -c, -k*) и глайд (*-j*), если прибавить данные второй группы (глагол может быть отнесен к прасамодийским, но консонантная основа сохранилась только в одной ветви самодийских языков), добавляются также смычный *-p* и сонанты *-l* и *-ŋ*.

В языках-потомках наблюдается следующая картина: во-первых, все языки в той или иной мере стремятся к устранению основ CVC — большинство таких основ переходит в более широкий класс CVCV или же рефлексy глагольного корня данной фонетической структуры сохраняются только в со-

¹¹ В этой группе представлены только глаголы ненецкого и энецкого, в которых ауслутный *-s* может отражать различные ауслутные смычные.

¹² Отнесение к данной этимологической статье в [Janhunen 1977] селькупского слова *kuāččə* ‘город’ ошибочно из-за начального увулярного (**w* в селькупском соответствовал бы велярный *k*-), так что надежно только объединение северносамодийского материала.

¹³ Эн. *taa-* ‘вытереть’ соответствует т. нен. *tawə-* ‘вытереть’.

ставе основ с дополнительным суффиксальным оформлением. Во-вторых, языки-потомки по-разному обошлись с набором согласных, возможных в консонантном ауслaute основ CVC. Пожалуй, наиболее «толерантен» к широкому набору ауслautных согласных селькупский язык: в нем сокращение происходит только за счет действия общих законов исторической фонетики — в селькупском не сохраняются ауслautные **-j* и **-ń*, поэтому и глагольные основы, этимологически оканчивающиеся на эти согласные, в селькупском перешли в класс односложных вокалических основ CV. Все остальные консонантные ауслautы в селькупском сохранились.

В северносамодийских языках набор согласных в ауслaute глагольных основ структуры CVC сокращен не только в результате действия правил исторической фонетики, но также и в результате действия тенденции выровнять этот набор по набору консонантных ауслautов, возможных в производных глагольных основах. Последовательность, с которой проявлялось действие этой тенденции, не одинакова в разных северносамодийских языках и для различных ауслautных согласных. Более всего «пострадали» глагольные корни на шумный смычный. Таких общесамодийских глаголов по спискам 3.1.1 и 3.1.2 можно выделить 20, из них в северносамодийских глагольную основу структуры CVC без дополнительного суффиксального оформления сохранили четыре. Нганасанский во всех четырех случаях сохраняет этимологический ауслautный согласный:

**pät-* ‘нырнуть, зайти (о солнце)’ > нг. *хо”си* (CN *хоӟӟ*”);

**pit-* ‘выделать шкуру’ > нг. *хысы* (Pf.о1 *хыӟы”ӓмӓ*);

**nät-* ‘выскоблить шкуру’ > нг. *нә”са* (Pf.о3 *нӟу”ӓту*);

**täk-* ~ **täk-* vs. **tek-* vs. *tak-* ‘собрать’ > нг. *та”са* (CN *таку”*);

сюда же можно прибавить общий северносамодийский глагол

**jok-* ‘потерять’ > нг. *дюса* (CN *дюкӓ”*).

В ненецком и энецком происходит выравнивание консонантного ауслauta этих основ: они заканчиваются на *-s*, т. е. в данном случае происходит выравнивание основ по продуктивному морфонологическому типу — по отглагольным производным интенсивно-перфектной семантики с суффиксом *-s* (типа т. нен. *wabtäq-*, эн. *batus-* ‘вылить, высыпать в большом количестве’) или отыменным основам со значением ‘считать, называть, иметь’ с омонимичным суффиксом (типа т. нен. *nyewäq-*, эн. *eis-* ‘считать, называть матерью’). При этом в основах, оформленных деривационным суффиксом, сохраняются рефлекс-сы этимологического ауслautного согласного. В ненецком и энецком встречаются следующие основы:

**nät-* ‘выскоблить шкуру’ > т. нен. *näq-* (CN *näsäq*), эн. *nos-* (CN *nosot?*), но ср. итеративные дериваты, сохраняющие рефлекс этимологически исконного согласного т. нен. *nädor-*, эн. *nodur-* ‘выскабливать шкуру’;

**pit-* ‘выделывать шкуру’ > эн. *pis-* (CN *pisot?*), но ср. итеративный дериват, сохраняющий рефлекс этимологически исходного согласного *pider-* ‘выделывать, разминать шкуру’ (в ненецком глагольный корень не сохранился в основе структуры CVC-, есть только соответствующий энецкому итеративный дериват *pyidyer-*);

**jok-* ‘потерять’ > т. нен. *yöq-* (CN *yösäq*), эн. *d’us-* (CN *d’usot?*), но ср. стивно-декаузативные дериваты, сохраняющие рефлекс этимологически исконного согласного т. нен. *yöxo-*, эн. *d’öxu-* ‘потеряться, заблудиться’.

Непроизводные глагольные корни структуры CVC с сонантом в ауслaute ведут себя в северносамодийских языках следующим образом.

Непроизводный глагольный корень структуры CVC с *-m* в ауслaute отмечается во всех северносамодийских языках, ср. нг. *нәмса*, т. нен. *нәт-*, эн. *от-* ‘съесть’. В энецком и ненецком, где существует тенденция выравнивания консонантных ауслautов непроизводных глагольных основ структуры CVC по консонантным ауслautам производных основ, это дополнительно поддерживается наличием деривационных суффиксов на *-m*. Это отглагольные суффиксы: рефлекс-сы общесамодийского инхотивного (образованные с помощью данного суффикса глаголы спрягаются по субъектному спряжению), как т. нен. *нәдыим-*, эн. *одим-* ‘стать видимым’ или т. нен. *waqum-*, эн. *banum-* ‘прилечь (о животном)’, ненецкий семьельфактивный (образованные с помощью этого суффикса глаголы спрягаются по субъектному спряжению), как т. нен. *yesät-* ‘сверкнуть’, и рефлекс-сы общесамодийского отыменного суффикса со значением ‘стать каким-л., чем-л.’ типа т. нен. *yaqom-*, эн. *d’eum-* ‘испачкаться в саже’ или т. нен. *yörät-*, эн. *d’örim-* ‘стать глубоким’ (возможно, совпадающий с отглагольным инхотивным).

Непроизводный глагольный корень структуры CVC с *-r* в ауслaute сохраняется во всех северносамодийских языках, ср. т. нен. *tyar-*, эн. *ter-*, нг. *тапса* ‘делить’. В энецком и ненецком сохранение таких основ получает дополнительную поддержку за счет существования широкого класса производных отглагольных основ с итеративным значением с общесамодийским суффиксом *-r*, ср. т. нен. *yader-*, эн. *d’adur-* ‘ходить’.

Непроизводный глагольный корень структуры CVC с *ŋ* в ауслaute **wäŋŋ*- ‘течь (о реке)’ не сохранился ни в одном из северносамодийских языков в виде глагольной основы структуры CVC.

Непроизводный глагольный корень с *ŋ* в ауслaute встречается только в ненецком: **wiŋŋ*- ‘согнуть лук’ > т. нен. *wiŋŋ*- (основы на **-ŋ* относятся в ненецком к тому классу, который в [Salminen 1997: 77] обозначается как класс *n ~ j̄*, т. е. класс, где происходит чередование *n* и *j* следующего типа: перед согласным выступает *n*, перед гласным — *j*, т. е. инфинитив *wiŋŋcy*^o, но коннегатив *wiŋŋq*). Сохранение этого ауслата в ненецком получает дополнительную поддержку за счет существования класса отыменных производных глаголов с общесамодийским суффиксом, восходящим к **-ŋ*, имеющих *каптативное* (термин используется в [ibid.]) значение, ср. т. нен. *syawoh*- ‘очистить от чешуи’, *məraŋkih*- ‘собирать морошку’. (В нганасанском каптативные глаголы образуются при помощи другого суффикса, ср. *мурыцгазу*- ‘собирать морошку’, в энецком каптативные глаголы, как и основы на **-n*, выровнялись по морфонологическому типу *r*-основ, ср. *seir*- ‘очистить от чешуи’, *morager*- ‘собирать морошку’.)

Все прасамодийские непроизводные глагольные корни с *-n* в ауслaute сохраняются в нганасанском. В ненецком они выровнялись по морфонологическому типу **-ŋ*-основ (как уже говорилось выше, в ненецком есть именно этот продуктивный морфонологический тип за счет класса каптативных глаголов с суффиксом **-ŋ*). Например, глагол т. нен. *peh*- ‘положить’ (< **pəŋ*-) относится в т. нен. к классу *n ~ j̄*-глаголов, т. е. имеет инфинитив *pency*^o, но коннегатив *pey*^o*q*. В энецком эти глаголы ведут себя по-разному: часть сохраняет *n*-основы (*pun*- ‘положить’, *tan*- ‘сказать’), часть выравнивается по тому же продуктивному *r*-классу, что и каптативные глаголы (*ser*- ‘жалеть’, *kar*- ‘позвать’).

Непроизводный глагольный корень с *-l* в ауслaute сохраняется в ненецком *səl*- ‘вернуться’ (в энецком ему соответствует *sor*- — в энецком по правилам исторической фонетики *l > r*). В ненецком есть еще две глагольные основы структуры CVC с *-l* в ауслaute, выглядящие как непроизводные: *nyal*- ‘уместиться в чем-л., налезть на что-л.’; *syal*- ‘перекрутиться (веревка, аркан)’. Морфонологически *l*-основы получают поддержку от широкого класса производных основ с ауслатным *-l*, например от инхоативных производных типа *núl*- ‘встать’ или аттенуативно-моментальных производных типа *wədaχəl*- ‘зацепить(ся)’.

Непроизводные основы на **j* сохраняются в нганасанском, ауслатный *j > 0* в ненецком и энецком, однако в обоих языках глагольная основа выбирает алломорфы имперфективного причастия или футурального показателя, свойственные консонантным основам, ср. **toj* ‘прийти’ > нг. *туйся*, т. нен. *to*- (имперфективное причастие *toda*), эн. *tû*- (имперфективное причастие т. эн. *tōde*, л. эн. *tōda*).

3.2. Производные глаголы с консонантным ауслатом

Теперь перейдем к обзору консонантных ауслатов производных глагольных основ (некоторые из суффиксов, формирующих консонантные ауслаты, уже упоминались выше). Для прасамодийского можно установить следующий набор относящихся к суффиксу согласных, формирующих консонантный ауслат:

*-t для селькупского (и камасинского) ~ *-s для северносамодийских: отыменные глаголы со значением ‘использовать что-то; считать кем-то’, например ск. *katət*-, т. нен. *хədyeq*- (CN *хədyes*^o*q*), эн. *kodēs*-, нг. *каза”са* (CN *katade*”) ‘поцарапать’. Функционально селькупский и северносамодийские суффиксы тождественны, однако фонетического соответствия ск. *-t ~ с*-сам. *-s* в ауслaute (как, впрочем, и в любой другой позиции) нет. Нерегулярное фонетическое развитие при этом демонстрируют северносамодийские языки.

*-r: итеративный суффикс, ср. ск. *amər*-, т. нен. *ŋəwor*-, эн. *ôbr*-, нг. *цəмурса* ‘есть’.

*-l: см. выше многочисленные примеры производных с прасамодийским суффиксом **-kəl* типа **pâtkəl*- ‘нырнуть’ > ск. *patkəl*-, т. нен. *pəkəl*- ‘проникнуть, пробраться; погрузиться; зайти (о солнце)’, эн. *pokoro*- ‘проникнуть, пробраться; погрузиться; зайти (о солнце)’, нг. *хокəлəсы* ‘проникнуть, пробраться’.

*-m: ср. общесамодийский суффикс, образующий отыменные глаголы ‘стать каким-л. / чем-л.’: ск. *čēləm*- ‘родиться’, т. нен. *yalum*-, эн. *d’erim*-, нг. *дяламса* ‘рассвести’ (производно от **jälä* ‘день, свет’ [Janhunen 1977: 40]).

*-ŋ: есть, по всей видимости, несколько подобных суффиксов. Это уже упоминавшиеся каптативные производные, рефлексy которых сохранились в ненецком, селькупском и нганасанском, ср. ск. *čopəraj*- ‘собирать ягоды’ и т. нен. *məraŋkih*- ‘собирать морошку’. В энецком не сохранилось следов основ с ауслатом на *-ŋ*. В нганасанском можно предполагать следы каптатива в глаголах типа *таачу*- ‘пасти оленей’ (из **təŋ-ŋ-tā*-, я благодарю В. Ю. Гусева, обратившего мое внимание на такие случаи).

**-w*: суффикс с данным аусллаутом образует во всех языках стативно-декаузативные глаголы (см. [Гусев 2010], где впервые рассматриваются в исторической перспективе эти производные всех самодийских языков). Основания для реконструкции этого финального глайда, подробно проанализированные в [там же], вкратце изложены в разделе 2 настоящей статьи. Сейчас нас в большей степени интересует, какой эффект присутствие этого глайда оказывает на предшествующий гласный производящей глагольной основы. Ниже приводятся несколько вполне известных примеров образования стативно-декаузативных производных от основ с различными этимологическими гласными в аусллауте.

— основы на **-a*: от **kontā-* ‘уснуть’ образуются следующие производные со значением ‘спать’: ск. *konti-*, т. нен. *xonyo-*, т. эн. *kodu-*, л. эн. *kōdi-*, нг. *кундуаса*, км. *kunōl'am*;

— основы на **-ä*: от **kājā-* ‘оставить’ образуются следующие производные со значением ‘остаться’: ск. *kuāci-*, т. нен. *xaуo-*, эн. *kai-*, нг. *коуса*, км. *kojōl'am*;

— основы на **-ə*: от **āmtā-* ‘сидеть’ образуются следующие производные со значением ‘сесть’: ск. *āmti-*, т. нен. *ḡamtyo-*, т. эн. *adu-*, л. эн. *adi-*, нг. *ḡомтүся*, км. *amḡōl'am*.

Однако выбор алломорфа не всегда предопределен финальным этимологическим гласным, и необходимо описывать распределение алломорфов в каждом конкретном языке.

В камасинском этот суффикс выступает в единственной форме *-ō*, вытесняя этимологический финальный гласный основы.

В селькупском он имеет три варианта: *-u*, как в ск. *atu-* (? *attu-*) ‘быть видимым’ или ск. *ūntu-* ‘слышаться, звучать’, *-i*, как в *āmti-* ‘сидеть’, и *-čə*, как в *kukəčə-* ‘качаться’. В [Alatalo Ms.] указано, что появление варианта *-čə* (который фонетически может быть и не связан регулярным образом с *-i* или *-u*) связано с редукцией гласных последних слогов: различие между *u* и *i*, с одной стороны, и *ə*¹⁴ — с другой, из всех селькупских диалектов сохраняет только кетский, так что, например, в северном диалекте глаголы ‘повесить’ и ‘висеть’ оказываются омонимичными и оба имеют форму *īə-*. Поэтому следует считать, что исконно в селькупском суффикс имел форму *-i* и вытеснял финальный гласный основы либо присоединялся к консонантным основам, ср. возвратную производную *pini-* ‘превратиться’ от глагола *peḡ-* ~ *piḡ-* ‘положить’ [Alatalo 2004: 491].

Из северносамодийских языков последовательное распределение алломорфов демонстрирует только нганасанский, данные которого будут подробно рассмотрены ниже.

Основы на **a*: нг. *u* > *ua*^C (**a + w* > *ew*)

бэбтудя ‘перевернуть’ > *бэбтуаса* ‘перевернуться’;

бэтудя ‘вырастить’ > *бэзуаса* ‘вырасти’;

контудя ‘увести, унести, отнести’ > *кондуаса* ‘вести; быть направленным’;

кунтудя ‘уснуть’ > *кундуаса* ‘спать’;

кэбтудя ‘погасить’ > *кэбтуаса* ‘погаснуть’;

күрүдя ‘запутать’ > *күрүаса* ‘запутаться’.

Основы на **ä*: нг. *i/i* > *u*^C (**ä + w* > *ow*)

туты- (Pf.03 *туты* ‘аты’) ‘поставить, встать вертикально’ > *туту*^C- (Praes.s3 *тутуты*) ‘находиться в правильном положении’;

коиди ‘оставить’ > *коуса* ‘остаться’.

Интересно, что именно этот гласный мы находим в нг. глаголе *ḡəḡүсы* ‘быть видимым’: если предполагать его производность от нг. *ḡəḡəдя* ‘увидеться, найти, проверить, встретить’, гласный в нем будет нерегулярен, зато он совершенно закономерно наследует прауральской форме **itā-* > прасамодийский **äitā-* (и в прасамодийском, в силу семантики, этот глагол получает дополнительное оформление стативно-декаузативным показателем, что и дает **äitā-jw*, к которому восходят формы всех современных самодийских языков).

Нерегулярны два глагола схожей фонетической структуры, этимологически относящиеся к разным подгруппам, но ведущие себя в нганасанском одинаково:

китиди ‘разбудить’ (**kitā-*) > *күзүаса* ‘проснуться’;

ḡитиди ‘повесить’ (**itā-*, но нг. скорее демонстрирует рефлекс **itā-*) > *ḡүзүаса/ḡүзүаса* ‘висеть’.

Основы на **ə*: нг. *ə* > *ü*^C, если основа относится к U-классу и не более чем двусложная

ḡəḡəдя ‘увидеть(ся); найти; проверить; попробовать (*попытаться*); встретить’ > *ḡəḡүся* ‘видеть, следить, наблюдать’;

бəḡəдя ‘лечь, устать’ > *бəḡүся* ‘лежать’;

¹⁴ В котором в селькупском в непервых слогах, в свою очередь, слились прасамодийские **a*, **ä* и **ə*.

талэдя ‘закрыть(ся)’ > *талюся* ‘быть закрытым’;
латэдя ‘приготовить(ся)’ > *латүся* ‘быть готовым, храниться в запасе’;
малэдя ‘стать чумом’ > *малюся* ‘стоять чумом’;
нетэруса ‘поставить вертикально’ > *незүся* ‘стоять вертикально’;
ңомтэдя ‘сесть’ > *ңомтүся* ‘сидеть’;
нэмтэдя ‘почувствовать’ > *нэмтүся* ‘чувствовать’.

Основы на *ə: нг. ə > i^c, если основа относится к I-классу и не более чем двусложна, а также в третьем (? и последующем) слоге вне зависимости от гармонического класса основы

бярэди ‘открыть’ > *бяриси* ‘быть открытым’;
дюбээди ‘бросить’ > *дюбэиси* ‘лежать’;
тэбтээдя ‘прижать’ > *тэбтэися* ‘быть прижатым’;
кирэмэсы ‘затянуть’ > *киримиси* ‘быть затянутым’;
нэкэрэсы ‘успокоиться’ > *нэкэриси* ‘быть спокойным, находиться без движения’.

Для основ на согласный у нас слишком мало данных (как уже говорилось выше, такие основы плохо сохраняются в северносамодийских языках).

Есть один общесамодийский стативно-декаузативный глагол, образованный от консонантной основы: нг. *дюгуса*, т. нен. *уохо-*, т. эн. *d'oxi-* ‘потеряться, заблудиться’, производный от нг. *дю"са* (“ < к), т. нен. *уоq-*, т. эн. *d'us-* ‘потерять’. С другой стороны, есть т. нен. *репə-* ‘быть положенным’, производное от т. нен. *реп-* (< **реп-*) ‘положить’ (также т. эн. *рипи-* ‘быть положенным’). Поскольку таких надежных производных всего две, ниже при обобщении материала об образовании стативно-декаузативных производных класс глагольных основ с консонантным ауслатом не учитывается.

Итак, для глаголов на -ə в нганасанском можно предложить единую глубинно-морфонологическую запись того, как алломорфы стативно-декаузативного показателя (представленные в U- и I-основах), взаимодействуют с финальным гласным основы: нг. $\Theta \rightarrow \ddot{U}^C$ (при этом варианты $\Theta \rightarrow \ddot{y}^C$ и $\Theta \rightarrow i^C$ являются автоматическими, будучи обусловленными гармоническим классом основы).

Естественно, что основы на **ā* и **ä* также относятся к разным (но при этом парным) гармоническим классам; в один класс с точностью до разницы по гармонии надо записать и переднерядные и заднерядные глагольные основы с консонантным ауслатом. Однако алломорфы стативно-декаузативного суффикса, используемые при этимологических **ā*- и **ä*-основах, а также при консонантных основах разных гармонических классов, не могут быть в рамках нганасанской морфонологии сведены к единой глубинно-морфонологической записи. Для **ā*-глаголов в нганасанском мы должны записать переход нг. $U \rightarrow U^C$, для **ä*-глаголов — переход нг. $I \rightarrow U_0^C$. Для консонантных основ надо предполагать эпентетическую ə (вероятно, **ä* для заднерядных и **ä* для переднерядных), которая в сочетании с показателем стативно-декаузативных глаголов дает в нг. $\Theta_{\text{нп.}} \rightarrow U_0^C$ (U-класс), $\Theta_{\text{нп.}} \rightarrow I^C$ (I-класс). Если давать прасамодийскую реконструкцию для этих записанных для нганасанского переходов, мы получаем следующее:

1. нг. $\Theta \rightarrow \ddot{U}^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *u^W$;

2. нг. $I \rightarrow U_0^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *o^W$;

3. нг. $U \rightarrow U^C < \text{ПСС } *ā \rightarrow *e^W$. В данном случае можно реконструировать именно *e*, т. к. нг. U^C , в частности, представляет собой огубленный рефлекс **e*. В первых слогах эта фонема не встречается: дифтонг /ua/ в первом слоге — автоматический позиционный вариант нг. фонемы *a* (одним из источников которой, в свою очередь, является **e*) после нг. *h* < **p*.

Если принимать во внимание фонетические переходы 1 и 2, реконструкция показателя стативно-декаузативных глаголов как одиночного **w* выглядит достаточно обоснованно. Однако фонетический переход 3 (**ā* → **e*) перед одиночным **w* недостаточно правдоподобен: здесь скорее следовало бы предполагать влияние глайда типа **j*, а не типа **w*. Следует также учитывать варианты суффикса стативно-декаузативных глаголов с передним гласным в энцеком (*bata-* ‘опрокинуть’ > *bati-* ‘быть опрокинутым’) и селькупском (*kontə-* ‘уснуть’ > *konti-* ‘спать’), а также вариант этого суффикса с *o*, вызывающим палатализацию предыдущего согласного, в ненецком (*xona-* ‘уснуть’ > *xonyo-* ‘спать’). В [Урманчиева 2013] (на основании северносамодийского материала) я реконструировала этот показатель в виде **jaw*. Но надо признать, что такая фонетическая реконструкция плохо объясняет фонетические переходы 1 (*ä* → **u*) и 2 (*ä* → **o*). Более правильным кажется реконструировать этот суффикс в виде *-jw*:

1. нг. $\Theta \rightarrow \ddot{U}^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *u^W < \text{ПСС } *ä \rightarrow *äw < \text{ПС } *ä \rightarrow *äjw$;

2. нг. $I \rightarrow U_0^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *o^W < \text{ПСС } *ä \rightarrow *äw < \text{ПС } *ä \rightarrow *äjw$;

3. нг. $U \rightarrow U^C < \text{ПСС } *ā \rightarrow *e^W < \text{ПСС } *ā \rightarrow *ew < \text{ПСС } *ā \rightarrow *ejw < \text{ПС } *ā \rightarrow *äjw$.

Результаты подобного перехода $*a > e / _ j$ наблюдаются, например, в энецком и нганасанском в модификациях темпоральных показателей в объектном спряжении при объекте мн. ч. в формах типа эн. *ри-ηε-да* ‘он положил их многих’ при *ри-ηε-да* ‘он положил’ или нг. *козутэ-нда-че* ‘ты убиваешь их многих’ при *козутэ-нду-ң* ‘ты убиваешь’.

Что касается возможности существования показателя статива-декаузатива $*-jw$, следует отметить особый морфонологический класс нганасанских глаголов, семантически представляющих собой «квинт-эссенцию» стативного класса: это базовые экзистенциальные состояния. Коннегатив данных глаголов показывает, что во всех таких основах в ауслaute выступает сегмент нг. *jb*, который обычно отражает прасамодийский $*jw$:

дяңгуйся (CN *дяңгуйбэ*) ‘не быть, отсутствовать’;

тойся (CN *тойбэ*) ‘не быть нужным’ (также перфективные употребления в значении ‘пропасть’): *бэңсэ дялы тойбу* ‘о ‘пропал весь день’¹⁵;

тэйся (CN *тэйбэ*) ‘иметься, быть (у кого-л.)’;

тэнійся (CN *тэнійбэ*) ‘иметься, быть (у кого-л.)’¹⁶.

Кажется, что эту группу экзистенциальных стативов следует рассматривать как те глаголы, которые в силу своей семантики и вопреки законам исторической фонетики сохранили в полной консонантной форме суффикс $*jw$ стативно-декаузативных глаголов. Надо отметить, что в энецком есть два глагола, соответствующих глаголам из нганасанского списка выше: т. эн. *d'igu-*, л. эн. *d'agu-* ‘не иметься’ и т. эн. *tonea-*, л. эн. *tonee-* ‘иметься’, — оба относятся к классу стативно-декаузативных производных (присоединяют алломорф показателей презентного причастия и футурума с $-d-$). В ненецком *уэңко-* ‘не иметься’ (как указал мне Т. Салминен, в диалектах встречается и более архаичный вариант *уэңко-*) также относится к классу стативно-декаузативных глаголов, у нен. *тэпуа-* нет особенностей формообразования, позволяющих отнести его к этому классу¹⁷.

Вкратце остановимся на образовании стативно-декаузативных глаголов в тундровом ненецком. Если выделить для ненецкого те же три класса основ, которые выше выделялись для нганасанского — на $*\hat{a}$, $*\hat{a}$ и $*\hat{a}$, можно видеть, что в ненецком, в сравнении с архаичным нганасанским, система существенно перестроена:

1) т. нен. $\Theta \rightarrow {}^Y\Theta^{18} / \Theta < \text{ПСС } *\hat{a} \rightarrow *u^W < \text{ПСС } *\hat{a} \rightarrow *\hat{a}w < \text{ПСС } *\hat{a} \rightarrow *\hat{a}jw$

или же переходят в класс 3, т. е. т. нен. $\Theta \rightarrow {}^YO$;

2) переходят в класс 3, т. е. т. нен. ${}^YE \rightarrow {}^YO$;

3) т. нен. $A \rightarrow {}^YO < \text{ПСС } *a \rightarrow *e^W < \text{ПСС } *a \rightarrow *ew < \text{ПСС } *a \rightarrow *ejw < \text{ПСС } *a \rightarrow *ajw$. Таким образом, в ненецком формируется продуктивный суффикс стативно-декаузативных дериватов YO , который прибавляется не только к основам на $*\hat{a}$, но и к основам других типов:

— к основам на $*\hat{a}$ (нен. Θ): *ηamtэ-* ‘сесть’ > *ηamtyo-* ‘сидеть’;

— к основам на $*\hat{a}$ (нен. YE): *хауе-* ‘оставить’ > *хауо-* ‘остаться’, *уеуе-* ‘запутать’ > *уеуо-* ‘быть запутанным’;

— к основам на согласный: *пен-* ‘положить’ > *пенуо-* ‘быть положенным’.

Итак, система оказывается существенно перестроенной в сравнении с этимологическим прототипом, реконструируемым с опорой на нганасанский: чередующийся финальный гласный (нен. YO)¹⁹ в основах

¹⁵ У стативно-декаузативных глаголов значение стативного результирующего состояния нередко трансформируется в перфективное значение: например, общесамодийский глагол **kājāw-* ‘остаться’ морфологически представляет собой стативно-декаузативную производную от глагола **kājā-* ‘оставить’, т. е. исходным значением было ‘быть оставленным’.

¹⁶ Коннегативы этих глаголов, кстати, опровергают существующую со времен М. А. Кастрена [Castrén 1854: 490] этимологию, предполагающую, что глаголы т. нен. *тэпуа-*, т. эн. *tonea-*, л. эн. *tonee-*, нг. *тэнійся* (а также нг. *тэйся*) представляют собой сложение местоимения **təñä-*, **tə-* с бытийным глаголом. В нганасанском бытийный глагол действительно имеет основу *ий-* (как видно по причастным формам типа *ичуэ*), но коннегатив от него будет *нуэ*, а не ***ийбэ*. Гипотетическое выравнивание коннегатива такого составного глагола нг. ***тэні-йса* по аффирмативу также предполагать невозможно: выравнивание не дало бы сегмента */jb/*, нигде в парадигме бытийного глагола не зафиксированного.

¹⁷ Но он является одним из немногих ненецких глаголов, имеющих в ауслaute последовательность $-Суа$: если исключить отдельные диалектные формы и с высокой вероятностью образные основы *пуэсуа-* ‘целовать’, *потуа-* ‘быть грудным, сосать грудь’ и *хосуа-* ‘осалить, запятнать’, в этот класс попадают *пуэқтауа-* ‘быть прочным, твердым, крепким’, *тэпуа-* ‘иметься’ и два вспомогательных отрицательных глагола *хэсуа-* ‘чуть не’ и *хэпуа-* ‘как не, как же не’.

¹⁸ Знаком Y обозначается палатализация предшествующего согласного.

на **ä* (нен. А) переосмыслен как отдельный суффикс, который распространяется на образование стати-вов-декаузативов от всех глаголов на **ä* и части глаголов на **ä̃*. На последнем классе следует остановиться несколько подробнее. Использование в части таких глаголов суффикса ^YО вполне объяснимо. Это можно проиллюстрировать на примере глагола ‘сидеть’. Он имеет праформу **ämtä-w*, по общему правилу, реконструированному на основе нганасанского, эта форма должна дать протоненецкое ***jamtu-* (как нг. *жомту-* или т. эн. *adu-*). Но далее, по общему правилу перехода финальных узких гласных в ненецком в *ə*, регулярная производная нен. ***jamtu-* ‘сидеть’ приобрела бы вид нен. ***jamtä-* и в результате в ненецком образовалось бы два глагола — **jamtä-* (I) ‘сесть’ и **jamtä-* (II) ‘сидеть’, которые различались бы способом образования грамматических форм: второй из них относился бы к классу так называемых альтернирующих глаголов (об особенностях этих глаголов см. [Salminen 1997: 81]). Вероятно, для поддержания этой семантической оппозиции формальными средствами омонимия двух основ была снята за счет использования неэтимологического показателя -^YО.

Тем не менее ряд альтернирующих глаголов в ненецком сохраняет в ауслате нен. *ə*. И эти глаголы делятся на две очень любопытные группы. В первой из них перед т. нен. *ə* употребляется непалатальный согласный:

- 1) т. нен. *насə-* ‘быть шероховатым, колючим’, эн. *nat'i-*, нг. *носюся*;
- 2) т. нен. *вапнə-* ‘лежать (о животном)’, эн. *banu-* ‘лежать (о животном)’ < эн. *bano-* ‘лечь (о животном)’, нг. *банүся* ‘лежать (о животном)’ < нг. *банəдя* ‘лечь (о животном)’;
- 3) т. нен. *pyadə-* ‘быть опущенным в котел’ < *pyadə-* ‘опустить в котел’ (ср. с другим суффиксом т. эн. *pedi-* ‘опустить в котел’ и нг. *хуамидя* ‘опустить в котел’, а также консонантный вариант основы в ск. *pōt-* ‘опустить в котел’, см. [Janhunen 1977: 118]);
- 4) т. нен. *tələ-* ‘быть закрытым’ < *tələ-* ‘закрыть’, эн. *toru-* ‘быть закрытым’ < эн. *tore-* ‘закрыть’, нг. *тəлюса* ‘быть закрытым’ < нг. *тəлəдя* ‘закрыть’;
- 5) т. нен. *yilə-* ‘быть поднятым’ < *yilə-* ‘поднять’, т. эн. *iro-*, л. эн. *d'iro-*, нг. *дилəди*; ‘поднять’, см. также [ibid.: 26];
- 6) т. нен. *syarə-* ‘быть завязанным’ < *syarə-* ‘завязать’, т. эн. *sero-* ‘завязать’, нг. *сарүса*; ‘быть завязанным’ < *сарəдя* ‘завязать’, см. также [ibid.: 137—138];
- 7) т. нен. *туарə-* ‘быть установленным (капкан, чум)’ < *туарə-* ‘установить’;
- 8) т. нен. *tinə-* ‘затупиться’ < т. нен. *tinə-* ‘затупить’;
- 9) т. нен. *syabə-* ‘стать нечистым, наступить — о менструации’, эн. *sebu-*;
- 10) т. нен. *nyenə-* ‘сердиться’, ск. *ñeñə-*, см. [ibid.: 109];
- 11) т. нен. *wələ-* ‘выгореть, износиться’;
- 12) т. нен. *xursə-* ‘шуметь’;
- 13) т. нен. *уарə-* ‘быть холодным’.

Во второй группе перед нен. *ə* выступает палатальный согласный (под номером 6; добавлен также один глагол лесного ненецкого):

- 1) т. нен. *tyesə-* ‘быть холодным’, эн. *tet'i-*, нг. *чесиси*, ск. *taśśu-*, см. также [ibid.: 159];
- 2) т. нен. *ñədyə-* ‘быть видимым’, эн. *odi-*, нг. *ñəзүсы* < *ñəтəдя* ‘найти’, ск. *atu-* (произв. от ск. *atə-* ‘увидеть’), см. также [ibid.: 16];
- 3) т. нен. *yercə-* ‘вызывать симпатию’ (ср. нг. *дярсиди* ‘любить’ и эн. *d'ed'ode-* ‘любить’);
- 4) т. нен. *pəwə-*²⁰ ‘быть темным’, эн. *pei-*, нг. *хоймиси* ~ *хойминси*, ск. *pəttəsa*;
- 5) т. нен. *yepə-* ‘быть жарким, горячим’, т. эн. *epi-*, л. эн. *d'epi-*, см. также [ibid.: 45];
- 6) л. нен. *syeqtyä-*, CN *syeqty^oq* ‘быть тяжелым’, эн. *sezi-* ‘тяжелый’, см. также [ibid.: 139];
- 7) т. нен. *yibcyə-* ‘быть горьким’, эн. *d'it'i-*;
- 8) т. нен. *winyə-* ~ *wunyə-* ‘ведь не’, эн. *bun'i-*;
- 9) т. нен. *yencə-* ~ *yetsə-* ‘быть прогорклым’;
- 10) т. нен. *nyancə-* ‘быть тонким (о плоских предметах)’.

К ненецким глаголам из каждой группы добавлены параллели из других самодийских языков во всех случаях, когда это возможно. В обоих списках полужирным выделены нганасанские параллели, они позволяют определить сингармонический класс основы в прасамодийском. В первой группе шесть глаголов имеют параллели в нганасанском, пять из них относятся к U-гармоническому классу, один —

¹⁹ Этимологические источники нен. ^YО в непервых слогах анализируются в [Урманчиева 2022].

²⁰ В тундровом ненецком невозможно сочетание палатализованного губного согласного с *ə* или ^o (см. таблицу в [Salminen 1997: 39]), поэтому в этом и следующем словах в приведенных формах палатализации нет, но если после интервокального согласного в данных глаголах оказывается другой гласный, палатализация восстанавливается: специальная финитная основа от этих глаголов выглядит как *yeryi* и *pəbyi-* соответственно.

к I-гармоническому. Во второй группе четыре глагола имеют параллели в нганасанском, все они относятся к I-гармоническому классу. Это означает, что в ненецком в данном случае стативно-декаузативные дериваты сохранили следы двух различных алломорфов стативно-декаузативного суффикса, противопоставленных по гармоническому классу основы. Поскольку, как уже говорилось, узкие гласные в финальных слогах перешли в ненецком в *ə*, мы можем восстановить два указанных алломорфа как **i^W* для основ I-гармонического класса и **u^W* для основ U-гармонического класса. Именно эти два алломорфа «в живом виде» мы наблюдаем в нганасанском:

стативно-декаузативные дериваты от **ə*-основ I-гармонического класса дают перегласовку:

нг. $\Theta \rightarrow \ddot{U}^C < \text{ПСС } *ə \rightarrow *u^W < \text{ПСС } *ə \rightarrow *əw < \text{ПС } *ə \rightarrow *əjw$,

стативно-декаузативные дериваты от **ə*-основ U-гармонического класса дают перегласовку:

нг. $\Theta \rightarrow \text{I}^C < \text{ПСС } *ə \rightarrow *i^W < \text{ПСС } *ə \rightarrow *əw < \text{ПС } *ə \rightarrow *əjw^{21}$.

Наконец, в нганасанском есть еще три глагола с основой на $-^C$ с иной морфонологией. Эти три глагола имеют перед $-^C$ **a* (NB: не в производящей основе, а именно перед $-^C$), на что указывает форма перфекта, два глагола производны от консонантной основы, один — от *ə*-основы. Следует обратить внимание на то, что эти глаголы не являются стативно-декаузативными производными, будучи по семантике не только перфективными, но и переходными:

— нг. *тагуса* (перфект *тага''а* указывает на **a* перед суффиксом!) ‘собрать, подобрать (*рассыпанное*) < *та''са* (’’ < κ) ‘собрать’;

— нг. *тойбуса* (перфект *тойба''а* указывает на **a* перед суффиксом!) ‘перевезти’ имеет соответствие в т. нен. *tæwa-* ‘стаскать, перетаскать’, который, в свою очередь, очевидно, произведен от *tæwə-* ‘дойти’. Такого рода производность (на синхронном уровне выражающаяся меной ауслатного гласного) — случай, пожалуй, уникальный;

— нг. *нёбуса* (перфект *нёба''а* указывает на **a* перед суффиксом!) ‘вымыть(ся), умыть(ся)’ не имеет соответствий в других языках, есть указывающий на консонантную основу глагол *нёбтэдя* ‘мыть; стирать’.

Возможно, в этих глаголах следует предполагать суффикс $-^W < *-w$ (а не $*-jw$, как в стативно-декаузативных глаголах).

Наконец, приведем список нганасанских глаголов с основой на $-^C$, гласный перед которым не объясняется по выведенным выше закономерностям (но некоторые нестандартные стативно-декаузативные глаголы обсуждаются в разделе 4 в связи с рассматриваемыми там глаголами).

Есть группа глаголов с основой на $-^C$ U-класса, имеющих в нганасанском в ауслате $-y$. Как было показано выше, нг. $-y$ появляется в стативно-декаузативных глаголах, производных от основ на **ä*, но в данном случае вроде бы нет оснований предполагать для всех этих глаголов **ä* в исходе производящей основы. Более того, для некоторых глаголов в производящей основе определяется **ə*, для некоторых — **a*. При этом для глаголов стативно-декаузативной семантики определить источник нганасанского y перед $-^C$ невозможно, т. к. эти глаголы не имеют формы перфекта:

— нг. *кюдюса* (фонолог. *kujusa*) ‘плыть, находиться на поверхности воды’;

— нг. *сэңкуса* ‘быть тяжелым’, ср. *сэңкэбтуса* ‘взвесить’;

— нг. *деруса* ‘не знать’, ср. *дерэмуо* ‘неизвестный’;

— нг. *муньдюса* (фонолог. *mun'd'usa*) ‘договориться’;

— нг. *дийкуса* ‘кружиться, вертеться’ (причем производная *дийкату-са* ‘кружиться, вертеться, вращаться’ с нг. *a* во втором слоге указывает на то, что производящая основа имеет в ауслате **a* > нг. *u*: только такой нг. *u* дает в производных основах нг. *a*);

— нг. *сойбуса* ‘звучать, раздаваться; шуметь’ (производная *сойба''мү* ‘звон’ также указывает на **a* в производящей основе).

Два глагола на $-^C$ имеют перед $-^C$ нг. *y*, но при этом относятся к I-классу:

— нг. *хекусы* ‘быть теплым, горячим, жарким’ (соотносимое прилагательное *хекагэа* ‘горячий’ не показательно для определения типа основы: перед суффиксом прилагательных $-гэа$ в нганасанском возможен только *ə*);

— нг. *нубкусы* ‘бежать (о животных)’. Другие глаголы с этим корнем: *нубкэ-бэ-* ‘броситься’, *нубкитиси* ‘бежать, скакать галопом’²², т. е. стативно-декаузативная производная была бы нг. ***нубкиси*.

²¹ Как уже говорилось выше, с точки зрения нганасанской морфонологии эти два преобразования отвечают единой записи нг. $\Theta \rightarrow \ddot{U}^C$.

²² Ср. также *нубиси* ‘скакать галопом, бежать (о животных)’.

Наконец, остались два глагола движения:

— нг. *хойкүся* ‘бежать’ (в словаре [Костеркина и др. 2001] *хойкуся*, но и алломорф инфинитивного показателя *-ся* (а не *-са*), и представленный в текстах презенс *хойкүтү* говорят о нг. *ү* перед *-C*). Глагол произведен от нг. *хойкүдя* ‘побежать’. Это глагольная основа U-класса с **ä* в ауслaute (на что указывает перфект *хойка*’а), т. е. стативно-декаузативная производная была бы нг. ***хойкуаса*;

— нг. *дымбися* ‘плыть’, ср. также л. нен. *řä̀mpaś, l̥ä̀mpaś* ‘плыть’, ненецкий указывает на **ä* в ауслaute, т. е. стативно-декаузативная производная была бы нг. ***дымбүся*.

В связи с последними приведенными глаголами можно только обратить внимание на два морфо-логически нерегулярных итератива (что не является объяснением образования стативно-декаузативных дериватов от этих глагольных корней, но на данном этапе может быть включено в «копилку» фактов, которые, возможно, позволят позже найти путь к объяснению): *хойкирся* ‘бегать (о человеке)’ и *дымбирся* ‘плавать’ — на *-ир* в нганасанском заканчиваются итеративные производные всего от двух двусложных глаголов.

4. Глагольные основы с вокалическим ауслаутом

Существует несколько точек зрения относительно вокализма непервых слогов в прасамодийском. В реконструкции [Janhunen 1977] для непервых слогов восстанавливаются три гласных: **ä, *ā, *ê*. В версии прасамодийской реконструкции [Helimski 1997] набор гласных второго слога значительно расширен: добавлены *o, õ, i, j, e, u, ü*, т. е. вокализм второго слога оказывается практически идентичен вокализму первого слога. Третья точка зрения высказывается Я. Алатало в [Alatalo Ms.]: в непервых слогах, кроме **ä, *ā, *ê*, следует восстанавливать также **i* и **u*. Остальные гласные в непервых слогах можно объяснить стяжением сочетаний какой-либо из пяти указанных гласных с одним из глайдов, **j* или **w* (стягиваться могут либо двухкомпонентные сочетания, которые замыкаются глайдом, либо более сложные последовательности, в которых глайд занимает интервокальную позицию). В настоящей статье вопрос о вокализме второго слога рассматривается только на примере глагольных основ (можно теоретически допустить, что система гласных второго слога в других частях речи отличается — если, например, в глаголе произошло выравнивание основ, облегчающее образование грамматических форм).

Дилемма реконструкции вокализма непервых слогов отчасти объясняется редукцией гласных в этой позиции в камасинском и селькупском: если данные этих языков не показательны, нам приходится опираться только на прасеверносамодийский материал, который может отражать и более поздние стадии развития системы.

4.1. Глагольные основы с вокалическим ауслаутом в селькупском

Сначала необходимо обсудить, действительно ли в селькупском нет непроизводных глагольных основ, которые оканчивались бы не на ск. *ə*: в словаре Я. Алатало приводится ряд глаголов, в ауслaute которых — *i* или *u* (среди селькупских диалектов в этом случае показательны только данные кетского диалекта). Есть ли среди них непроизводные глаголы? Ниже проанализированы все такие глаголы, найденные в указанном словаре. Большую часть из них составляют рефлексивные производные. Среди них есть вполне очевидные:

- ск. *amti-* ‘сидеть’ < *omtə-* ‘сесть’;
- ск. *īli-* ‘подниматься’ < *īlə-* ‘поднимать’;
- ск. *jt(t)i-* ‘висеть’ < *jt(t)ə-* ‘повесить’;
- ск. *atu-* (? *attu-*) ‘быть видимым’ < *atə-* ‘увидеть’;
- ск. *üntu-* ‘слышаться, звучать’ < *üntə-* ‘слышать’;
- ск. *šiti-* ‘проснуться’ < ск. *šitə-* ‘разбудить’.

Полный список пар в статье не приводится, ниже будут прокомментированы только те глаголы, в которых производный характер рефлексивной основы не так очевиден; из словаря [Alatalo 2004] были выбраны все такие случаи.

Ск. *āmmu-* ‘зевать’ — производный характер основы обнаруживается благодаря камасинской параллели *amo-nzəl'am* ‘хотеть зевать’, дезидеративная форма), приведенной в [ibid.: 46]. Гласный *o* в ауслaute камасинской глагольной основы является суффиксом стативно-декаузативных глаголов.

Ск. *šāpu-* ‘схватить’ соответствует камасинскому глаголу *d'ābəl'am* ‘схватить, поймать’, *d'ābōl'am, d'ābōtām* ‘держатъ’ (см. [ibid.: 1438]). Сюда же относятся нг. *dēxu-* ~ *dēxu-* ‘догнать’ и эн. *d'abu-* ‘догнать’. Нганасанский не указывает на то, что этот глагол является стативно-декаузативным дериватом (как можно видеть, интервокальный согласный выступает в слабой ступени, т. е. финальный слог мор-

фонологически открытым), как стативно-декаузативный этот глагол оформлен в камасинском (суффикс \bar{o}) и энецком (т. к. он допускает алломорфы показателей будущего времени и причастия с согласным δ).

Ск. *ćukku-* ‘чесаться, зудеть’ — во всех самодийских языках настоящий глагол формально является стативно-декаузативным дериватом (хотя производящей основы ни в одном языке нет — вероятно, это один из тех стативов, которые получают дополнительное маркирование стативно-декаузативным показателем не в силу производности основы, а в силу семантики): нг. *дэ”куса* (алломорф инфинитива указывает на то, что в глубинно-морфонологической форме данная основа является консонантной), эн. *d’aku-* (алломорф причастия *-де*, характерный для стативно-декаузативных глаголов, представлен в лексикализовавшейся форме *d’akude* ‘чесотка’), т. нен. *yakə-* также демонстрирует все морфонологические особенности, характерные для альтернирующих глаголов.

Ск. *ćāŋku-* ‘не иметься’ — этот глагол уже упоминался выше. Его корреляты в северносамодийских языках представляют собой стативно-декаузативные дериваты: нг. *дяңгуйся* (с коннегативом *дяңгуйбэ”*), т. эн. *d’igu-*, л. эн. *d’agu-* (алломорфы показателей будущего времени и причастия с согласным δ), т.-нен. *yāŋko-* (демонстрирует все морфонологические особенности, характерные для альтернирующих глаголов).

Ск. *ŋiŋki-* ‘стоять’ соответствует нг. *нэньдису* (алломорф инфинитива указывает на то, что в глубинно-морфонологической форме данная основа является консонантной), оба глагола восходят к праформе **nāŋk-āw-* ‘стоять’.

Ск. *k’uātu-* ‘спорить, ссориться’ соответствует км. *kudōl’am* (со стативно-декаузативным показателем \bar{o}) и эн. *kadu-* ‘ругаться’ (мультипликативная производная *kadu- \bar{d} ur-* с суффиксом *- \bar{d} ur*, согласный \bar{d} которого указывает на то, что основа *kadu-* является стативно-декаузативной).

Ск. *poru-* ‘гореть, загореться’. Эту форму невозможно связать с общесамодийским **pārā-* (рефлекс сохранился в селькупском *pariñi-* ‘быть горьким’ (т. е. *горелым) [ibid.: 627]), но можно связать с глаголом, в словаре Ю. Янхунена восстановленным как **por-* ‘есть’ [Janhunen 1977: 127]. Все примеры, на которых базируется реконструкция Ю. Янхунена, происходят из маторско-тайгийско-карагасской диалектной группы — т. е. из близкородственных языков, объединенных в [Helimski 1997] под названием «маторский язык»²³. Тем не менее надо принимать во внимание способ выражения значения ‘X сгорел’ в селькупском и камасинском — это позволяет включить в этимологию **por-* ‘есть’ и ск. *poru-*. Так, в селькупском и камасинском в значении ‘X сгорел’ устойчиво используется выражение ‘огонь съел X-а’, вероятно, именно на основе этого выражения происходит метафорический переход, в результате которого просто глагол ‘есть’ (в селькупском) или его производная ‘быть съеденным’ (в камасинском) употребляется в значении ‘гореть’: ск. *kaŋ aŋā-špā-nda- \bar{O} nū-š sünd’ō- γ oD?* // что **съесть-Dur-Latent-s3** небо-Gen внутри-Лос // ‘Что **горит** на небе?’, км. *turam am- \bar{o} -bi* // дом-1 **съесть-St-Praet-s3** // ‘мой дом **сгорел**’, *šū am- \bar{o} -la \bar{d} bā* // огонь **съесть-St-Cvb.AUX.DUR-s3** // ‘огонь **горит**’. Камасинский показывает, что в этой конструкции обычен именно стативно-декаузативный дериват глагола ‘есть’ (км. *am \bar{o} -*) — с учетом этого можно с высокой вероятностью видеть в ск. *poru-* стативно-декаузативный дериват от **por-* ‘есть’.

Селькупскому глаголу *ūru-* ‘исчезнуть’ соответствуют в ненецком и энецком основы на \bar{a} : т. нен. *yurā-*, эн. *d’uro-*. Глаголы этих двух самодийских языков отражают праформу **jūrā-* [Janhunen 1977: 50]. Таким образом, в селькупском представлена либо основа, оформленная дополнительным суффиксом (но не рефлексивная: рефлексивная производная от этого глагола имеет вид *ūruku-*), либо финальный *u* объясняется влиянием *ū* первого слога, см. также следующий глагол:

pūŋu- ‘запутаться; завернуться, запеленать’ — параллелей в других языках не имеет²⁴.

Ск. *ñelcu-* ‘потеть’ соответствует т. эн. *пуоха-*, эн. *пóха-*, нг. *нийку-*, все эти глаголы восходят к праформе **ñejkā- ~ ñojkā-*. Ауслautный *u* в селькупском объясняется влиянием предшествующего *lc* (< **jw*, **jm*, **jk*), см. об источниках ск. *lc* [Гусев 2012]. Аналогичное развитие представлено ск. *talcu* ‘хвост’ < **tājwā* [Janhunen 1977: 150] или ск. *sēlcu* ‘семь’ < **sejt³wā* [ibid.: 139].

Остается несколько глаголов, которые могут быть производными от существительных, — во всяком случае все они имеют соотносимые с ними именные основы:

²³ В [Janhunen 1977: 127] как производная от этой же основы рассматриваются рефлекс **porsa* ‘рыбная мука, измельченная сушеная рыба’, это слово имеет достаточно широкое распространение в самодийских языках, но, как показано в [Аникин, Хелимский 2007: 51—52], в нем следует видеть скорее заимствование в прасамодийский из пратунгусо-маньчжурского.

²⁴ Эн. *poŋi-* ‘запеленать, обернуть, обвязать’ не может быть сопоставлено с этим селькупским словом из-за вокализма первого слога.

ск. *teni-* ~ *teñi-* ‘помнить’, *teni* ~ *teñi* ‘разум’, ср. также ск. *tenəmə-* ‘знать’ — т. нен. *tuenyə-* ‘помнить’, *tuen*^o ‘память’, *tuenyewə-* ‘знать’, эн. *tene-* ‘помнить, знать’, т. эн. *teñi*, л. эн. *tenee* ‘память’, нг. *ченъиди / ченынсы* ‘знать; уметь; помнить’;

ск. *ko(č)či-* ‘пуржить’, ск. *koči* ‘пурга’ — в других языках глагол не сохранился, существительное в нганасанском указывает на ауслатный *w: нг. *козу*^c, эн. *кади*, т. нен. *xad*^o ‘пурга’;

ск. *qāti-* ‘чистить от чешуи’ — нг. *камі* ‘чешуя’, *камідя* ‘чистить от чешуи’;

ск. *kuāti-* ‘светить’ — ср. т. эн. *кадади?* ‘свеча’;

ск. *čāpsu-* ‘пожарить на рожне’, *čāpsə* ‘рожень’ — т. нен. *yabcə-* ‘испечь’, *yabcə* ‘стряпня’, эн. *đasi-* ‘пожарить на рожне’, л. эн. *d’ası* ‘рожень’.

Ск. глагол *mjñi-* ‘согнуть’, вероятно, следует рассматривать как производную от ск. *mjñə-* с тем же значением. Возможно, эта же производная сохранилась в эн. *muni-* ‘согнуть’, в [Janhunen 1977: 95] приводится также нганасанский глагол *muni-* по записям М. А. Кастрена (для современного нганасанского зафиксирован вариант *мунүдя*). При этом презенс камасинского глагола *мишпам* (цит. по [ibid.: 95]) однозначно указывает на исконно консонантную основу *mun-*, так что все рассмотренные глагольные основы с вокалическим ауслатом являются в данном случае вторичными.

Итак, нам не удалось выделить в селькупском непроизводные глагольные основы с вокалическим ауслатом, отличным от -ə. Этому может быть два объяснения: либо таких непроизводных основ действительно нет, либо одиночные ауслатные *u/*ü и *j/*i в селькупском перешли в ск. ə — так же, как в ск. ə перешли одиночные ауслатные *ā и *ä (однако в именных основах в селькупском финальные узкие гласные как будто бы все же сохраняются, ср., например, ск. *tīšu/tüšu* ‘ящерица’, которому соответствуют нг. *тансу* ‘минога’, т. эн. *tad’u*, л. эн. *taso* ‘минога’, т. нен. *tansə* ‘ящерица’).

4.2. Глагольные основы с вокалическим ауслатом в северносамодийских

Посмотрим, что дает нам материал северносамодийских языков. Как уже говорилось, в ненецком в ауслате узкие гласные перешли в нен. ə. Но если рефлексы *j и *u в этой позиции в ненецком неотличимы от рефлексов *ä, рефлексy *i и *ü дали бы палатализацию предшествующего согласного. Выше были рассмотрены альтернирующие (производные) ненецкие глаголы с последовательностью Суэ в ауслате, сейчас мы рассмотрим неальтернирующие ненецкие двусложные глагольные основы с таким ауслатом: необходимо понять, могут ли они претендовать на статус непроизводных. Таких основ немного:

Т. нен. *xəгуə-* ‘причалить’ соответствует нг. *кэрэди* ‘причалить’, т. е. это основа *kärə- (глагол подобной фонетической структуры — СэСэ — в нганасанском словаре [Костеркина и др. 2001] найден всего один). Следует предполагать, что в ненецком (в отличие от нганасанского!) гласный второго слога реализуется как передний (с последующим сокращением), что можно объяснить именно влиянием *ä первого слога. Данные нганасанских текстов позволяют выделить еще один подобный случай. Это двусложная (с вокалическим ауслатом) основа, содержащая общесамодийский глагольный корень *pät- ‘проникнуть внутрь, нырнуть, зайти (о солнце)’ (рефлексы корня *pät- без дополнительного суффиксального оформления представлены ск. *pat-* и нг. *хо’си* (СН *хожə*’)); огласовка инфинитивного показателя в нганасанском указывает на передний ряд корня). Этот корень имеет в нганасанском также вокалический вариант *хотə-* (< *pätə-*), представленный в глаголах *хотə-тə-сы* ‘заходить (о солнце)’, *хотə-лэ-сы* ‘нырнуть’, *хотə-ры-лэ-* (зафиксирована форма 3-го л. ед. ч. рефлексивного спряжения перфекта *хотəрыли’иžə*) ‘окунуться’. Последний суффикс (-лэ) в глаголе *хотə-ры-лэ-* — показатель инхотатива, без него глагольная основа *хотə-ры-* ‘окунуть(ся)’ в точности соответствует т. нен. *pəдуə-гуə-* ‘окунуть’ [Пырерка, Терещенко 1948: 167] — в данном случае в ненецком после *ä в первом слоге *ə также реализуется как передний узкий гласный с последующим сокращением²⁵.

²⁵ Аналогичное влияние *ä в первом слоге на рефлексацию гласного второго слога можно показать для ненецкого и энецкого для *ä во втором слоге (реализуется как более узкий гласный в обоих языках с последующим сокращением в ненецком), ср. *märkä ‘плечо’ > нг. *мэрсy*, т. эн. *mod’i*, т. нен. *mərcy*^o. При этом в словах схожей фонетической структуры, но с другим гласным в первом слоге рефлексация стандартна: *märkä ‘ветер’ > т. эн. *med’e*, т. нен. *mercya*. Еще один пример: *səjmä ‘глаз’ [Хелимский 1993/2000: 199] > нг. *сеймы*, т. эн. *sei*, т. нен. *səw*^o, ск. *saji*. В ненецком в данном случае имеем нестандартный рефлекс -^o, в энецком — -i. При этом в словах схожей фонетической структуры, но с другим гласным в первом слоге рефлексация стандартна: *näjmä ‘игла’ > нг. *неймы*, т. эн. *ee*, л. эн. *nee*, т. нен. *nybya*. Поскольку в нганасанском в подобных контекстах влияния *ä первого слога на рефлексацию гласного второго слога нет, можно утверждать, что данные фонетические переходы являются собст-

Т. нен. *səbсуə*- ‘плюнуть’, *səbсуə* ‘плевок’, нг. *себсиди* ‘плюнуть’, *себси* ‘плевок, слюна’, эн. *sot'i-o-* ‘плюнуть’, *sot'i* ‘плевок’. Глагол следует рассматривать как отыменной.

Т. нен. *уемнуə*- ‘залатать’ соответствует эн. *d'eñi-* ‘залатать’ и нг. *демниди* ‘заклеить (заплаткой)’, *d'emni* ‘заплата’ (далее см. [Janhunen 1977: 42]). В данном случае также представлен отыменной глагол.

Два следующих глагола могут быть непродуктивными производными:

Т. нен. *səbнуə*- ~ *səтнуə*- ‘набить’ — ср. т. нен. *səbə*- ‘набить, наполнить’, *səbə* ‘заряд’, что соответствует нг. *сэхэдя*, эн. *sobo-* ‘набить’.

Т. нен. *үəтнуə*- ‘облизать’ может быть производной основой образного характера, ср. т. нен. *үəтнуəлə*- ‘быть вкусным’, *үəтн*^о*уə*- ‘пахнуть вкусно’, что соответствует нг. *үəтнəгə* ‘вкусный’ (в конечном итоге не связано ли с **əт-* ‘есть’?)²⁶.

Т. нен. *тəгнуə*- ‘стать густым (например, о тесте)’ не имеет параллелей в других самодийских языках²⁷, но его можно рассматривать как производную по аналогии с двумя (? или даже тремя) предыдущими словами.

Т. нен. *түірсүə*- ‘оттолкнуть’ не имеет параллелей в других самодийских языках.

Итак, из этих семи глаголов ни один ни является надежным кандидатом на то, чтобы представлять непродуцирующую пра(северно)самодийскую основу на **i* или **ī*.

Как уже говорилось, в ненецком финальные узкие не сохраняются, в отличие от нганасанского и энецкого. Позволяет ли материал этих языков реконструировать непродуцируемые глаголы на **u/*ī* или **i/*ī*?

Рассмотрим материал нганасанского языка как более архаичного. В нганасанском в непервых слогах происходит нейтрализация иноного рода, чем в ненецком: если в ненецком рефлекс узких гласных совпадают с рефлексами **ə*, в нганасанском рефлекс широких гласных совпадают с рефлексами узких: **ā > u*; **ā > i* (в основах I-гармонического класса)²⁸. Узкие гласные должны давать следующие рефлекссы: **u > ī*, **ī > j*, **ī > i*, **i > i*. Кроме того, следует учитывать собственно нганасанские правила фонетики: 1) после палатальных согласных могут встречаться только *i* и *ī*, но не *j* и *u*; 2) после *i* и *ī* в первом слоге также могут встречаться только *i* и *ī*, но не *j* и *u*.

Теперь рассмотрим нганасанские глаголы, разделив их на группы в зависимости от ауслота и гармонического класса.

А. Основы на *u* (у перфективных глаголов форма перфекта образуется перегласовкой *u > a*, форма перфекта дается в скобках) U-гармонического класса.

В этот класс входят только глаголы на **-ā*, что показывает сопоставление с данными других северносамодийских языков:

нг. *султудя* (*султа*''*a*) ‘прицепить, привязать (например, одну нарту позади другой); везти или вести за собой на привязи’, т. нен. *sola*-²⁹, эн. *sōda*-;

нг. *тубудя* (*туба*''*a*) ‘прожевать, пожевать (не глотая, обычно табак)’, т. нен. *təqwa*-, эн. *tōʔa*-;

нг. *тəтудя* (*тəтə*''*a*) ‘дать; принести’, т. эн. *teda*-, л. эн. *tođa*-;

нг. *байбудя* (*байба*''*a*) ‘бросить, метнуть’, эн. *bea*-;

нг. *бəбтудя* (*бəбтə*''*a*) ‘перевернуть(ся), опрокинуть(ся)’, т. нен. *wabta*-, эн. *bata*-;

нг. *бəрудя* (*бəрə*''*a*) ‘обстрогать’, т. нен. *wəra*- ‘наскоблить (березовой стружки)’, эн. *bora*- ‘наскоблить’;

нг. *бəтудя* (*бəтə*''*a*) ‘вырастить, воспитать’, т. нен. *wada*-, эн. *bađa*-;

нг. *бəчудя* (*бəчə*''*a*) ‘добавить’, т. нен. *wəeta*- ‘соединить, прибавить’, эн. *bata*- ‘составить, соединить’;

нг. *дəңкудя* (*дəңгə*''*a*) ‘продолбить’, т. нен. *yaŋka*-, т. эн. *d'agaa*- ~ л. эн. *d'aga*-;

нг. *контудя* (*кондə*''*a*) ‘увести, унести’, т. нен. *xana*-, эн. *kada*-;

нг. *котудя* (*козə*''*a*) ‘убить’, т. нен. *xada*-, эн. *kada*-;

нг. *кунтудя* (*кундə*''*изə*) ‘заснуть’, т. нен. *xona*-, эн. *kōda*-;

венно ненецко-энецкой инновацией и, следовательно, противопоставление **ə* и **ə̄* в первом слоге сохранялось и в этой подгруппе.

²⁶ По поводу образного характера основы ср. также глагол фонетически близкой структуры и сходной семантики т. нен. *пүйттуə*- ‘высосать’, которому соответствуют эн. *nipa*- и нг. *нюмню*- с тем же значением.

²⁷ Эн. *toʔe* ‘густой’ соответствует не этому ненецкому слову, а нг. *тəмəгə* (оба слова отражают праформу **tət-mä* — то же соотношение, например, в эн. *poʔe* и нг. *хомəгə* ‘острый’ < **pət-mä*-).

²⁸ В основах U-гармонического класса **ā > a*.

²⁹ В нен. *lt > l*, ср. также т. нен. *пүəлəт-* ‘проглотить’, эн. *podour*-, нг. *нелтəмə*-; т. нен. *пүəлүə-* ‘полюнуть’, эн. *node*-, нг. *нелтүди*; нен. *yalə*- ‘ревновать’, эн. *d'edo*-, нг. *дүлтəдя*.

нг. *кэбтудя* (*кэбта*''а) 'погасить', т. нен. *хэбта-*, эн. *kota-*;

нг. *кэтудя* (*кэта*''а) 'обделить', эн. *kota-* (ср. также т. нен. *хэда-*);

нг. *лайкудя* (*лайка*''а) 'развесить', т. нен. *lyexj°z̄bta-*, эн. *lexa-ta-*;

нг. *луйкудя* (*луйка*''а) 'разрушить(ся), сломать(ся)', эн. *lôxa-ner-* 'рвется, ломается'.

Ср. также производный от бытийного нг. глагол *нучудя* (*нуча*''а) 'отпустить' — т. нен. *ηæda-*, т. эн. *ада-*, л. эн. *еда-*.

К этой группе примыкают глаголы, в которых *и* > нг. *й* после палатального согласного либо *i* / *й* первого слога:

нг. *нунюдя* (*нуня*''а) 'собрать, сложить вместе', т. нен. *ηона-*, эн. *ôna-* < **ojnâ-*;

нг. *сюсюдя* (*сюдя*''изэ) 'закончиться, иссякнуть', т. нен. *susa-*, эн. *susa-* < **susa-*;

нг. *дюкүдя* (*дюка*''а ~ *дика*''а) 'развязать' т. нен. *yeка-*, эн. *d'ika-*;

нг. *күрүдя* (на перфект указывает форма ЗРІ *kür'a?* (< *кура*''а)), стативно-декаузативная производная *күрүаса* также указывает на то, что ауслатный *ү* в нг. *күрүдя* отражает **ä* 'запутать(ся)', т. нен. *xura-* 'увязать нарту', т. эн. *kura-* 'связать, сплести'.

Нерегулярно соотношение гласных (между всеми тремя северносамодийскими языками) в случае нг. *чинүдя* (*чинү*''о)³⁰ 'понюхать', т. нен. *tyunye-* (в диалектах т. нен. также встречается вариант *tyinye-*, за указание на это я благодарю Т. Салминена), эн. *t'ino-*.

Б. Основы на *и* (*у* перфективных глаголов в перфекте *и* сохраняется, форма перфекта дается в скобках) I-гармонического класса.

В этом случае сопоставление с материалом других самодийских языков последовательной картины не дает:

нг. *нелтуди* (*нелту*''о) 'полинять', т. нен. *nyälye-*, эн. *node-* (энецкий и ненецкий указывают на ауслатный **ä*);

нг. *тәуди* (*тәү*''о / *тәү*''изэ) 'полететь', т. нен. (*tyuq°ryih*) *tyi/sy°*, эн. *t'io-* (энецкий и ненецкий отражают праформу **iä-*, соотношение с ней нганасанского глагола неясно);

нг. *нәрудиди* (*нәру*''о) 'уколоть', эн. *norio-*, *noris-* (источники эн. *i* достаточно разнообразны);

нг. *тынтүдиди* (*тынту*''о) 'ожить', эн. *t'ido-* (энецкий указывает на **ä*);

нг. *ләнүдиди* (*ләнү*''о) 'загореться; сгореть', *ләнү* 'пламя', ср. т. нен. *leyir-* 'разгораться', *ley°nә-* 'гореть', также ср. *leyo* 'пламя', от которого образованы, в свою очередь, глаголы *leyom-* 'загореться', *leyor-* 'появиться (о пламени)', *leyoq-* 'иметь яркое пламя' и т. эн. *lei* ~ л. эн. *loi* 'пламя', т. эн. *leiro-* ~ л. эн. *loiro-* 'загореться'.

Приведу также несколько найденных глаголов из этой группы, не имеющих соответствий:

нг. *сәүдиди* (*сәү*''о) 'выстрелить';

нг. *лебкүдиди* (*лебку*''о) 'поперхнуться, захлебнуться';

нг. *нәнсүдиди* (*нәнсу*''о) 'встать';

нг. *тәңкүдиди* (*тәңкү*''о) 'усилиться';

нг. *серүдиди* (*серү*''о) 'привязать, упаковать кладь на нарте' (следует отличать от нг. *сарәдя* 'привязать', т. нен. *syarә-*, эн. *sero-* и нг. *серәдиди* 'надеть', т. нен. *syerә-*, эн. *sero-*).

К этой группе примыкают глаголы, в которых *и* > нг. *й* после палатального согласного:

нг. *хонюдиди* (*хоню*''э) 'опухнуть, распухнуть', т. нен. *paue-*, эн. эн. *rae-* (ненецкий и энецкий указывают на **ä*);

нг. *хосюдиди* (*хосю*''э) 'ударить' — соответствий нет.

Зафиксированы два стативно-декаузативных глагола, производных от основ данной группы, гласный перед стативно-декаузативным показателем в них также нестандартен (нг. *ы*, отражающий **ä*):

— нг. *ләнүынсы* 'гореть' < *ләнүдиди* 'сгореть';

— нг. *нәнүндисы* (наряду с вокалической основой *нәнсыдиди*) 'стоять' < *нәнсүдиди* 'встать'; глагол, возможно, имеет соответствие в ск. *pijki-* 'стоять'³¹.

В нганасанском есть еще один стативно-декаузативный дериват такого же вида (на сей раз глагол является общесамодийским), интересно, что он имеет такие же варианты (консонантная vs. вокалическая

³⁰ В принципе процитированная из [Костеркина и др. 2001] форма перфекта *чинү*''о может быть неточной: например, при *дюкүдя* 'развязать' указан перфект *дюкү*''о, но неопубликованные словарные материалы Е. А. Хелимского, как и материалы М. А. Кастрена, указывают на *дюка*''а.

³¹ Что касается фонетических соответствий интервокального кластера, то ср. нг. *хенъдир* 'бубен', ск. *pijkar* 'бубен' < **pejkar* [Janhunen 1977: 119].

основы на *ы* в нганасанском), что и только что рассмотренный глагол 'стоять', производящая основа представлена общесамодийским **tenä-*:

— нг. *ченынсы* (наряду с вокалической основой *ченыди*) 'знать; уметь; помнить'.

В. Основы на *j* (у перфективных глаголов в перфекте *j* сохраняется, форма перфекта дается в скобках) I-гармонического класса.

Во всех случаях, когда нганасанский глагол из данного класса имеет соответствие в ненецком и энецком, материал этих языков указывает на ауслатный **ä*:

нг. *быныди* (*быны*"*ä*) 'приучить к упряжи'; *быны* 'веревка', т. нен. *yünya* 'веревка', эн. *bine-* 'веревка', *binis-* 'приучить к упряжи';

нг. *бытыди* (*бызы*"*ä*) 'выпить, попить', т. нен. *yidyē-* 'напиться', эн. *bide-* 'пропить что-л.';

нг. *дюлсыди* (*дюлсы*"*ä*) 'закончить(ся)', т. нен. *yolcyē-*, эн. *d'ud'e-*;

нг. *коныди* (*кона*"*a*) 'пойти', эн. *kane-*;

нг. *кэнтыди* (*кэнды*"*ä*) 'замерзнуть', эн. *kode-*;

нг. *мэлтыди* (*мэлты*"*ä*) 'измерить' эн. *mode-*;

нг. *толыди* (*толы*"*ä*) 'украсть', т. нен. *talyē-*, эн. *tare-*;

нг. *нылыди* 'жить', т. нен. *yilyē-*, т. эн. *ire-*, т. нен. *d'ire-*;

нг. *дяңхыди* (*дяңхыты*) 'блестеть', ср. т. эн. *d'eber-*.

Нерегулярно соотношение гласных в нг. *кэңхыди* (*камбы*"*ä*) 'перевернуть', т. эн. *kobuo-* 'повернуться' (= нг. *кэңхыäди*), т. нен. *хэтр°хэл-* 'перевернуться'.

Следующие глаголы из этой группы не имеют соответствий в других северносамодийских языках:

нг. *лэтыди* (*лэты*"*ä*) 'срубить';

нг. *ментыди* (*менды*"*ä*) 'коснуться, задеть';

нг. *мяныди* (*мяны*"*ä*) 'победить'³²;

нг. *нетыди* (*незы*"*ä*) 'промокнуть';

нг. *нянтыди* (*няндыты*) 'быть похожим';

нг. *ңонсыди* (*ңонды*"*ä*) 'выйти';

нг. *ңалыди* (*ңалы*"*ä*) 'победить, смочь';

нг. *серыди* (*серы*"*ä*) 'внести';

нг. *сонсыди* (*сонды*"*ä*) 'пришить, прикрепить';

нг. *сятыди* (*сязы*"*ä*) 'перестать, кончить(ся)'.

К этой группе примыкают глаголы, в которых *j* > нг. *i* после палатального согласного либо *i* первого слога:

нг. *коиди* (*кои*"*ä*) 'оставить', т. нен. *хауе-*, эн. *kae-*;

нг. *чиниди* (*чини*"*ä*) 'затопить, натопить', т. нен. *tyunye-*, л. эн. *t'une-*;

нг. *китиди* (*кизи*"*ä*) 'разбудить', т. нен. *syidyē-*;

нг. *хириди* (*хири*"*ä*) 'сварить', т. нен. *pyiryē-*, эн. *pire-*;

нг. *синсиди* (*синды*"*ä*) 'остыть', т. нен. *syincyē-*;

нг. *мэлиди* (*мэли*"*ä*) 'задержаться, опоздать; застрять', эн. *mole-* 'застрять'.

Г. Основы на *i* (у перфективных глаголов в перфекте *i* сохраняется, форма перфекта дается в скобках) I-гармонического класса.

В эту группу, в частности, входят пять отыменных глаголов. Первые два из них уже обсуждались выше:

нг. *себсиди* (*себси*"*ä*) 'плюнуть', *себси* 'плевок, слюна';

нг. *демниди* (*демни*"*ä*) 'заклеить (заплаткой)', *демни* 'заплатка'.

К ним можно прибавить еще два, в которых глагольная основа также в точности совпадает с именной:

нг. *димиди* (*дими*"*ä*) 'приклеить', *дими* 'клей', т. нен. *yibuä* 'клей', *yiw°tyē-* 'склеить', т. эн. *ie*, л. эн. *d'ii* 'клей', т. эн. *iete-*, л. эн. *d'iite-* 'склеить';

нг. *диңиди* (*диңи*"*ä*) 'завязать узлом', *диңи* 'узел', т. нен. *yü* 'узел', *yün-* 'завязать узлом', эн. *d'uu* 'узел', *d'uur-* 'завязать узлом'.

В последнем отыменном глаголе ауслатный гласный в имени и глаголе различается:

нг. *кайбидя* (*кайби*"*ä*) 'выкопать; разгрести', нг. *кайбу* 'лопата', т. нен. *syüwa* 'лопата', *syüwäq-* 'выкопать', эн. *sea* 'лопата'.

³² Близкие по семантике т. нен. *туанäq-* 'смочь', *туанuw°na* 'по силе' Т. Салминен в [Salminen 1998] связывает со словом со значением 'мера': т. нен. *туанäh*, эн. *medi?*, нг. *манти*.

Два глагола, которые на первый взгляд принадлежат к этой группе, в действительности являются суффиксальными производными:

нг. *дючиди* (*дючиты*) ‘видеть во сне’ — ср. *дюй* ‘сон’ и форму *juit’etem* у М. А. Кастрена с сохранением в глаголе финального *j* существительного *дюй*;

нг. *дечиди* (*дечи*”э) ‘покрыть чум нюками’, ср. *дей* ‘нюк’, а также т. эн. *d’ei* ‘нюк’, *d’eito-* ‘покрывать чум нюками’.

Остальные глаголы из этой группы, имеющие соответствия в других самодийских языках, не дают последовательной картины:

нг. *дярсиди* (*дярсити*) ‘любить’, ср. нганасанский глагол с другим гласным *дярсэзы-* ‘любить’, которому соответствует эн. *d’ed’ode-* ‘любить’³³;

нг. *бериди* (*бери*”э) ‘разрезать, раскрыть’, т. нен. *yerə-* ‘распороть’, т. эн., л. эн. *beri-* ‘разрезать’;

нг. *ңитиди* (*ңизи*”э) ‘повесить’, т. нен. *ñida-*, эн. *idi-*;

нг. *сетиди* (*сези*”э) ‘просверлить’, эн. *sedoro-*.

Следующие глаголы из этой группы не имеют соответствий:

нг. *мэчиди* (*мэчи*”э) ‘не хватить, недоставать; (быть) рано’;

нг. *салиди* (*сали*”э) ‘испортить’;

нг. *селиди* (*сели*”э) ‘поточить, наточить’ — возможно, является производным от исконно консонантной основы, ср. *селтэ-* ‘точить’³⁴;

нг. *чабтиди* (*чабти*”э) ‘раскрыть; разобрать (например, чум)’;

нг. *китиди* (*кити*”э) ‘привязать, завязать’;

нг. *нэчиди* (*нэчи*”э) ‘освободиться’.

Вообще, производность от именной основы — важный фактор появления нерегулярности в нганасанском. Ср. ряд стативно-декаузативных глаголов, нарушающих закономерности образования этой производной основы, сформулированные выше на материале собственно глагольных основ. Приводимые ниже стативно-декаузативные глаголы образованы от глаголов, которые, в свою очередь, образованы от именных основ (и потому могут иметь нерегулярный для глагола ауслуат) либо непосредственно от именных основ:

— нг. *ңудисы* ‘заниматься, работать (о женщине), рукодельничать’ < *ңусы* ‘дело, работа; шитье’;

— нг. *дючисы* ‘видеть сон, видеть во сне’ является стативно-декаузативной производной от глагола нг. *дючиди* ‘видеть во сне’, который, в свою очередь, образован от нг. *дюй* ‘сон’. Нганасанское *дючиди* возводится к протонг. **jūj-tā-* < **juj-tā-* (смена гармонии обусловлена, вероятно, влиянием **j* на предшествующий **i* и затем — влиянием гласного первого слога на гласный второго слога), этому соответствуют т. эн. *d’uder-* ‘видеть сны’ и *d’ude* ‘сон’. Но к указанной праформе нельзя возвести т. нен. *yude-* ‘видеть сон’ < т. нен. *yude* ‘сон’ (< **jūjte*). В ненецком это один из нескольких глаголов с ауслуатным *e* (< **e*), в данном случае гласный в глагольной основе в ненецком обусловлен тем, что это — отыменной глагол, образованный конверсией основы;

— еще один ненецкий глагол с *e* (< **e*) в ауслуате — *yake-* ‘быть дымным’, также отыменной глагол, производный от *yake* ‘дым’. Ему соответствует нганасанский стативно-декаузативный глагол (также с нестандартным гласным перед стативно-декаузативным показателем) *дякаса* ‘дымить’ < *дяка-гэ* ‘густой дым’. В энецком имеем *d’aki-* ‘дымить’ < *d’aki* ‘дым’. Формы всех трех языков возводятся к **jake*;

— еще один ненецкий глагол с *e* (< **e*) в ауслуате — *nyade-* ‘жить оседло’, ему соответствует нг. *ңатадя* (Praes.s3 *ңаэату*) ‘временно остаться без оленей (вообще олени есть, но он, например, гусей убивает)’³⁵, оба глагола возводятся к **ate-*, с какими-либо именными основами этот глагол, кажется, не связан³⁶;

³³ Возможно, здесь мы имеем дело с реинтерпретацией стативно-декаузативного деривата как глагола акциональной семантики с изменением морфонологического класса, ср. принадлежащую к альтернирующим глаголам основу т. нен. *yerсyə-* ‘вызывать симпатию’.

³⁴ Эн. *seri-* ‘наточить, соскоблить напильником’, возможно, является контаминацией основы, родственной данной нганасанской, и той, что представлена в т. нен. *syeryesyo* ‘напильник’, нг. *серуку* ‘напильник’.

³⁵ В [Урманчиева 2023] я высказала предположение, что этому нганасанскому слову соответствует т. эн. *ida* ‘стойбище’ (в данном случае праформа **etV*), однако сопоставление с ненецким глаголом предпочтительнее потому, что соответствие более чистое фонетически (в том числе и в гласном второго слога).

³⁶ Для оставшихся т. нен. глаголов на *-e* вторичный характер ауслуатного *e* показан в [Salminen 1998]: *tyade-* (TYADØ → E) ‘свободно развешиваться (в частности, о концах пояса)’, *monge-* (MOHXØ → E) ‘клубиться (о дыме),

— нг. *сэрбысы* ‘полагаться’ производно от нг. *сербы* ‘защитник; надежда’;

— нг. *нузаса* ‘владеть’ — от глагола *нутада* с тем же значением, который в конечном итоге возводится к существительному нг. *нута* [-з̥у] ‘собственность’;

— нг. *тораса* ‘бороться, соревноваться в борьбе’ сопоставляется с мт. *toro-*, т. нен. *taroq-*, эн. *tarur-* (ср. также нг. *торар-* ‘бороться’ [Janhunen 1977: 152]) и далее сравнивается с уральским **torz* ‘ссора, спор’ [Rédei 1988: 531]. Не отвергая категорически прауральской этимологии, можно отметить, что в нганасанском этот глагол может быть сравнительно новым образованием, возникшим вследствие смешения двух этимологически несвязанных, но фонетически близких основ: могла возникнуть ложная этимологическая связь со словом *тору^с*, в современном также *тору* (GenPl *тора*) ‘польза’. Ср. возможность развития сем ‘бороться’, ‘сопротивляться’ у фонетически сходных с *тораса* ‘бороться’ семейств слов: одно объединяется вокруг значения ‘опереться, опереться’ (и, возможно, оно этимологически связано с *тораса*), второе — вокруг значения ‘польза’ (через идею ‘старание, приложение усилий’). Полуужирным шрифтом выделены значения, содержащие сему ‘борьба’ (как в физическом смысле, так и в смысле сопротивления чему-либо):

а) *тораса* ‘бороться, соревноваться в борьбе’, *торарса* ‘бороться’;

б) *тору^с/тору* ‘польза’, *тору(й)чурса* ‘1) стараться; 2) сопротивляться, бороться (против чего-л.)’ (каптитивный глагол, досл. ‘добывать пользу’);

в) *торамаса* ‘опереться’, *торагалюся* ‘сопротивляться’ (глагол образован от незасвидетельствованного **торагал-* ‘воспротивиться’, ср. рус. *упереться*)³⁷.

Д. Основы на *i* (у перфективных глаголов в перфекте *i* сохраняется, форма перфекта дается в скобках) U-гармонического класса.

Эти глаголы также не дают последовательной картины:

нг. *чиэидя* ‘двигаться против ветра’, л. нен. *íšitsiēs* ‘плыть против течения’ < **cicā-* ‘плыть против течения’, см. [Janhunen 1977: 33], где приведены только сохранившие исконное значение глаголы селькупского и лесного ненецкого (на материале последнего в [ibid.] восстановлен ауслатный **ā*);

нг. *хуатидя* (*хуази*’э) ‘положить в котел, окунуть’, ср. т. нен. *pyada-* ‘опустить в котел’, т. эн. *redi-* ‘опустить в котел’ — на общесамодийском фоне все три глагола представляют собой вторичную производную от исконно консонантной основы, сохранившейся в ск. *pōt-*, см. [ibid.: 118];

нг. *дэхидя* (*дэбу*’э) ‘догнать’ соответствует эн. *d’abu-* ‘догнать’ и далее, как уже говорилось, ск. *čāri-* ‘схватить’, км. *d’ābəl’am* ‘схватить, поймать’, *d’ābōl’am*, *d’ābōtām* ‘держат’. Нганасанский не указывает на то, что этот глагол представляет собой стативно-декаузативный дериват (как можно видеть, интервокальный согласный выступает в слабой ступени, т. е. финальный слог является морфологически открытым), как стативно-декаузативный этот глагол оформлен в селькупском (ауслатный *u*), камасинском (суффикс *ō*) и энецком (т. к. он допускает алломорфы показателей будущего времени и причастия с согласным *δ*). Возможно, в нганасанском мы имеем дело с реинтерпретацией стативно-декаузативной основы как глагола событийной семантики с изменением морфологического класса;

нг. *дэбсидя* (*дэбси*’э) ‘догнать’ — не является ли суффиксальной производной, родственной предыдущему глаголу, указывая тем самым на исконно консонантную основу?

нг. *кирбидя* (*кирби*’э) ‘постричь(ся), побрить(ся)’ — соответствий не имеет.

Итак, ни одна из выделенных на нганасанском материале групп глаголов с *i/ĭ*, *u/ü* в ауслате не позволяет достоверно возводить какое-либо значимое число непрямых глаголов с таким ауслатом на пра(северно)самодийский уровень. Возможно, те глаголы из групп Б (основы на *u* I-гармонического класса) и Г (основы на *u* I-гармонического класса), которые не дают последовательных соответствий в других северносамодийских языках, могут претендовать на то, что они отражают исконные ауслаты,

тумане)’, *wile-* (WILØ → E) ‘резвиться (о привязанном к люльке ребенке)’, *уэнге-* (YØHXØ → E) ‘озираться, оглядываться’ — ср. также нг. *d’enka* ‘одноглазый’ с **e* в ауслате (наряду с *d’enku*) при нг. *d’enkāda-* ‘оглянуться’ и т. эн. *d’oga* ‘одноглазый’ (= нг. *d’enku*) и т. эн. *d’ogarta-* ‘подмигнуть’, а также л. эн. *d’ogol’e* (‘одноглазый’) и к тому же т. эн. *d’oŋal’e* ‘одноглазый’ — можно видеть, что ауслат этой основы варьирует во всех трех языках (**e*, **ā*, **ā*) и в целом она отличается фонетической нерегулярностью.

³⁷ Помимо этого, наличие фонетически сходной группы глаголов, представленной нг. *торкичуса* ‘растолкать, растормошить’, нг. *торкиалесы* ‘настоять’, нг. *торкуптуса* ‘занять’ (= ‘захватить’), также объединяющими идею физического контакта (‘растолкать’ и сопротивления ‘настоять’ или его преодоления ‘занять’), вообще могут указывать на то, что мы имеем дело с группой основ образной семантики (следует обратить внимание на то, что и в этой группе ауслатные гласные не связаны чередованиями по регулярным моделям).

а в ненецком и энецком произошло выравнивание, но число этих основ невелико: из группы Б таких глаголов пять, из группы Г — четыре (если учитывать нганасанские глаголы, не имеющие соответствий, в каждой группе окажется по десять глаголов). Но при этом следует обратить внимание на то, что в группе Г много не прототипически глагольных основ, связанных конверсией с именными основами. Итак, и для прасамодийского, и для прасеверносамодийского надежно реконструируются непроизводные глагольные основы только с тремя вокалическими ауслатами: *ə, *á, *ā. Это позволяет, в частности, сделать предварительный вывод о том, что в вопросе реконструкции прасамодийского вокализма второго слога следует отдать предпочтение точке зрения Ю. Янхунена, который восстанавливал в первых слогах только эти три гласные. Тем не менее данный вывод следует считать предварительным до рассмотрения ауслатов именных основ — в частности, по ходу изложения упоминалось несколько случаев, когда «нестандартный» для глагола ауслат можно было объяснить словообразовательной конверсией (переходом именного корня в сферу глагольных корней): не значит ли это, что репертуар вокалических ауслатов непроизводных именных прасамодийских основ был более разнообразным, а в глаголе мы имеем дело с вторичным парадигматическим выравниванием? Косвенно эту точку зрения поддерживает то, что и консонантные ауслаты сохраняются в именных основах гораздо последовательнее, чем в глагольных.

Сокращения

Языки

км. — камасинский	протонг. — протонганасанский
л. нен. — лесной ненецкий	ск. — селькупский
л. эн. — лесной энецкий	т. нен. — тундровый ненецкий
мт. — маторский	т. эн. — тундровый энецкий
нг. — нганасанский	эн. — энецкий

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	Loc — локатив
AUX — вспомогательный глагол	Pl — множественное число
Cvb — деепричастие	Praes — настоящее время
Dur — дуратив	Praet — прошедшее время
Gen — генитив	s — субъектное спряжение
Inf — инфинитив	St — стив-декаузатив
Latent — латентив	

Литература

Аникин, Хелимский 2007 — А. Е. Аникин, Е. А. Хелимский. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007.

Гусев 2008 — В. Ю. Гусев. Ауслатное -w в самодийских языках: нганасанско-маторская изоглосса // М. Д. Люблинская (ред.). Материалы 2-й международной конференции по самодистике. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 114—128.

Гусев 2010 — В. Ю. Гусев. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // С. И. Буркова (ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. С. 54—65.

Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. О возможных источниках селькупского сочетания -lč-: ПС *jw, *jk, *jm // Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 77—81.

Костеркина и др. 2001 — Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / Отв. ред. В. Ю. Гусев. СПб.: Просвещение, 2001.

Пырерка, Терещенко 1948 — А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко. Русско-ненецкий словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1948.

Урманчиева, рук. — А. Ю. Урманчиева. Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков). Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2023.

Урманчиева 2013 — А. Ю. Урманчиева. Образование форм аориста в самодийских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2013. Т. 9, № 2. С. 734—767.

Урманчиева 2022 — А. Ю. Урманчиева. Надо ли реконструировать для прасамодийского **ō*: источники *o* после палатальных согласных в первых и непервых слогах в тундровом ненецком // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 2022. Т. 81, № 6. С. 61—69.

Урманчиева 2023 — А. Ю. Урманчиева. Реконструкция глагольного спряжения в самодийских языках: личностные показатели индикатива и форманты типов спряжения // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023. Т. 19, № 1. С. 256—300.

Хелимский 1986 — Е. А. Хелимский. *Etymologica* 1—48 (Материалы по этимологии маторско-тайгийско-карагасского языка) // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1986, 88. 119—143. о.

Хелимский 1993/2000 — Е. А. Хелимский. Прасамодийские **ǎ* и **ǝ*: прауральские источники и нганасанские рефлексy // Е. А. Хелимский. *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 196—201.

Хелимский 1994 — Е. А. Хелимский. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Е. А. Хелимский (ред.). *Таймырский этнолингвистический сборник*. М.: РГГУ, 1994. С. 190—221.

Alatalo Ms. — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).

Alatalo 2004 — J. Alatalo. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.

Castrén 1854 — M. A. Castrén. *Grammatik der Samojedischen Sprachen*. St. Petersburg: Bedruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.

Guszev, Urmancsijeva 2018 — V. Guszev, A. Urmancsijeva. Egy kivételes morfofonológiai igeosztály ay enyecben // *Általános nyelvészeti tanulmányok*. 2018, XXX: Uralisztikai tanulmányok. 157—164. о.

Helimski 1997 — E. Helimski. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia Uralo-Altaica 41). Szeged: University of Szeged, 1997.

Helimski 1997/2022 — E. Helimski. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen // V. Gusev, A. Urmancsijeva, A. Anikin (eds.). *Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helimski (Studia Uralo-Altaica 56)*. Szeged: Szeged University, 2022. S. 479—495.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita 17)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.

Rédei 1988 — K. Rédei. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai kiadó, 1988.

Salminen 1997 — T. Salminen. *Tundra Nenets Inflection (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia 227)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — T. Salminen. *A Morphological Dictionary of Tundra Nenets (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

References

Alatalo Ms. — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).

Alatalo 2004 — J. Alatalo. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und J. Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.

Anikin, Helimski 2007 — A. E. Anikin, E. A. Helimski. *Samodijisko-tunguso-man'chzhurskiye leksicheskiye svyazi*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2007. {A. E. Anikin, E. A. Helimski. *Samoyedic-Tungus-Manchurian lexical connections*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2007.}

Castrén 1854 — M. A. Castrén. *Grammatik der Samojedischen Sprachen*. St. Petersburg: Bedruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.

Gusev 2008 — Gusev V. Yu. Auslautnoye -w v samodijiskikh yazykakh: nganasansko-matorskaya izoglossa. In: M. D. Lyublinskaya (red.). *Materialy 2-y mezhdunarodnoy konferentsii po samodistike*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2008. S. 114—128. {V. Yu. Gusev. *Auslaut -w in Samoyedic languages: a Nganasan-Mator isogloss*. In: M. D. Lyublinskaya (ed.). *Proceedings of the 2nd international conference on Samoyedology*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. P. 114—128.}

Gusev 2010 — V. Yu. Gusev. Stativy i dekauzativy na *-w v samodijiskikh yazykakh. In: S. I. Burkova. (red.). *Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii po samodistike*. Novosibirsk: Lyubava, 2010. S. 54—65. {V. Yu. Gusev. *Statives and decausatives on *-w in Samoyedic languages*. In: S. I. Burkova (ed.). *Proceedings of the 3rd International conference on Samoyedology*. Novosibirsk: Lyubava, 2008. P. 114—128.}

Gusev 2012 — V. Yu. Gusev. O vozmozhnykh istochnikakh sel'kupskogo sochetaniya -lč-: PS *jw, *jk, *jm. In: *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 febru-*

ari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 264). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 77—81. {V. Yu. Gusev. On possible sources of the Selkup combination *-lč-*: PS **jw*, **jk*, **jm*. In: Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 264). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 77—81.}

Guszev, Urmancsijeva 2018 — V. Guszev, A. Urmancsijeva. Egy kivételes morfofonológiai igeosztály az enyecben // Általános nyelvészeti tanulmányok. 2018, XXX: Uralisztikai tanulmányok. 157—164. o.

Helimski 1986 — E. A. Helimski. Etymologica 1—48 (Materialy po etimologii matorsko-taygiysko-karagasskogo yazyka). In: Nyelvtudományi Közlemények. 1986, 88. 119—143. o. {E. A. Helimski. Etymologica 1—48 (Materials on the etymology of the Mator-Taigi-Karagas language). In: Nyelvtudományi Közlemények. 1986, 88. 119—143. o.}

Helimski 1993/2000 — E. A. Helimski. Prasamodijskiye **ǵ* i **ǵ̃*: praural'skiye istochniki i nganasanskiye refleksy. In: E. A. Helimski. Komparativistika, uralistika. Lekcii i statyi. Moskva: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 196—201. {E. A. Helimski. Proto-Samoyedic **ǵ* and **ǵ̃*: Proto-Ural sources and Nganasan reflexes. In: E. A. Helimski. Comparative studies, uralistics. Lectures and articles. Moscow.: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 196—201.}

Helimski 1994 — E. A. Helimski. Oчерк морфологии i slovoizmenitel'noy morfologii nganasanskogo yazyka. In: E. A. Helimski (red.). Taymyrskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Moskva: Rossiyskiy Gosudarstvennyy Gumanitarnyy Universitet, 1994. S. 190—221. {E. A. Helimski. Essay on morphonology and inflectional morphology of the Nganasan language. In: E. A. Helimski (ed.). Taimyr ethnolinguistic collection. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1994, P. 190—221.}

Helimski 1997 — E. Helimski. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia Uralo-Altica 41). Szeged: University of Szeged, 1997.

Helimski 1997/2022 — E. Helimski. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen // V. Gusev, A. Urmancsijeva, A. Anikin (eds.). Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helimski (Studia Uralo-Altica 56). Szeged: Szeged University, 2022. S. 479—495.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitaitea 17). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.

Kosterkina i dr. 2001 — N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde, T. Yu. Zhdanova. Slovar' nganasansko-russkiy i russko-nganasanskiy / Otv. red. V. Yu. Gusev. Sankt-Peterburg: Prosveshcheniye, 2001 {N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde, T. Yu. Zhdanova. Dictionary Nganasan-Russian and Russian-Nganasan / V. Yu. Gusev (ed.). St. Petersburg: Prosveshcheniye, 2001.}

Pyrerka, Tereshchenko 1948 — A. P. Pyrerka, N. M. Tereshchenko. Russko-neneckiy slovar. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i nacionalnykh slovarej, 1948. {A. P. Pyrerka, N. M. Tereshchenko. Russian-Nenets dictionary. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1948.}

Rédei 1988 — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai kiadó, 1988.

Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets Inflection (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — T. Salminen. A Morphological Dictionary of Tundra Nenets (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

Urmancsijeva, ruk. — A. Yu. Urmancsijeva. Rekonstrukciya lingvisticheskogo landshafta Zapadnoy Sibiri (na materiale samodiyskikh yazykov). Dis. ... dokt. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2023. {A. Yu. Urmancsijeva. Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (based on Samoyedic languages). Doctoral thesis. St. Petersburg, 2023.}

Urmancsijeva 2013 — A. Yu. Urmancsijeva. Obrazovaniye form aorista v samodiyskikh yazykakh. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2013. Vol. 9, No. 2. S. 734—767. {A. Yu. Urmancsijeva. Aorist formation in Samoyedic languages. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2013. Vol. 9, No. 2. P. 734—767.}

Urmancsijeva 2022 — A. Yu. Urmancsijeva. Nado li rekonstruirovat' dlya prasamodiyskogo **ǵ̃*: istochniki *o* posle palatal'nykh soglasnykh v pervykh i nepervykh slogakh v tundrovom nenetskom. In: Izvestiya Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka. 2022. Vol. 81, No. 6. S. 61—69. {A. Yu. Urmancsijeva. Is it necessary to reconstruct **ǵ̃* for Proto-Samoyedic: sources of *o* after palatal consonants in first and non-first syllables in Tundra Nenets. In: Izvestiya Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka. 2022. Vol. 81, No. 6. P. 61—69.}

Urmancsijeva 2023 — A. Yu. Urmancsijeva. Rekonstrukciya glagol'nogo spryazheniya v samodiyskikh yazykah: lichno-chislovye pokazateli indikativa i formanty tipov spryazheniya. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2023. Vol. 19, No. 1. S. 256—300. {A. Yu. Urmancsijeva. Reconstruction of verbal conjugation in Samoyedic languages: Personal inflexions of the indicative and markers of conjugation types. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2023. Vol. 19, No. 1. P. 256—300.}

**Дискуссионная заметка к статье М. П. Безеновой «“Букварь для
вотяцких детей Сарапульского уезда”»: морфологические особенности»
(Урало-алтайские исследования. 2023, 1 (48). С. 7—21)**

Кельмаков Вале́й Кельмакович, Удмуртский государственный университет (Ижевск); finnugor@mail.ru

При анализе языка какого-либо раннего памятника письменности следует иметь определенное представление о языковых особенностях также и иных письменных документов, опубликованных/составленных как одновременно с изучаемым памятником, так и до или после него; лишь такой, на мой взгляд, подход позволит вынести более объективный «вердикт» о характерных особенностях языка изучаемого материала.

Ключевые слова: диалектный субстрат языка письменных памятников, традиции письма, архаизмы, инновации

**DISCUSSION NOTE TO THE ARTICLE BY MARIA P. BEZENOVA
“PRIMER BOOK FOR VOTYAK CHILDREN OF THE SARAPUL DISTRICT”:
MORPHOLOGICAL FEATURES”
(URAL-ALTAIC STUDIES. 2023, 1 (48). P. 7—21)**

Valei K. Kelmakov, Udmurt State University (Izhevsk); finnugor@mail.ru

During analyzing the language of an early monument of writing we should have a certain idea about the linguistic features of other written documents which were published (compiled) as well both simultaneously with the monument being studied, before or after it; only such an approach, in my opinion, will allow us to make a more objective “verdict” about the characteristic features of the studied material’s language.

Keywords: dialect substratum of the written monuments’ language, writing traditions, archaisms, innovations

Вале́й Кельмакович просмотрел и поправил последние гранки своей статьи, но не успел увидеть ее опубликованной. Редакция журнала «Урало-алтайские исследования» сожалеет об уходе этого замечательного ученого и присоединяется к соболезнованиям его родным и коллегам.

0. В связи с разработкой кем бы то ни было ранних памятников удмуртской письменности в серии статей для меня остается неясным ряд вопросов, которые могли бы быть очерчены кругом, — с какой целью они исследуются:

1) ради изучения истории удмуртского языка на разных уровнях его системы (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом и др.), получившей отражение в одном памятнике или их совокупности;

2) с целью определения того, насколько точно и полно или не очень они отражают языковые особенности базового диалекта или с частичными либо существенными отклонениями от них, а если последнее — то с чем связана подобная избирательность — это крайне важно для изучения особенностей более ранних этапов развития диалектов;

3) для выяснения того, какое место по своим языковым особенностям занимает изучаемый языковой документ в кругу «равнодиалектных» или «разнодиалектных» памятников письменности и как он соотносится с литературным языком **раннего периода** (того самого периода, когда составлялся данный письменный документ). Именно **раннего**, ибо сравнение с **современным состоянием** литературного языка не всегда имеет значимый смысл, поскольку современный литературный язык является результатом длительного и разностороннего развития, и непосредственное соотнесение его в нынешнем состоянии с ранними памятниками письменности может быть не всегда эффективным и актуальным.

Это — мое на скорую руку сформулированное понимание вопроса.

Здесь же, наверное, следует обсудить и предварительное решение следующей проблемы. Удмуртские диалекты со старыми названиями, которые были присвоены им в печатных изданиях текстов и лексикологии или исследованиях середины XIX — начала XX в., нелегко соотнести со структурно-территориальными вариантами языка, получившими те же самые (или иные) наименования в работах различных авторов того же самого или другого времени, или даже с единицами современного диалектного членения. Так, к примеру, у меня имеются серьезные сомнения в том, насколько идентичны (или близки) «*сарапульское нарѣчје*» изданий 1847 г. [Азбука Сар. 1847; ЕвангМф. Сар. 1847], с одной стороны, и язык «Букваря для вотяцких детей *Сарапульского уезда*» [Букварь Сар. 1882] — с другой. Ведь даже язык «Евангелій» 1847 г. издания [ЕвангМк. Глаз. 1847; ЕвангМф. Глаз. 1847; ЕвангМф. Сар. 1847] и язык «Азбук» того же года издания, составленных на сарапульском и глазовском диалектах/нарѣчяхъ соответственно [Азбука Сар. 1847; Азбука Глаз. 1847], значительно отличаются друг от друга.

Определенная работа по соположению структурно-территориальных вариантов удмуртского языка под одними и теми же (или разными) наименованиями в трудах, опубликованных разными авторами в различное время, была некогда выполнена мною в 80-е гг. прошлого века (см. [Кельмаков 1987: 38—39]). В этой статье более или менее надежно было прослежено соотнесение вариантов «казанского» диалекта, различающихся в публикациях как 1) по территории своего размещения, так и 2) по языковым особенностям (ср., например, работы Ф. Й. Видеманна [Wiedemann 1858], Т. Г. Аминоффа [Aminoff 1886; 1896], Б. Мункачи [Munkácsi 1887; 1896; 1952] и др.); относительно же других диалектов мне несколько сложнее было в то время судить. Аналогичное исследование, если даже оно и не будет опубликовано в ближайшее время, хотя бы эскизно должно быть в распоряжении автора серий статей о языке памятников на разных удмуртских диалектах (в данном случае я имею в виду, к примеру, относительно «сарапульского нарѣчја» / «сарапульского диалекта»).

1. Переходя к основной части своей дискуссии, начну, пожалуй, с заголовка статьи. Коль скоро речь идет о раннем письменном памятнике, то, на **мой** взгляд, можно было бы рекомендовать журналу и название его подать в таком же «раннем» (оригинальном) варианте, типа: «Букварь для вотяцкихъ дѣтей Сарапульскаго уѣзда» [Букварь Сар. 1882].

2. В связи с вышеизложенным относительно целей написания подобных работ несколько двусмысленным выглядит, как мне кажется, положение автора во 2-м абзаце «Введения»: «При описании морфологических явлений букваря мы старались классифицировать, какие из них — инновации, а какие — архаизмы, сохранившиеся от праудмуртского языка, поскольку принадлежность письменных источников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов».

Архаичным/инновационным то или иное явление может быть **в самом разговорном языке/диалекте**, в **языке же букваря** все — тот и другой — варианты могут быть равно синхроничными: язык описываемого памятника вбирает в себя — сообразно со сложившимися ко времени создания письменного документа требованиями нормы (поскольку он к данному моменту не первый и не единственный в удмуртском языке) — то, что реально существует в базовом языке/диалекте, какого бы времени происхождения оно (явление) ни было. Памятник лишь косвенно отражает (отражает ли?) хронологическую

глубину языкового явления (вообще). Так, употребление в «Азбуке» 1882 г. показателя *-йос* мн. ч. имен существительных и иных субстантивированных слов (прилагательных, причастий и местоимения 3-го л. ед. ч. *со* ‘он, она, оно’) во всех случаях (в основах как с консонантным ауслаутом, так и с вокалическим, ср.: *кылйос* ~ *нылпийослы*, *потемтейослы*) свидетельствует не о времени происхождения варианта суффикса (оно верифицируется на основе других данных), а лишь о возможной архаичности **нормы употребления** показателя множественного числа в варианте *-йос*, заложенной еще в письменном языке XVIII в., ср.:

1775: *сойосьлэнъ* ‘ихъ’ [Сочинения 1775: 4]; *пийосьлэнъ* или *пийосьлэсь* ‘моихъ сыновъ’ [там же: 5]; *пийосыдылы* ‘твоимъ сынамаъ’; *пийосыныды* ‘твоими сынамаи’ [там же: 6]; *монъ тыныды кузмало со сяськаийосьсе*, вмѣсто *сойосьсе сяськаийосьсе*, *кудъйосьсе тонъ адциды монъ дынямъ* ‘я тебѣ подарю тѣ цвѣтки, которые ты видѣлъ у меня’ [там же: 42]; *сойось асцейось* ‘они сами’, *пийосьлы*, *пийосыдылы*, *пийосыдылы* ‘этимъ’ [там же: 44] ~ *тельйосьты* ‘ваши лѣса’, *тельйосыныды* ‘вашими лѣсами’ [там же: 12], *тельйосьлы* ‘ихъ лѣсамъ’ [там же: 13]; и т. п.

И эта норма на употребление *-йос* вне зависимости от особенностей финали основы (правда, не всегда последовательное!) действовала, судя по разновременным памятникам удмуртской письменности, вплоть до 30-х гг. XX столетия; причем эта не поддающаяся разумному объяснению непоследовательность синхронического функционирования вариантов одной и той же морфемы, характерная, вероятно, для ранних памятников письменности и некоторых других языков¹, в удмуртском, кажется, получила еще и видимость некоего междиалектного характера (?) (ср. сар. *дзюци-ось-лэнъ* ‘у лисиц’ ~ *папайось-лэнъ* ‘у птиц’ || глаз. *дзюци-йось-лэнъ* ‘у лисиц’ ~ *папаясь-лэнъ* ‘у птиц’ — в составе текста см. ниже), например:

1847: (Мф. 11:25) ⟨...⟩ славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе от мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ то младенцамаъ. → сар. ‘⟨...⟩ бурэ ваисько Тонэ, Атае, инъ музьемъ-лэнъ но Инмарэ, тае ватэмъ-эдъ понна, визьмо-йось-лэсь, нодэсь-йось-лэсь-но, нуны-ось-лы-но Шарэ поттэмъ-эдъ понна’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 77—78] ~ глаз. ‘⟨...⟩ си бурэ ваисько Тыныды, Аимэ, инълэнъ музьемъ-лэнъ но Инмарэ, тае уватэмъэдъ понна, визьмо-йось-лэсь, нодэсь-йось-лэсь-но, пиналь-йось-лы-но Шарэ поттэмъ-эзъ понна’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 77—78]. (Мф. 5:21) Вы слышали, что сказано древнимъ: не убей; кто же убьетъ, подлежить суду. → сар. ‘Ти кылыды, маръ верамынъ увачкала-йось-лы: Энъ вий; кинъ-ке вийдэ, судэ усидэ’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 24—25] ~ глаз. ‘Ти кылыды, маръ верамынъ увачкала-йось-лы: Энъ вий; кинъ-кэ вийдэ, судэ усидэ’ [ЕвангМф. Глаз. 1847: 24—25]. (Мф. 7:6) Не давайте святыни псамъ; и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями ⟨...⟩ → сар. ‘Энъ-сйотэ святой-эзъ нуны-йось-лы; энъ-но куйтэлэ дунд ась какыт-йось-тэсь (глаз. *весь-йось-тэсь*) парсь-йось-азинъ ⟨...⟩’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 40] ~ глаз. ‘Энъ-сйотэ святой-эзъ нуны-йось-лы; энъ-но куйтэлэ дунд ась-весь-йось-тэсь парсь-йось-азинъ ⟨...⟩’ [ЕвангМф. Глаз. 1847: 40]. ~ (Мф. 8:20) Иисусъ говорить ему: лисицы имѣють норы, и птицы небесныя гнѣзда ⟨...⟩ → сар. ‘Иисусъ вера со-лы: Дзюци-ось-лэнъ уванъ гудэ, инъ-ултй лобясь папайось-лэнъ-но карь-йось ⟨...⟩’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 50] ~ глаз. ‘Иисусъ вера со-лы: Дзюци-йось-лэнъ уванъ гудэ, инъ-ултй лобась-йось папаясь-лэнъ уванъ пузькар-йось ⟨...⟩’ [ЕвангМф. Глаз. 1847: 50].

1863: (Мф. 2:16) Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его от двух лет и ниже ⟨...⟩ [Библия 1988: 1012]. ‘Soku Irod adzisa nodo murtjosles serem karemez tuž vožžä vaiz, leziz no viiny Vifleimyn votšak jorsaz no solen van pijos murt nunjoszä, kyk arä vuemjoszä soles pokšijoszä no ⟨...⟩’ [EvangMf. 1863: 5]. (Мф. 3:10) Уже и секира при корне дерев лежит ⟨...⟩ [Библия 1988: 1013]. ‘Tani, tir no piš pijoslen vužyazy kyl’ä ⟨...⟩’ [EvangMf. 1863: 7].

1874: *Нюлети нынале шундыез, толежес, кижилйосыз лүетем. Виѳети нынале чорыкьйосыз, папайосыз лүетем. Куаѳети нынале музьем вылич лулойосыз лүетем, берлояз мурте лүетем* [Нач. уч. 1874: 3]. ‘В четвертый день создал солнце, луну, звезды. В пятый день создал рыб, птиц. В шестой день создал живых душ на земле, напоследок сотворил человека’. *Иисус Навин кулем бере Ханаан музьемын Еврей калыкез түрейос кутыса улильам. Түрейослен самай берлоез Самуил пегамбар лүэм.*

¹ Так, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева относительно орфографии древней немецкой письменности отмечают: «Мы не найдем в древневерхненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца. ⟨...⟩ Иногда создается впечатление, что древние писцы подчас даже избегали одинаковых написаний и сознательно стремились к разнообразию» [Зиндер, Строева 1965: 26].

⟨...⟩ *Иньмар вожматем чамен Самуил Вениамин выжыич Саул нимоез сойослы эскей карыса понем* [там же: 20]. ‘По смерти Иисуса Навина на земле Ханаанской правили Евреями судьи. Самым последним среди судей был пророк Самуил. ⟨...⟩ По указанию Бога Самуил царем над ними поставил Саула из рода Вениамина’.

1882: (Мф. 6:26) Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? [Библия 1988: 1018]. ‘*Инь улын лобась тыло-бурдоёс вылэ утьелэ; соёс уг но кизё уг но арало ю-кенаказы но уг юкало, тиляд иньмысь айды утье вордэ соёсыз. Ти тыло-бурдоёслэсь уката но умойгем ёвыл-а?*’ [ЕвангМф. 1882: 16]. (Мф. 10:17) Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас ⟨...⟩ [Библия 1988: 1023]. ‘*Муртъёслэсь возьматыськелэ; соёс тиледыз судэ уськытозы, тиледыз дышетон коркаёсказы жугозы*’ [ЕвангМф. 1882: 27].

1887: Спаси, Господи, и помилуй ⟨...⟩ весь Царствующий Домъ; отца моего духовнаго, родители моя, сродники, начальники, и благодѣтели и вся христианы. ‘*Эй Инмаре уъ, эн кушты ⟨...⟩ Эскей Выжыкумыйосыз ваъзе но, мыныстым духовный Атайме, вордскытэм Атайме анайме родъайосме, начальникйосыз, мыным дъеч карисйосыз Христослы шоңер оскыса улисйосыз ваъзе ик уъ ворды*’ [Сокр. молитв. 1887: 14, 15]. ⟨...⟩ благословена Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ. ‘*Мильеґстым лулйосмес мозмытыґез вордскытемед понна, Тон данлы луемед кышнойос полын, Тынад вордскытемед но данлы*’ [там же: 10, 11, 12, 13]. Не ктому держава смертная возмоґеть держати человекы: Христось бо сниде, сокрушая и разоряя силы ея; связуемъ бываетъ адъ; Пророцы согласно радуются, предста, глаголюще ⟨...⟩ ‘*Кулонлен адъамийосыз кутыны кужмыз уз сузь иңи: Христось ваґкыса кулонлеґ кужымзе љабатыса быттем, ґелькойос курадзъыса улон интмын ґелтаґкыса улиґ муртйослы, пророкйос аґсе кустын огзылы огзы шумтомыса вераљам ⟨...⟩*’ [там же: 38, 39].

1898: *Стефанъ зырянъёслы луртыса, соёсыз Христось косэм сямен улыны дышетоно луэм* [Стефан Перм. 1898: 5]. ‘Стефан, вспоможествуя зырянам, решил научить их жить по заветам Христа’.

1904, 1912: (Мф. 9:18) Когда Он говорил им сие, подошел к нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил ⟨...⟩ [Библия 1988: 1021]. ‘*Тае соёслы веран дырґяз, Со доре одйг начальникъ лыктыса, Сола лыбыртыса верам ⟨...⟩*’ [Св. Еванг. 1904: 25; 1912: 25].

1907: *Шкапын дышечкон макеёс вань: книгаёс, тетрадьёс, карандашъёс, пероёс, ручкаёс, линейкаёс, доскаёс, съодву пононьёс, кагазьёс* [Михеев 1907: 8]. ‘В шкафу находятся учебные принадлежности: книги, тетради, карандаши, перья, ручки, линейки, доски, чернильницы, бумаги’.

1909: ⟨...⟩ благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ. ‘⟨...⟩ *лулъёсмес Мозмытыґез вордкытэмед понна, вань нылкышноёс кустын тон ушъяно, Тынысьтыд Вордкцем но ушъяно*’. Пресвятая владычице Богородице, моли о насъ грѣшныхъ. ‘*Муртъёс кусте пырыса улысь Инмарез вордкытэм самой святой Ныл! Ми селькоёс понна Инмарлы вёсяськы*’ [Вёсяськон кн. 1909: 16—17].

1926: *Нылы-пиёсы Визьмо будыло. Куспазы соёс Туж тату уло* [Ильин III 1926: 12]. ‘Детушки мои Умными растут. Меж собой они Очень дружно живут’. *Ми пичи, капчи, Туж чебер, векчи Тодды лымыёс Татчы люкаським* [там же: 24]. ‘Мы маленькие, легкие, Очень красивые, мелкие Белые снежинки Собрались сюда’. *Ватэм гу вылме Сяська шобыртоз, Со сяськаёсын Капчи тёл шудоз* [там же: 27]. ‘Могилу мою Цветы покроят, С этими цветами Легкий ветер будет резвиться’. И пр.

Еще раз: употребление (хотя и не всегда последовательное!) маркера мн. ч. имен существительных и прилагательных *-ос/-йос* в изданиях 1775—1926 гг. на удмуртском языке говорит о том, что «Букварь» (1882) достаточно устойчиво придерживается в данном случае старой книжно-письменной традиции, заложенной весьма авторитетным для своего и на долгие десятилетия последующего времени изданием — первой печатной грамматикой удмуртского языка [Сочинения 1775], и абсолютно не «заботится» об освидетельствовании первичности/вторичности происхождения *-йос* по сравнению с *-ос*.

3. Притяжательность (2.2).

Когда пишут о системе притяжательных суффиксов удмуртского языка, обращаются, как правило, к [ГСУЯ 1962]. Вроде бы так и должно быть: где же еще по морфологическим проблемам справиться, как не в нормативной научной грамматике удмуртского литературного языка? И тем ярче обнажается для меня уже в течение многих лет зияющая на ее страницах неполнота парадигмы притяжательных

суффиксов, которая впервые была замечена мною в работе [Кельмаков 2005]; позднее на нее было обращено внимание и в [УККкт. 2011: 36—38].

4. Когда автор приводит/цитирует какое-либо научное положение, заимствованное у другого исследователя, следует, как мне кажется, ссылаться не на вторые-третьи-четвертые...-последние руки, а все же на **первоисточник(и)**. Сказанное в данном случае касается таких морфологических явлений, как: 1) времени утверждения маркеров аккузатива мн. ч. имен существительных (или иных субстантивированных слов) в двух вариантах — *-ыз/-ты*; 2) путей формирования двух пар — возвратного/невозвратного и по-нудительного/непонудительного — залогов в пермских языках; и др.

5. Полная парадигма спряжения глагола в желательном наклонении распалась во многих (в особенности северных и срединных) удмуртских диалектах довольно рано, и сохранились лишь формы 3-го л. ед. и мн. ч.: *мед мыноз* ‘пусть идет’, *мед мынозы* ‘пусть идут’ и *медаз (медам) мын* ‘пусть не идет’, *медаз (медам) мынэлэ* ‘пусть не идут’. И эти «осколки» были впоследствии восприняты не только исследователями, но, кажется, и самими носителями языка как формы косвенного «повеления» и еще в XVIII в. (возможно, и задолго до него) отнесены к парадигме повелительного наклонения как 3-е л. ед. и мн. ч. (что, впрочем, сохранилось в современных нормативных грамматиках удмуртского языка вплоть до наших дней):

Число Единственное

Тонь энву ‘не будь’

со медазь ву ‘онь пусть не будет’

Число Множественное

Ти эдвуэ (э: энвуэ) ‘вы не будте’

соіось медазь вуэ ‘они пусть не будут’ [Сочинения 1775: 96].

Автор при этом утверждает: «В тексте “Букваря” мы выявили лишь одну подобную — желательного наклонения — форму (*мед луоз вал* ‘пусть бы стало’...), поэтому из-за ограниченности фактического материала в данном случае мы не можем утверждать, что в анализируемом памятнике действительно представлено желательное наклонение» (3.2.4).

Я, со 100%-ной уверенностью не соглашаясь с такими словами автора дискуссионной статьи, с 95%-ной уверенностью осмеливаюсь утверждать, что в языке (или в базовом диалекте) данного памятника, сколь бы мы гипотетически ни увеличили его текстовый корпус в том же самом диалектном ключе, не обнаружили бы этого наклонения: оно в нем рассыпалось, ибо даже та форма (*мед луоз вал*), якобы, по мнению автора статьи, — единственный фрагмент желательного наклонения, при отсутствии форм 1—2-го л. обоих чисел не является таковым. Она прекрасно укладывается в тот же самый ряд форм, которые представлены автором статьи выше, как (особая) форма 3-го л. **повелительного же наклонения**: *мед быроз*, *мед улоз* — *медаз куцкы*, *вожед мидаз поты*, т. к. добавленная к форме усилительная или выражающая субъективное отношение частица (или Бог знает что!) *вал (мед луоз вал)* ее сущности не меняет.

6. Относительно рассуждения автора о форме на *-эммэ* (ср. *-ымтэ* в литературном языке и в других диалектах): *уьалтемтэ*, *луемтэ*, *тодемтейез*, *потемтейослы* и пр. (формант, вне всякого сомнения, *-эммэ/-емтэ*, а не *-мтэ*).

Автор исследования зафиксировал формы типа *-эммэ* только еще в одном раннем памятнике удмуртской письменности, но, судя по моим материалам, они — вопреки мнению автора статьи — встречаются также в ряде других изданий 2-й половины XIX в. (как в переводных текстах, так и в фольклорных произведениях), т. е. времени составления «Букваря» 1882 г., например:

1) в переводных текстах:

1874: *Со бере Израиль калык вордычкем музьемаз бертемте*, *эксейлыгез велич улемте* [Нач. уч. 1874: 26]. ‘После этого народ Израиля не вернулся на родную землю, его царство более не существовало’. *Отын но Иьмар Еврей калыкез быттемте* <...>. ‘И там Бог не уничтожил еврейский народ <...>’ [там же]. *Ананя, Азаря нимо дышечкич пиьгальйос со алтйн суретлы лыбыртемтезы* [там же]. ‘Ученики по имени Анания, Азария, Мисаил не поклонились тому золотому истукану’. *Эксей пиьгальйослы ниномыр луэммээ аджыса* <...> [там же: 27]. ‘Царь, увидев, что с детьми ничего не случилось <...>’.

1877: ‘Со [Исус] сойослы лауаб җотыса взрам: тиледлы иң эскейлыклен ватэтийоссэ тодыны җотиҗкэм, сойослы җотиҗкэмтэ. <...> Сойос усқизыкэ но адҗэммтэиҗ, кылзыҗкызыкэ но кылэмтэиҗ, валаммтэзылы кӧрэ мон сойослы малыса взраҗко’ [ЕвангМф. 1877: 33]. (Мф. 13:11—13) Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, <...> потому им говорю притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают <...> [Библия 1988: 1027]. ‘Сойослэн оскымтэийоссы (! — В. К.) понна отын уно кӧдрят лестэмтэ’ [ЕвангМф. 1877: 37]. (Мф. 13:58) И не совершил там многих чудес по неверию их [Библия 1988: 1029]. ‘Сойос аҗсэ мылкыдазы ми няң баҗтэмтэез взра вылэм шұса налтаҗлям’ [ЕвангМф. 1877: 42]. (Мф. 16: 7) Они же помышляли в себе и говорили: *это значит*, что хлебов мы не взяли [Библия 1988: 1032]. ‘Соқы җырйоссэ вылэ кизэ поныса җесэ вӧҗ мед вӧҗалоз шұса Солы нуныйосыз ваилҗлям. Дышеҗсиҗийосыз со дорэ нуныйосыз леҗсемтэзы вылэм’ [ЕвангМф. 1877: 50]. (Мф. 19:13) Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им [Библия 1988: 1036]. ‘Со мурт ваҗсемтэ’ [ЕвангМф. 1877: 58]. (Мф. 22:12) Он же молчал [Библия 1988: 1041]. ‘Пилат калыклиҗ кӧнэмтэийоссы но тужҗес карлашемзес адҗыса, ву баҗтыса потыса калыклен җиң аҗсаз кизэ миҗкэм <...>’ [ЕвангМф. 1877: 77]. (Мф. 27:24) Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом <...> [Библия 1988: 1051].

1877: *Адамэн Ева уҗмакын голыш кӧйӧн вэтлшҗлям, воҗытэз тодэмтэзы* [Св. Ист. 1877: 5]. ‘Адам и Ева ходили в раю голыми, стыда не ведали’. *Каин ачыз ышан мурт вылэм, кӧрбонзэ но мылиҗ-кыдиҗ ваемтэ, Иңмар но солиҗ кӧрбонзэ кабыл баҗтэмтэ* [там же: 8]. ‘Каин сам был недобрый человек, и жертву свою он принес не от души, и Бог не принял его жертвы’.

1878: *Христос <...> коҗ кинҗлы ке но ок тӧрли ӧродлык но лестемтэ <...>* [Ўгет 1878: 22]. ‘Христос <...> никому не причинял никакого зла <...>’.

1882: (Мф. 6:7) А молясь, не говорите лишнего, как язычники <...> [Библия 1988: 1017]. ‘Вӧсяськыкыды мултесэ эн вералэ оскемте муртэс кадик <...>’ [ЕвангМф. 1882: 15]. (Мф. 6:32) <...> всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом [Библия 1988: 1018]. ‘Сое ваньзэ оскемте муртэс кушко. Тиләд иньмысь айды тиледлы мар кулзэз воҗяк тодэ’ [ЕвангМф. 1882: 17]. (Мф. 9:24) <...> сказал им: выйдите вон, ибо не умерла девица, но спит. И смеялись над Ним [Библия 1988: 1022]. ‘Соёслы верам: татысен петло потелэ, ныл бен кулэмте, изе гынэ шуэм; сое но серекҗалҗям’ [ЕвангМф. 1882: 24]. (Мф. 9:24) <...> и блажен, кто не соблазнится о Мне [Библия 1988: 1024]. ‘Мынысьтым шекланэмте мурт шудо луоз’ [ЕвангМф. 1882: 29]. (Мф. 11:20) Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаяться <...> [Библия 1988: 1025]. ‘Соқы Исус аслэсьтыс уно кужымзэ адзем карҗёсыз селыкзылэс дугдэмтезы понна ораськыны кутыськем’ [ЕвангМф. 1882: 30]. (Мф. 12:16) <...> и запретил им объявлять о Нем <...> [Библия 1988: 1026]. ‘Соёслы асьзэ одиг муртлы но вераны косэмтэ’ [ЕвангМф. 1882: 32]. И др.;

2) в произведениях фольклора:

1880: *Валляна одик переслэн нылпиез лүэмтэ* [Гаврилов 1880: 58]. ‘Въ древности у одного старика не было дѣтей’ [там же: 125]. *Пор кыз җылиҗ чаҗгэм ваҗкыса укҗоез утчам но шэттэмтэ <...>* [там же: 61]. ‘Черемисинь, слѣзши скорѣе съ ели, искаль денгы, но не нашель <...>’ [там же: 128]. *Сойос вералҗлям: ми җеҗы пиҗ нұйҗком шұилҗлям. Сойос аҗсез җиңны тодэмтэзы <...>* [там же: 65]. ‘Они сказали: мы возьмем овсяную муку. Они сами не знали, как ѣсть овсяную муку <...>’ [там же: 132]. *Кам вылти потыса мынон дырҗя тайос одик лужкэс адҗилҗлям но отсы одик кап җеҗы пиҗзе нұыса отсы җоктилҗлям, вұ нярак нұэм. <...> Нап узна луына шуса ношик вайыса җоктилҗлям, оҗсы но нап лүэмтэ. Оҗсы ванҗ җеҗы пиҗзэс вұэ поныса быттилҗлям. Со бере нап луэмтэиҗкыз одигез ву пошкэ пырэм <...>* [там же: 65]. ‘Когда проѣзжали через Камь, они увидели прорубь и, отнесши туда одинъ куль овсяной муки, высыпали въ прорубь; вода унесла муку. <...> Говоря, что еще все не густѣть, опять отнесли и высыпали; вода все-таки не густѣла. Такъ они высыпали туда всю овсяную муку. Потомъ, видя, что все не густѣть вода, одинъ изъ нихъ полезъ въ воду <...>’ [там же: 133].

И т. д.

Сокращения

глаз. — глазовский диалект
сар. — сарапульский диалект

Мк. — Евангелие от Марка
Мф. — Евангелие от Матфея

Источники и литература

Азбука Глаз. 1847 — Азбука составленная из Российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения Вотских детей чтению на их наречии. (По Глазовскому). Казань, 1847. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин; отв. за вып. Л. Л. Карпова; предисл. Л. М. Ившина. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 387—558.]

Азбука Сар. 1847 — Азбука составленная из Российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения Вотских детей чтению на их наречии. (По Сарапульскому). Казань, 1847. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин; отв. за вып. Л. Е. Кириллова; предисл. Л. М. Ившина. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 249—439.]

Библия 1988 — Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. М.: Изд. Московской Патриархии, 1988.

Букварь Сар. 1882 — Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда. Казань: Изд. Православного Миссионерского Общества (Типо-литография В. М. Ключникова), 1882.

Вöсяськон кн. 1909 — Вöсяськон книга. Молитвенник на вотском языке. Глазовское наречие. 4-е изд. Казань: Центральная тип. Православного Миссионерского Общества, 1909.

Гаврилов 1880 — Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Записаны, переведены и изложены *Борисом Гавриловым* во время командировки в Вотяцкие селения Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удмурт. НИИ ист., экон., яз. и лит.; отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1962.

ЕвангМк. Глаз. 1847 — Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. Евангелистов Матфея и Марка на русском и вотяцком языках, Глазовского наречия. Казань: Тип. Имп. Казанского ун-та, 1847.

ЕвангМф. Глаз. 1847 — Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. Евангелистов Матфея и Марка на русском и вотяцком языках, Глазовского наречия. Казань: Тип. Имп. Казанского ун-та, 1847.

ЕвангМф. Сар. 1847 — Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. Евангелиста Матфея на русском и вотяцком языках, Сарапульского наречия. Казань: Тип. Имп. Казанского ун-та, 1847.

ЕвангМф. 1877 — Милям Господь Иисус Христослэн чын Евангелиез. Матфей гожтэм Евангелие / Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие. От Матфея. Казань: Изд. Православного Миссионерского Общества, 1877.

ЕвангМф. 1882 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея на вотяцком языке. Гельсингфорс: Тип. Финского Литературного Общества, 1882.

Зиндер, Строева 1965 — *Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева*. Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студ. пед. ин-тов и ун-тов. М.; Л.: Просвещение, 1965.

Ильин III 1926 — *М. И. Ильин*. Кылбур'ёс: Куиньметй книга. Ижкар: Удкнига, 1926.

Кельмаков 1987 — *В. К. Кельмаков*. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР; Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 26—51.

Кельмаков 2005 — *В. К. Кельмаков*. К вопросу о типах склонения имен существительных в пермских языках // *В. К. Кельмаков*. Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания (= Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 2 / Мин-во образования и науки РФ; Федеральное агентство по образованию; ГОУ ВПО «Пермский гос. пед. ун-т»). Пермь, 2005.

Михеев 1907 — *И. С. Михеев*. Первая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1907.

Нач. уч. 1874 — Начальное учение православной христианской веры на вотском языке. Казань, 1874.

Св. Еванг. 1904 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на вотском языке. Казань, 1904.

Св. Еванг. 1912 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на вотском языке. Казань, 1912.

Сокр. молитв. 1887 — Сокращенный молитвослов на вотском языке / Изд. Православного Миссионерского Общества. Казань: Тип. М. А. Чирковой, 1887.

Сочинения 1775 — Сочинения принадлежащая к грамматике вотского языка. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук 1775 года. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удмурт. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975.]

Стефан Перм. 1898 — Святой Стефан Великопермский и его просветительно-миссионерская деятельность на вотском языке / Изд. Православного Миссионерского Общества. Казань: Тип. М. А. Чирковой, 1898.

УККкт. 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкугысь ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011.

Ўгет 1878 — Ўгет. Святой Тихон дѣшетем зѣсь кылѣос. Наставление христианское Св. Тихона / Изд. Православного Миссионерского Общества. Казань: Тип. Коковиной, 1878.

Aminoff 1886 — T. G. Aminoff. *Wotjakilaisia kielinäytteitä* // JSFOu. 1886, 1. S. 32—55.

Aminoff 1896 — T. G. Aminoff. *Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos* // JSFOu. 1896, 2 (XIV). S. 1—48.

EvangMf. 1863 — *Das Evangelium des Matthaus wotjakisch, mit Hülfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert von F. J. Wiedemann*, Mitglieder der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften in St. Petersburg. London, 1863.

Munkácsi 1887 — B. Munkácsi. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest, 1887.

Munkácsi 1896 — B. Munkácsi. *A votják nyelv szótára*. Budapest, 1896.

Munkácsi 1952 — B. Munkácsi. *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*. Aus dem Nachlasse von Bernhárd Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki, 1952.

Wiedemann 1858 — F. J. Wiedemann. *Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache* // Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Péterbourg 1858. S. 240—256.

References

Aminoff 1886 — T. G. Aminoff. *Wotjakilaisia kielinäytteitä*. In: JSFOu. 1886, 1. S. 32—55.

Aminoff 1896 — T. G. Aminoff. *Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos*. In: JSFOu. 1896, 2 (XIV). S. 1—48.

Azbuka Glaz. 1847 — *Azbuka, sostavlenyaya iz Rossiiskikh, tserkovnoi i grazhdanskoi pechati, bukv, dlya obucheniya votskikh detei chteniyu na ikh narechii*. (Po Glazovskomu). Kazan', 1847. [Pereizd. v kn.: *Pervye pechatnye knigi na udmurtskom yazyke: Glazovskoe narechie*. Sost. L. M. Ivshin; otv. za vyp. L. L. Karpova; predisl. L. M. Ivshina. Repr. vospr. tekstov izd. 1847 g. Izhevsk: UIIYAL URO RAN, 2003. S. 387—558.] {The alphabet, compiled from Russian, church and civil print, letters, for teaching Votyak children to read in their dialect. (In Glazov dialect). Kazan, 1847. [Re-published in: First printed book in Udmurt: Glazov dialect. Comp. and foreword by L. M. Ivshin; resp. ed. L. L. Karpova. Reprinted texts from 1847. Izhevsk: UIIYAL URO RAN, 2003. P. 387—558.]}

Azbuka Sar. 1847 — *Azbuka, sostavlenyaya iz Rossiiskikh, tserkovnoi i grazhdanskoi pechati, bukv, dlya obucheniya votskikh detei chteniyu na ikh narechii*. (Po Sarapul'skomu). Kazan', 1847. [Pereizd. v kn.: *Pervye pechatnye knigi na udmurtskom yazyke: Sarapul'skoe narechie* / Sost. L. M. Ivshin; otv. za vyp. L. E. Kirillova; predisl. L. M. Ivshina. Repr. vospr. tekstov izd. 1847 g. Izhevsk: UIIYAL URO, 2003. S. 249—439.] {The alphabet, compiled from Russian, church and civil print, letters, for teaching Votyak children to read in their dialect. (In Sarapul dialect). Kazan, 1847. [Re-published in: First printed book in Udmurt: Sarapul dialect. Comp. and foreword by L. M. Ivshin; resp. ed. L. E. Kirillova. Reprinted texts from 1847. Izhevsk: UIIYAL URO, 2003. P. 249—439.]}

Bibliya 1988 — *Bibliya: Knigi svyashchennogo pisanija Vetkhogo i Novogo Zaveta: Yubileinoe izdanie, posvyashchennoe tysyacheletiyu Kreshcheniya Rusi*. Moskva: Izd. Moskovskoi Patriarkhii, 1988. {Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: Anniversary edition dedicated to the millennium of the Baptism of Rus'. Moscow: Ed. of the Moscow Patriarchate, 1988.}

Bukvar' 1882 — *Bukvar' dlya votyatskikh detei Sarapul'skogo uezda*. Kazan': Izd. Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva, 1882. {An ABC-book for the Votyak children of the Sarapul district. Kazan: Published by the Orthodox Missionary Society, 1882.}

EvangMk. Glaz. 1847 — *Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangelija ot sv. Evangelistov Matfeya i Marka na russkom i votyakskom yazykakh, Glazovskogo narechiya*. Kazan': Tip. Imp. Kazanskogo un-ta, 1847. {Our Lord Jesus Christ Gospel of St. Evangelists Matthew and Mark in Russian and Votyak languages, Glazov dialect. Kazan: Type. Imp. Kazan University, 1847.}

EvangMf. Glaz. 1847 — *Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangelija ot sv. Evangelistov Matfeya i Marka na russkom i votyakskom yazykakh, Glazovskogo narechiya*. Kazan': Tip. Imp. Kazanskogo un-ta, 1847. {Our Lord Jesus Christ Gospel of St. Evangelists Matthew and Mark in Russian and Votyak languages, Glazov dialect. Kazan: Type. Imp. Kazan University, 1847.}

EvangMf. Sar. 1847 — *Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangelija ot sv. Evangelista Matfeya na russkom i votyakskom yazykakh, Sarapul'skogo narechiya*. Kazan': Tip. Imp. Kazanskogo un-ta, 1847. {Our Lord Jesus Christ Gospel of St. Evangelist Matthew in Russian and Votyak languages, Sarapul dialect Kazan: Type. Imp. Kazan University, 1847.}

EvangMf. 1863 — *Das Evangelium des Matthaus wotjakisch, mit Hülfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert von F. J. Wiedemann*, Mitglieder der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften in St. Petersburg. London, 1863.

EvangMf. 1877 — *Milyam Gospod' Iisus Khristoslehn chŷn Evangelieez. Matfei gozhtehm Evangelie / Gospoda nashego Iisusa Khrista svyatoe Evangelie. Ot Matfeya*. Kazan': Izdanie Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva, 1877. {Our Lord Jesus Christ Holy Gospel. From Matthew. Kazan: Published by the Orthodox Missionary Society, 1877.}

EvangMf. 1882 — Gospoda nashego Iisusa Khrista Svyatoe Evangelie ot Matfeya na votyatskom yazyke. Gel'singfors: Tip. Finskogo Literaturnogo Obshchestva, 1882. {Our Lord Jesus Christ The Holy Gospel of Matthew in the Votyak language. Helsingfors: Type. Finnish Literary Society, 1882.}

Gavrilov 1880 — Proizvedeniya narodnoi slovesnosti, obyady i pover'ya votyakov Kazanskoj i Vyatskoj gubernii. Zapisany, perevedeny i izlozheny Borisom Gavrilovym vo vremya komandirovki v Votyatskie seleniya Kazanskoj i Vyatskoj gubernii. Kazan', 1880. {Works of folk literature, rituals and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka provinces. Recorded, translated and presented by Boris Gavrilov during a business trip to the Votyatsky villages of the Kazan and Vyatka provinces. Kazan, 1880.}

GSUYA 1962 — Grammatika sovremennoogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962.}

Il'in III 1926 — M. I. Il'in. Kylbur'es: Kuin'meti kniga. Izhkar: Udkniga, 1926. {Poems: Book Three. Izhkar: Udkniga, 1926.}

Kel'makov 1987 — V. K. Kel'makov. K voprosu o dialektnom chlenenii udmurtskogo yazyka. In: Permistika: Voprosy dialektologii i istorii permskikh yazykov: Sb. st. / NII pri Sov. Min. Udmurt. ASSR; Udmurt. gos. un-t. Izhevsk, 1987. S. 26—51. {On the issue of dialect division of the Udmurt language. In: Permistics: Questions of dialectology and history of Perm languages: collection. Art. Research Institute under the Sov. Min. Udmurt. ASSR; Udmurt State University. Izhevsk, 1987. P. 26—51.}

Kel'makov 2005 — V. K. Kel'makov. K voprosu o tipakh skloneniya imen sushchestvitel'nykh v permskikh yazykakh. In: V. K. Kel'makov. Nekotorye problemy komi-permyatskogo i permskogo yazykoznanija (= Trudy Instituta yazyka, istorii i traditsionnoi kul'tury komi-permyatskogo naroda. Vyp. 2 / Min-vo obrazovaniya i nauki RF; Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu; GOU VPO "Permskii gos. ped. un-t". Perm', 2005. {On the question of types of declension of nouns in Permian languages. In: V. K. Kel'makov. Some problems of Komi-Permyak and Permian linguistics (= Proceedings of the Institute of Language, History and Traditional Culture of the Komi-Permyak People. Issue 2) / Ministry of Education and science of the Russian Federation; Federal Agency for Education; GOU VPO "Perm State Pedagogical University". Perm, 2005.}

Mikheev 1907 — I. S. Mikheev. Pervaya kniga dlya chteniya na votskom yazyke. Kazan', 1907 {The first book to read in the Votik language. Kazan, 1907.}

Munkácsi 1887 — B. Munkácsi. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887.

Munkácsi 1896 — B. Munkácsi. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896.

Munkácsi 1952 — B. Munkácsi. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki, 1952.

Nach. uch. 1874 — Nachal'noe uchenie pravoslavnoi khristianskoj very na votskom yazyke. Kazan', 1874. {The initial teaching of the Orthodox Christian faith in the Votik language. Kazan, 1874.}

Sv. Evang. 1904 — Gospoda nashego Iisusa Khrista Svyatoe Evangelie ot Matfeya, Marka, Luki i Ioanna na votskom yazyke. Kazan', 1904. {Our Lord Jesus Christ The Holy Gospel of Matthew, Mark, Luke and John in the Votish language. Kazan, 1904.}

Sv. Evang. 1912 — Gospoda nashego Iisusa Khrista Svyatoe Evangelie ot Matfeya, Marka, Luki i Ioanna na votskom yazyke. Kazan', 1912. {Our Lord Jesus Christ The Holy Gospel of Matthew, Mark, Luke and John in the Votish language. Kazan, 1912.}

Sokr. molitv. 1887 — Sokrashchennyi molitvoslov na votskom yazyke / Izd. Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva. Kazan': Tip. M. A. Chirkovoi, 1887. {An abbreviated prayer book in the Votik language / Ed. Orthodox Missionary Society. Kazan: Type. M.A. Chirkova, 1887.}

Sochineniya 1775 — Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatike votskogo yazyka. V Sanktpeterburge pri Imperatorskoj Akademii nauk 1775 goda. [In: Pervaya nauchnaya grammatika udmurtskogo yazyka / Udmurt. NII ist., ehkon., lit. i yazyka pri Sov. Min. Udmurt. ASSR. Izhevsk: Udmurtiya, 1975.] {Works belonging to the grammar of the Votik language. In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences in 1775.}

Stefan Perm. 1898 — Svyatyi Stefan Velikopermskii i ego prosvetitel'no-missionerskaya deyatel'nost' na votskom yazyke / Izd. Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva. Kazan': Tip. M. A. Chirkovoi, 1898. {Saint Stephen of Great Perm and his educational and missionary activities in the Votik language / Ed. Orthodox Missionary Society. Kazan: Type. M. A. Chirkova, 1898.}

Üget 1878 — Üget. Svyatoi Tikhon dyshetem žes' kylios. Nastavlenie khristianskoe Sv. Tikhona / Izd. Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva. Kazan': Tip. Kokovinoi, 1878. {Üget. Christian Instruction of St. Tikhon / Ed. Orthodox Missionary Society. Kazan: Type. Kokovina, 1878.}

UKKkt. 2011 — Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiez): Todoslyko-dyshetskoi izdanie (Morfologiya udmurtskogo yazyka: Nauchno-uchebnoe izdanie) / Otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication / Ed. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.}

Vösyas'kon kn. 1909 — Vösyas'kon kniga. Molitvennik na votskom yazyke. Glazovskoe narechie / Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva. 4-e izd. Kazan': Tsentral'naya tip., 1909. {Prayer book in Votsk language. Glazov dialect. Orthodox Missionary Society. 4th ed. Kazan: Central typ., 1909.}

Wiedemann 1858 — F. J. Wiedemann. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache. In: Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Péterbourg 1858. S. 240—256.

Zinder, Stroeva 1965 — L. R. Zinder, T. V. Stroeva. Istoricheskaya fonetika nemetskogo yazyka: Posobie dlya stud. ped. in-tov i un-tov. Moskva; Leningrad: Prosveshchenie, 1965. {Historical phonetics of the German language: A manual for students. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie, 1965.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
01.01.2024

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

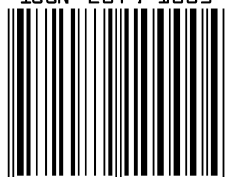
Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
01.01.2024

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >